

ПАМЯТЬ ГРОЗОВЫХ ЛЕТ

II-9

ПАМЯТЬ ГРОЗОВЫХ ЛЕТ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1979

Составители
Ф. И. БУРИЛОВ, Н. В. МАСОЛОВ

Литературную запись воспоминаний партизан сделали журналисты *Федор Бурилов, Ионна Корнеева, Дмитрий Кормушкин, Борис Лапченко, Николай Масолов*

9(C)277

II $\frac{10604-93}{M172(03)-79}$ 33-78. 1602030000

© Издательство «Московский рабочий», 1979 г.

Мы шли по улицам села Орехово, что в 30 километрах от Ржева. Шли, растревоженные разговором в ремонтной мастерской совхоза. В одном из ее помещений встретились механизаторы и бывшие калининские партизаны. Рассказывали и гости и хозяева. Сегодняшние дела поверялись подвигом народным в Великую Отечественную...

Нас ждали в школе. Впереди, слева от дороги, виднелась березовая роща. Лев Владимирович Фирсов, работавший тогда директором совхоза, неожиданно сказал:

— А вот березы наши воюют и по сей день.— И, видимо поняв наше недоумение, пояснил: — Ореховские поля в дни военного лихолетья были ареной жесточайших боев. Роща чудом уцелела, но могучие березы полны осколков. И не бывает грозы, чтобы молния не ударила в рощу. Мы трудимся, а березы на себя огонь принимают.

— Воюет еще и память народа,— отвечая каким-то своим мыслям,— тихо проговорил Дмитрий Александрович Халтурин, в прошлом партизанский комбриг.— Память тревожная и благодарная, память раскаленных лет...

Эта память и привела нас в те дни на многострадальную землю Ржева. Дважды в год бывшие калининские партизаны собираются вместе. Один раз в первое воскресенье июля у истоков Синеи, где на лесной поляне высится курган Дружбы — памятник совместной борьбы народных мстителей Белоруссии, Латвии, России. Второй «большой сбор» бывает в ноябре — в день гибели секретаря Пеновского подпольного райкома комсомола Героя Советского Союза Елизаветы Ивановны Чайкиной. На предприятиях, в колхозах и совхозах, школах проходят тогда «уроки мужества».

Подвиг народных мстителей увековечен в экспозициях музея, посвящего имя легендарной партизанской Чайки.

О нем повествуют уникальные экспонаты Себежского музея, а также недавно открытого музея партизанской славы в деревне Пожне Торопецкого района. По следам героев народной войны в тылу врага ежегодно идут тысячи красных следопытов. Юность берет на вооружение боевую славу отцов.

Легко дышится в наши дни на берегах Верхней Волги и Великой, Западной Двины и Синеи — там, где громили калининские партизаны в годы войны фашистские гарнизоны, уничтожали оккупантов из засад, вели опасную подпольную работу. Давно исчезла из отчего дома скверна фашистского нашествия, но победа наша не постареет и через многие десятки лет. Великая Отечественная длилась четыре года, но по напряженности, концентрированности духовно-эмоциональной она — целая эпоха. Память о ней — это память-завещание, память-долг.

С этих позиций и написана данная книга. В воспоминаниях ветеранов партизанского движения, в очерках о героях разведки и подполья главное, к чему мы стремились, — достоверность, осмысленный факт, показ истоков великого человеческого деяния — подвига. Книга не претендует на освещение всех страниц мужественной борьбы калининских партизан и подпольщиков. Летопись их славных дел должна быть и будет продолжена.

ЛОВАТЬ В ОГНЕ

Меня, как и многих великолучан, весть о вторжении на нашу землю фашистских армий настигла в полдень 22 июня. Добрая половина жителей Великих Лук находилась в городском саду и на стадионе — начался большой спортивный праздник. В те ошеломляющие секунды, когда раздалось слово «война», я прогуливался около беговой дорожки в спортивной форме, довольный — уложился в установленное время для получения значка ГТО второй ступени. Нормы сдавала не только молодежь, но и люди постарше годами, в том числе и мы — работники Великолукского райкома партии.

Многие из нас носили тогда значок ГТО — «Готов к труду и обороне». Мы были уверены: враг получит в ближайшие дни сокрушительный отпор и будет отброшен за государственную границу. И мы делали все возможное, чтобы так и было. В городе и в районе быстро и организованно проходила мобилизация военнообязанных, на военный лад перестраивалась работа промышленных предприятий и учреждений.

Но вот прошла неделя, и в сводках с фронта появилось «Островское направление», «Район города Себежа». Это означало, что фашистские войска уже ведут бой на территории нашей Калининской области и соседней Ленинградской. Минуло еще три дня, и репродукторы разнесли над Ловатью слова: «Граждане, воздушная тревога!»

В первой половине июля 1941 года наш райком партии во главе с первым секретарем Александром Дмитриевичем Макаровым превратился в своеобразный штаб. К Великим Лукам стягивались отступавшие разрозненные подразделения Красной Армии. Сюда стекался и поток беженцев

из Прибалтики, из самых западных районов Калининской области. Райком видел свой долг в оказании всем им все-сторонней помощи. Вскоре к этому прибавились и эвакуационные заботы.

Представляя, как опасны на великолукских коммуникациях диверсии фашистских десантов, мы своевременно создали группы истребителей из тех граждан, которые не подлежали мобилизации. В 30 сельсоветах района взяли оружие в руки для охраны объектов, имевших военное значение, около 1500 человек. Вместе с бойцами истребительного отряда Липецкого сельсовета 17 июля я принял боевое крещение. Сначала мы попали под сильный минометный огонь врага. Отлежались в канавах, по страху натерпелись. Затем уже у самого города нарвались на группу фашистских разведчиков. Мои товарищи не растерялись: мы первыми открыли огонь и вынудили гитлеровцев отступить. Были рады. Кто-то, помнится, удовлетворенно воскликнул:

— Не так страшен черт, как его малюют!

В этом, конечно, была доля правды. Но насколько силен и жесток враг, мы все-таки в те дни еще не представляли.

18 июля фашисты ворвались в город, но дальше не продвинулись. И более того — через два дня они были выбиты из Великих Лук. В этих боях плечом к плечу с красноармейцами сражались и великолукские ополченцы. Ими командовали лектор горкома партии бригадный комиссар запаса Ф. Н. Муромцев и секретарь горкома М. П. Ермолович.

Около пятидесяти часов пробыли фашисты на улицах Великих Лук, но успели за это короткое время показать свое звериное нутро. Они носились по городу на мотоциклах и вели огонь по окнам домов, в госпитале расстреляли тяжелораненых красноармейцев и великолучан, которых не удалось вывезти при отступлении наших войск. Убит был и врач, делавший в это время операцию...

22 июля мы хоронили воинов, погибших в боях, и жителей города, ставших жертвами оккупантов. Погибли и мои родные: дядя — Матвей Коношенков, двоюродный брат Михаила. У моего товарища Евгения Кузмичева гитлеровцы убили маленького сынишку... На митинге у братской могилы на площади Ленина и воины, и мы, великолучане, клялись победить или умереть.

Кавалерийский партизанский

Так назывался отряд, один из первых в Калининской области, в котором я стал комиссаром. Сформировали его 10 июля 1941 года в присутствии представителей 22-й армии и Калининского обкома партии. Отбирали неторопливо, тщательно. Поначалу в отряде было 40 всадников. Каждый третий — коммунист. Командиром был утвержден Андрей Дорофеевич Петров — председатель Сидоровщинского сельского Совета.

Воевали мы в первоначальном составе до конца сентября. Действовали в основном в своем и соседнем Новоскольническом районах, на большаках и проселках, у железных дорог, нередко и вблизи Великих Лук, которые в конце августа были опять захвачены гитлеровцами.

Храню я, как драгоценную реликвию, дневничок первого года войны. Небольшой, размером 10 на 15 сантиметров, в светло-желтой обложке. Записи делал короткие, о самом существенном, не каждый день. Был он всегда со мной. Прятал я его в специальном кармане, подшитом внутри гимнастерки. Доставалось мне — доставалось и дневничку. Не раз он промокал от дождей, снега, пота. Теперь пожелтевшие листы его надламываются, выпадают, но служат добрым подспорьем памяти.

Скупые записи (беру их не подряд) — своего рода летопись боевых дел отряда:

«25 июля... На дорогах деревень Овсищи и Сопки обстреляли грузовую машину и две небольшие группы немецких солдат. На поле осталось 7 фашистов. Эти завоеватели окончили свой марш на восток».

«30 июля. Совершили смелый палет на отряд немецких велосипедистов на дороге Перекалье — Сидоровщина. Убито 16 солдат и 2 немецких офицера... Достались трофеи: 15 велосипедов, несколько десятков винтовок, пистолетов, тесаков, ленты с патронами, компасы. Хладнокровно и отважно дрался Леонтий Алексеевич Лукин».

«11 августа. Группа партизан-подрывников под командованием Михаила Ивановича Тихомирова удачно подобралась и взорвала мост на шоссе на дороге Великие Луки — Ленинград в районе деревни Заболотье и мост через реку Насва в районе деревни Устье. Заодно в нескольких местах порвали связь противника».

«24 августа... Напали на немецкий штаб в деревне Чер-

ное. Захвачена штабная машина с важными документами, которые переданы в штаб нашей 22-й армии... Подстерегли на дороге карательный отряд. Внезапно из засады открыли по гитлеровцам огонь. Во время боя нам на помощь пришла группа красноармейцев. Разбили грузовую автомашину и захватили 2 мотоцикла...»

«16 сентября. Сегодня в отряде большая радость. После длительного и настойчивого труда ночью удалось (собранным детекторным приемником) поймать передачу из столицы нашей Родины Москвы. Слышали знакомый голос диктора Центрального радио, читающего вечернее сообщение Советского информбюро. В нем, в частности, говорилось: «С первых дней вторжения немецко-фашистских полчищ на территорию западной части Калининской области тысячи рабочих, колхозников, учителей, агрономов, советских служащих ушли в партизанские отряды. В Великолукском районе партизанский отряд, организованный председателем сельсовета товарищем П., напал на группу солдат, грабивших крестьян деревни Тулубьево...»

Это про нас. Рады мы были безмерно. Значит, знают в Москве про нашу лепту в разгром врага. А дело было так. Отряд стоял в лесу вблизи деревни Печно. Два подростка — ученики Тулубьевской школы — прибежали к месту нашей стоянки и, перебивая друг друга, сообщили:

— Немцы в деревне!

— Скот отбирают!

— На машинах!

— Офицер с ними злощий. Плеткой стегает всех подряд.

Командир подал команду:

— По коням!

Помчались к Тулубьеву и две наши тачанки — гордость отряда. Кони быстро домчали партизан до деревни. Грабители уже собрались в обратный путь, но одна из машин увязла в раскисшей дороге на окраине деревни. Командир наш спешил бойцов и положил в засаду на пригорке. Здесь и настигла гитлеровцев партизанская кара. Спаслись немногие.

На другой день фашисты опять появились в Тулубьеве. Было их много. Думали нас в деревне накрыть, но наш след давно, как говорится, простыл. Нашелся выродок, выдал юного разведчика Колю Богданова. Фашисты зверски убили смелого мальчика.

Арестовали каратели и Петра Ивановича Иванова —

участника гражданской войны. Для острастки жителей решили его расстрелять. Вывели на огород и приказали:
— Копайт свой могил!

Иванов в ответ ни слова: взял лопату и неторопливо начал рыть яму. День был жаркий. Солнце так и палит. Разомлели палачи — отошли в тень поближе к дому. Около Иванова остался один солдат. Стоит, покуривает, посмеивается, а Иванов знай себе копает. На секунду отвернулся солдат, и страшный удар лопатой свалил его на свежий песок. Спасся Петр Иванович, хотя вслед ему гремело много выстрелов.

О другом бое нашего отряда в августе свидетельствует один из документов архива Министерства обороны СССР. Это донесение начальника политотдела 22-й армии бригадного комиссара Шевченко в Политуправление Западного фронта. В нем записано дословно следующее:

«17.8.41 г. в 19 часов у деревни Тулубьево-Устье в Великолукском районе группа партизан Петрова сделала палат совместно с конным взводом 366-го стрелкового полка на отряд немцев, в результате убито и ранено 70 фашистов, уничтожено 2 автомашины, захвачен 1 мотоцикл, 1 уничтожен, захвачено 2 ПТ орудия, 140 снарядов к ним, 30 винтовок, штабные документы, в числе которых найдена характеристика на командира партизанского отряда Петрова, медикаменты, 6 фотоаппаратов, обмундирование, плащ-палатки».

В августе — сентябре отряд тесно взаимодействовал с частями 22-й армии, особенно с подразделениями 366-го стрелкового полка. Нередко было так: партизаны вступали в бой с гитлеровцами — им помогали красноармейцы, вели бой красноармейцы — спешили на помощь партизаны. Такие бои всегда заканчивались разгромом врага с большими для него потерями.

Во второй половине сентября разведотдел 22-й армии направил в наш отряд группу разведчиков-радиотов (старшим у них был А. А. Ситков) и просил нас усилить сбор разведывательной информации. Мы выполнили просьбу армейцев. В стан врага пошли М. И. Тихомиров, А. И. Воронов, И. А. Мартынов, Л. А. Лукин, И. А. Цыпалев, А. Г. Прокофьев, И. П. Смирнов, Г. С. Воронов, Е. И. Поляков, К. Г. Борунов, А. А. Ляне, П. Г. Щербаков.

Постоянно велась нами разведка на станциях и разъездах железнодорожного треугольника, образуемого городами Новосокольники — Великие Луки — Невель. По дан-

ным наших разведчиков С. П. Архипова и других, краснозвездные самолеты бомбили скопления вражеских эшелонов на станциях Чернозем, Воробецкая.

Смелой разведчицей стала молодая учительница Вера Ивановна Куниц (ныне Кравченко), которая первой проникла в оккупированные Великие Луки. Она собрала данные о местонахождении складов горючего и боеприпасов, узнала примерную численность гарнизона, встретила с Колпаковым — одним из активных подпольщиков города. После возвращения Куниц мы послали туда Алексея Шутенкова и Ивана Иванова. Они сделали проходы в проводочном ограждении у лагеря военнопленных и помогли спастись от неминуемой смерти нескольким заключенным.

Беззаветные герои

В комсомольские годы (незадолго до войны я был секретарем райкома комсомола) одной из любимых наших песен был «Марш красной кавалерии». Там есть такие слова: «...Мы — беззаветные герои все, и вся-то наша жизнь есть борьба». С гордостью вспоминаю я сейчас своих боевых товарищей. Большинство из них можно назвать беззаветными героями. Смыслом жизни их с 22 июня 1941 года стала непримиримая борьба с немецко-фашистскими оккупантами.

Многие пали в этой борьбе. Тяжело терять друзей. Нелегко и писать об этом: все что-то остается невысказанным, недоговоренным. Давно покоится в могилах прах павших в бою Ивана Цыпалева, Федора Федорова, Леонида Лукина, а они передо мной сейчас как живые, помню их в походе, в засаде, в беседе у неяркого партизанского костра.

Беззаветно боролись патриоты с лютым врагом, мужественно вели себя и перед лицом смерти. Связная отряда Настя Дроздова хотела предупредить нас о карателях, прибывших в деревню Хоружево, но в лесу ее задержали гитлеровцы. Один из полицаяев сказал предводителю карателей, что видел Дроздову среди партизан.

— Поведешь нас в лагерь Петрова, — приказал офицер, — иначе расстрел.

— Хорошо. Поведу, — не раздумывая, согласилась Настя.

И завела их в дремучий бор, в противоположную сторону от базы отряда. Позже мне рассказывали, как каратели мучили раненую Дроздову, склоняя девушку к

предательству. Почерневшая от побоев, окровавленная вся, она бросала в лицо палачей:

— Убивайте! Ничего не скажу! Комсомольцы Родной не торгуют!

Память воскрешает... Конец 1939 года. В одной из комнат Великолукского райкома ВЛКСМ идет заседание бюро. На повестке — прием в комсомол. Перед нами, смущенно теребя рукав кофточки, стоит выпускница Марьинской школы. Очень волнуется, на вопросы отвечает тихо, но уверенно.

— Дроздова, а какая самая священная обязанность комсомольца? — спрашивает один из членов бюро.

Настенька поднимает глаза:

— Родину защищать, беречь, как мать родную...

Гитлеровцы расстреляли Настеньку. Убили ее отца и мать, уничтожили всю семью Дроздовых.

Был в нашем отряде человек, о котором вскоре стали слагать легенды. Коммунист, один из организаторов первых колхозов, Семен Арсентьевич Арсентьев имел весьма преклонный возраст — за 60 ему перевалило, но, легкий на погу, знавший досконально и лесные и болотные тропы и тропки, он оказался незаменимым проводником. Десятки разведывательных и спецгрупп — армейских и партизанских — переправил он через линию фронта. Знали его армейские разведчики и партизаны под именем деда Симана. А гитлеровцы его называли дед Симон. Коменданты Новосокельников, Насвы и Локни сулили за голову Арсентьева награду: большую сумму денег и хутор. А он посмеивался над вражескими посулами и, становясь во главе новой группы, перебрасываемой в глубокий тыл фашистских войск, неизменно изрекал:

— Ну, а чертов мост мы перейдем, как говорил Суворов.

Под «чертовым мостом» дед Симан подразумевал узкий, им самим найденный проход сквозь боевые порядки переднего края врага. Под внешней чужаковатостью у него скрывалось хорошее знание местности, повадок охраны железной дороги, тактики патрулей.

Во второй половине сентября 1941 года увеличился поток груженых военной техникой поездов в направлении на Ленинград. Мы с командиром решили подорвать большой железнодорожный мост через реку Насву. Подрывников повели Арсентьев и Тимофеев. Несколько суток охрана не давала никакой возможности нашим товарищам приблизиться к объекту диверсии. Мост ночью все время

освещался ракетами, пути подхода к нему обстреливались через каждые десять — пятнадцать минут.

И все же наш дед Симан и на этом участке нашел «чертов мост». Пока часть партизан вела отвлекающий бой, он провел подрывников по «коридору» между огнем двух пулеметов. Ширина его не превышала десяти метров. Мост взлетел на воздух. Движение по дороге Новосokolьники — Ленинград прекратилось на несколько суток.

Был и такой случай. Вел Арсентьев группу армейских разведчиков Яковлева из-за линии фронта к своим. У станции Насва обстановка за время отсутствия разведчиков изменилась, и группа нарвалась на крупную засаду. Стали прорываться. Яковлев был ранен в грудь разрывной пулей. Семен Арсентьевич вытащил командира из-под яростного огня и доставил на партизанскую базу.

Легендарный проводник умер в возрасте 80 лет. До последнего дня он трудился на освобожденной от фашистской нечисти новосokolьнической земле.

Успехи отряда и в боях, и в разведывательной деятельности для армейских штабов неизменно связывались с именем нашего командира. Андрей Дорофеевич Петров был редкостным человеком: смелость в нем сочеталась с рассудительностью, требовательность с душевностью, боевой опыт (он участвовал в гражданской войне) с желанием и умением учиться партизанским методам войны. Лучшего командира и желать было нельзя. Не случайно Петров в числе первых калининских партизан удостоился правительственной награды еще летом 1941 года.

Считая удары из засад вернейшей тактикой для летучих небольших отрядов, Андрей Дорофеевич пробовал (и весьма удачно) партизанские силы и в налетах на гарнизоны врага. Так, в сентябре после тщательной разведки он повел часть нашего отряда в ночной налет на гарнизон полустанка Киселевичи, охранявший хорошо замаскированные склады боеприпасов. Штурмовые группы партизан одновременно напали на часовых у склада и на охрану железнодорожного моста. Сигналом к налету послужил взрыв здания полустанка, дерзко осуществленный Василием Андреевым.

Огненная грива пожара прорезала крошечную тьму ненастной ночи. Взрывы были хорошо слышны на станции Насва и в городе Новосokolьники. Фашисты всполошились. Комендант Насвы, решив, что партизаны овладели Киселевичами, приказал открыть артиллерийский огонь

по полустанку. Наши бойцы со стороны наблюдали, как гитлеровцы добивали своих и разрушали то, что не успели за молниеносный налет уничтожить наши штурмовые группы.

Вместе с Андреем Дорофеевичем были в отряде и его юные сыновья Игорь и Александр. Находчивые, смелые ребята, все в отца. В 1943 году Игорь, находясь в отряде Мартынова, погиб, прикрывая пулеметным огнем отход товарищей. Александр после окончания войны учился, стал кадровым военным.

Мужу и сыновьям помогала во всем Марфа Ивановна Петрова. Гитлеровцы приказали группе полицаев во главе с агентом по кличке Киргиз уничтожить мужественную женщину. Ее выследили и схватили. После пыток решили сжечь живьем. Навалив на связанную Марфу Ивановну кучу соломы, каратели подожгли ее и отправились пьянствовать. К счастью, солома внизу оказалась сырой, Петровой удалось выбраться из-под нее и бежать.

...Зима в тот год наступила рано. Во второй половине октября уже валил снег, густо и крупно. Нам в это время штабом армии был разрешен выход в советский тыл для небольшого отдыха и переформирования. Шли в направлении к Пено. Канун праздника Великого Октября застал нас в деревне Новинки. Вместе с ее жителями слушали радио Москвы. Сил поприбавилось.

7 ноября 1941 года колонна партизан (с нами выходили за линию фронта и остатки других отрядов) вступила в деревню Периловку. В разгар митинга появился командир радистов Александр Ситков. Он принес радиogramму — поздравление Военного совета фронта с праздником. Когда его зачитали, раздалось громкое «ура». А наш лихой проводник дед Симан громко воскликнул:

— Жив Октябрь! И власть наша Советская жива и будет жить!

СОЛДАТЫ «ЛЕСНОГО ГЕНЕРАЛА»

Июль обычно приходил на Витебщину в молочном разливе тумана по утрам, с терпким запахом разнотравья под вылинявшим от жары небом. В такую пору народу в деревне, своего и приезжего, пруд пруди. Косари еще задолго до полудня выжимают седьмой пот на рубахах. Ребятишки, как и полагается, мокнут в речках и озерах. А стемнеет, у какой-нибудь завалинки начинается веселая топотуха под неизменную гармонку.

Но тот памятный июль, когда небо Родины затмили тучи фашистских самолетов, изменил все казавшееся устоявшимся и привычным. Не звенели на лугах косы. Не пела гармонь на околице. В сердцах моих односельчан поселились боль от разлуки с близкими, взятыми в действующую армию, страхи, вызванные рассказами беженцев о фашистских зверствах. Желая узнать последние новости, люди шли по вечерам к зданию Заборского сельского Совета. Завивались в кольца струйки махорочного дыма. Недоуменно спрашивали старики:

- Неужто и Минск взят?
- Правда ли, что Псков пал?
- Как же так допустили?

Нам, сельским комсомольцам, было нелегко отвечать на такие вопросы. Отвечали как могли. Сами бодрились. Дел у нас появлялось с каждым днем все больше и больше: посменно дежурили у сельсоветского телефона, по сигналу тревоги, вооружившись мелкокалиберками и дробовиками, прочесывали в поисках диверсантов кустарники и болота, работали до изнеможения на рытье противотанковых рвов.

А потом все будто оборвалось. Замолчал телефон. Где-то стороной прогремела артиллерийская канонада. А 15 июля обухом по голове весть: фашисты в Невеле.

Деревни нашего Заборского сельсовета Россонского района Белоруссии граничили с селениями Невельского района Калининской области. Хотя в нашем Авсюкове и в соседнем Заборье гитлеровцы еще не появились, но мы уже волею судьбы оказались в тылу вражеских полчищ.

Что делать? Первое, что пришло на ум, — вооружиться. Началась «охота» за оружием. Вскоре у меня и моих друзей Ивана Лопатко, Жоры Ворохобова, Михаила и Ивана Герасимовичей появились винтовки, гранаты, топографические карты, компасы. А Миша Иванов и Василий Петрович где-то раздобыли исправный станковый пулемет «максим».

В те неясные, смутные дни прошел по деревням слух: в лесах под Невелем целая воинская часть укрывается, командует ею генерал храбрости отчаянной. Под своим контролем красноармейцы несколько дорог держат, гитлеровцам спуску не дают. Находились даже очевидцы — своими глазами генерала видели.

— Вот бы нам к ним податься, — мечтательно говорил Ваня Лопатко, — небось генерал не стал бы, как райвоенком, тебя про возраст расспрашивать.

Я соглашался с Иваном. Однажды вблизи деревни мы увидели двух военных. Шли они смело, за плечами у них поблескивали новенькие винтовки. Мы подошли. Иван предложил:

— Товарищи, если хотите переодеться в гражданское, поможем. А винтовки ваши можно на наганы поменять.

Незнакомцы посмотрели на нас подозрительно, и один из них спросил:

— Вы что, ребята, умом тронулись?

Мы растерялись. А военные напирают:

— А вы сами-то кто будете?

— Комсомольцы, честное слово, комсомольцы! — горячо сказал я.

— Ну, тогда другое дело, — улыбнулся красноармеец, который, по всему видно, был за старшего. — Я тоже комсомолец, Борис Федотов. Будем знакомы. А пожаловали мы к вам в деревню неспроста. У нас красноармейский партизанский отряд.

— Это где генерал командиром? — перебил Иван.

— Генерал не генерал, — усмехнулся Федотов, — а командир строгий. Помогите нам сегодня продукты достать. Я доложу командиру, и он разрешит, очевидно, к нам наведываться.

Нагрузили в тот раз мы своих новых знакомых до отказа. А через неделю, 24 августа, мы с Иваном были в лагере партизан на хуторе Парамки. Добирались туда окольными дорогами, глухими лесными тропами. У самого лагеря оконфузились. Нам был дан пароль, который следовало пазвать девушке в указанном месте. А мы вместо этого ей целый допрос учинили, допытывались, где партизаны. Девушка исчезла. Мы двинулись к речке, где наткнулись на дозорных. Наши невнятные объяснения они слушать не стали. Старший изрек:

— Что-то не нравитесь вы мне, голуби. Придется задержать вас до выяснения.

Но тут появилась бежавшая от нас девушка и с ней двое военных в добротной форме командиров Красной Армии. Девушка показала на нас рукой:

— Лазутчики. Очевидно, фашисты из Невеля подослали. Про отряд расспрашивали.

Выручил подошедший Федотов. Козырнув, он доложил:

— Товарищ политрук, это белорусские комсомольцы, которых вы приказали вызвать.

— Политрук Пенкин,— протянул нам руку командир.— Что же вы паролем не воспользовались? Привыкайте, товарищи, к конспирации.

Вместе с партизанами мы пришли в хорошо сохранившийся пятистенный дом, стоявший сразу за неширокой речкой. Здесь выложили свои подарки — несколько пачек «Казбека». Пенкин и командиры, находившиеся в штабе, очень обрадовались: курева тогда в отряде не было.

Пенкин дотошно расспросил меня и Ивана о настроении в деревне, попросил на карте показать, где в нашем сельсовете гитлеровцы остановились на постой, какие и где на большаке имеются мосты. В заключение сказал:

— Получайте, хлопцы, первое боевое задание. Организуйте небольшую диверсионную группу — раз. Разведайте обстановку у Краснопольского моста — два. Постарайтесь узнать, где спрятаны колхозные автомашины,— три.

Домой не шли — летели. Мы знали: теперь каждый наш шаг будет связан с целенаправленной борьбой против оккупантов. Нам понравился строгий порядок в отряде. В штаб часто приходили младшие командиры и докладывали Пенкину о выполнении боевых заданий — чувствовалось, жизнь у партизан напряженная.

15 июля фашисты оккупировали Невель, 16 июля про-

гремели первые партизанские выстрелы на дорогах к городу. Основное внимание уделялось дорогам. Чкаловцы (на собрании партизаны-красноармейцы решили так себя именовать) минировали дороги в направлении на Полоцк, Себеж и, что особенно важно, на Ленинградском шоссе у поселков Таланкино, Руда, Усть-Долыссы.

Основание отряду положили две небольшие группы красноармейцев, оставленных для выполнения специального задания в тылу наступавших фашистских войск. Одной группой командовал воентехник 1-го ранга Виктор Александрович Паутов, другой — политрук Сергей Дмитриевич Пенкин. Выполнив задания, группы не могли соединиться со своей частью, остались на оккупированной территории, объединились в отряд и начали партизанить.

Отряд вначале дислоцировался в лесу возле деревни Большие Залог, потом на хуторе Парамки Невельского района, а позже у белорусской деревушки Лоево. Сюда стали стекаться военнослужащие, оставшиеся по тем или иным причинам на оккупированной территории. Из Россоновского района с тремя товарищами прибыл начальник отделения милиции железнодорожной станции Россоно Суворов. С группой в двенадцать человек присоединился к отряду раненый лейтенант Дмитрий Худяков. Зарницы по ночам от взрывов на дорогах, народная молва о смелых налетах партизан на вражеские объекты помогли найти чкаловцев сержанту-зенитчику Сергею Лебедеву, младшим лейтенантам Крылову и Липнягову, лейтенантам Синяшкину и Утеву, бежавшему из плена старшему лейтенанту Логинову, бойцу Коммунистического полка Москвы Павлу Акимовичу Кумриди.

В августе 1941 года в списках личного состава отряда числилось 170 бойцов и командиров, хорошо вооруженных, обстрелянных в боях, беспредельно преданных Родине. Были здесь и опытные саперы, и пулеметчики, и разведчики. А вот генерала в списках не значилось. Его создала народная молва.

Активная боевая деятельность чкаловцев способствовала созданию подпольных групп в деревнях Невельского района и в белорусских селениях Баканиха, Шерстово, Покотино, Локти, Межегость и Астратенки. Расширяла свои ряды и наша авсюково-заборская группа. Задание Пенкина нами было выполнено.

31 августа 1941 года по инициативе парторганизации отряда было проведено подпольное партийное собрание

отрядных и местных сельских коммунистов совместно с комсомольцами. По конспиративным соображениям оно состоялось не в деревне Лоево, как намечалось раньше, а на заброшенном хуторе Дубровница, в сохранившемся большом сарае. На лесных дорогах, в дальних окрестностях хутора, были выставлены пикеты, которые направляли прибывших товарищей к месту сбора, переправляли через речку Ущанку на лодке. На возможных подходах к хутору находились секреты с ручными пулеметами.

Автору этих строк, участнику собрания, тогда юному комсомольцу, оно запомнилось на всю жизнь... Присутствовало несколько десятков человек. Были представители от партийных и комсомольских организаций трех районов — Невельского, Россонского и Полоцкого.

Сначала собрание заслушало сообщения местных коммунистов об обстановке в оккупированных деревнях. Затем с кратким докладом о задачах по развитию партизанской борьбы выступил командир отряда С. Д. Пенкин. В заключение собрание утвердило текст листовки с обращением штаба отряда к населению. Листовка призывала:

«...Организуйте партизанские отряды и уничтожайте гитлеровских офицеров и солдат, их вооружение, их транспорт, мосты, дороги. Не слушайте фашистских указаний... Хлеб убирайте, делите между собой и прячьте... Верьте в победу Красной Армии и в могучую силу советского народа!»

После собрания отрядные саперы провели с нами, комсомольцами и молодежью, краткий инструктаж по использованию минно-подрывных средств. Вскоре мне, Ворохову и Лопатко довелось участвовать вместе с чкаловцами в операции по взрыву моста в Краснополе. Мост находился на шоссе Полоцк — Невель. Движение здесь было оживленным, и гитлеровцы в деревне держали большую охрану. Мы наблюдали за ней. 9 сентября фашисты снялись и отправились в Дретунь, а замена замешкалась. 76-метровый мост на какое-то время остался без присмотра. Лопатко на лошади верхом поскакал в Парамки.

Группу подрывников возглавил заместитель командира отряда Паутов. Мы торопились, и не зря. Часовых у моста еще не было. Пустовали и казармы. Видимо, охрана решила заночевать в Дретуни... В третьем часу ночи мощный взрыв потряс Краснополе.

Утром гитлеровцы организовали поиск нашей группы. В деревне Заборье, где мы остановились на некоторое вре-

мя, каратели погнали всех мужчин к крутому берегу озера, якобы на расстрел. Навели автоматы на ни в чем не повинных людей, требовали указать помощников «лесного генерала». Никто никого не выдал.

Боевой счет отряда рос. 19 сентября на партизанских минах подорвался автоприцеп, транспортируемый семеркой лошадей-тяжеловозов. Взрыв уничтожил зенитную установку, два миномета и боеприпасы к ним. Погибло два десятка вражеских солдат. 21 сентября был уничтожен немецкий танк. 29 сентября на воздух взлетел железнодорожный мост около станции Силково.

В конце октября чкаловцы неожиданно исчезли из наших мест. Фашистская комендатура в Невеле распустила слух о гибели отряда. Но борьба против немецко-фашистских захватчиков продолжалась. На Невельщине, в Россоновском районе, под Полоцком и Идрицей развернули боевые действия другие отряды калининских и белорусских партизан.

Гитлеровцам удалось схватить многих помощников «лесного генерала». Были расстреляны хозяйка хутора Парамки Лукерья Ивановна Поряднева и невельская учительница Прасковья Никитична Химкова, на площади в Полоцке повешен Владимир Васильевич Петроченко. Чудом спасся от гибели мой друг Иван Лопатко, попавший в руки карателей. Гибли одни, на смену им приходили другие советские патриоты.

* * *

Какова же дальнейшая судьба красноармейского партизанского отряда имени Чкалова, его отважных бойцов и командиров? Долгие годы после войны мне ничего не удавалось узнать о них. Но вот однажды в последних известиях по радио я услышал, что в составе делегации Российской Федерации, которая приняла участие в торжествах в Киеве по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией, было названо имя Ивана Ивановича Сергунина. Подумалось: неужели это тот Сергунин, что слыл одним из искуснейших подрывников у чкаловцев? В Новгород срочно полетело письмо. И вот долгожданный ответ: да, это он.

Потом была волнующая встреча с Иваном Ивановичем, секретарем обкома партии. Он рассказал: отряд ушел в октябре 1941 года к линии фронта, где встретился с рей-

дирующей Второй особой партизанской бригадой разведотдела штаба Северо-Западного фронта. В ее составе отряд прошел сотни километров по заневолениной земле, дрался с врагом на берегах Ловати и Великой, под Пустошкой и Опочкой. Сергей Дмитриевич Пенкин умер в тылу врага. Дожили до дня победы Паутов, Кумриди, Худяков...

А недавно я побывал в местах, где встретил впервые солдат «лесного генерала». На высоком холме на берегу живописного озера Язно высится открытый всем ветрам памятник. На нем высечена скромная надпись: «14—15 июля 1941 года в этих местах был сформирован партизанский отряд имени Чкалова».

Чкаловцы! С гордостью говорю: я знал их.

ЗА НАШЕ ПРАВОЕ ДЕЛО

Помню, 21 июня актив города Торопца смотрел в районном Доме культуры премьеру спектакля нашего самодеятельного театрального коллектива по пьесе Н. Погодина «Падь серебряная». Постановку разбирали долго. Спорили о достоинствах и недостатках спектакля.

Рано утром 22-го я зашел в райком посмотреть сводку. В колхозах района шел сенокос. Известно, что деревня в страдную пору по воскресеньям не отдыхает. И мне, тогда секретарю райкома, хотелось проехать по хозяйствам, поговорить с людьми, поработать вместе с ними. Неожиданно раздался телефонный звонок. Звонили из обкома партии: предупредили, чтобы я никуда не отлучался и вызвал в райком членов бюро. Повеяло тревогой...

В полдень по радио мы услышали сообщение правительства о том, что фашистская Германия напала на нашу Родину. Не буду описывать всего, что происходило у нас в тот день. Наверное, он везде был, в общем-то, одинаков. Сразу же с площади, от репродукторов торопчане устремились к военкомату. Просьба и желание у всех были одни: «Отправьте в бой!» В первую неделю войны Торопец послал на фронт более 2 тысяч военнообязанных. Кроме того, райвоенкомат направил в действующую армию добровольцами 408 женщин.

Райком партии перестраивал работу на военный лад. В городе были созданы отряд противовоздушной обороны, санитарный и истребительный батальоны. Последний вскоре вступил в дело — на железнодорожной станции Мартиново уничтожил сброшенных с самолета диверсантов. Затем наши истребители во главе с заместителем командира секретарем райкома партии Ф. П. Бухарковым вели бой против вражеского десанта под городом Белым (в то время Смоленская, ныне Калининская область), участвова-

ли в сражении за поселок Плоскошь — центр бывшего тогда Плоскошского района. Поселок дважды переходил из рук в руки.

Враг приближался. 22 августа мы созвали бюро райкома партии. В городе и районе заканчивалась эвакуация на восток основных материальных ценностей. Отправлялись последние гурты колхозного скота, тракторы МТС. Вопрос на бюро стоял один: создание партизанского отряда.

Командиром отряда был утвержден кадровый военный А. П. Климов. Его прислал к нам штаб Северо-Западного фронта. Комиссаром — пишущий эти строки. Начальником штаба — председатель исполкома райсовета Н. С. Семенов. В состав отряда вошли все члены бюро райкома партии.

Мы приняли в отряд 60 человек. Опыта у нас, естественно, не было. Даже от тех, кого намечали взять в отряд, порой приходилось слышать: «А что может сделать горстка людей с винтовками против вооруженных до зубов оккупантов, коль их не могла остановить армия?» Решили брать только самых надежных. Потом убедились, что поступили правильно. Отряд стал боеспособным. А после первых удачных боев вырос почти вдвое, пополняясь за счет местного населения. Но это было после. А тогда...

С тяжелым чувством покидали мы город. Где-то в душе все еще теплилась надежда: а вдруг удастся остановить врага здесь, под Торопцем?

Возле МТС мы дважды обстреляли прорвавшуюся к городу вражескую разведку. Основная часть отряда ушла на партизанскую базу к лесному озеру Должье. В городе осталась лишь оперативная группа. Оружия у нас было мало, в основном то, что имелось в истребительном батальоне, — два ручных пулемета, винтовки. Мы решили добыть оружие в боях за город вместе с войсками Красной Армии. Частично нам это удалось.

Когда стало ясно, что враг овладеет городом, мы вместе с военными подорвали на железнодорожной станции стрелки и крестовины. На прощание командир подрывной группы подарил мне новенький автомат ППД. Военные отступали к Андреаполю. Мы ушли в лес, на запад. Это было 29 августа 1941 года.

Партизанскую базу у озера Должье было поручено создать заведующему организационным отделом райкома партии А. Ф. Афанасьеву и заведующему военным отделом (были тогда в райкомах и такие отделы) А. К. Пиль-

фу. Они сделали все, что требовалось. Но уже при первых столкновениях с противником мы поняли, что место выбрано нами неудачно. В 10 километрах от базы — город, занятый врагом. База почти просматривается с основного большака Торопец — Холм. И неудивительно, что оккупанты вскоре обнаружили ее и накрыли минометным огнем. На наше счастье, на базе в то время никого не было.

Пришлось срочно перебазироваться. Местом новой стоянки выбрали глухие леса в районе деревень Пожня, Заболотье, Малаши, Подolino, Зайцево. Через эти леса проходил Чистовский большак. Сейчас, со строительством новых асфальтовых дорог, он стал обыкновенным проселком, потерял свое значение. А тогда по нему шло интенсивное движение. Большак этот напрямую связывал Торопец с соседним районным центром Сережино, откуда шел путь на Андреаполь, Пено и далее к фронту. Здесь, на Чистовском большаке, мы и устроили первую крупную засаду — 31 августа, на второй день после захвата фашистами Торопца. Нам хотелось сразу же показать, что город и район не сдались, продолжают бороться.

Вместе с группой в составе Н. К. Капралова, З. Ш. Рывкина, Ю. Я. Бояринова, П. Ф. Никитина, И. Н. Горбунова, О. Е. Ельцова, В. В. Васильева, В. Н. Никонова и других бойцов я и командир отряда Климов открыто, не таясь вышли на большак. Высокий, черноволосый, в военной форме, Климов походил на героя гражданской войны. Кто-то из товарищей сказал:

— Кого нам бояться! Мы у себя дома, на своей земле. Пусть боятся оккупанты.

Потом мы, правда, убедились, что осторожность партизану нужна не меньше, чем смелость. Но тогда об этом мало кто из нас думал.

Засаду устроили в таком месте, где большак круто, почти под прямым углом, поворачивал в лес. Разбились на две группы. Одна засела на пригорке, в мелком ельнике, возле дороги. Вторая с двумя ручными пулеметами выдвинулась за поворот, в густолесье. Условились, что первая группа без выстрелов пропустит фашистов, а когда вторая из лесу откроет огонь, неожиданно нападет с тыла. Самый молодой боец отряда Дмитрий Струев забрался на дерево.

Лес был полон жизни. На деревьях всюю хозяйничали дятлы. В листве, еще непожелтелой, раздавался перезвон птичьих голосов. И казалось, что нет войны, что все мы

пришли сюда отдохнуть, насладиться лесным воздухом. ...Струев просигналил: «Едут мотоциклисты. Около 30 машин». Командир послал связного во вторую группу, чтобы там приготовились к бою.

Первыми на дороге показались велосипедисты. Наш сигнальщик ошибся, принял их издали за мотоциклистов. Но за велосипедистами действительно двигались солдаты на мотоциклах. Ехали без страха, о чем-то переговаривались на ходу. Вооружены гитлеровцы были намного лучше нас. У велосипедистов на ремнях «шмайссеры», на мотоциклах — пулеметы.

Как было условлено, первая группа пропустила колонну без выстрела. Велосипедисты втянулись в лес, за поворот, и тут спереди по ним разом ударили оба наших пулемета. В колонне раздались взрывы гранат, брошенных с дерева Струевым. Мотоциклисты попытались развернуться. Но их встретил прицельный огонь с тыла. Отовсюду раздавались выстрелы, летели гранаты. Бой длился минут пятнадцать, а нам показался одной яростной секундой. Гитлеровцы были сражены партизанскими пулями.

Когда выстрелы на большаке стихли, мы повыскакивали на дорогу, принялись разбивать уцелевшие машины. В азарте позабыли об осторожности и чуть не поплатились за это. К счастью, наш сигнальщик успел предупредить нас о появлении на большаке солдат. Двигалась большая колонна фашистов. Она открыла огонь из минометов и орудий. Мы едва успели скрыться в лесу. Обошлось без потерь. Но группы отошли в разные стороны. Место для отхода заранее не было определено. Отряд разделился на три части.

Соединиться оказалось не так просто. Осень стояла сухая. Все дороги были проезжими. И в первые дни оккупации района фашистская армия лавиной двигалась по всем проселкам и большакам. Выходить на них в открытую, тем более маленькими разрозненными группами было очень опасно. Соединиться мы смогли только через две недели после боя.

Позже из бесед с жителями Чистовского сельсовета мы узнали: оккупанты приняли наш отряд за окруженное в лесу подразделение бойцов Красной Армии. Так они объяснили свои потери. Что ж! Нам нужна была не слава. Нужно было убедиться, что фашистов можно бить и с нашими силами.

Болью в сердце отозвались первые потери. Погиб, вы-

полняя боевое задание, партизан Юрий Бояринов. Фашисты схватили В. М. Евграфьева и А. П. Ларионова, оставленных в Торопце с задачей узнать, как сложится обстановка в городе в первые дни оккупации, какой гарнизон останется для его охраны. Василий Минаевич и Артемий Панкратьевич выполнили задание, но при выходе из города были задержаны. У них нашли оружие. Фашисты пытали Евграфьева и Ларионова, добивались, чтобы они сказали, кто и зачем оставил их в городе, где скрывается штаб партизан. Патриоты не выдали тайны.

23 сентября их повели на центральную площадь города, на казнь. Вешали на дубу, что рос возле здания Госбанка. На площадь согнали много народу. Офицер комендатуры через переводчика сказал Ларионову:

— Укажи, где партизаны, будешь жить.

— Смерть фашистам! — с петлей на шее крикнул Ларионов.

— Да здравствует Советская власть! — бросил в лицо палачам Евграфьев.

Отряд продолжал поддерживать связь с городом. Партизан В. К. Орлов часто пробирался в оккупированный Торопец, где у него оставались две дочери. Через них мы узнавали о событиях в городе, о действиях оккупантов. Однажды Орлову удалось установить, что в Лужницкий сельсовет на автомашине в сопровождении солдат выезжает крупный чиновник ортскомендатуры. Мы выслали на эту дорогу засаду. Автомашина была сожжена, гитлеровцы уничтожены.

Не раз по заданию командования отряда ходила в оккупированный город партизанка Е. М. Маркова. Уже перед освобождением Торопца, в январе 1942 года, она была схвачена фашистской охраной. Семь дней ее держали без пищи и воды в холодной церкви. На восьмой день ей удалось бежать. Смелая женщина вернулась в отряд и принесла ценные сведения, которые мы сразу же передали лыжникам 249-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии.

От наших связных мы узнали о казни П. Н. Добрынкина и И. Т. Львова. Коммунист Павел Николаевич Добрынкин до войны был слесарем на Торопецком льнозаводе. Когда в город пришли фашисты, он отказался на них работать. Его повели на площадь к виселице, потребовали: «Отрекись от партии». Добрынкин ответил: «Нет! Не отрекись. И работать на вашего Гитлера не буду...» Его повесили и тут же вынули из петли. И опять предложили:

«Отрекись — будешь жить». Он трижды ответил: «Нет!»

Я и сейчас мысленно представляю, как стоял этот человек перед палачами, перед всей фашистской сворой. Безоружный, он был сильнее врага. Потому что был коммунистом, верил в победу нашего правого дела.

Железнодорожника И. Т. Львова оккупанты привели на станцию под конвоем. Заставили:

— Работайте!..

Он не стал возражать. Но вскоре фашистские поезда из Торопца перестали доходить до станций назначения. Отказывали рукава тормозных систем, в тендерах с углем стали находить мины, в бумажках обнаруживался песок. Фашисты выследили Львова. Связанного, привезли домой. На глазах у семьи подвесили на проволоке к потолку. Стали бить его больную мать, жену, мучить сына Витю — грудного ребенка.

— Скажи, кто тебе помогал? — спрашивал все время офицер-гестаповец.

Львов не назвал палачам ни одного имени.

Гневом, жгучей ненавистью наполнились сердца бойцов отряда, когда мы узнали о садистской расправе с нашими товарищами. Все рвались в бой. Мы устроили засаду на большаке Торопец — Холм, в глухом лесу между селами Крест и Пожня. Неизменный сигнальщик Струев передал с дерева: «Вижу крытый грузовик. Впереди разведка на мотоциклах».

— Значит, везут что-то важное, — сказал командир.

И не ошибся. Мы пропустили разведку и открыли огонь по грузовику зажигательными пулями. Мотоциклисты, услышав выстрелы, прибавили газу и скрылись. Грузовик загорелся. Из него, яростно отстреливаясь, стали высккивать гитлеровцы в офицерской форме. Грузовик оказался штабным. К сожалению, нам не удалось захватить документы. Они сгорели вместе с машиной. Зато 22 фашиста навсегда остались лежать в пожнянской земле.

В этом и других боях особенно отличились партизаны И. М. Павлов, Т. С. Жаринов, Д. С. Струев, А. К. Пильф, К. Д. Рейскарт, Н. К. Капралов, Ф. Р. Виноградов, В. К. Орлов. Храбро сражались и наши женщины-партизанки Эмилия Садаль, Елизавета Маркова, Мария Сергеева.

Самому старшему в отряде Федору Романовичу Виноградову было 70 лет.

— Пока есть в руках сила, а глаза видят, буду бить проклятых гитлеров, — поклялся он, принимая оружие.

Как-то в лесу мы нашли брошенный гитлеровцами тол: небольшие цилиндрики с дырками для капсулей. Здесь же, в отдельном мешочке, были капсули. Богатством этим сразу же завладел Виноградов. Целый день он «мороковал» над ним в землянке, а к вечеру положил передо мной и Климовым безобидный с виду деревянный ящичек.

— Видал, комиссар, шкатулочку? Давайте мне самых смелых. Надо проверить.

Смелые в попутчики Федору Романовичу, конечно, нашлись. Вернулись они к утру. А днем на одной из лесных дорог мы услышали взрыв. Посланные туда разведчики доложили: подорвалась вражеская автомашина. Федор Романович улыбался в свои запорожские усы:

— Подкинули фрицу шкатулку.

Много фашистских машин и повозок подорвалось на «шкатулках» Виноградова. С их помощью в бывшей усадьбе деревни Савино был подорван вражеский склад с авиабомбами и снарядами.

Отряд рос. В первые дни боев из деревень Мишково и Ватолиха к нам пришли колхозники П. Н. Веселов, Р. И. Илларионов. Появились помощники у нас в деревне Подолино, Зайцево, Заболотье, Малаши, Шейно. В деревне Подолино нужно было найти явочную квартиру. В отряде воевал Логин Афанасьевич Макаров, председатель местного колхоза. Он предложил:

— Пойдемте к моей Павловне.

Я заколебался. Надо ли подвергать ее риску? Ведь фашисты и так охотятся за семьями руководителей. Но Евгения Павловна сама разыскала нас и предложила помощь. У Макаровых была дочь полутора лет Альвина и двое сыновей — Иван и Алексей. Ивану шел восемнадцатый, Алексею — пятнадцатый год. Его мы звали Ленею. Братья стали нашими разведчиками и связными. Иван весь в отца, серьезный. А Ленею мать охарактеризовала сама:

— Он у меня глесткий.

По-местному это означало находчивый, сообразительный, проворный. Вскоре мы убедились в этом сами. В Подолине отряд оставил своих лошадей. На базе не было конюшни. К тому же лошади могли выдать нас своим ржанием. А они нам были нужны для конной разведки и перевозок. И вот однажды в Подолино нагрянули гитлеровские фашисты и потребовали лошадей. Пока они ходили

по дворам, «глётский» Леня схватил шапку в охапку и, недолго думая, угнал партизанских лошадей в лес.

Братья Макаровы ходили в разведку в самые опасные места и всегда возвращались с нужными сведениями. Старший, Иван, сразу после освобождения Торопца от оккупантов ушел в действующую армию. Алексей (ему не хватало лет) попал в ее ряды только в 1944 году. Оба разведчика погибли на фронте.

Ходила в разведку и сама Евгения Павловна. Возьмет на руки Альвину и пойдет по деревням узнавать, не видел ли кто ее сыновей, запропастились, мол, куда-то. У ее сестры, Таисии Павловны Богаченковой, тоже было два сына — Александр и Николай, ровесники братьев Макаровых. И они стали в ряды народных мстителей.

Макаровы, Богаченковы, Наталья Семеновна Медведева и другие колхозницы ходили в разведку, возили зерно на мельницу в село Бельково, пекли для отряда хлеб, стирали наше белье, лечили раненых. Они знали, что за помощь партизанам им грозит смерть, но до самого последнего дня, когда в январе 1942 года мы с лыжниками 249-й стрелковой бригады 4-й ударной армии ушли освобождать Торопец от врага, продолжали помогать нам всем чем могли.

Годы все дальше отодвигают прошлое. А память не стынет. Я побывал в Торопце, когда город отмечал свое 900-летие. На празднике встретил Н. С. Семенова, И. М. Павлова — бывших наших партизан. И все ожило в памяти, будто это было не тридцать с лишним лет назад, а вчера, только вчера.

Иным стал Торопец за эти годы. Появились новые улицы, новые кварталы. Растет город — строит дома, заводы. И лишь по-прежнему также неспешно течет по торопецкой земле река Торопа. Удивительный здесь край! Не счесть, сколько ручьев и речек выбегает из его лесных озер. Добша, Смата, Окча, Завля, Полонейка, Лубянка, Плавка, Полховский ручей, Сертик, Волкова, Иванова, Красная речка...

Пять месяцев вели мы смертный бой с фашистами за наше правое дело. Но так же, как великие реки образуются из ручейков, крепла с каждым днем в то суровое время освободительная мощь советской Родины.

«ВЕРЬТЕ В ПОБЕДУ!»

Вечно в песнях
молодости смелой
Будет Лиза Чайкина
жива.

А. Сурков

Мы ехали по Болгарии. Дорога крутой спиралью накручивалась на софийскую гору Витоша. Автобус взбирался к ее вершине. И вдруг остановился у необычного знака, на котором были начертаны чьи-то имена. Мы вышли из машины. Гид — уже немолодая женщина, веселая, улыбочивая, — как-то сразу переменялась: лицо посуровело, глаза затуманились, голос дрогнул:

— На этом месте погибли мои товарищи. Мы прорубали дорогу в скалах. Это было вскоре после изгнания фашистов. Строители узнали о подвиге русской комсомолки Лизы Чайкиной и поклялись так же служить родине, как Чайка. Отряд Марии Никовой так и назывался «Чайка». В отряде было 60 девушек. С высоких вершин спускали они по крутым склонам каменные глыбы...

Туристы притихли. Гид продолжала рассказ. А я стоял пораженный... Вот куда залетела наша Чайка! Из кладовой памяти возникла, вольная как ветер, мелодия песни «Чайка смело пролетела над седой волной...» Нет! У нашей Чайки полет смелее, дальше. Ее крылатое имя перелетело через моря и горы.

А начался этот полет в тихом озерном крае, в небольшой верхневоляжской деревушке с романтическим названием Руно. В тех святых для русского человека местах бьет из земли чистый хрустальный родник. Это колыбель великой Волги. Так же чиста была жизнь Лизы.

Потом, пройдя через суровые испытания и выдержав их, она станет легендарной Чайкой. О ней напишут поэмы, сложат песни. Там, где училась она писать первые слова в школьной тетрадке и где под дулами фашистских автоматов произнесла слова последние, будет воздвигнут бронзовый памятник. Людское половодье захлестнет узкую улочку в поселке Пено в тот день, когда небольшой

бревенчатый дом превратится в музей Лизы Чайкиной. В нем каждый предмет — частичка ее жизни, вдохновенного труда, героической борьбы.

Бесстрашная Чайка... Какой же помнится она здесь, на родной земле? Какие сокровенные струны души отзываются на это имя у тех, кто знал ее, работал рядом, сражался?

Вот бежит она утренними улицами родного села, весело размахивая холщовой сумочкой, набитой книжками. От дома до школы — не ближний свет, но быстроногая девушка будто и не замечает этих километров. И прибегает в класс первой. И, пока не прозвенел звонок, расскажет своим сверстникам про новую книжку, что была прочитана сегодня за ночь. И так расскажет, что заслушаются ребята и прозевают звонок. На уроках первая тянет руку. Отвечает точно, уверенно. Нелюбимых предметов у нее нет.

Такой запомнилась она учителю географии Пеновской средней школы Евдокии Георгиевне Кудрявцевой.

Трудно жили Чайкины. Деревня в конце двадцатых — начале тридцатых годов вливалась в русло новой, колхозной жизни. В молодых колхозах много было неустроенного, требующего больших усилий, борьбы. Так что баловать Лизу родным не приходилось. Да она и сама рано повзрослела. Закончила четыре класса — пошла работать. Все делать умела: и рожь жать, и лен таскать, и боронить поле. Первой в своей деревне в 1933 году стала членом Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Как радовалась Лиза, когда через год стала заведовать Залесской избой-читальней! Это была ее стихия. Вскоре неказистая деревенская изба стала самым популярным местом в селе, настоящим штабом молодежи. Районная газета «Ленинский ударник» в статье «Работать так, как залесские комсомольцы» писала в январе 1938 года: «Кто в Залесском сельсовете не знает Лизу Чайкину, эту веселую, боевую девушку! Знают все колхозники, от детей до стариков. Знают и уважают ее. Ежедневно она в колхозах. То читает газеты с колхозниками, то беседы проводит».

«Где мысль сильна — там дело полно силы». Как замечательно подходят эти шекспировские слова к Лизе-избачу, к Лизе — вожаку пеновских комсомольцев. Стремление поделиться с людьми тем, что знаешь сама, увлечь

своей горячей убежденностью молодежь на работу жаркую, на дела хорошие — стало призванием Чайкиной. А пламенное слово — оружием.

Вспоминает бывший секретарь первичной комсомольской организации Пеновского поселкового Совета Анастасия Николаевна Барсукова:

«Лизу трудно было застать в райкоме комсомола днем. Она часто уходила в комсомольские организации пешком. А если по пути встретит кого-либо из колхозников, обязательно остановится, поговорит с ним. Как-то весной 1940 года мы с Лизой шли в деревни Залесского сельсовета. На поле колхоза «Красная милиция» увидели двух женщин, которые собирали камни с клеверищ. Лиза предложила подойти к ним, побеседовать. Я удивилась и сказала:

— Что ты, их-то всего двое, а нас ждут многие.

Лиза посмотрела на меня неодобрительно и сказала:

— Запомни, Ася, и один человек — аудитория, тем более что колхозники этого сельсовета редко бывают в райцентре.

Когда мы уходили, женщины очень благодарили нас за внимание...».

В довоенные годы профессия тракториста среди женщин не была широко распространенной. Лиза учится водить трактор. В памяти бывшего секретаря Пеновского райкома партии А. К. Филимонова остался интересный эпизод, ярко характеризующий вожака пеновской комсомолки. Они возвращались вдвоем из поездки по району. Остановились в деревне Починки. Разговорились с колхозниками, и те пожаловались на плохую работу машинно-тракторной станции. Лиза немедленно направилась в бригаду. Стоял теплый солнечный день, а трактористы сидели у жарко полыхавшего костра.

— От безделья замерзли, что ли? — сказала Чайкина строго, без обычной своей улыбки.

Парни смутились. Лиза подошла к машинам, осмотрела их. Два трактора действительно нуждались в ремонте, а когда вылезла из-под третьего, весело сказала ребятам:

— А ну заводите!

Долго потом подсмеивались однопосельчане над незадачливыми трактористами — расспрашивали, как их уму-разуму девушка учила. Отшучивались парни:

— Так это ж Елизавета Ивановна. Она все может.

Жизнь в комсомольских организациях района, по вы-

ражению поэта, была настоящей боевой бучей. Каждый день заполняли интересные и нужные дела. Колесила по району группа «легкой кавалерии», проверяя готовность к полевым работам. В праздничные дни звенел молодыми голосами сосновый бор. Проходили соревнования по стрельбе, волейболу, легкой атлетике. У Лизы на все хватало времени: выступить на хозяйственном активе, сходить в дальнюю деревню помочь молодому секретарю ячейки, написать статью в газету, побеседовать с учениками родной школы. А ночами долго не гас свет в ее окошке: Лиза сидела за книгой.

Спрашивали подруги:

— Когда же ты спишь? Может, у тебя бессонница?

— Вот буду знать больше своих комсомольцев, — отвечала с улыбкой Лиза, — тогда и сон придет, и спать буду крепко.

— Чайкина выделялась и среди нас, таких же, как и она, секретарей райкома. Чем? — Сергей Андреевич Бобылев, генерал-лейтенант, крупный политработник в годы войны, секретарь Селижаровского РК ВЛКСМ в конце тридцатых годов, задумывается и сам отвечает на поставленный им же вопрос: — Знаете, есть такое понятие — чудесный сплав. Оно полностью применимо к нашей Лизе. Простота. Деловитость. Душевность. Непримириемость. Страстность. Преданность. Такими качествами в той или иной мере обладали многие комсомольские работники тех лет. В Чайкиной все это было гармонично слито воедино. Да, да, именно — чудесный сплав!

Она вручала комсомольские билеты ребятам школы ФЗО на одной из железнодорожных станций, когда неожиданно послышались тревожные позывные сигналы радио. Война!

Лиза вышла из-за стола, обвела пристальным взглядом растерявшихся ребят.

— Дорогие друзья! — голос ее зазвучал твердо, уверенно. — В эту минуту оборвалось наше счастье. Вы стали комсомольцами в тяжелый для Родины день. Поздравляю всех вас и прошу: дорожите этим званием. В борьбе с врагом потребуются ваши силы. Верьте в победу! Верьте...

В те суровые летние дни Лиза не знала ни часа покоя. Райком стал боевым штабом пеновской молодежи. Комсо-

мольцы создавали ударные отряды по уборке урожая, оборудовали два госпиталя, организовали военную учебу. «Учусь стрелять из винтовки, бросаю гранату не хуже ребят, скоро доберусь и до пулемета», — писала Лиза своей подруге Барсуковой.

Раскроем малоизвестную страницу биографии Лизы. Ей было доверено ответственнейшее дело: отбирать людей для работы в тылу врага далеко за линией фронта. Выбор Чайкиной был точен. Она знала людей не по анкетам и потому могла твердо сказать: этот не подведет. И ни один из рекомендованных ею комсомольцев не подвел своего секретаря.

— Вот идешь, бывало, по улице оккупированного города, а тебе навстречу гестаповец. Не смотрит, а всю ощупывает глазами. Сердце так и замирает. В такие минуты я всегда вспоминала напутственные слова Чайкиной: «Как бы страшно ни было, помни, Верочка, ты по своей, пусть временно и захваченной, земле идешь. Выше голову! Тверже взгляд!» И помогало, здорово помогало! И еще запомнились слова Лизы: «Можно без многого прожить, но без правды, как без воздуха, минуты не проживешь. Береги в себе нашу правду!»

Так говорила, вспоминая Чайку, бывшая разведчица Вера Бочарова (ныне Милютина) на слете калининских партизан в день тридцатилетия гибели Лизы. Хранит в своей памяти последнюю встречу с Чайкиной и ее «благословение» в разведку Александра Обоева (Шагурина), отважный разведчик 22-й армии...

Фашисты вторглись на территорию Пеновского района. Чайкина была в тот день в деревне Горовастиче.

Вспоминает местная жительница М. И. Ершова:

«Ровно в 10 часов нас пригласили на собрание в дом Смирновых. Елизавета Ивановна Чайкина сказала нам, что немецкие войска подходят к нашей местности, что Красная Армия временно отступает. Елизавета Ивановна призывала нас уничтожать фашистов, рассказывала о зверствах оккупантов и кончила свою речь так: «Не теряйте веру в победу!» Уходя, Елизавета Ивановна прощалась с нами, как с близкими».

В час дня Чайкина покинула село, а в три часа гитлеровцы были уже в Пено. Лиза все-таки успела забежать матери. Обняла ее и сказала ласково:

— Проводи меня, мама.

— Куда же ты теперь, доченька? — сквозь слезы спро-

сила Акси́ния Проко́фьевна, хотя и знала, что ответит дочь.

— В партизаны, в лес. Ты не беспокойся обо мне. Все будет хорошо. А фашистов мы скоро разобьем и снова будем жить счастливо.

Вдвоем дошли до пристани. Не выдержала Акси́нья Проко́фьевна, заплакала. Протягивая трясущейся рукой сверток, сказала:

— Пирожков тебе на дорогу испекла, какие ты любишь...

Ранним утром 7 ноября 1941 года партизаны Пенковского отряда давали клятву беспощадно бороться с врагом. Чайкина поставила подпись под документом-присягой одной из первых.

Лиза не взрывала вражеских эшелонов, не проникала в фашистские штабы. Ее подвиг в другом. Ежечасно рискуя жизнью, она несла советским людям, оказавшимся в оккупации, слово правды, которое в ту пору было таким же разящим оружием, как граната и автомат.

...Мрак огромного бора. Ноябрь, а морозы январские. Могучие ели в инее. Стоят не шелохнутся, будто часовые в маскировочных халатах. Еле заметная тропка выводит Лизу на знакомую дорогу. Когда-то она в избу-читальню этой дорогой бегала, а потом приезжала на собрание, оседлав старенький велосипед. Сколько людей встречалось тогда на пути! И почти каждого знала она. А сейчас словно вымерли деревни. И только выстрелы вспугивают тишину: немецкие патрули палят от страха.

Хутор Красное Покатище. Лиза уверена: Маруся Куророва ждет ее. Должно быть, предупредила всех. И точно, собираются в избу люди. Узнав Чайкину, радуются:

— Пришла, Лизавета Ивановна.

— Как там, на фронте, Лизанька? Неужто супостат Москву занял?

— Враг рвется к Москве, — говорит Лиза, глядя людям в глаза. — Это верно. Но Красная Армия бьет фашистов с каждым днем все сильнее. Не видать им нашей столицы! Вот последняя сводка с фронта. Послушайте...

Слушают люди, и теплеет у них на душе. Ведь это Чайкина говорит, а ее здесь хорошо знают, ей верят.

— Скоро опять приду, — говорит Лиза, прощаясь.

И опять заснеженный лес. И опять встреча с земляками. И так от деревни к деревне, от хутора к хутору.

В отряде Чайкина была рядовым бойцом, но остава-

дась первым секретарем райкома комсомола. И он действовал. 19 комсомольских групп вели подпольную работу, помогали партизанам, занимались разведкой. И стекались ручейками в штаб ценные сведения о вражеских гарнизонах, о передвижении войск и складах боеприпасов. Пламя партизанской войны разгоралось. В районах Верхневолжья начала рейдировать Вторая особая бригада штаба Северо-Западного фронта. Она координировала действия Пеновского и других отрядов.

Как-то комиссар отряда Яков Ефимович Шевелев сказал Лизе:

— Ты смотри, поосторожней. Ведь тебя здесь каждый знает. Так и до беды недалеко.

— Вот и хорошо, что знают, знакомиться не надо, — улыбнулась Лиза.

Однажды, возвращаясь с задания, Чайкина наткнулась на патруль.

— Документы! — приказал фельдфебель.

Лиза не спеша полезла в карман и, неожиданно выхватив пистолет, застрелила обоих фашистов. Но с этого дня она стала осторожней.

В середине ноября в отряде появились газеты с докладом И. В. Сталина о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Чайкина немедленно отправилась в путь. В каждой деревне ее приход был настоящим праздником. От первой до последней строчки доклад дышал уверенностью в силе народа, зажигал сердца. Горячо, страстно Лиза рассказывала о параде на Красной площади, о боевых делах своих товарищей-партизан. За несколько дней Чайкина обошла 17 деревень. 22 ноября добралась до хутора Красное Покатище, зашла к Марусе Купоровой. Верная подруга расцеловала Лизу, усадила за стол.

— Умаялась, наверно, ведь сколько прошагала-то.

Лиза засмеялась:

— Эх, Марусенька, родненькая ты моя. Устала я, конечно, но знаешь, как это здорово приходить к людям с такими добрыми вестями, как сегодня. Лучше всякого подарка. Вот переночую у тебя, а утречком — дальше.

— А с нашими поговоришь?

— Обязательно.

Но поговорить ей уже не пришлось. Не видела Лиза, когда шла к Марусе, как бывший кулак Тимофей Колосов по-волчьи помчался с доносом к гитлеровцам.

Фашисты ворвались в избу, застрелили Марусю, ее мать и брата, а Лизу, полураздетую и избитую, вывели на дорогу. Ледяные тиски схватили надбровья. Ветер метал в лицо снежную крупу. Лиза шла молча...

Молчала она и на допросе в Пено. Истерично кричал офицер-гестаповец:

— Ты кто такая?

— Кто дал тебе газету?

Ее повели на берег Волги, к старой водокачке. Поставили у стенки.

— Ну теперь скажешь, кто ты? — спросил палач в военном мундире.

Лиза молчала. Ведь и молчание — оружие.

— Кто знает ее? — обратился офицер к согнанным к водокачке людям.

Все узнали Лизу, но никто не проронил ни слова. И вдруг сквозь толпу протиснулась известная в поселке пьянчужка и распутница Иришка Круглова.

— Чайкина это, главная комсомолка, — прохрипела она.

Фашисты подняли автоматы. И тогда Лиза, распрямившись, крикнула:

— За Родину! За народ!

Автоматные очереди не успели заглушить первые за весь страшный день и последние в жизни Чайки слова. И они, словно птицы, взлетели над замерзшей Волгой, над поселком, над стоящими в скорбном и гневном молчании людьми...

СИЛА НЕПРЕОБОРИМАЯ

Страницы газеты «Правда» далеких грозных лет. Каждая строчка — дыхание войны. Номер от 13 февраля 1942 года. Корреспонденция Бориса Полевого. Лаконичный рассказ о партизанах андреапольских лесов, о советских патриотах, не сломленных бурей фашистского нашествия.

В другом номере «Правды» сообщалось уже о том, как красноармейцы освобождали Андреаполь, как помогали им мы, партизаны, о радостной встрече жителей города с воинами Калининского фронта.

Дорогие строчки. Они впервые рассказали людям о нашей борьбе в тылу врага, как бы подытожили нашу полугодовую жизнь в андреапольских лесах. Перечитываешь их, листая в памяти минувшее, и невольно тянется рука к дневнику военной поры. Сохранился он у меня. Тетрадь общая в темно-красной обложке. На листках следы водоподтека, некоторые буквы расплылись... Сохранился, а ведь случалось, что и зарывал его под елью.

Первая запись:

«29 августа. Вчера вечером звонил секретарь Торопецкого райкома партии тов. Исаков, сообщил, что немцы обстреливают Торопец...»

Это было написано еще в райкомовском кабинете. Ночью. Под звуки отдаленного, но все нарастающего грохота канонады. А утром гитлеровцы вторглись и в наш район.

Были ли мы готовы к борьбе с фашистами в условиях оккупации края?

И да и нет. Нет — потому что об оккупации в первые дни войны никто не помышлял и срок на подготовку, отведенный ходом событий, оказался слишком малым. Да —

потому что андреапольцы сделали все, что было в их силах и возможностях. Одни помогали частям Красной Армии сооружать окопы, блиндажи и дзоты. Другие угоняли на восток общественный скот. Третьи вывозили сельскохозяйственные машины и наиболее ценное промышленное оборудование. Успели мы эвакуировать и часть населения, прежде всего детей. Отправили в Калинин архивы и текущую документацию райкома ВКП(б), исполкома райсовета, прокуратуры, суда и других учреждений.

С чрезвычайной ответственностью райком партии взялся за выполнение указаний ЦК ВКП(б) об организации на оккупированной территории подполья и партизанского движения. Людей в районе мы знали сравнительно хорошо, особенно актив. Но одно дело работать в мирных условиях, и совсем другое — в тылу жестокого и коварного врага, тем более что специфику нелегальной партийной работы знали лишь по учебникам истории, литературным произведениям да кинофильмам.

Основными принципами отбора в подполье были надежность товарищей и добровольность. Беседовали с каждым индивидуально, предупреждали о трудностях и опасностях. Если товарищ соглашался — излагали ему суть задания, требовали запомнить пароль, места явок, формы связи. И только после этого, как говорится, благословляли на святое дело. На место будущей деятельности отобранных отправляли до захвата населенного пункта фашистами, снабжая каждого вымышленной биографией — «легендой».

Быстро сформировали партизанский отряд. Первыми его бойцами стали председатель райисполкома П. М. Бугаев, заведующий финотделом М. Н. Семенов, начальник электростанции М. И. Ойя, работник Осоавиахима Н. С. Степанов, милиционер П. Ф. Капустин, председатель райплана Н. Д. Дорофеев, секретарь райкома комсомола В. М. Соловьев, учителя И. И. Капустников и А. П. Тихомиров, инструктор райкома партии А. П. Иванова, директор райпромкомбината Я. К. Кириллов, председатель сельского Совета Г. Е. Ефимов, директор лесхоза В. А. Андреев, радист Вячеслав Рачко, маляр А. Л. Персин и другие товарищи. Всего первоначально было зачислено в партизанский отряд 80 человек.

Командиром отряда утвердили секретаря партийной организации райпромкомбината Ивана Максимовича Круглова. Человек волевой. На слова скуп, в делах решителен.

И самое главное — имеет боевой опыт: сражался на фронте в дни советско-финляндской войны, награжден орденом Красной Звезды. Не преувеличу, если скажу: орден на груди командира имел магическое действие на бойцов. В командира верили безгранично, приказы его выполняли без колебаний.

Успели мы создать и партизанские базы — главную и запасную. В лесных чащобах построили землянки, складские помещения и даже крестьянскую баню. В несколько почей свезли туда продовольствие, оружие, ящики с патронами и необходимое хозяйственное имущество. Отряд перебрался в лес заранее, а вечером 30 августа ушли туда и члены бюро райкома партии, в том числе секретари П. И. Кочанов, М. Т. Михайлов. Председатель райисполкома Бугаев и я покинули районный центр последними. Над городом полыхало уже пламя пожаров.

Ворвавшись в Андреаполь, гитлеровцы учинили повальный грабёж. Для устрашения повесили несколько человек, первых попавшихся им на глаза. На другой день в городе разместились ортскомендатура, через неделю отделение тайной полевой полиции, стали останавливаться части и подразделения регулярных войск. Противостоять этим силам мы, естественно, не могли и на первых порах ограничивались разведкой и мелкими диверсиями.

Наши партизанские ряды ежедневно пополнялись. Пришел машинист известкового завода Н. И. Краснов. Его знал второй секретарь райкома Кочанов. Удивленно спросил:

— Зачем пожаловали, Никанор Иванович?

Старый рабочий нахмурил седые брови, с обидой ответил:

— Как это зачем, Павел Иванович? Хочу бить супостата-гитлерюгу!

— Годы у вас не те, — продолжал гнуть свою линию Кочанов, — как-никак за шестьдесят перевалило.

— Рано вы меня в старики определили. Берите в отряд. Не уйду я никуда отсюда, — подвел итог разговору Краснов.

Взяли, конечно. И не пожалели.

Вечером дежурный по лагерю вновь докладывает:

— Товарищ комиссар, тут еще прибыли.

— Кто такие?

— Колхозники. Говорят, к самому секретарю райкома дело имеют.

— Веди, коли так.

Входят в землянку несколько человек во главе с Н. Д. Перовским. И требуют: дайте оружие или в отряд принимайте.

Как-то Круглову доложили о задержании в лесу группы ребят, разыскивающих партизан. Иван Максимович нахмурился, помолчал и распорядился:

— Пусть с ними комиссар разбирается.

Выхожу к ребятам. Они построились перед штабной землянкой, как заправские бойцы. Это были ученики нашей городской средней школы Коля Веселов, Вася Сутугин, Миша Чухнов и курчавый крупнолицый Афанасий Шавров (так-таки по-взрослому и назвался: Афанасий!). Долго бродили они по лесам в поисках партизан. Усталые, голодные, ноги стерли до кровавых мозолей. Но держатся молодцевато. Для большей солидности значки комсомольские надели. Шавров переглянулся с дружками, выступил вперед и отрапортовал:

— Товарищ секретарь райкома! Мы прибыли воевать!

Ну разве можно было им отказать? Тоже зачислили в отряд. Ребята сражались храбро, хорошо проявили себя в разведке.

Отряд андреапольцев был типичным местным партизанским отрядом. Воевал он в основном в пределах своего района, состоял в большинстве из местных жителей. В этом была его сила (знание условий, обстановки), но это могло стать и слабостью отряда, если бы партизанское движение не выражало чаяний и надежд населения оккупированного края.

Тщетно сейчас различные фальсификаторы истории тужатся, пытаясь в своих «исследованиях» представить партизанскую борьбу в годы Великой Отечественной войны как навязанную населению коммунистами. Мы-то, партизаны, отлично помним всенародную поддержку наших больших и малых дел. Нам помогали старики, женщины и дети. Отщепенцев были единицы, преданных помощников — тысячи. О них можно рассказывать и рассказывать.

Один из сотни примеров в нашей округе. Рабочий Ключевского лесничества Смирнов ушел на фронт, а его жена Александра Андреевна, пожилая женщина, превратила их лесную сторожку в явочную квартиру для подпольщиков и связных нашего райкома. Рядом, можно сказать под бо-

ком, стояли подразделения гитлеровцев, а Смирнова смело собирала для нас сведения разведывательного характера, лечила в своем доме раненых партизан. Зная каждую лесную тропинку, была нашим проводником. В лесную сторожку партизаны приходили, как в родной дом.

Вспоминаю и колхозницу из деревни Заболотье Евдокию Павловну Смирнову. Муж ее, Яков Гаврилович, находился в нашем отряде. Сама она была связной, выпекала для партизан хлеб. Сигнализацию для нас придумали простую: висит на изгороди белая тряпка — в деревне фашисты, нет тряпицы — входи, партизан, уноси в лес свежеспеченные буханки.

Жандармы из ГФП арестовали Евдокию Павловну. Трое суток кормящую мать гитлеровцы жестоко избивали, требуя признания, что ее муж партизан. Не призналась Евдокия. Тогда ее привезли в деревню, предупредили: если хоть один человек скажет, что муж в партизанах, — будут расстреляны и она и младенец. Злобно порекомендовали: — Подумай о судьбе ребенка.

В ответ — молчание. Фашисты согнали на сходку жителей. Выстояла деревня! Как ни грозили жандармы — никто не выдал свою мужественную односельчанку.

Большой опасности подвергала себя учительница Ключевской начальной школы Татьяна Яковлевна Линнас. Она распространяла листовки подпольного райкома, предоставила свой дом для проведения собрания. В моем дневнике об этом собрании сохранилась запись от 2 декабря... Пришло очень много народу. Нас засыпали вопросами. Более часа я отвечал на них. Надо было видеть, как радовались люди, узнав о том, что Москва и Ленинград продолжают героически сражаться... Свой рассказ я закончил изложением задач населения района. Собрание закончилось поздно вечером. Люди долго не расходились. Приглашали нас отужинать вместе с ними. Просили чаще их навещать.

Подобные встречи с населением мы проводили довольно часто. Иногда в один день сразу в нескольких деревнях. В таких случаях на собрания отправлялись не только секретари подпольного райкома, но и председатель райисполкома Петр Мартынович Бугаев, секретарь райкома комсомола Василий Соловьев, командир отряда Иван Максимович Круглов.

Важную роль в нашей работе с населением сыграли листовки. Подпольный райком непрерывно занимался их

выпуском и распространением. При Политуправлении Калининского фронта находился инструктор обкома партии А. Д. Хрусталеv. Через него мы поддерживали связь с областным комитетом. С его же помощью приобретали все необходимое для печатания листовок.

По содержанию листовки писались самые различные, но всегда тематически направленные. В одних мы разоблачали неуклюжие измышления фашистов о разгроме Красной Армии, в других рассказывали о зверствах и грабежах, чинимых оккупантами. Когда стало известно, что оккупационные власти намереваются согнать население на расчистку от снега Торопецкого и Селижаровского большаков, мы оперативно выпустили листовку с призывом не идти на дорожные работы. Большинство граждан последовало нашему совету.

Крепко досаждали оккупантам наши листовки в самом Андреаполе. Днем солдаты ортскомендатуры вывешивают грозные приказы и распоряжения, а ночью подпольщики наклеивают на них листовки. Днем и вечером население читает: «... за неподчинение расстрел». А утром — «Смерть немецким оккупантам!»

Особо много листовок в городе распространяла Люся Морозова, бесстрашная девушка, пламенная комсомолка. В поселке Пестово их размножал и расклеивал Владимир Логинов. Гитлеровцы схватили его, зверски пытали. Он принял мученическую смерть, но нас не выдал.

Хочется рассказать еще об одном человеке — крестьянине Зуеве. У гитлеровцев он числился старостой деревни Гречишниково. Именно числился. На самом деле Зуев был нашим помощником. С его ведома в деревне часто останавливались на ночлег наши боевые группы. Зуев снабжал их всегда важными сведениями о намерениях оккупационных властей. После того как партизанами была разгромлена на большаке колонна вражеских автомашин, он предупредил односельчан: «Не сегодня-завтра пожалуют их благородия. Так вы того... рот — на замок!..»

Каратели нагрянули в Гречишниково. Пугая стариков и женщин расстрелом, они допытывались, были ли в деревне партизаны и куда они скрылись. Но в ответ только и слышали: «Знать не знаем! Видеть не видели!»

О месте нахождения нашего отряда знали жители и других деревень — Заболотья, Ключевого, Амосова, Захарьина, Селина. Сколько раз там бывали ищейки ГФП, но так ничего и не пронюхали. А когда фашисты случайно

напали на наш след и стали в деревне Прямушенки готовиться к налету на нашу базу, в отряд ночью прибежал деревенский посланец — предупредил. Мы ушли на запасную базу. Утром каратели вошли в лес и открыли шквальный огонь по... опустевшим землянкам.

Так уже с первых дней народной войны рядом с партизанами незримо становились многие и многие советские люди, оставшиеся на оккупированной территории. Непреоборимая сила советского патриотизма давала себя знать все больше и больше.

Боевая деятельность Андреапольского отряда, как я уже говорил, началась с мелких диверсий. Люди жаждали боя, открытой встречи с ненавистным врагом. Командир это, конечно, понимал и после тщательной подготовки повел группу в 15 человек в засаду. Ушел с ними и я.

Скрытно подошли мы к дороге, ведущей в деревню Козлово. Расположились в придорожных кустах. Ручной пулемет, винтовки и гранаты наготове. В лесу тихо. На душе двойко: тревожная настороженность и в то же время нетерпение — скорей бы уж показались на дороге фашисты. Наблюдаю за бойцами. Лежат не шевелясь. Сосредоточенны. Руки словно намертво прикипели к прикладам. Нервничают. Нет, думаю, так нельзя перенапрягаться. Вернемся на базу, нужно будет разъяснить всем, как и что...

На дороге показалась легковая автомашина. Когда она влетела в сектор засады, Круглов подал команду:

— Огонь!

Стрельба партизан порадовала — дружная, прицельная. Шофер круто повернул от дороги в сторону, автомобиль запрыгал в кустах и свалился в овраг. Кто-то воскликнул:

— А, гад, теперь не уйдешь!

Мы на радостях бросились следом за машиной, расстреляв в ней двух офицеров, водителя и одного солдата. Забрав их документы и оружие, подожгли автомобиль и вернулись на базу.

Операция, конечно, несложная. Для ее проведения достаточно двух опытных бойцов, а не пятнадцать, да еще во главе с самим командиром отряда. Но разговоров было! Возбужденных разговоров с фантазерской «присышкой». Круглов раздражался, а я говорил ему:

— Ладно, командир. Пусть отведут ребята душу, снимут нервное напряжение. Первая же операция! Да и тем, кто в ней не участвовал, интересно послушать.

На другой день наши подпольщики в Козлове сообщили: среди убитых офицеров — начальник гарнизона; подразделение охранных войск, узнав о его гибели, покинуло деревню. Значит, испугались. Значит, «непобедимые солдаты фюрера» могут запросто удирать, не узнав даже, какими силами располагает противник.

Вторую и третью боевые операции мы провели почти одновременно. Партизанская группа начальника дорожного отдела райисполкома Михаила Пугача взорвала мост через Западную Двину и вывела из строя трактор-тягач. С мостом, правда, долго провозились из-за незнания подрывного дела.

Вторая группа во главе с Николаем Култашовым выполнила задание нежданно легко. Ночью бойцы подошли к деревне Балбекино, тихо сняли у околицы патруль и ворвались на улицы. Ворвались, а гитлеровцев нет — только что уехали куда-то на грузовике. В одном из домов партизаны обнаружили пулемет и шесть автоматов, взяли эти трофеи и вернулись в лагерь.

Через наш район проходил участок железной дороги из Великих Лук на Бологое. Магистраль для противника очень важная, по ней перебрасывались к фронту техника и живая сила. Немалое значение имели и грунтовые дороги на Пено — Осташков, Нелидово и Селижарово. На них-то мы главным образом и действовали осенью: громили вражеские обозы, автоколонны, минировали железнодорожное полотно.

В честь праздника 24-й годовщины Октября решили ударить по оккупантам в нескольких местах. Всем отрядом готовились основательно. Одну половину отряда повел командир, другую возглавил я. Форсировав студеную Западную Двину и немного отдохнув в деревне Сопово (все вымокли до нитки), мы вышли на Торопецкий большак, где уничтожили два грузовика с солдатами.

В деревне Чижово нам удалось захватить артиллерийский склад. Склад большой, и мы не решились его взрывать: пострадают жители, возможен пожар. Но и оставлять снаряды нельзя. Кончилось тем, что мы снесли все ящики со снарядами к речке, сбросили в воду.

Другие наши группы вывели из строя два моста на большаках, подорвали полотно железной дороги. Приш-

лось принять им и бой, в котором погиб замечательный боец Иван Варрес, а трое товарищей были ранены.

К 7 ноября вернулись в отряд наши связные с Большой земли. Они принесли свежие газеты, листовки и письмо подпольному райкому. Торопливо вскрываю конверт. Военный совет Калининского фронта сообщал:

«Донесение о вашей боевой деятельности получили: вы делаете большое дело — помогаете Красной Армии бить немецких оккупантов. Ваш отряд начал действовать неплохо. Военный совет фронта требует еще большей активизации боевых действий...» А дальше в письме — постановка конкретных задач и поздравление с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Порадовал нас в праздник радист Вячеслав Рачко. Заговорил испорченный радиоприемник. Как после пятидневных мучений Вячеславу удалось совершить это чудо, так и осталось для всех загадкой. Радость наша была великой, когда сквозь шум и треск мы вновь услышали голос родной Москвы. После небольшого собрания мы всем отрядом слушали радиопередачу о торжественном заседании, о параде войск на Красной площади.

Хозяйственники позаботились о вкусном обеде. Вскоре из землянок, над которыми реяли красные флаги, донеслись песни, в том числе и любимая в отряде — «Среди лесов дремучих, среди лесных полян растет семья могучих, отважных партизан...».

После праздников в нашем и соседних районах начала рейдировать Вторая особая партизанская бригада штаба Северо-Западного фронта. Ее дерзкие дела вызвали активизацию всех местных отрядов. Боевые партизанские операции, особенно на коммуникациях, стали масштабнее. Урон фашисты несли теперь весьма ощутимый. Подтверждением тому служила и декабрьская операция нашего отряда на так называемой «валовой» дороге — тракте между поселком Селижарово и Андреаподем. Дорога и днем и ночью была забита транспортом. Нападать из засад здесь не представлялось удобным. И все же мы совершили налет на большую автомобильную колонну. Около часа шел бой. Результат — пять разбитых груженых машин и полсотни уничтоженных оккупантов.

Ранняя и суровая зима поставила нас в более сложные, чем предполагалось, условия. Почти невозможной стала доставка в деревни на лечение раненых. А число их росло. И тут на выручку пришел... редактор районной газеты

Ф. Ф. Даценко. Болезней у него было уйма. В борьбе с ними он из года в год постигал в какой-то мере премудрости медицины. Конечно, мы были удивлены, но еще больше обрадованы, когда наш лесной газетчик изъявил желание стать лекарем.

Стал. И получалось, как у заправского доктора. Выхоженные им раненые шутили:

— Быть тебе, Федотыч, главврачом Андреаполя!

Кончалось и запасенное с лета продовольствие. Запасались мы им, наивно рассчитывая на быстрое окончание войны. В отряде все чаще и чаще урезывалось котловое довольствие. Жители деревень помогали нам, но и у них в закромах было пусто. Оккупанты до последнего обирали население прифронтовых районов.

Сейчас уже не помню, кто на заседании бюро райкома внес предложение «отнять продовольствие у отнимателей».

Так и решили. Ночью сформированный «продотряд» на 14 подводах отправился в дальнюю деревню, где, по допесениям разведчиков, находился крупный склад ортскомендатуры. Выюга разгулялась, била в лицо. Ни зги. Но лошади, похрапывая, чувствуют под ногами твердый накат зимней дороги. Подъехав к деревне, узнали, что высланная ранее группа свое дело сделала: охрана врага уничтожена. Нагрузили мешками с зерном подводы и не медля — в обратный путь. Часть зерна отдали крестьянам — владельцам лошадей и многодетным семьям военнослужащих.

В один из морозных декабрьских дней в отряд прибыл представитель обкома ВКП(б). Он принес весть о переходе в наступление войск Калининского фронта.

Личный состав отряда не знал теперь ни сна, ни отдыха — каждую ночь уходили боевые группы на задания. Отряд вырос, и группы были преобразованы по-военному — во взводы.

В первых числах января 1942 года бюро подпольного райкома обсуждало вопрос «О задачах населения района в связи с отступлением немецких оккупантов». После бюро коммунисты отряда ушли в деревни, чтобы призвать жителей устраивать на пути отхода врага лесные завалы, портить мосты, рвать провода телефонной связи.

Мне вместе с Михаилом Пугачом и Николаем Степановым довелось проводить собрание в деревне Петровиче.

Жители собрались все до единого. Настроение приподнятое. Несколько человек принесли на собрание гранаты и карабины с патронами. Докладывают:

— Вот, товарищ секретарь, берегли до поры до времени, чтобы как следует проводить вражину!

Порадовало нас поведение жителей деревни Заболотье. Немецкое командование приказало всем в возрасте от 12 до 60 лет выйти на расчистку дороги от снега. Трое пожилых мужчин пришли к нам в лагерь. Спрашивают:

— Как нам поступить?

— А как вы сами думаете? — спросил их командир.

— Думаем не выходить.

— Правильно думаете.

На расчистку дорог никто не вышел. А вечером вся деревня — старики, старухи, подростки и женщины с маленькими детьми на руках двинулись в лес, к нам в отряд.

События развивались теперь быстро. Начали наступление и части нашего Северо-Западного фронта. В небе проносились самолеты с красными звездами на крыльях. Наши! Наши! Партизаны, даже пожилые, с мальчишеским озорством подбрасывали шапки, кричали: «Ура-а!»

В те первые дни и ночи нового года мы подорвали на минах два грузовика с военным имуществом, цистерну с бензином, мост у деревни Соболево и вновь отстроенный гитлеровцами мост возле деревни Козлово, на Селижаровском большаке свалили два автофургона с солдатами и офицерами, пустили под откос воинский поезд.

11 января в нашем лагере была слышна уже и минометная стрельба. Посылаем навстречу красноармейским частям группу бойцов. Утром разведчики сообщают: наши войска освободили деревни Шилово, Родионово и Анихово; командир части просит прислать партизан, хорошо знающих местность.

Просьбу выполняем. Прощаемся со своим лагерем и движемся навстречу фронту. В деревне Селино — долгожданная встреча с родной армией. Теперь на Андреаполь.

Бой за райцентр был яростный. На улицах Андреаполя фашисты потеряли только убитыми до 3 тысяч солдат и офицеров.

Фронт ушел дальше, к Торопцу, но в андреапольских лесах продолжалась «малая партизанская война». Небольшие подразделения разбитых войск противника укрылись в лесу, на заброшенных хуторах. Нужно было их выловить и пленить. По предложению райкома были созданы истреби-

тельные группы во главе с опытными партизанами нашего отряда.

Партизан Иван Баканов вооружил пожилых колхозников и подростков трофейным оружием. Несколько дней группа прочесывала лес, заходила на хутора, заглядывала во все сараи и риги. Поиск увенчался успехом. Было обнаружено и уничтожено (солдаты отстреливались) два десятка фашистов.

Старик колхозник из деревни Рексово Альберт Лабан наткнулся в лесу на большую группу гитлеровцев. Окружив его, солдаты стали предлагать часы, деньги — все готово было отдать, только выведи их из леса к немецким воинским частям. Старик согласился и привел солдат в деревню, где стояли... красноармейцы. Все 20 гитлеровцев были вынуждены поднять руки.

Находчивость и мужество проявил 16-летний Вася Никитин — наш партизанский разведчик. Он обнаружил в лесу целую роту немцев. День морозный, снегу в чаще по пояс. «Далеко уйти не успеют!» — подумал Вася и побежал к ближайшей деревне. Сборы были недолги. Несколько стариков и женщин да четыре красноармейца, оказавшиеся в деревне, бросились в лес кто с чем — с винтовками, вилами, топорами. На повороте дороги устроили засаду. А когда гитлеровцы вышли к опушке, Вася властно скомандовал:

— Хенде хох!

Шедший впереди офицер поднял руки и ответил по-русски:

— Сдаемся.

106 солдат и офицеров бросили в снег оружие.

В лесах «дописывались» последние строчки партизанской войны, а в Андреаполе и на пепелищах сожженных фашистами деревень возрождалась наша, советская жизнь.

сразу — завтра будешь лежать в гробу. Попозже — можешь... Соври, как умешь.

— Мы еще встретимся, — выдавил из себя предатель, пытаясь быть непринужденным.

— Не беспокойся — встретимся.

Десятки глаз настороженно наблюдали за этим поединком. Бус, грядано выругавшись, поспешил прочь с базара. Человек в полушубке, перетянутом армейским ремнем, неторопливо зашагал в противоположную сторону.

За углом полуразрушенного двухэтажного строения Конопаткин убыстрил шаги. Почти сразу его догнали легкие санки. Правил ими пожилой, высокого роста крестьянин. Остановив резво бежавшую лошадь, он разгладил левой рукой пышные усы и степенно проговорил:

— Чуть не попали как кур во щи. Я уже и лимонку приготовил. Думал: трахнешь ты одноглазого черта, начнется переполох, подбавлю паники.

— Буса не минет наша пуля, а рисковать зря нам с тобой, Иван Федорович, не годится, — сказал Конопаткин, поудобнее усаживаясь в санях. — Поехали...

— Говоришь, не годится, а зачем на базаре в открытую решил показаться? И так уж за твою головушку комендант Мюллер обещает целый хутор отвалить...

Война застала Пантелеймона Петровича Конопаткина на новой государственной границе. В первых боях старший лейтенант был ранен. Укрыли местные жители. Оправившись от ранения, Конопаткин поздней осенью 1941 года подался в Себежский район, где служил на границе десять лет. Тут он знал каждую лесную тропку, а знакомых было — не перечесть.

Появление хорошо вооруженного пограничника среди бела дня в деревнях производило огромное впечатление. Уверенно и спокойно, будто прибыл он докладчиком из Себежа в мирные дни, рассказывал старший лейтенант жителям о положении на фронте, звал к сопротивлению, предупреждал малодушных от неверных шагов. Затем исчезал, успев незаметно для всех договориться с двумя-тремя особо надежными людьми о новой встрече.

Часто ищейки ГФП появлялись в населенных пунктах вслед за Конопаткиным.

— Был пограничник? — яростно кричал их предводитель на крестьян.

— Был, пан, был, — дружно отвечали жители. — Пришел, погрозил пистолетом и ушел.

— Куда?

— Известно куда — в лес.

Ячею за ячеей плел Конопаткин разведывательную сеть в деревнях голубого озерного края, оккупированного гитлеровцами. Укрывался же не в лесу, а «держал штаб-квартиру», как любил говорить, у надежных людей. Вот и сейчас он направлялся в Аннинскую школу, где нашел приют у четы учителей Федоровых.

Как в бою среди храбрых бывают наихрабрейшие, так и в незримой борьбе советских патриотов в тылах фашистских войск были надежнейшие из надежных. К ним, бесспорно, принадлежали Иван Федорович и Марфа Лукьяновна Голубевы — крестьяне себежской деревушки Белогурово. Настоящие люди села, искренне верящие в щедрость земли и радость свободного труда, они, когда пришел враг, несмотря на пожилые годы, стали в один боевой строй с сыновьями. Старший сын Голубевых, Федор, воевал на фронте, младший, Михаил, — в партизанском отряде...

Дорога, на которую вскоре с большака свернул Гнедко, углубилась в лес. Короткий зимний день приближался к зениту. Неожиданно выглянуло солнце. Снежная белизна отдавала теперь синевой, сверкала сказочными блестками на деревьях.

— Может, поближе подкинуть? — натянул вожжи Голубев.

— Не нужно. Домой возвращайся. А я тут загляну в одно местечко да тоже в штаб-квартиру подамся. Записку с мельницы передашь связнику группы Володина — они там все народ военный, разберутся в цифрах да значках на схеме. Оставшиеся листовки заберет у тебя, — Конопаткин насмешливо прищурился, — старшина волости Лещев.

— Прокофий Лещев? — удивленно переспросил Голубев.

— Собственной персоной, — подтвердил Конопаткин. — Есть такая поговорка: Федот, да не тот. Вот и Прокофий Иванович Лещев не тот, за кого все его сейчас принимают. Ясно? Ну и хорошо. А теперь не мешкай, Иван Федорович, поезжай к дому.

— А ты поосторожнее, Петрович, с маслом-то, — попросил Голубев, передавая пограничнику узелок с двумя большими кружками деревенского масла, обернутыми в чистые тряпицы.

Местечко, куда собирался заглянуть Конопаткин, было плотно железной дороги, а в кружках масла, сбитого Марфой Лукьяновной, находилась взрывчатка. Один из себежских подпольщиков, работавший на станции, предупредил: из Резекне в направлении на Новосokolьники должен сегодня проследовать через Себеж эшелон с цистернами горючего, в ожидании специальной команды он пока стоит на латвийской станции Зилупе. Передавать сообщение об эшелоне с важным грузом в группу красноармейцев-партизан Володина было уже поздно, и Конопаткин решил попытать удачу в одиночку.

Идти было не близко, но, подобно опытному старому зайцу, который, перед тем как вымахать на лежку, делает несколько замысловатых прыжков туда и обратно, старший лейтенант долго петлял, то удаляясь, то возвращаясь к наезженной лесной дороге. И, дойдя до цели своего похода, он не сразу взобрался на насыпь к лоснящимся рельсам. Гитлеровцы в первую военную зиму не очень бдительно охраняли стальные магистрали. Партизанские диверсии на них в районе старой латвийской границы были еще редки. И все же Конопаткин добрых полчаса таился в кустах. И не зря. По полотну железной дороги вскоре проследовал патруль с собакой-ищейкой.

Не успели солдаты скрыться за поворотом, послышался паровозный гудок. «Только бы успеть», — с этой мыслью старший лейтенант, забыв теперь об элементарной осторожности, бросился к насыпи... Он еще возился с миной, а рельсы уже стонали под тяжелыми платформами с цистернами... Успел... Сзади раздался грохот, началась беспорядочная стрельба. Бежать мешал полшубок, но спасти мог только бег. И он бежал, бежал... Оглянулся только раз — на опушке леса. Над полотном железной дороги стояли столбы деготно-черного дыма, полыхало пламя.

А Вильгельм Бус в этот предвечерний час стоял навтыжку в кабинете Венцеля. Неторопливо потягивая из фарфоровой чашечки черный кофе, шеф тайной полевой полиции, коверкая русские слова, цедил сквозь зубы:

— Ты есть дубин, Бус. Твой слов поймайт глава себежских коммунист секретаря Кривойнос.

— Кривоносова, господин гауптман, — подобострастно поправил Бус.

— Оказался пустой слов. Ты сегодня видел базар этот красный зольдат зеленый фуражка. Как его? Лопаткин.

— Конопаткин... — еще ниже склонился Бус.

- Не перебивай. Надо было хватать бандит.
- Он был не один, — соврал Бус.
- Где есть тогда комендантский патруль?
- Не знаю, господин гауптман.
- Почему так много не знайт?

Венцель еще долго и нудно задавал вопросы своему приближенному. И, только выкурив после второй чашки кофе сигарету, отпустил его, приказав ночью отправиться на поимку коммуниста Никифорова. В ту ночь из Себежа выехало пять машин с солдатами охранных войск. Комендант решил сделать одновременный налет на пять деревень, где, по донесениям агентов, могли находиться секретарь райкома ВКП(б) Федосий Алексеевич Кривонос и неуловимый Пантелеймон Петрович Конопаткин.

...Аккуратно сложив в стопочку переписанные сводки Совинформбюро, Валентина Яковлевна повязала на голову платок и уже было взялась за пальто, как вдруг в кухонном окне мелькнула тень. Молодая женщина глянула на двор и обомлела — к зданию школы приближалась цепочка гитлеровцев.

Замешательство продолжалось секунду-другую. Федорова бросилась в столовую и сдавленно крикнула в открытую дверь крохотной комнатки:

— Немцы!

Задвинуть дверцу платяным шкафом не хватило ни сил, ни времени: фашисты уже шастали по классам. Дрожая всем телом, Федорова пошла им навстречу.

Допрашивал фельдфебель из ГФП. Переводчик из обрусевших немцев переводил неторопливо, давая возможность Валентине Яковлевне прийти в себя.

— Кто такая?

— Где муж?

— Почему в школе нет портрета фюрера?

— Что в шкафах?

Федорова отвечала тихо, стараясь взять себя в руки:

— Местная учительница. Муж, Георгий Нестерович, — тоже учитель. Живем здесь же. С большевиками не уехали. Сейчас муж в Себеже — пошел менять одежду на соль. Рамка для портрета фюрера готова. Портрет обещал привезти староста. Нужен большой портрет. А в шкафах школьные пособия, мел, тряпки разные.

Фельдфебель заглянул в один из шкафов. Покопался, брезгливо вытер руки и подошел к шкафу, стоявшему в углу.

— Этот закрыт. Там пробирки, колбы для опытов по химии. Стекло. Боимся разбить. Сейчас принесу ключи.

Хотела идти, но ноги будто приросли к полу: в нижнем отделении шкафа стоял радиоприемник. Час назад муж с Конопаткиным принимали сводки Совинформбюро и в тайник не спрятали.

— Что с фрау? — подозрительно спросил фельдфебель.

— Больна. Голова кружится, — качнулась Федорова.

— Показывай, где живешь!

Конопаткин чистил наган, когда услышал возглас Федоровой. Вернувшись под утро, он плотно поел, но спать не лег. Удачная диверсия, а главное, радостное сообщение с фронта из-под Москвы (они так были редки в первую военную зиму) настроили Пантелеймона Петровича на добродушный лад. И сейчас он корил себя за неспрятанный приемник. Найдут — Федоровым смерть. Он не знал, успела ли замаскировать дверь Валентина Яковлевна, но приготовился к худшему — зарядил револьвер, взял в руку гранату.

Бегло осмотрев кухню, фельдфебель и двое солдат вошли в столовую. От Конопаткина их отделяла теперь фанерная дверь. Неожиданно раздался громкий стон. Фельдфебель, рывшийся в платяном шкафу, резко обернулся. Федорова, упав на диван, истошно вопила:

— Ой, лихонько мне! Ой, водички дайте! Вчера был фельдшер. Сказал, подозрение на тиф. А я, дура набитая, не купила лекарств у него.

— Тифозен! — крикнул фельдфебель и начал пятиться к выходу. Солдаты и переводчик поспешили за ним.

Здание школы гитлеровцы покинули мгновенно. Валентина Яковлевна некоторое время лежала в полном изнеможении, затем позвала:

— Пантелеймон Петрович, выходите. Кажется, пронесло.

— Не знал, что моя хозяйюшка великолепная актриса. Так околпачить фашистских ищеек! — Конопаткин с удивлением смотрел на все еще бледную Федорову.

— Повезло неслыханно, — улыбнулась Валентина Яковлевна.

— Везенье здесь ни при чем. Отвага ваша спасла нам жизнь. Вы настоящая...

Федорова перебила Конопаткина:

— Пойдемте, Пантелеймон Петрович, спрячем приемник. А то как бы нам не попало от Георгия Нестеровича.

Надежный

Когда собутыльники Вилли Шутта, заместителя коменданта Себежской ортскомендатуры, собирались на лоно природы, кто-либо из них обычно спрашивал у хозяина:

— А шофер твой надежный человек?

Шутт, посмеиваясь, отвечал:

— Мой Иван проверен в разных передрягах.

А компания у Шутта собиралась отменная. Приходил абверец Алекс — выпускник разведшколы под Кенигсбергом, державшийся всегда несколько отчужденно. Завсегда таями были сотрудники контрразведки поляк Шкреба и русский Игнатенок. Оба пожилые. Оба бывшие белогвардейцы. Шкреба — разговорчивый, готовый по любому поводу сыпать анекдотами. Игнатенок — молчун, пребывавший почти все время в подпитии.

Заглядывал по субботам к Шутту и начальник ГФП капитан Венцель. Специалист по провокациям и вербовке предателей, он в абвере-3 (контрразведке) работал давно. В сорок первом году в Белоруссии была провалена одна абверовская акция, порученная Венцелю чуть ли не самим Канарисом. Капитан попал в немилость и был рад, получив спустя время назначение в Себеж — «тихие палестины», как выразился его шеф.

Второй военной осенью «тихие палестины» перестали быть спокойным местом. В районе дерзко и не без успеха действовали партизаны, появляться в деревнях без должной охраны стало небезопасно. Участились крушения поездов на дороге Резекне — Себеж — Новосокольники. Непокойно было и в самом городе: поджоги, случай замаскированного саботажа.

...Коньячные бутылки с французскими этикетками. Шутт знал об этой слабости Венцеля, и к его приходу на стол выставлялись лучшие вина. Пили гости в присутствии начальника фронтового гестапо, коим фактически являлась ГФП, много, говорили мало. Даже Шкреба придерживал свой язык. Кому охота попасть в полевые войска, а то и хуже — угодить в подвалы берлинского дома по Принц-Альбрехтштрассе, восемь...

Уходил Венцель — языки развязывались. Обычно Шкреба предлагал:

— Господа, на свежий воздух.

Шутт кричал по-русски в соседнюю комнату Елисееву:

— Иван, машину! Звонийт Галин.

Захватив сожительницу Шутта и двух девиц ее пошиба, пьяная компания отправлялась к озерам.

Себеж издавна называют русской Венецией. Гористой стрелой вонзается город в воды огромных озер Орона и Себежского. В ветреные дни волны плещутся в фундаменты домов себежан. Знойным летом утюжками застывают на голубом озерном просторе лодки рыбаков, причудливо очерченные берега полны отдыхающих.

А тогда, в те времена, живописные прибрежные уголки были пустыни. Компания Шутта в этот субботний день, с которого начинается наше повествование о ней, встретила на берегу Орона лишь старика с ведерком и удочкой. Заметив гитлеровцев, рыбак свернул леску и поплелся в город. Проходя мимо Елисеева, разжигавшего костер в кустах, он с презрением бросил:

— Покарает бог твое холуйское усердие.

С озера потянуло вечерней прохладой. Пикник окончен. Елисеев, доставив гостей парами в укромные квартиры, медленно ведет машину по улице, носившей раньше название 7 Ноября. Восемь часов вечера. Комендантский час. Город замирает. Лишь из открытого окна ортскомендатуры льется нежная музыка:

Спи, моя радость, усни,
В доме погасли огни...

Этими словами фашистское радио обычно заканчивает передачи на русском языке. Музыка Моцарта и тишина оккупированного города.

Елисеев не торопится — все равно поспать как следует не придется. Капитан совершенно пьян. Раздеть его, уложить в кровать, поднести по первому требованию, пока не угомонится окончательно, стаканчик сухого вина, разбудить при звонке от дежурного военно-полевой комендатуры — это главные «передряги», на которых Шутт многократно проверял «своего Ивана». Подвести хозяина нельзя, и Елисеев в соседней комнате долго не смыкает глаз.

Как удивился бы старик рыбак, как ужаснулись бы Шкреба и Игнатенок, когда бы увидели «преданного Ивана» ночью переписывающим номера и численность воинских частей из накладных и других документов комендатуры, составляющим краткое донесение о последних разговорах гостей Шутта на пикнике и до него...

Окончится война. Пройдут годы, а многие из себежан

все еще не будут знать, что под личиной ревностного шофера фашистской хозкомендатуры скрывался советский разведчик... В студеную ночь декабря сорок первого привел верный человек Ивана Елисеева на Яскинскую мельницу. Под завывание бесновавшейся на дворе метели его неторопливо расспрашивал хорошо известный себежанам старший лейтенант погранвойск Пантелеймон Конопаткин:

— Говоришь, в комендатуру вызывали, а ты не хочешь на службу к фашистам идти? А ты иди, парень. Ну что вскипел, Огонь Петрович? Чего уставился мне в глаза? Они синие, и ничего в них не прочтешь.

Пограничник поднялся и подошел к окну. Постоял, помолчал, а затем, будто сверился с кем-то там, в метельной мгле, резко повернулся и продолжал:

— Считаю это боевым заданием. Говорю тебе от имени командования Красной Армии и подпольного райкома партии. Будешь не просто служить вражине, а старательно, холуйствовать будешь. Мы знаем, парень ты толковый, разбитной, с ходу схватишь, что может повредить фашистам. И тогда — сюда.

— Разведка? — поднялся со скамьи Елисеев.

— Да. Разведчик — ведь это не только спецзнания, спецподготовка. Это и яркое озарение, и природная сметка. Но, конечно, ежечасно, ежеминутно смертельная опасность. Это, знаешь, все равно что шагать по ломкому льду. Приходилось?

— Немного.

— Ну вот и договорились. На первых порах связь через мельника Ивана Осипова...

Как используются данные, добытые им, разведчик-самоучка поначалу не знал. Но вот однажды из болтовни Шкребы (с Игнатенком он разговаривал по-русски) Иван понял: группа советских военнослужащих, оставшаяся на оккупированной территории, зная пароль и маршрут автоколонны с горючим, пробралась на стоянку, перебила охрану, подожгла машины. Сердце радостно забилося: в налете была и его лепта. А вскоре он на мельнице встретился с Федором Ивановичем. Под этим именем в начале 1942 года был известен людям командир группы старший лейтенант Александр Степанович Володин, бывший начальник штаба одного из полков Красной Армии.

Летом 1942 года в голубом озерном крае начал активную боевую деятельность партизанский отряд Владимира

Ивановича Марго, бывшего заведующего районным отделом народного образования. Быстро, словно губка, впитал он в себя разрозненные партизанские группы. Когда западные ветры бросили на себежские курганы первые горсти снега, у Марго уже была бригада, прочно осевшая у старой латвийской границы. Конопаткин, ставший заместителем комбрига по разведке, представил Елисеева командованию. Свидание было коротким и весьма скрытным. Марго посоветовал энергичнее обрастать помощниками, особенно в учреждениях насаждаемого гитлеровцами «нового порядка», а прощаясь, сказал:

— Для нас ты, Иван Петрович, будешь не Елисеев, а разведчик Надежный. — И, хитро улыбнувшись, спросил у Конопаткина: — Подходит такое имя твоему подопечному, Пантелеймон Петрович?

— Абсолютно, — ответил старший лейтенант.

В Себеже пока все было более или менее спокойно. По-прежнему собиралась компания Шутта. Кошунственно звучала по вечерам сладкая музыка в эфире:

Спи, моя радость, усни...

Но Венцель, новый военный комендант Гофман, начальник отделения СД Шпиц явственно ощущали: их действия точно под рентгеновскими лучами — все тайное становится явным... То по ломкому льду шагали Конопаткин, Надежный и другие солдаты невидимого фронта.

НА ДОРОГАХ К МОСКВЕ

140 дней довелось мне прошагать партизанскими тропами по ржевской земле. Партизанская борьба всегда трудна, а в наших краях ее очень осложнила густая плотность фашистских войск. Здесь проходила одна из основных дорог немецких армий группы «Центр». Уходили к Москве одни части, на смену и помощь им спешили другие. Осенью 1941 года все большаки и даже проселочные дороги в районе контролировались гитлеровцами, в деревнях стояли вражеские гарнизоны.

До войны я был членом бюро Ржевского райкома партии, знал довольно основательно партийный актив и поэтому не удивился, услышав от первого секретаря В. Е. Елисеева предложение выехать в западные сельсоветы для отбора людей в партизанские отряды. Гитлеровцы были уже на Старой Смоленской дороге, вторично заняли Великие Луки. Угроза оккупации нашего района становилась реальной. Напутствуя меня, Елисеев говорил:

— Беседуя с людьми о партизанских методах борьбы, продумай, Василий Михайлович, кого из давших согласие идти в партизаны можно оставить на легальном положении. Ведь оккупантам понадобятся прислужники. Вот хорошо бы, чтобы кое-где ими стали наши товарищи. Незавидная роль, но весьма ответственная.

В середине сентября я мог доложить райкому о выполнении задания. Мною было отобрано 29 добровольцев, составивших ядро партизанского отряда. Большинство из них были коммунисты Муравьевского, Быковского и других сельсоветов западной части Ржевского района. Со склада райпотребсоюза в специальную землянку в ступинских лесах мы завезли продовольствие: сухари, соль, сахар, махорку, спирт.

Уговаривать идти в партизаны мне не приходилось —

желающих бить врага из засад на дорогах к Москве было много, а вот пойти на службу к оккупантам, оставаясь верными Советской власти, охотников не находилось. Пришлось убеждать, и основательно. Вспоминается разговор с председателем колхоза «Старые дубки» Васильевым. В первую мировую войну он был в германском плену и научился прилично «балакать», как сам говорил, по-немецки. Я ему об этом толкую, а он свое:

— Не выдержу. Первого же гитлера в офицерской форме топором зарублю.

— Зарубишь — и тебя порешат на месте. Кому польза? А вот те сведения, которые узнаешь и в отряд передашь, могут привести к уничтожению десятков оккупантов.

Это я ему говорю. А он в ответ:

— Так они все равно не поверят, раз я в председателях хожу.

— Поверят. Скажешь, что народ назначил, поскольку все знали тебя, как мужика хозяйственного. А теперь эта твоя жилка может германской нации пригодиться. Ведь должен кто-то местных жителей работать заставлять. А сам ты давно мечтал собственную землю иметь и хозяйство свое крепкое. Вот в таком духе и влезай к ним в доверие.

Согласился Васильев. Я на радостях ему даже свой наган подарил. Оружия у нас тогда было мало. Несколько месяцев водил он вокруг пальца представителей ортскомендатуры и фашистских фуражиров, а для нас и подразделений Красной Армии добывал добротную разведывательную информацию. Действовал смело.

Однажды я и командир отряда Чмутов тайком пробрались к Васильеву. Переговорили и только собрались уходить, как к его дому подъехало десятка два солдат во главе с офицером. Растерялись мы, за пазуху полезли за гранатами. А Васильев цыкнул на нас и на глазах у приближавшегося офицера кинул мне хомуты, а Чмутову сбрую, громко крикнув:

— Шнель! Шнель!

И объяснил офицеру, что мы жители этой деревни и он посылает нас свезти два мешка зерна на мельницу. Обещал муку привезти в ортскомендатуру.

Офицер поверил. Мы уехали. Фуражиры вскоре тоже, и, конечно, с отобраным у населения продовольствием. Уехали, но не доехали. Бойцы нашего отряда перехватили их на лесной дороге.

Горком и райком партии создали в районе четыре отряда. Наш, четвертый, поначалу был небольшой, располагался в лесах между деревнями Окорково и Светителево, командовал им заведующий военным отделом горкома М. Ф. Чмутов. Комиссаром был второй секретарь райкома А. А. Куренков.

Боевые действия нашего отряда начались в октябре, на второй день после принятия присяги. Первые наши выступления были малозначительными. Группа отрядной разведки удачно обстреляла одиночную грузовую машину с солдатами на борту. Другая группа огнем отпугнула самолет, обстреливавший на бреющем полете деревню. Подводя итоги первых боевых столкновений, комиссар отряда Куренков справедливо пожурил всех за большой расход патронов.

Следующие наши засады на дорогах были более результативными. К нам потянулись отставшие в силу ряда причин от своих частей во время отступления красноармейцы и командиры. Принимали мы только тех военнослужащих, у кого было оружие и кто не спорил знаков различия. Однажды наш отряд пополнился сразу на 18 человек. В него влились остатки разбитого армейского дивизиона: три командира — Терентьев, Гончаров, Августинский (врач) — и 15 красноармейцев. Народ стойкий, познавший и горечь поражения, и ярость атак.

Отступление нашей армии, приближение фашистов к Москве губительно сказывались на настроении крестьян. Ведь полной правды о потерях врага, о жесточайших боях за Брест, Лиенаю, под Даугавпилсом, о том, что гитлеровские армии прочно остановлены у стен Ленинграда, население, да и мы, партизаны, не знали. А слухи, распространяемые беженцами, фашистскими агентами, сеющими панику, а подчас и нестойкими красноармейцами, были зловещными. Назывались такие астрономические цифры наших потерь, что сердце сжималось от боли. Коммунисты отряда (я был членом партбюро организации) взяли за твердое правило: показавшись в деревне, встретился с верными людьми — обязательно поговори, расскажи последнюю сводку с фронта, объясни, что не век будем отступать.

Всем, чем могли, мы помогали отступавшим частям Красной Армии: собирали продовольствие, давали проводников, на хуторе Орешиха основали сельский госпиталь для тяжело раненных бойцов. Медикаменты и медицинские инструменты с помощью врача Соколовой удалось добыть

из Пальцовской больницы. Поправившиеся бойцы с нашей помощью переходили линию фронта.

Фашисты с воздуха обнаружили нашу базу и сбросили на нее несколько бомб. Тяжело пострадал при этом Куренков — у него был перебит позвоночник. Понимая, что при перебазировании он будет обузой отряда, комиссар просил пристрелить его. Попало ему за эту просьбу. Решили поступить так: отряду объединиться с третьим отрядом и быть в лесах Стародубского сельсовета, а Куренкова вместе со мной оставить на лечение в деревне Светителево. Там мы выдавали себя за калужских рабочих, мобилизованных на строительство оборонительных сооружений. Верные люди в деревне, конечно, знали, кто мы такие. Позже Куренкова перевезли в Никольскую школу, где его лечила врач Соколова. Спасти, однако, от смерти нашего комиссара не удалось.

Слияние двух отрядов (командиром объединенных сил стал Н. В. Воронов) положительно сказалось на боевых делах. Мы стали теперь вступать в бой с небольшими подразделениями не только охранных, но и полевых войск. Помнится, как вместе с бойцами ветеринарного подразделения 183-й стрелковой дивизии отряд наш двое суток успешно держал оборону у погоста Воскресенского. Провели мы и несколько удачных засад на дороге Ржев — Вязьма. Во время одной из них у деревни Афанасово был уничтожен подполковник-эсэсовец. Почти ежедневно где-нибудь мы резали кабель, рвали телефонную вражескую связь.

В Павлюковской волости нашлись ревностные служители «нового порядка» некие Знаменский и Зуйков. Крестьяне пожаловались нам: фашистские холуи взяли на специальный учет семьи красноармейцев, установили для них повышенное обложение.

— Проучить мерзавцев! — приказал Воронов.

Темной декабрьской ночью 20 партизан отправились на лошадях к деревне Павлюки. Бесновалась метель. В деревне огни горели только в здании школы, где разместил своих дружков Знаменский. Партизаны Калинин, Соколов, Гончуков подошли к окнам. Оттуда доносилось нестройное пение. Шла попойка.

— Огонь! — подал рукой сигнал Калинин.

Волостное управление было полностью разгромлено и позже не восстанавливалось. Все награбленное имущество, найденное на складе волости, партизаны вернули населению.

В отряде у нас были и подростки. Огонь-ребята с готовностью шли на любое дело. Шурик Новиков с хутора Мочалово добыл типографский шрифт, а также железнодорожные гаечные ключи, с помощью которых мы разобрали полотно, устроив крушение воинского эшелона. Нашим верным связным был Ваня Царьков из Светителева, а Тоня Орлова — смелым почтальоном, разносившим листовки по деревням.

В руки фашистов попал юный разведчик Саша Гаврилов. Его расстреливали с группой красноармейцев вблизи деревни Павлюки. Все мы очень опечалились. Какова же была наша радость, когда вдруг Саша появился в отряде. Оказывается, пуля пробила ему челюсть. Он упал и притворился мертвым, а потом уполз с места расстрела.

В январе 1942 года нас постигло два несчастья. Или недобрые глаза подсмотрели, или чем-то выдал себя «партизанский староста», но к нему нагрянули жандармы из ГФП. Допытывались, где партизаны. Избиению подвергся и наш боец Виноградов, бывший в то время у Васильева. Оба патриота молчали. Взбешенные фашисты раздели их донага, вывели к скотному двору и расстреляли.

А через несколько дней более 200 хорошо вооруженных карателей окружили с трех сторон нашу базу. Мы испытывали острую нужду в патронах. Неравный, но яростный бой продолжался до тех пор, пока строчил «максим» в руках Калинина и были автоматные диски у командира отряда Воронова и комиссара Тихонова.

От разгрома спас нас овраг. Мы ушли в глубь лесного массива, но значительно поредевший отряд потерял боеспособность. Командир принял решение рассредоточиться и маленькими группами выходить к возможным базам других отрядов и нашим войсковым подразделениям. Мы уже в те дни знали о разгроме гитлеровцев под Москвой.

Как выходили? Шли сквозь смерть. Полураздетый, в кожаных сапогах, в одну из ночей я поддался лютomu морозу и свалился. Калинин два километра тащил меня с моим карабином по глубокому снегу. Вот она, сила партизанского братства!

Нам удалось выйти к линии фронта: мы попали в деревню Ерзово, в штаб 188-й стрелковой дивизии. Никогда не забуду той ласки и заботы, которыми окружил нас ее командир генерал К. Г. Комиссаров. Десять дней мы пробыли в штабе наших войск, а затем были доставлены в советский тыл.

Партизанить или воевать в составе наших войск мне больше не довелось. В освобожденном от врага разрушенном Ржеве мне сказали в райкоме партии:

— Есть другой фронт, Василий Михайлович, восстановительный. Там тебе и определим место.

И определили. Пролетели годы, но те 140 огненных дней остались в памяти и в сердце.

ГОРОД ПРОДОЛЖАЕТ БОЙ

Начальник зондеркоманды-7а штурмбанфюрер был взбешен. Ему, Ойген Карлу Штеймле, человеку, близкому к самому Гиммлеру, как мальчишке, выговаривал сегодня генерал Рекке... Нет, он этого так не оставит. Придет время, и он покажет кичливому солдафону, где, как говорят проклятые русские, раки зимуют. И этот болван бургомистр. Ничтожество, нацепившее Железный крест...

Штурмбанфюрер долго мерил широкими шагами свой кабинет. И все это время в приемной стояла гнетущая тишина. Несколько офицеров зондеркоманды стояли навытяжку. Жался поближе к двери и пожилой русский с военной выправкой. Но вот гулкие шаги в кабинете стихли. Раздался звонок, и дежурный зло бросил в сторону русского:

— Проходите, господин Ясинский.

Штеймле встретил бургомистра внутренне собранным, но на нацистское приветствие не ответил и, протянув листок бумаги, спросил:

— Что это, по-вашему, господин Ясинский?

— Обращение Калининского обкома большевиков, — узнав листок, тихо ответил бургомистр.

— Как же так? Тверь уже месяц занята войсками фюрера. Вас, бывшего штаб-ротмистра Российской империи, мы освободили от унижительных для вашего прошлого занятий в этом, как его?

— Горкомхозе, — по-прежнему тихо подсказал Ясинский.

— Более того — наградили Железным крестом, поставили во главе управления городом, — начал опять злиться Штеймле. — А порядка нет. Эти бумажки расклеены чуть ли не на всех домах. Это безобразие!

— Так точно, господин штурмбанфюрер.

— Хватит прохлаждаться. Всех своих агентов заставьте рыскать и день и ночь. За каждую такую бумажку — расстрел. Слышите? — Штеймле вскочил и уже сорвался на крик: — Расстрел! На месте расстрел!..

На другой день аналогичный разговор имел место в здании, где разместился военный комендант оккупированного города Калинина (гитлеровцы упорно именовали его Тверью) генерал Рекке. У командира дивизии были веские основания упрекать не только гестаповца Штеймле, но и армейскую контрразведку, что он и не преминул сделать, вызвав к себе начальника отделения абвера. Недовольным тоном генерал бубнил:

— Самолеты русских бомбят секретные объекты и штабы — раз. Любая переброска войск становится известна их штабам — два. И наконец, это обращение. Тут черным по белому написано, — генерал взял брезгливо в руки листовку и отдельно, четко прочел: — «Истребляйте проклятых захватчиков, уничтожайте их технику». Вы слышите?

— Слышу, мой генерал.

— Доннер веттер! — комендант повысил голос. — Это нас с вами, майор, уничтожать, это наши пушки и танки взрывать призывают большевистские комиссары. Такое не должно больше появляться на улицах Твери!

— Будет исполнено, мой генерал! — отчеканил абверовец.

Артистка и Доктор

— Ну, девчата, вот и Волга. Дальше мне нельзя, — лейтенант Сорокин остановил группу в снежном сугробе у протопанной тропки к ледяному панцирю реки. — Действуйте спокойнее. Особенно сейчас, когда очутитесь на том берегу. Патрули фашистов по привычке — в город возвращается немало жителей из прифронтовой зоны.

— Прощайте, — первой ответила Надя Ахматова, и голос девушки дрогнул.

— Не прощайте, а до свидания, — поправила подругу Оля Баранова и, улыбнувшись, добавила: — Спасибо за науку, Илья Сергеевич.

— Ни пуха ни пера, девчата.

— К черту.

Сорокин долго еще стоял в укрытии, наблюдая за неторопливо бредущими по льду фигурками. Вот разведчиц

остановил патруль... Что дальше? Не видно. Небо, нависшее над Волгой, точно тугой брезент, начало сыпать снежную крупу.

Не впервой переправляет лейтенант через линию фронта разведгруппы, а вот не волноваться после их ухода не научился. А разве можно не волноваться? Ведь в бою, в атаке у солдата в руках винтовка, за поясом граната, штык. Там, если и возникает цепенеющий страх, его подавляет воля к действию, сама борьба. А идти навстречу смертельной опасности без оружия, вот так, как ушли Ольга и Надя... Тут требуется высокое мужество.

Чтобы город продолжал оказывать сопротивление оккупантам, продолжал бой, чекисты подразделения капитана государственной безопасности Артеменко переправили в Калинин немало мужественных людей. Часть из них «прижилась», но появляться, где нужно, им было весьма трудно. Гитлеровцы переселили в центр города почти всех жителей Заволжья и Затверечья, повсеместно участились облавы.

С Ольгой Барановой командование связывало особые надежды. Дочь рабочего, умная, пытливая, она точно рождена была для разведки: хорошо говорила по-немецки, имела тренированное тело (еще в школе увлекалась гимнастикой и другими видами спорта), в пединституте, где она училась до войны, участвовала во всех вечерах художественной самодеятельности: пела, плясала, играла на сцене. Артисткой звали ее подруги. Артисткой легче проникнуть в немецкие штабы, решили разведчики.

Месяц — срок небольшой, но и за это время Баранова сумела передать ценнейшую разведывательную информацию для советских войск... Пробравшись в Калинин, Ольга рассталась с Надей Ахматовой и пошла на свою старую квартиру на улице Достоевского. В этом доме, в помещении, которое прежде занимал Дорстрой, размещалось офицерское казино. Уже на другой день девушка завела знакомства с несколькими офицерами, стала брать у них в стирку белье. Вскоре в желающих воспользоваться услугами молодой красивой «прачки» недостатка не было. Один из клиентов оказался офицером тайной полевой полиции.

— О, фрейлейн прекрасно говорит по-немецки... — удивился он.

— Я со школьной скамьи полюбила язык Шиллера и Бетховена, — бойко ответила Оля, — а моя любимая учительница была немкой.

— Зная язык великой Германии, можно иметь более интересную работу. Пусть фрейлейн подумает об этом. Я бы мог...

«Фрейлейн» подумала и согласилась с предложением своего клиента. Так в доме номер пятнадцать по улице Софьи Перовской, где размещалась ГФП, появилась новая переводчица. Ольге Барановой минуло 20, когда она стала переводчицей. Доктору Петрову перевалило за 70. В отличие от Артистки, умевшей перевоплощаться и за это получившей такое имя, Николаю Яковлевичу не приходилось играть роль: он был самым настоящим доктором — работал главным врачом в доме отдыха «Тетьково». И... Нет, не поверил бы и сам штурмбанфюрер Штеймле, что господин Петров, так ловко извлекающий осколки из раненых солдат вермахта, весьма благодарный коменданту за офицерский паек, старый-престарелый врач — советский разведчик.

...Холодный зимний вечер. Пустынно на полуразрушенных улицах Калинина. Острый северный ветер свирепствует в развалинах, задувая стужу в каждую щель. Темно. Лишь изредка луч карманного фонаря прощупывает угол или стену здания. То рыскают патрули и ищейки бывшего царского штаб-ротмистра...

— Стоять на месте! — раздается грозный окрик.

Человек в пальто с поднятым воротником петоропливо достает пропуск:

— Пожалуйста.

— Проходите, — уже вежливо разрешает старший из патрульных.

Доктор теперь уже не спеша идет дальше. Идет и посмеивается в душе над врагом: сведения, добытые из разговоров гитлеровских офицеров (Николай Яковлевич прилично понимал по-немецки), уже переданы связной.

Позже, оценивая эти сведения, один из руководителей разведки на Калининском фронте — Ф. Д. Пиманов напишет, что они «были полностью использованы штабом фронта при разработке операции по освобождению города Калинина».

Юные разведчики

Бывший начальник штаба 243-й стрелковой дивизии генерал-майор в отставке С. Я. Сенчилло вспоминает:

«21 ноября в дивизию прибыли командующий фронтом

И. С. Конев и член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов. Разговор шел об одном: нужно остановить врага, не допустить его к Москве, разгромить на подступах к столице.

Заняв оборону, дивизия вела непрерывную разведку. И здесь нам помогали жители Калинина. Они приходили к нам и приносили важные сведения о расположении вражеских частей и штабов в городе. Среди них были и двое подростков: Витя Макаров, мальчик лет двенадцати, по прозвищу Чапай, и девочка Тося Корягина, годом-двумя старше Вити. В один из переходов через линию фронта они были тяжело ранены. Тося скончалась, а Чапай был доставлен в госпиталь, вылечился...»

Были и другие.

— ...Бросьте в сарай. Поставьте охрану,— приказал следователь ГФП двум жандармам, уволакивающим избитого Александра Абрамова, и, зажигая сигарету, сердито процедил сквозь зубы: — Завтра заговоришь, красная сволочь.

Абрамов пробрался в Калинин по заданию командования 192-го полка. Город он знал хорошо; до войны работал на заводе КРЕПЗ. Поначалу все шло хорошо, но уйти до комендантского часа не удалось. Александр решил заночевать у старых знакомых, где и был арестован агентами ГФП. Улик против него в полиции не имелось, и он на допросах упрямо твердил: «Пришел устраиваться на работу. В пригородах голодно, бомбежки и обстрелы. Осколками сыт не будешь».

В полночь двери сарая открылись и на земляной пол был брошен еще один избитый человек. «Подсадка»,— подумал Абрамов, но, взглядевшись, узнал в своем соседе Петра Немтинова, тоже рабочего завода КРЕПЗ. Немтинова в Калинин послали чекисты 5-й стрелковой дивизии. В городе разведчик пробыл неделю и схвачен был гитлеровцами уже при переходе линии фронта. Он тоже узнал Абрамова:

— Александр, ты?

— Он самый.

— Как попал сюда?

— Известно как — не в гости заявился.

Оба рабочих понимали, что встреча их не случайна. Каждый догадывался, что привело в захваченный врагом город его товарища. Но разговора об этом не заводили. Немного помолчав, Немтинов спросил:

— Что делать-то будем?

— Удирать надо. А то — крышка.

И они бежали из-под стражи. Немедленно принятое решение, помноженное на смелость и находчивость, спасло молодых разведчиков от неминуемой смерти.

Флаги и выстрелы

Руководитель подпольной группы Нефедов строго-на-строго приказал своим ребятам без крайней надобности не появляться на улицах после наступления комендантского часа. Однажды в холодный, ветреный день группа подпольщиков пробиралась к зданию, где размещался крупный узел связи гитлеровцев. На улице Володарского она неожиданно наткнулась на вражеских автоматчиков. Нефедов упредил:

— Огонь!

Отстреливаясь, подпольщики скрылись за разрушенным домом. Три гитлеровца упали, чтобы больше не подняться. Остальные побоялись броситься в погоню.

Нефедов похвалил тогда товарищей за быструю реакцию на его команду и за меткий огонь и все же сказал:

— Еще раз говорю вам, ребята, стрелять будем только в случае крайней необходимости. Наше дело — разведка для армии, диверсии, создание прикрытия для тех, кто приходит к нам со спецзаданиями из-за линии фронта.

Все входившие в группу беспрекословно подчинялись Николаю Нефедову. До войны он был секретарем комсомольской организации, затем — председателем профкома. Ребята догадывались, что их энергичный, но осторожный старший товарищ в городе остался не по своему личному усмотрению, а получив соответствующие указания свыше. Об этом свидетельствовала в какой-то мере и его новая фамилия — Наумов...

В один из ноябрьских дней в небольшой комнате Нефедова собрались подпольщики.

— Дело есть, — сказал Николай, — скоро Октябрьский праздник. Надо его по-настоящему отметить.

— Вот это здорово! Хорошо бы, как тот танк, по улицам промчаться, — мечтательно произнес кто-то.

...Танк ворвался в оккупированный город в самые первые дни хозяйничанья фашистов в Калининне. Краснозвездная «тридцатьчетверка» неслась по улицам на полной ско-

рости, только снежное облако позади клубилось. По улице Софьи Перовской двигалась колонна вражеских автомашин. Гроыхнул пушечный выстрел. Второй. Третий. И вот уже десяток автомобилей разбиты и горят. Солдаты выпрыгивают из кузовов уцелевших машин и бросаются врассыпную. Возле моста через Тьмаку посланный советскими танкистами снаряд угодил в машину, груженную боеприпасами. В центре города герои обстреляли фашистскую комендатуру, протаранили вражеский танк и понеслись дальше. К Московскому шоссе, к своим...

— Хорошо-то хорошо, да вот только танка у нас нет, — улыбнулся Нефедов. — Надо придумать что-то по нашим возможностям и силам.

— А что, если вывесить в центре города флаг? Наш, советский, красный. Как раньше в праздник.

Предложение понравилось. Стали думать, где бы лучше всего это сделать.

— Давайте на площади Ленина — в самом центре, чтобы все в городе увидели. То-то забегали бы гитлеровцы, — сказал Федор Хохлов.

— Площадь усиленно охраняется, днем и ночью патрули, — возразил Николай. — Пожалуй, ничего не получится. А что, если поднять флаг на педагогическом институте? Здание высокое, расположено в центре города, и, как попасть на крышу, знаем.

На том и порешили. Однако Нефедову и его группе не удалось выполнить намеченное. Накануне праздника в квартиру, где собрались ребята, неожиданно вломилась фашисты. Они перевернули все вверх дном и, хотя не нашли ничего подозрительного, троих ребят увели с собой.

Арест подпольщиков был случайным. Просто в канун большого советского праздника зондеркоманда и ГФП произвели массовые аресты в городе, пытаясь выявить связи подполья и партизан. После нескольких допросов большинство задержанных было отпущено. Томиться в тюрьме остался Борис Полев. Что было тому причиной — осталось загадкой.

— Горячий он парень, — предположил Хохлов, рассказывая Нефедову о допросе в ГФП. — Что-нибудь выпалил в сердцах. Ну, а на расправу там быстры...

И все же утром 7 ноября 1941 года красный флаг взвился над оккупированным городом. Сотни калининцев со слезами на глазах наблюдали, как трепетал на ветру

кусок кумача, поднятый над спортивным залом на улице Урицкого. Кто поднял флаг — не знали.

Нефедову было двадцать семь лет. Спецподготовки он не проходил. Но поступал как опытный подпольщик. Понимая, что его помощникам часто недостает не мужества, а выдержки, он при каждом удобном случае учил их не давать волю чувствам, сдерживать желания.

Так поступал и руководитель второй группы калининских подпольщиков Константин Елисеев. Он был на год моложе Нефедова и так же, как и тот, не попал в армию по «вине» медицинской комиссии. Если бы до войны товарищам Елисеева по работе в книжной базе Военторга сказали, что пройдет год и Константин станет умелым разведчиком и конспиратором, вряд ли кто в это поверил бы. Усомнился бы в таком предположении и сам Елисеев. Но и года не минуло, как жизнь потребовала от него стать во главе юных разведчиков в стане врага. И он хорошо справлялся с этим ответственным поручением комсомола. Справлялся за счет природной сметки, ума и неистребимой веры в возвращение в Верхневолжье Советской власти.

У группы Елисеева была постоянная связь с разведотделом Калининского фронта. Связные подполья Нинель Курков и Сережа Васильев трижды пересекали передний край обороны врага и попадали в расположение советских войск. Частой гостьей в доме № 32 в Холодильном переулке, где жил Константин, была Татьяна Виноградова — инструктор Калининского городского комитета комсомола. Это она принесла в город пачку листовок с обращением к населению обкома партии. Подпольщики расклеили их на стенах домов, на телеграфных столбах, подсунули под двери многих жилых квартир.

Мчались из Сибири, с Урала, из Среднеазиатских республик к Москве воинские эшелоны, к подмосковным заснеженным полям стягивались новые и новые дивизии советских войск. Не только Нефедов и Елисеев, но и те, кто направлял их боевую деятельность, не знали, да и не имели права знать, когда пробьет час разгрома гитлеровцев у стен Москвы. Но именно в дни перед началом генерального наступления Красной Армии чаще стали греметь выстрелы на улицах оккупированного Калинина, участились взрывы мины в учреждениях «нового порядка», на узлах связи, в казармах. Жандармы, солдаты зондеркоманды и агенты Ясинского не успевали теперь соскабливать со стен листовки, призывавшие уничтожать оккупантов.

Стреляли руины древнего города. Гремели выстрелы в яочи и на дорогах к нему. Взрывами мин, огнем из засад встречали фашистов пригородные деревни. То дерзко действовали партизаны. Один из отрядов их возглавлял секретарь Калининского сельского райкома партии Алексей Семенович Журавлев. Второй, конный, отряд водил в бой участник гражданской войны рабочий вагоностроительного завода Иван Николаевич Щербаков.

И час освобождения Калинина пробил. 13 декабря город жил, как растревоженный муравейник. На улицах появлялись и исчезали потрепанные подразделения 9-й немецкой армии. У штабов и складов один за другим останавливались грузовики. Их доверху набивали ящиками с бумагами, наворованным добром. Было ясно: гитлеровцы поспешно эвакуируются. 15 декабря они взорвали мосты через Волгу и Тьмаку. Начали свое черное дело факельщики.

В те часы раздались последние автоматные очереди из городских руин. То стреляли по убегающему врагу Федор Хохлов и его товарищи по подполью.

В ночь на 16 декабря советские войска вошли в город.

62 дня продержались фашисты в Калининe. И каждый день — с первого часа оккупации до последнего — город продолжал бой. Не все герои этого невидимого сражения увидели, как над родным городом опять запылало красное знамя — теперь уже навсегда. Кровавый палач Штеймле и его присные замучили в застенках зондеркоманды и в подвалах тюрьмы сотни людей. Среди найденных в разных местах изуродованных до неузнаваемости трупов удалось опознать Сергея Васильева, Нинель Куркова, Евгения Логунова, Юрия Иванова, Бориса Полева. Погибли Евгений Карпов, Евгений Инзер, Сережа Оспельников, подпольщик-одиночка ученик ремесленного училища Геннадий Артемьев.

Много раз выходил на заветную тропу лейтенант Сорочкин и с нетерпением ждал в сугробах у Волги свою подопечную. Но так и не дождался. Артистка попала в руки врага. При каких обстоятельствах, мы не знаем. Известно лишь то, что делом «красной разведчицы Барановой» занимался сам Штеймле.

Шесть дней продолжался поединок матерого гестаповца и двадцатилетней комсомолки. Свидетелей его нет, до-

кументов тоже. Но продолжительность единоборства, расстрел разведчицы 6 декабря 1941 года убеждают: штурмбанфюрер Штеймле не смог сломить волю дочери советского рабочего. Расстрелять — да, но победить — нет.

Новый, 1942 год калининцы встречали, делая первые шаги на новом фронте — восстановительном. Война медленно, но уходила на запад. Вместе с нашими войсками покинули Калинин и оставшиеся в боевом строю подпольщики. Туда же, в район оккупированного города Невеля, на парашюте спустился и разведчик «Доктор» — Николай Яковлевич Петров, врач, которому шел восьмой десяток.

Бой с заклятым врагом калининцы теперь уже повели за сотни километров от родного города.

ИЗ ВТОРОЙ ОСОБОЙ...

Вторая особая партизанская бригада... Ее «анкетные данные»:

Время рождения — начало осени 1941 года.

Место рождения — город Осташков Калининской области.

Организатор — штаб Северо-Западного фронта и лично начальник разведотдела полковник Кузьма Николаевич Деревянко.

Командир — легендарный «батько Литвиненко» — майор Алексей Михайлович Литвиненко.

Боевое крещение — октябрь 1941 года.

Район действий — рейд по тылам фашистских войск от верховья Волги к берегам Великой, к границам Латвии, к крупнейшему узлу коммуникаций и опорному пункту фашистских войск группы «Норд» — городу Острову.

Мне посчастливилось воевать в составе бригады. Наш красноармейский партизанский отряд, сражавшийся с фашистами в июле — октябре под Невелем в ловецких лесах, влился во Вторую особую в Пеновском районе в начале ее рейда по тылам врага. Я был назначен комиссаром штаба бригады.

Не ошибусь, если скажу, что ни одно партизанское формирование не имело в первые месяцы войны таких средств связи, как наше. Почти ежедневно по радиостанции мы передавали в штаб Северо-Западного фронта разведывательную информацию, а оттуда получали указания, приказы. О характере их можно судить по двум радиogramмам.

«Разведайте наличие и характер укреплений противника на рубеже реки Западная Двина».

«Уделите особое внимание непрерывной разведке и действиям на дорогах, идущих на северо-восток из районов Себежа и Опочки».

Первую мы получили, когда отряды бригады действовали в оккупированных районах Верхневолжья. Вторая застала нас на берегах реки Великой. В первом случае мы должны были обеспечить разведанными войска фронта, готовившиеся к январскому наступлению на Торопец — Андреаполь. Второе задание было связано с переброской живой силы и техники фашистов на Ленинградский фронт.

А вот некоторые наши «исходящие» радиogramмы в штаб фронта в декабре 1941 года:

14 декабря. «Данные отходе противника Осташков — Андреаполь подтверждаем. Андреаполе сосредоточение до двух батальонов».

21 декабря. «Большаку Осташков — Молвотицы, Старая Русса — Демянск большое движение автотранспорта. Молвотицы тыловые органы и два войсковых штаба».

25 декабря. «Волго-Верховье штаб. Еськино противник расквартирован отдых».

Добывать такие сведения считалось главным заданием для нашей бригады. И мы вели разведку всеми возможными путями: боем, проникая в гарнизоны врага, опросом населения, захватом «языков». Много ценных сведений получал наш штаб от местных партизанских отрядов. По приказу командования Северо-Западного фронта все они подчинялись в военном отношении командиру Второй особой бригады в период нашего пребывания в районах Верхневолжья.

Каждый из тех, кто побывал в составе бригады в пяти-месячном рейде по тылам врага, заслуживает доброго слова. Я расскажу о трех моих товарищах, прошедших сквозь горнило войны. Двое из них — Дмитрий Худяков и Екатерина Данилова здравствуют и ныне, третий — Андрей Мигров воевал до светлого часа победы, умер в послевоенные годы.

Андрей Иванович Мигров до войны заведовал сельпо в одном из сел Опочецкого района Калининской области. Было ему под 40, когда началось фашистское нашествие. С тремя детьми и беременной женой он пытался эвакуироваться. Не удалось. Жена в пути родила. Но и остаться с семьей не мог. Коммунист, старший сержант запаса, он твердо знал: его место — в бою с гитлеровцами. С тремя местными коммунистами лесными тропами пробрался Мигров через неустоявшуюся еще линию фронта. Под Осташковым его и заметил майор Литвиненко.

В бригаде Андрей Иванович стал командиром конной

разведки. Группа конных разведчиков была небольшой и неутомимой. В штабе мы Мигрова видели редко. Прискачет, доложит начальнику разведки бригады старшему лейтенанту Герману или самому комбригу, что удалось узнать, и вновь мчится с бойцами в ночь и в пургу по маршруту нашего ближайшего броска.

Я по-особому относился к Мигрову, считая его «крестным отцом» по рейду. Это он смело подскакал на коне к нам — трем десяткам вооруженных людей, когда наш отряд имени Чкалова группами форсировал Ловать, и как что-то само собой разумеющееся дал указание следовать в деревню, где находился штаб Литвиненко. Мы были с Мигровым почти одного возраста и находили много тем для бесед. Бывало, пытаю:

— Андрей Иванович, неужто не страшно вот так вдвоём-втроем лесом пробираться к гарнизону врага?

Усмехнется, отвечает:

— Почему не страшно? Но ведь не впервой. Да и лес наш. Вот фашисту, тому, должно быть, жутко в лесу не только ночью, но и днем.

— Ну, понимаю — привык ты. А вот молодых берешь, необстрелянных. Им-то каково?

— В безмятежном покое человека не узнаешь. Да и мускулатуру духа развивать надо.

— Что-то не слышал про такое.

Опять усмехается:

— Зря. Не я выдумал. Батько сказывал.

«Батьку Литвиненко» Мигров любил негромко, но самозабвенно. Комбриг, еще мальчишкой партизанивший в отрядах легендарного Щорса, кавалерист и разведчик, ценит Мигрова и не раз, когда решался вопрос, кого послать на ответственнойшее задание, говорил:

— Пускай Мигров скачет. У него исключительный нюх, да и умом бог не обидел.

Так было, когда нам удалось под Холмом обнаружить у врага запасы химического оружия и начальник штаба фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин приказал срочно перепроверить эти данные. И в густо начиненные гитлеровцами поселки и города на стратегически важном шоссе Опочка — Ленинград нашим разведчиком ушел Мигров. В Опочке и в Пушкинских Горах он привлек к разведывательной работе двух замечательных девушек — Раису Гаврилову и Аллу Шубину. Обе они работали в немецких комендатурах и впоследствии стали настоящими развед-

чиками в стане врага. Андрей Иванович помог найти свое место в борьбе с оккупантами и своему земляку мельнику Афанасию Трофимовичу Михалкинскому. Бригада получила от него немало верных сведений о гарнизонах гитлеровцев в Щукине и Поддубье.

И еще. Хорошим семьянином был наш следопыт. Сдерживал себя, но нет-нет и скажет с болью:

— Как-то там моя Саня? Небось измордовали, гады треклятые.

Семья Мигрова голодала. Ее выгоняли фашистские прихвостни из дому. Александру Мигрову гитлеровцы избивали, попадало и малолетним детям... Сегодня сыновья Мигрова почетные люди: один — офицер, двое — инженеры, дочь — знатный бригадир совхоза. Не лучшая ли это память о коммунисте-партизане Мигрове?!

Андрей Иванович был удостоен правительственных наград, награжден именованным оружием. После расформирования в мае 1942 года Второй особой Мигров командовал отрядом в 3-й Ленинградской партизанской бригаде.

У бывшего начальника политотдела нашей бригады Михаила Леонидовича Воскресенского сохранился любопытный документ — письмо кумы к куму. Привожу его дословно:

«Дорогой кум!

Вчера я была в нашем районном центре. Там большой базар. Продается много гусей, уток и кур. Своими глазами видела больше полсотни гусей, около сотни уток, а курам и счета нет. Но цены сердитые. Гуси стоят от 75 рублей до 155 рублей. Много спекулянтов. Так что, кум, на этот базар надо ехать с большими деньгами. Остаюсь любящая тебя кума

Василиса Прохоровна».

Попади такое письмо кому-либо в руки, скажут: «Ерунда какая-то. Зачем понадобилось гусей да уток считать бабе? И что за интерес писать дорогому куму только о ценах на базаре?»

А вот как разъяснил в свое время эту писанину заместитель комбрига по разведке Александр Викторович Герман: «Кум — это я. Базар — штаб. Гуси — пушки. Утки — минометы. Куры — пулеметы. Цены — калибр орудий. Спекулянты — полевые войска. Большие деньги — наши силы, коль вздумаем нападать. Ну а любящая кума — наша разведчица».

В бригаде было несколько девушек, и Герман часто па-

правлял некоторых из них под видом нищих, торговок в разведку. В том случае, о котором речь шла в письме, «любящей кумой» была Катя Данилова. В результате ее разведки и смелых действий группы Григория Быкова тогда удалось уничтожить в Андреаполе головной склад снарядов, готовых к отправке на фронт.

Катя родилась на тверской земле, в Лихославле, в большой и дружной семье железнодорожника Якова Данилова. В 1940 году окончила медицинскую школу в Калининне и только приступила к работе зубным техником в Свищевской больнице Лесного района — началась война. Просилась на фронт — послали на строительство оборонительных сооружений под Осташков. Счастливый случай свел их с Литвиненко. Комбриг «пугал» ее трудностями походной жизни, девушка твердила одно:

— Возьмите. Не подведу.

— Обдумайте все хорошенько. Даю сутки на размышление. Приходите завтра, — разрешил Алексей Михайлович.

Она пришла в тот же день вечером. Литвиненко неопределенно хмыкнул, как всегда, когда принимал то или иное решение, потом сказал:

— Беру. Будешь моим хлопцам зубы драть, — и, улыбнувшись, приказал начальнику штаба: — Зачислите в разведку, уж очень дивчина настырная.

Десятки раз отправлялась Катюша в разведку, и одна, и в группе, и в пешем строю, и верхом на лошади. И не было случая, чтобы она не выполнила боевого задания. Помню, в феврале 1942 года в одной из деревень Пустошкинского района начальник штаба и я готовили праздничный приказ: приближалась 24-я годовщина Красной Армии. В избу вошел неожиданно комбриг. Поздоровавшись, спросил:

— Над чем головы ломают начальник и комиссар штаба?

— Приказ к 23 февраля готовим, — ответил Белаш.

— Це добре. Смотрите, девчат не забудьте отметить, и в первую очередь Катерину Данилову и Нину Зиновьеву. Дюже гарные бойцы.

«Гарные» в устах Литвиненко было большой похвалой. В бригаде об этом все знали.

С самой лучшей стороны зарекомендовала себя Данилова и позже, в рядах партизан 3-й Ленинградской бригады. Помнится случай, когда глухой осенью на болотном

острове Голодай после изнурительных боев мы вынуждены были оставить под открытым небом на несколько дней 35 тяжело раненных своих товарищей.

— Кого оставить с вами? — спросил комбриг Герман.

— Медсестру Данилову, — ответили в один голос бойцы.

Она лечила, поила, кормила, обогревала, разжигая костры, ободряла ласковым словом. И люди выдержали. А мы тем временем заняли ряд деревень, выбив оттуда врага. В одной из них развернули госпиталь...

У Екатерины Яковлевны сейчас другая фамилия. Мужем этой отважной женщины стал наш чкаловец Иван Васильевич Крылов. Во Второй особой он командовал боевой группой, в 3-й Ленинградской был командиром отряда, начальником штаба бригады. Осенью 1943 года после гибели Германа — комбригом.

Рейд есть рейд. Отряды Второй особой были в непрерывном движении. Мы не знали ни лесных лагерей, ни землянок. Останавливались ненадолго лишь в деревнях, изгнав предварительно или уничтожив находившихся там гитлеровцев и полицаяев. И снова в путь. После освобождения от врага районов Верхневолжья бригада стала небольшой — около 400 человек. Так определено было свыше: в интересах ее мобильности. В ряды бойцов вновь зачисляли только в целях восполнения потерь.

Но и такими силами мы «трясли», как любил говорить наш комбриг, крупные фашистские гарнизоны. В конце января 1942 года бригада получила задачу «поработать» на железных дорогах Себеж — Великие Луки (московское направление) и Невель — Дно (ленинградское направление), в местах их приближения друг к другу — в Новоскольном районе Калининской области. И мы обрушили удар за ударом на станции Насва, Выдумка, Маево. Подготовили налет и на крупнейший железнодорожный узел Новоскольники, но в самый последний момент, узнав о срочной переброске туда тысячи солдат-австрийцев и двух бронепоездов, решили перейти к шоссе Ленинград — Невель, пересекающее железную дорогу в городе Пустошка, и взорвали на нем в нескольких местах мосты, в том числе через незамерзшую Великую, уничтожили скипидарный завод, ликвидировали крупную «экономию», снабжавшую гитлеровскую армию скотом и птицей.

Многие бойцы и командиры отличились в январско-февральских боях, но храбрейшим все считали Дмитрия Худякова. Кадровый командир Красной Армии, он с горсткой

курсантов полковой школы, оставшись летом 1941 года на оккупированной территории, совершал дерзкие налеты на мелкие подразделения фашистов. Узнав о существовании нашего красноармейского партизанского отряда имени Чкалова, разыскал нас, стал партизаном.

В отряде Худяков возглавил группу разведки. Много дорог исколесил под Невелем, Пустошкой, Идрицей, смело появляясь в деревнях и селах. Однажды Дмитрий с тремя разведчиками возвращался из поселка Таланкино. Разведка была удачной, а по дороге к лагерю удалось подбить три автомашины. Но вымотались люди и дождь лил как из ведра. Худяков решил заночевать в сенном сарае. Заснули разведчики мертвецки. Плохо спалось лишь командиру — болела раненая нога. А тем временем к сараю подошли гитлеровцы, окружили его. Дмитрий слышал крадущиеся шаги и, поняв в чем дело, взял в руки маузер и гранату. Фашисты во главе с офицером вошли в сарай. Офицер включил фонарь, и в тот же миг Худяков разрядил в него пол-обоймы. Солдаты бросились к двери. Туда же полетела худяковская граната. Оставшиеся в живых гитлеровцы подожгли сарай и, не зная, живы или нет партизаны, стали глазеть на пожар. И поплатились за беспечность. Худяков и его товарищи выскочили из огня и, стреляя из автоматов, бросились в лес. Спаслись.

Вот каков был наш товарищ — чкаловец Дмитрий Васильевич Худяков. Помню, как огорчился он, когда Литвиненко назначил его своим помощником по хозяйственной части.

— По хозяйственной? Так я же в разведке...

— Хлеб и обувь для нас не меньшую цену имеют, — перебил его комбриг. — И запомни: пусть наши партизанские аттестаты не крестьяне, а враги отоваривают.

И лейтенант Худяков начал нападать на фуражиров полевых войск гитлеровцев. Попутно вел и разведку. Литвиненко остался доволен его действиями и под Новосокольниками предоставил возможность проявить свои командирские способности. Дмитрий возглавил налет на станцию Насва, где первой военной зимой фашисты создали перевалочную базу для своей 16-й армии. Станция и поселок были хорошо укреплены, имелся солидный гарнизон.

Тремя почти одновременными ударами — по штабу, зданию вокзала, казарме — гарнизон был парализован. Удалось уничтожить несколько пулеметных расчетов, разрушить узел связи и станционное хозяйство, поджечь скла-

ды. В ночном палате объединенного отряда Худякова погиб лишь один партизан; по уточненным на другой день данным, потери фашистов превысили 50 человек.

В 1943 году Дмитрий Васильевич Худяков командовал полком ленинградских партизан. В знаменитом Житницком бою потерял руку. Сейчас живет в городе Камышлове, нет-нет да и навещает берега Волги и Великой.

При расформировании Второй особой костяк ее лег в основу 3-й Ленинградской партизанской бригады. Новое соединение родилось близ Осташкова на верхневолжской земле. Но об этом почему-то умалчивают летописцы партизанского движения. Мы же, ветераны Второй особой и 3-Ленинградской, всегда с глубокой благодарностью вспоминаем жителей этого края — наших верных помощников, деливших с нами хлеб и кров в лихую военную пору.

ВЕРНЫЕ СЕРДЦА

Очередной пленум райкома комсомола был назначен на 22 июня 1941 года. С утра к зданию райкома начала стекаться празднично одетая молодежь.

— Оля? Здравствуй!

Девчата и парни из Новогорского сельсовета, где раньше работала секретарем Ольга Стибель, окружили ее.

— Ну как там у вас, что нового? — спросила Оля.

— Растем! Вон какую гвардию привезли. Целый колхоз. На трех подводах.

— Молодцы!

— А Колька у нас на тракториста выучился. Всю полевую на тракторе отмахал. Знаешь, как он пашет? Царь!

— Нашел с кем сравнить! — высоченный парень в коговоротке смущенно переминался с ноги на ногу. — Почему такая повестка дня?

— Какая?

— Вот. О повышении обороноспособности. Мы что, пограничный район?

— Газеты читать надо, — съехидничал кто-то.

— Я о деле, а они... — тракторист махнул рукой.

— Ой! А ты такая же красивая! — щебетали девчата. — Замуж не вышла?

— Да ну вас! — Оля рассмеялась.

На крыльцо вышла девушка в матроске. Ее вьющиеся каштановые волосы были красиво перехвачены алой ленточкой. Над тонкими стрельчатыми бровями свешивалась непокорная прядь волос.

— Кто это?

— Сидоренко. Инструктор райкома.

— Прошу всех заходить. — Голос у девушки был певучий, мягкий. — Не забудьте зарегистрироваться.

Олю избрали в президиум. Она села рядом с Лидой Сидоренко. Председательствующий объявил:

— С докладом выступит заведующий военным отделом райкома ВКП(б) Павел Васильевич Касаткин. После пленума комсомольское гулянье в городском парке. Играет духовой оркестр.

Из-за стола президиума поднялся по-военному подтянутый мужчина в гражданском, подошел к трибуне и, не начав говорить, вопросительно глянул на дверь. Оля посмотрела туда же. Там стоял чем-то взволнованный секретарь партбюро промкомбината Иван Максимович Круглов.

— Товарищи! — Он прошел на середину зала. — Включите радио.

Кто-то повернул ручку круглого, как тарелка, с ромбом посередине громкоговорителя. Передавали правительственное сообщение. Оказывается, уже несколько часов шла война...

— Будет нужно, мы вас вызовем, — мягко сказал Оле военком. Глаза у военкома были усталые и грустные.

На крыльце Оля встретила Лиду.

— Не взяли? — спросила она Олю.

— Нет.

— Меня тоже. Почему?

— Вот именно! — Перед ними стоял тракторист из Новых Гор. — Не берут. Понимаете? Трактористов, говорят, по особому распоряжению. Там люди уже фашиста бьют. А мы тут! — Он снова исчез за дверью и вскоре выскочил сияющий. — Доказал! Девчата! Доказал! У-ух! — Он бесцеремонно схватил Олю и Лиду в объятия, закружил.

— Пусти! — взмолились девушки. — Силищи-то!

— Да я самому Гитлеру скажу: вот, видел! — тракторист сжал пудовый кулак.

Вечером андреапольцы провожали первый воинский эшелон. Играл духовой оркестр, тот самый, о котором объявлял председательствующий на пленуме. Когда оркестр умолкал, слышно было, как плакали матери. Но вот поезд тронулся. В комсомольском вагоне вскинулась гармошка:

Дан приказ ему на запад...

Песню подхватили на перроне. Перед глазами у Оли почему-то встали летящие по степи тачанки. Песен новой войны еще не было.

Фронт приближался к Андреаполю. В это трудно верилось. Но вскоре стала слышна на западе, под Великими Луками, отдаленная канонада. Ночами над городом появлялись со смертоносным грузом немецкие бомбардировщики. Они сбрасывали бомбы на железную дорогу и просто на жилые кварталы.

Воскресным утром 18-го июля Олю и Лиду вызвали в райком партии. В приемной первого секретаря Ивана Семеновича Борисова уже толпилось десятка два комсомольцев. Лида увидела Клаву Королеву, Петю Кудряшова, сестер Галю и Асю Фроловых, Васю Сутугина, Колю Веселова, Ваню Кудрова, Люсю Морозову, Ваню Капустникова.

Те, кто приходил вновь, задавали один и тот же вопрос: — Куда?

И ответ получали одинаковый:

— Не знаем. Наверно, на оборонные...

Наконец дверь, ведущая в кабинет первого секретаря, открылась, и на пороге появился сам Борисов.

— Прошу заходить.

В глубине кабинета расхаживал военный в форме пограничника. Увидев его, кто-то скоропалительно бросил:

— На границу.

— Какая тебе граница! Гитлеровцы уже в Великих Луках.

— Рассаживайтесь, и начнем.— Секретарь райкома прочел во взглядах собравшихся один и тот же нетерпеливый вопрос и повернулся к военному, как бы приглашая его к разговору. Тот подошел к столу.

— Ну что ж, товарищи, обстановку на фронтах, я думаю, вам объяснять не надо. Будем говорить коротко, по военному. Армии нужны люди, готовые пойти за линию фронта, в тыл врага, и там выполнять боевые задания. Подумайте и решите для себя этот вопрос. Кто согласен, просим подождать в приемной. Побеседуем с каждым в отдельности.

Лида Сидоренко вернулась в кабинет Борисова одной из первых и вышла оттуда сияющей. На сборы представитель разведки штаба фронта дал Лиде сутки.

Матери она сказала, что ее отправляют с девушками на оборонные работы.

— Доченька! — Анна Тимофеевна заплакала.— Опять! Да что вы все. Страх-то какой! Володька вон в какие-то партизаны собрался. А я с кем? Не пущу!

— Мама! — Лида прижалась к матери.

— Да я ведь так. — Анна Тимофеевна украдкой смахнула с глаз слезы. — Смотри не простудись там.

— Ну что ты, мама! Какая простуда? Разгар лета. И вообще, ты не волнуйся. Сказали, из дому ничего не брать. Там все дадут.

Анна Тимофеевна порывисто обняла дочь:

— Ой, Лиданька. Чует мое сердце, не то что-то ты говоришь. Не то.

День тянулся невероятно долго. Чтобы избежать лишних расспросов дома, Лида надела свое любимое черное платье и пошла в город. Андреаполь теперь выглядел совсем не так, как месяц назад. Многие дома были разрушены. Лишь Западная Двина все так же неспешно несла свои воды. Там, за ней, на крутом берегу дремал парк, непривычно пустынный, без музыки, песен и веселых голосов.

Лиде почему-то захотелось посидеть на крылечке столовой. Она присела на перила, прислонила голову к резному столбику, раскрыла книгу. Из столовой вышли военные. Запыленные, усталые, они строились в колонну. Один из них задержался возле Лиды:

— Читаем? — Лида повернула к нему голову. — Интересная книга?

— Очень! Чернышевский. «Что делать?». Моя любимая. Хотите, подарю?

— Спасибо!

— Дубовой! Почему не в строю? — раздался голос командира.

Красноармеец побежал к своим.

— Меня зовут Николай! Николай Дубовой! Запомните! — прокричал он уже на бегу. — Мы встретимся. Я обязательно верну вам книгу.

На следующий день утром в райкоме Лиде сказали:

— Вы пойдете на связь с партизанами.

Олю Стибель с группой разведчиц направили из Андреополя под Великие Луки.

В одну из декабрьских ночей 1941 года по дороге от Торопца к Мартисову шли две девушки. Дорога была обычным санным проселком, местами совсем занесенным снегом. Девушки шли одна за другой: впереди — та, что выше ростом, в шерстяном платке и в больших, явно не с ее ноги, валенках. Когда проселок нырнул в лес, та, что была позади, тихонько позвала:

— Оля.

— Что? — идущая впереди обернулась. — Устала?

— Не могу вот так, за тобой. Ты выше. Вижу одну твою спину.

— Шутница ты, Лидка, — Оля приостановилась, пропуская подругу вперед.

До рассвета нужно было выйти к железной дороге, найти место, где можно спрятаться так, чтоб видно было плохо. Девушки шли через силу. Оля вдруг догнала подругу, обняла сзади:

— Ну и хитрюха ты, Лида! Нарочно все придумала, чтобы мне легче было. Первому всегда труднее.

Лида ускорила шаг:

— Пятьсот шагов я впереди, пятьсот — ты. По-честному. Я когда шла за тобой, вроде как и не шла вовсе — отдыхала.

Лес неожиданно кончился, проселок вынырнул в поле, и сразу в лицо ударил колючий снежный ветер. Лида остановилась.

— Слышишь?

Оля повернула голову туда, откуда нарастал гул.

— К Андреаполю. Грузеный, — безошибочно определила она. — Значит, так. Ищем возле железной дороги в лесу стог сена.

— А если не найдем? Небось сено фрицы давно вывезли.

— Будем искать крышу. Железнодорожники, сама знаешь, как сено ставят. Четыре жердины, на них крышу. Сено увезут, а крыша — на землю. Лучше тайника не придумаешь.

Две маленькие, почти невидимые в темноте ночи, фигурки пересекли открытое поле, скрылись в кустарнике, что подступал ближе к полотну железной дороги. На поле продолжала бесноваться поземка, белыми шуршащими языками зализывала следы, поднимала в воздух и швыряла на землю колючую снежную пыль.

Из кустов было видно, как поземка стелется вдоль железнодорожного полотна. Поезд только что прошел, вдалеке еще был слышен вздрагивающий перестук. На полотне было пустынно. Казалось, нет никакой войны, а просто прогрохотал пассажирский Гродно — Ленинград.

— Идти вдоль дороги нельзя. Вдруг патруль, — прошептала Оля. — Поищем стога.

Девушки обогнули открытое место. За кустами, у края

полянки, покосившимися громоотводами торчали четыре высокие жердины. Между ними островерхо возвышался сугроб. От него вел полузанесенный санный след.

— Отлично! Кто-то из нас с тобой везучий, — зашептала Лида. — Лучшего места не найти. Сено забрали недавно. Значит, никто не приедет.

Девушки пошли, стараясь ступать в снежные промоины так, чтобы не оставить следов. Крыша, которой был накрыт стог, не совсем осела на землю. Когда сено вытаскивали, ее подперли колом и так оставили. Ветер намел вокруг снежные «стены». Лида первой осторожно нырнула под крышу.

— Ой, да тут и подстилка есть! — она принялась разгребать запорошенные снегом остатки сена.

Оля пролезла вслед за нею.

— Настоящий наблюдательный пункт. Как сказали бы в штабе, заройся кротом в землю, но все увидь.

Под сено снизу были подложены толстые ольховые прутья. Оля отломилла конец одного из них, проковыряла против себя в снежной стенке дырку в сторону железной дороги, протянула прут Лиде:

— На. Сделай себе глазок. И давай — одна из нас спит, вторая дежурит.

...Лиду разбудил грохот. Что-то большое железное надвигалось на нее в темноте.

— Смотри, — Оля осторожно толкнула подругу в бок.

Лида припала к повернутой в снегу дырке. В ночи было видно, как по полотну медленно движется поезд. Паровоз толкал перед собой две платформы, нагруженные чем-то похожим на камни.

— Партизанских мин боятся, — шепнула Оля.

Лиду бил озноб:

— Гляди! Пушки!

Снежные «амбразуры» ограничивали поле зрения, и перед взором Лиды медленно одна за другой проплывали платформы с накрытыми брезентом орудиями.

— Второй, — сказал Оля. — И оба к Андреаполю. Ты хорошо уснула, крепко. Не хотелось тебя будить.

С рассветом на насыпи появилось трое автоматчиков. Лида и Оля увидели их одновременно.

— Немцы!

— Патруль.

— А если сюда?

— Боишься? — Оля повернула голову к подруге.

— Не боюсь. Но если...

— Мы должны быть готовыми ко всему. Притворимся спящими. И потом, у нас есть легенда.

Ветер утих, и гортанные голоса солдат хорошо были слышны в убежище разведчиц. Внезапно гитлеровцы повернулись в их сторону. Девушки затаили дыхание. На полянку невесть откуда выскочил заяц. Озираясь, он встал столбиком в снегу.

— Беги! Беги, родной! — прошептала Оля.

Заяц, будто услышав ее, сделал бросок в сторону, и тотчас же с полотна ударила длинная очередь. Несколько пуль прошили крышу над головами девчат. Оля и Лида прильнули к земле. Голоса раздавались теперь совсем рядом. Слышно было, как под ногами солдат рушится снег. Наконец шаги начали удаляться. Гитлеровцы вышли на полотно. Один из них нес за уши убитого зайца. И опять все смолкло.

— К черту! — Лида отодвинулась от «глазка». — Давай вспоминать о чем-нибудь довоенном.

Она провела ладонью по лицу, будто желая стряхнуть только что пережитое.

— Боишься? — опять спросила Оля.

— Боюсь. Если лицом к лицу — нет. А вот так, в засаде... Понимаешь, как-то противно стынет все внутри.

— Я сперва тоже боялась. — Оля помолчала. — Когда мы без тебя на первое задание ходили. Пришли в деревню Кресты недалеко от Великих Лук. Не успели в первый дом зайти — за нами немцы на мотоциклах, человек пятьдесят. Все с автоматами. Двое — к нам. Руками машут:

«Хальт! Хальт!»

У нас и ноги к земле будто бы кто приклеил. Стоим. Они навели на нас автоматы:

«Рус девка! Откуда шоль? Пудет говорить?»

Ну, я тоже руками замахала:

«Гут! Гут! Пудет, — даже слова, не знаю зачем, по-ихнему начала коверкать. — Город, — говорю, — город мы бежалъ. Там бух-бух. Стреляют. Страшно».

Сыплю словами, а сама думаю: «Великие Луки-то у наших, попробуйте проверьте». Ослабились они, ругнулись по-своему и по домам шастать: «Матка, курка, яйка!..» Мы в той деревне узнали, что надо, — и к своим. Девчата мне потом говорили: «Смелая ты, Оля! Ты даже к одному из

фашистов на мотоцикл просилась. Мол, до Великих Лук цурюк, цурюк, назад то есть, подвезите...» А я и не помню от страха, как это было. Сперва боялась. А теперь... ненавижу, — Оля произнесла последнее слово по слогам. — И боюсь только одного, что вдруг не смогу выполнить задание, не донесу сведений: схватят меня, как Петю Кудряшова.

— А ты видела, как его схватили?

— Нет. Девчонки рассказывали. Шли они через деревню Боженово. Смотрят, ведут Петю со связанными руками.

Железнодорожное полотно опять загрохотало, теперь со стороны Андреаполя. Поезд шел быстро, но тяжело. Девушки прильнули к «бойницам».

— Танки! — прошептала Лида. — Везут танки. Смотри! Битые!

— Вижу! Один, два, три... пять...

За несколько часов в своем убежище девушки так привыкли говорить шепотом, что даже не замечали этого, понимая теперь друг дружку почти по движению губ и выражению лиц.

— В Торопце у них мастерские, — сосчитав платформы с танками и дождавшись, когда утихнет грохот, повернулась к подруге Оля. — Мы в штабе об этом докладывали. В тот раз, о котором я тебе вчера рассказывала, ну, когда ходили в Новосокольники.

На полотне раздался стук, будто далеко по железу долбил дятел. Разведчицы прислушались.

— Обходчик идет, — догадалась Лида.

По путям шел старичок в железнодорожной форме. За ним — двое солдат с автоматами.

— Смотри! Старика и того под ружьем ведут. Не много охотников на них работать, — зашептала Лида.

— Это точно, — Оля переломила былинку. На зубах от нее осталась горечь. Хотелось есть, но мысль о еде как-то притупилась, ушла.

— Оля! — неожиданно спросила Лида. — У тебя какое задание?

— Как какое? Мы с тобой...

— Я не об этом. Какое по счету?

— Десятое. Мы с Клавой и Марусей под Витебск ходили. Была я и у Велижа, в Насве тоже. Потом нас по разным группам разделили, чтоб не были приметными. С тех пор с тобой...

— А я сперва к партизанам на связь ходила. Обидно

было немножко. Вроде как от своих к своим. В штабе об этом сказала, почему, мол, мне такие легкие задания? А меня отругали: «Какое ты имеешь право так думать!..»

— И правильно отругали. Раз посылали, значит, надо.

— Тише!

Со стороны Торопца опять нарастал гул поезда, и на встречу ему, уже от Андреаполя, пробивался, мощнел в небе другой звук.

— Слышишь? — Оля повернула голову к Лиде.

— Самолеты.

— Наши. Бомбардировщики.

Звук перекатился через поляну и где-то там, ближе к Торопцу, взметнулся грохотом к самому небу. «Домик» вздрогнул. Крыша просыпалась на девчат колючим снегом, и вслед за тем стало тихо. Приближающегося поезда больше не было слышно.

— Ура! — Лида больно стукнулась головой о крышу.

— Ты что! — Оля прижала ее к сену. — Захотела, чтоб нас услышали?

— Теперь им не до нас. Поезд-то не идет. Слышишь? Значит, разбомбили! — Лида стиснула Олю в объятиях.

— Ой, Лидка! — Оля, насколько могла, отстранилась от подруги. — Ну и влюбленных в тебя будет после войны!

— Почему?

— Глаза! Если бы мне такие. Скажи, ты бы могла сейчас, на войне, полюбить? — неожиданно спросила Оля подругу.

— Не знаю. Может быть.

— Знаешь, — сказала Оля, — однажды в лесу мы наткнулись случайно на группу красноармейцев. Из окруженья они выходили. Идем ночью. Тишина. Лес чуткий. Ступать надо так, чтоб ветка не хрустнула. Вдруг из кустов кто-то нас сзади раз! Руки мне за спину, рот ладонью зажали. Ну, думаю, все. А самое обидное: линия фронта близко, осталось нам идти-то совсем пустяк.

Отвели нас от тропки в лес. Слышим голоса. Не по-немецки говорят, по-нашему. Открыла глаза, гляжу, солдаты. В нашей форме, с винтовками. Только обросшие все, бородатые и одежда потрепана. Увидели нас: «Товарищи! Так это ж девчата. Наши!..» И такая у них радость! А тот, что меня схватил, самый бородатый, не отпускает. «Подождите, — говорит. — Проверить надо».

Ну, мы на всякий случай легенду начали рассказывать. Они выслушали. Подходит к нам один с кубарями в

петлицах. «Вот что, девчата. Через линию фронта проведете?» Мы — опять свое. Так, мол, и так, не знаем, где эта линия, и дела нам до нее нет... Тогда он достает что-то из кармана, фонариком тусклым таким посветил. «Не верите?» Видим, у него командирское удостоверение и партбилет.

Повели мы их. А этот, самый бородатый, все рядом со мной идет. «Извини, доченька! В темноте не разглядел...» — «Хорошо, — отвечаю, — дедушка. На первый раз извиню». Остальные над ним посмеиваются: «Что, Михаил. Поймал языка?»

Вывели мы их к своим. Побрились они. Подходит ко мне мой «дедушка», спрашивает: «Не узнаешь?» Гляжу на него: молодой! И глаза голубые-голубые... Ты до войны в Ленинграде была? — спросила Оля.

— Нет, — ответила Лида. — Все собиралась съездить, да так и не успела. А что?

— Ленинградец он. Под Ленинградом жил, в Пушкине. Он мне стихи читал. Знаешь, я с ним после войны по музеям бы целый год ходила. Все осмотрела бы.

— Там сейчас голод. Холодьюга, — Лида поежилась, будто бы здесь, в их «домике», было теплее.

— Это сейчас, — Оля вытащила воткнутую в снежную стену былинку. — А тогда было бы снова тепло. Лето. И мы поехали бы с ним по Неве в Петергоф. А потом... Потом, — она посмотрела на Лиду, — парожала бы я ему детей. Красивых-красивых. Как ты. Только глаза чтобы у них от него, голубые...

Рельсы на заснеженной насыпи опять холодно и противно заклацали. Появился паровоз. Он толкал перед собой платформу с подъемным краном. На ней стояли закутанные поверх формы в одеяла солдаты.

— Поехали чинить путь. Значит, крепко его там покорежило. Теперь надо выждать, когда стемнеет, и уходить.

— Раньше нельзя, — согласилась Лида. — Только надо узнать, что за охрана у них на станции в Мартисове.

К Мартисову девушки подошли, когда уже совсем стемнело. Ходьба разогрела, но еще нестерпимее захотелось есть.

— У меня родственники тут, — Лида замедлила шаг. — Брат отца, мой дядя Андрей Сидоренко. Сам он на фронте. А тетка моя — его жена — и двоюродная сестра Катя должны быть здесь. Зайдем. Надо хоть чуть обогреться да поесть. Потом, они многое знают.

— Резонно, — согласилась Оля.

Дом Андрея Деомидовича Сидоренко стоял почти в самом центре поселка, поближе к железной дороге. В поселке было тихо, ни души, будто все вымерло.

— Даже собаки не лают, — шепнула Оля.

В доме Сидоренко горел свет. Лида попыталась заглянуть в окошко. Окна были занавешены.

— Поддержи-ка меня, — попросила она Олю.

— Ты что! Так нельзя! Увидят, — Оля отстранила Лиду от окна. — Надо по-другому. Давай ждать, пока кто-нибудь выйдет.

Девушки затаились в надворной постройке так, чтобы видеть крыльцо. В доме некоторое время стояла тишина, потом сделалось шумно. По голосам можно было понять: там — фашисты.

— Не повезло, — вздохнула Лида. — Надо идти.

На крыльцо, пошатываясь, вышел гитлеровец. Он что-то бормотал себе под нос.

— Пьяный, — шепнула Оля.

Свет в окнах погас лишь после того, как на крыльце появились двое в офицерской форме. Девушки застыли в немом ожидании. Офицеры, не подозревая, что их слушают, продолжали начатый в доме разговор. «Так, — отмечала про себя Оля. — Одного переводят в Андреаполь. Боятся, как бы не убили. Назвал часть. Хорошо. Ну давай, говори, говори...»

Девушки выждали, не загорится ли свет снова.

— Ну. Теперь спят. — Лида шагнула из-под повети. — Постучим. Может, наши кто дома. Поесть вынесут. Иначе до Андреаполя не дойдем.

За калиткой слышались чьи-то осторожные шаги. Разведчицы бесшумно юркнули за угол, затаились. По двору, крадучись, пробиралось угловатое существо в шубенке и валенках.

— Катерина, — узнав сестренку, тихо окликнула ее Лида.

— Мама? — существо в шубенке метнулось на шепот. — Ой! Лида?!

— Тише! Т-с-с! — Лида зажала Катерине рот, взглядом показала на крыльцо.

Катерина рукой отвела ее настылую ладонь:

— Дрыхнут! Я каждую ночь хожу проверять, не спалили б дом. Ой! — она отпустила ладонь Лиды. — А руки у тебя как лед.

— Много их? — Лида утащила Катерину за угол.

— У нас пять. В других домах тоже полно. Сколько, не знаю. Такие страшные. Жрут все.

— Ладно. Сама-то где ночуешь? — стараясь говорить спокойно, спросила Лида. — Нам бы поесть чего. Только тихо. Даже маму не буди. Заблудились мы, потому и завернули к вам. Надо, чтоб об этом никто не знал. Никто-никто! Поняла?

— Мамы нет, — Катерина руками поддерживала полы шубенки. — Ушла в деревню, что-нибудь на еду поменять. А я у бабки-соседихи.

— Это далеко?

— Тут рядом.

— Мы тебя проводим. Ты нам корзиночку какую-нибудь поищи, с которой на рынок ходят. Только так, чтоб соседиха твоя не скоро хватилась.

— Поищу. Ой! А у нас на станции что деется, — тараторила Катерина. — Все поезда-поезда. Тяжелые, аж земля дрожит. Везде солдаты ихние. Нас к станции и близко не подпускают... Ну вот, пришли. Я сейчас.

Вернулась она с корзинкой, в которой лежала горбушка черствого хлеба.

— Спасибо! Так смотри, никому! Слышишь?

От Мартисова девушки не шли — бежали. Горбушка хлеба подкрепила силы.

— В Торопце больше двух тысяч солдат четыреста третьей и других пехотных дивизий, — отрывисто на ходу бросала Оля. — А теперь вот эти... Зачем бы им держать столько вояк в Мартисове? Как думаешь?

— К чему-то готовятся, — высказала предположение Лида.

— Но к чему?

— Попробуем уточнить в Андреаполе. Может, и маму случайно увижу, — Лида тяжело вздохнула.

С рассветом в разных концах Андреаполя на окраинных улицах появились две девушки. Одна из них со старенькой кошелкой, в ботиках и фуфайке, другая — в валенках. Закутанные в платки, не обращая внимания на редких прохожих, заранее продуманным маршрутом они пробирались к центру города, и мало кто мог бы узнать в них, одетых, в общем-то, по-крестьянски, работника райкома комсомола Лиду Сидоренко и бывшую служащую

райфинотдела, члена бюро райкома комсомола Олю Стибель. Солдаты провожали их пустыми, стеклянными взглядами и лишь там, где торчали вышки с часовыми или прохаживались патрули, вскидывали автоматы:

— Хальт! Цурюк-цурюк. Шиссен!

И тыкали дулами в сторону объявлений на столбах, где было написано: «Русским ходить запрещено. Расстрел!»

В полдень разведчицы встретились в переулке у базарной площади.

— Я уж хотела идти навстречу,— с тревогой сказала пришедшая первой Оля.— Что-нибудь случилось?

— Ничего,— Лида поставила кошелку на землю.— На известковом заводе у них склад. Рядом гараж. А за рекой зенитки... Ну, теперь за город. И к своим.

На улице Северной девушкам встретила шустрая женщина с птичьим носом и закутаным в рваное тряпье ребенком на руках. Она подозрительно оглядела разведчиц, а когда те отделились, пошла за ними. Оля обернулась.

— Ты ее знаешь?

— Нет.

— Похоже, следит.

— Надо отрываться.

— Давай к твоим. Переодеемся.

— Переулками. Вкруговую.

Девушки свернули в проулок. Женщина отстала, потерялась из виду, но спустя некоторое время скрылась во дворе того же дома, куда шли и они, только с другой стороны. Ни Оля, ни Лида не могли этого заметить.

Анна Тимофеевна, мать Лиды, услышав стук в дверь, заспешила к порогу. «Кто бы это? Верка, поди. Так для чего ей стучать?!» Ноги плохо слушались ее.

— Сейчас-сейчас!.. Лида?! — Анна Тимофеевна впустила их и почти неосознанно набросила на дверь крючок.— И ты, Оля? — она хорошо знала Ольгу.— Живые! Откуда вы? Озябли. Сейчас я, сейчас. Чего-нибудь тепленького.— Она без сил опустилась на скамейку.

— Мама. Мы на минутку. Нам надо переодеться. И вы тоже собирайтесь. Встретимся за городом.

— Доченька. Но Веры же, Веры нету. Она у подруги, у Маши Ярцевой.

Ни Анна Тимофеевна, ни девчата не слышали, как в соседней половине за стеной скрипнула дверь. Женщина с

птичьим носом шлепнула под зад грязную, одетую как попало девочку:

— Зинка! Живо к Ярцевым на Среднюю. Верка Сидоренчихина там. Скажешь, matka зовет. Чтоб сразу. И больше ни-ни. А то убью!

Она растолкала спящего на грязной кровати мужика:

— Никифор. Дрыхнешь!

— Чего? — мужик отер красное, спросонья опухшее лицо.

— Тише, — женщина показала на дверь. — Пришли. Ну, быстро! Тебе в комендатуре что сказали! Как придут, сообщить.

Анна Тимофеевна никак не могла попасть руками в рукава шубенки.

— А там кто? Почему закрыт ход? — Лида показала на дверь, ведущую в другую половину.

— Семья там детная. Мы, когда фашист Андреаполь занимал, в деревню отбегали. Тут такой бой был. Вернулись, они уже здесь, с ребятами. Пусть живут. Места хватит.

Дверь дернулась. Плохо накинутый крючок отскочил. На пороге стояла Вера.

— Мама, звала? Ой! Лида?! Ты? — она бросилась на шею сестре. — А за мной Зинка-дюх прибежала. Иди, говорит, домой. Мать зовет. А про вас ничего. — Вера отпустила Лиду.

— Дюх? Это кто? — спросила Лида.

— Дочку соседкину мы так зовем. Ходит грязная, как поросенок.

— Мама! Тут что-то не так. Одевайтесь. — Лида застегнула фуфайку, помогла матери попасть в рукава. — Мы уйдем. А вы позже за нами...

Дверь неожиданно распахнулась. На пороге стояло четверо солдат с автоматами. За их спинами возвышался офицер в пенсне. Убедившись, что женщины перед ними без оружия, он шагнул к Лиде:

— Комсомолька Сидоренко — русский разведчик. Но так ли?

Трое суток слились в одну кошмарную ночь. То угрожающий, то вкрадчивый, «ласковый» голос офицера, боль, беспомощность и снова перед глазами Оли и Лиды ненавидимое лицо в пенсне.

— Ви будет говорить? Кто вас послал? Куда? Какой заданий? Отвечайт.

Их вызывали на допрос поодиночке и вместе. На глазах у Лиды били Веру, Анну Тимофеевну. И снова те же вопросы.

На третью ночь их вывели на крыльцо комендатуры. Всех вместе: Олю, Лиду, Веру, Анну Тимофеевну. В небе сияли чистые декабрьские звезды. Лида с трудом нагнулась, зачерпнула ладонью горсть снега, бросила в рот. Сзади на нее обрушился удар приклада. «Вывели ночью. Значит, все. А может, в тюрьму? — подумала Лида. — Но почему ночью? Чего они боятся?»

Их поставили на краю какого-то обрыва за городом. Лида огляделась. Здесь до войны копали глину для кирпичного завода. «Так вот куда они нас... Значит, конец».

Подошел офицер в пенсне. Направив пистолет на Олю, он сказал Лиде:

— Ви будет виновен смерть своей подруг. Отвечайт. Что ви должен был донес из разведка?

Лида глянула на Олю. Глаза их встретились близко-близко. Оля взглядом как бы сказала Лиде: «Молчи!»

Что-то гулко щелкнуло, будто лопнула рядом сухая доска.

Оля упала.

— Мама! Мама! Что они делают? Ма!..

Лида вздрогнула. «Кто это? Неужели я кричу?! Нет. Это Вера. Сестра...»

— Вера, не надо! Это не страшно! Вера!

Офицер поднес пистолет к виску Веры. Лида зажмурилась. Снова, но теперь уже где-то далеко сломалась доска, и что-то встряхнуло Лиду. Она открыла глаза. Офицер изо всех сил тряс ее за плечи:

— Ви безжалостен свой подруг и сестра! — Он что-то крикнул солдату. Тот нацелил автомат в грудь Анне Тимофеевне.

— Мама!

— Доченька. Не надо. Молчи! Мол...

Безжалостный треск оборвал голос Анны Тимофеевны. Что-то острое полоснуло по сердцу Лиды, и сразу стало все просто. Какая-то горячая волна отрешила Лиду от собственной боли. Она рванулась к офицеру:

— Ты! Убийца! Что? Взял? Двоих девчонок победить не можете. А нас миллионы.

Офицер наотмашь ударил Сидоренко по лицу:

— Ты сошел с ума!

— Врешь! — Лида поборола головокружение. — Это вы

сумасшедшие. Да! Я разведчица. Мы все разведчики. Все. Все...

Еще один выстрел прозвучал в морозном воздухе ночи. Офицер судорожно спрятал пистолет в кобуру. Четверо с автоматами нагнулись над ямой.

Это случилось в ночь на 6 декабря 1941 года. А несколькими часами позже на заснеженных полях Подмосковья, там, куда устремлен был последний взгляд Оли и Лиды, дрогнула от грохота орудий земля. Поднялись в атаку батальоны. Вставало утро нашей победы.

...В один из майских дней первого послевоенного года на перрон Андреаполя сошел солдат. В руке у него была бережно обернутая в бумагу книга. Солдат поднялся на курган, где шумели на ветру сосны, и остановился перед невысоким обелиском. С фотографий на него глядели лица двух девушек. Солдат прочел надпись на обелиске: «Вечная слава героям Великой Отечественной войны — разведчицам Советской Армии, расстрелянным гитлеровцами в декабре 1941 года, — Стибель Ольге Александровне 1915 года рождения, Сидоренко Лидии Романовне 1922... ее матери Анне Тимофеевне и сестре Вере 1923 года рождения...»

Солдат положил у края обелиска книгу:

— Вот. Я исполнил свое обещание. Пришел к тебе...

ТОКОЛОВСКИЕ СМЕЛЬЧАКИ

Говорят, что на войне самое трудное, встретив в первый раз хорошо вооруженного врага, преодолеть страх. Я впервые увидела фашистов после боя у железнодорожного моста возле деревни Городище. Фашисты были за Ловатью, красноармейцы — на нашей стороне реки. Долго гремели выстрелы. Было много раненых, и мы, девчата и подростки деревни Баталихи, оказывали им помощь: рвали простыни и белье на бинты, перевязывали как могли, на лошадях отвозили в безопасное место. Потом наши войска отошли, заминировав дороги. И первые гитлеровцы, появившиеся на машинах, взлетели в воздух. Это я видела собственными глазами, и страх в душе «потеснился», уступая место другим чувствам.

Жителей Баталихи фашисты выгнали из домов. Мои родители, сестра Тоня и я несколько дней скитались по другим деревням, а затем вернулись. Баталихи как населенного пункта уже не существовало. Оккупанты сожгли жилые постройки, сохранились три-четыре бани, колхозные амбары, здание школы. В них и разместились мои односельчане.

Баталиха располагалась в 5—6 километрах от Великих Лук. Фронт был уже далеко, и мы с сестрой решили побывать в городе. Только Ловать по-прежнему не спеша катила свои воды меж великолукских холмов. Все остальное в городе стало чужим. Повсюду пестрели объявления и приказы с черными паучьими знаками — свастикой. Приказы коменданта германских войск определяли до мелочей, что должны делать великолучане и что им запрещалось под угрозой расстрела. Мы шли подавленные.

— Смотри, Зина, — прошептала Тоня.

Я посмотрела в сторону и отпрянула: на телеграфном столбе висел парень моего возраста. Привязан он был за

руки, на шее его болталась доска. Мы подошли поближе. Я прочла: «За связь с партизанами».

— Ой, как страшно, Зиночка! — у Тони зуб на зуб не попадал.

— Пойдем, сестренка. — Я тоже вся дрожала, но вместе с тем в вихре мыслей настойчиво пробивало дорогу одно слово: «партизаны».

Не сразу мы повстречались с ними. Фашисты еще раз нагрянули в Баталиху и в стылый зимний день выгнали всех нас на улицу, сожгли бани, амбар, школу. Мы поселились в деревне Морково. Часто по ночам слышались взрывы на железной дороге. Выйдем, бывало, с Тоней из избы, стоим, прислушиваемся. Тихо. Ночь полна стужи и ярких звезд. И вдруг ухнет, застонет земля. Шепчу:

— Слышишь?

— Угу. Наверное, наши идут.

— Вряд ли.

— А помнишь, разведчик-лыжник говорил, что наши уже у Куньи?

Хотелось, конечно, и мне, чтобы поскорее вернулась наша армия, но Кунья далековата, да и правда ли то, что говорил однажды побывавший в деревне разведчик. Может, успокаивал. Нет, это рвут дорогу партизаны. И я предложила сестре:

— Давай уйдем к нашим, в Токолово. Там скорее и партизан найдем.

Тоня согласилась. Не откладывая в долгий ящик свое решение, мы спустя два дня были уже в дороге. Железнодорожную ветку, тщательно охраняемую фашистами, перешли у деревни Давыдково. И вот мы обнимаем своих родных — тетю, дядю, двоюродных братьев. В Токолове — красивейшей деревне Великолукского района, опоясанной с севера и юга лесом, — мы и нашли, что искали. Можно представить нашу радость, когда вскоре нам стало известно, что двое наших двоюродных братьев (пятеро из семи были в армии) Федя и Петя Качновы — бойцы партизанской группы, совершавшей диверсии на железной дороге.

Милые, юные токоловские ребята! Они первыми подняли в округе знамя борьбы. Начали со сбора оружия, но уже по первому снегу вышли на коммуникации врага: взорвали несколько мостов и труб на железной дороге и шоссе. Перечислю имена тех, кто положил начало организации: Федор Качнов (18 лет), Иван Чекланов (18 лет), Петр Качнов (16 лет), Вася Чекланов (15 лет), Иван

Шершнев (17 лет) и колхозник-инвалид Василий Михайлович Шабанов.

Никогда не забудется наш самый юный товарищ Вася Чекланов (он погиб летом 1942-го) — один из пятерых детей колхозника Павла Васильевича Чекланова. Ученик шестого класса Рыжаковской неполной средней школы, атлетически сложенный подросток. В школе он был первым и верховодил комсомолом. И в партизанской группе отличался храбростью и неустойчивостью — до всего ему было дело, до всего доходили руки.

Командир группы Василий Шабанов организовал учебу. В лесу, носившем название «Бор Гиберта», мы тренировались в стрельбе из винтовок. Братья Качновы овладели пулеметом. С толом в группе никто раньше дела не имел, а жители наших деревень поначалу толовые шашки принимали за... мыло. Но, узнав о назначении тола, группа припрятала в лесном окопе ни много ни мало около двух тонн этого «мыла».

Эхом первых взрывов на дорогах был приток в группу молодежи из окрестных деревень. Партизанами стали Алексей Федотов, Петр Яровиков, Федор Леонов, Михаил Иванов, Константин Соловьев, Анатолий Иванов, Владимир Петров, Алексей Иванов, Василий Михайлов, Алексей Федоров, Владимир Захаров, Василий Щеглов, Михаил Бойков, Михаил Арсеньев и братья Пискуновы — Иван и Петр. У многих из прибывших имелось оружие. Так, Алексей Федотов из деревни Быбылево под полом бани спрятал 18 винтовок и ручной пулемет, а в окопе зарыл много патронов и снаряды. Сверху для маскировки сделал холмик и поставил деревянный крест.

В разгар зимы из немецкого гарнизона Великих Лук начали часто отправляться в близлежащие деревни отряды карателей. Войдут в селение — дочиста все заберут у жителей и сожгут постройки дотла.

— Давайте пугнем фашистов, — предложил Федор Качнов.

— Да так, чтобы они не знали, сколько нас, — поддержал Федю Иван Чекланов. — Пусть думают, что нарвались на большую силу.

— Хорошо, — согласился командир.

Стали готовить засаду. Когда разведчики, оседлавшие шоссе на Невель, доложили: «Идут!», засели мы в деревне Булынино, находившейся на опушке леса. Волновались. Я, наверное, больше других: в открытый бой шла впервые.

Фашисты двигались неторопливо и безбоязненно. Мы открыли огонь издалека. Федор Качнов метко стрелял из пулемета. Наш «главный спец» по минному делу Иван Чекланов открыл огонь из миномета. Остальные 23 бойца дружно падали из винтовок. И непрошеные пришельцы повернули назад.

— Отступают! — крикнул кто-то.

— Ура! — закричала я.

С того дня мы вели круглосуточное патрулирование на дорогах. Деревни Булынино, Горивицы, Личково и наша «столица» Токолово были спасены от уничтожения.

— Вроде как бы активно обороняемся, — сказал, подводя итоги нашим дежурствам, командир. — Хорошо бы теперь...

— Поезд фашистский взорвать, — вставил Василий Михайлов.

— Чем? Как? — слышались восклицания.

— Можно миной, — сказал Иван Чекланов. Все обернулись к нему:

— А где мина?

— Сделаю сам...

Десять суток вел расчеты и что-то чертил на бумаге бывший студент железнодорожного техникума, а на одиннадцатый доложил:

— Готова.

«Детище» Чекланова было внушительных размеров (взрывчатки у нас хватало), имело три одновременно действовавших взрывателя. Это для гарантии, так как отсыревшие в земле взрыватели не всегда срабатывали. Ставили мину всей группой в одну из темных ночей на пути, соединяющем Великие Луки и Невель, недалеко от станции Чернозем. Предварительно Михаил Иванов и Василий Михайлов разведали обстановку. Никто не помешал, и мы вернулись в Токолово, оставив наблюдать за полотном железной дороги Захарова, Иванова и Михайлова.

Конечно, не спали в ту ночь. Как маленькие, радовались, услышав ранним утром сильный взрыв. Вскоре раздались артиллерийские выстрелы. Подробности узнали, когда пришли наши наблюдатели.

— Здорово сработала! — восхищенно рассказывал Михайлов. — Воронка, что от бомбы. Вагоны друг на друга полезли, некоторые под откос скатились.

— А кто стрелял?

— Бронепоезд подскочил к месту крушения, — пояснил Володя Захаров.

— По вас бил?

— Да нет. Со злости фрицы картечью по кустарнику и полю шпарили.

А на дворе рождалась весна. Дорога еще не пала, но солнце уже плавило крутобокие сугробы. Наша группа к этому времени стала боевым сплоченным партизанским подразделением. О нас уже знали в штабе партизанского движения Калининской области. Командовал теперь группой Василий Михайлов (Шабанов сломал ногу, падая с лошади), комиссара у нас не было.

Жили мы очень дружно. Нередко по вечерам, собравшись вместе, пели. Обычно начинал Миша Иванов свою любимую «Там вдали за рекой». Иван Чекланов аккомпанировал на гармонии. Не отставали от Миши и мы с Тоней — запевали песню партизанскую, невесть кем сочиненную. Вот ее слова:

Что ты смотришь, родимый товарищ?

Бородою небось я оброс.

Нам в лесу, средь боев и пожарищ,

На себя посмотреть не пришлось.

Мы ушли из родного колхоза.

Дали клятву себя не щадить.

А убийцам за кровь и за слезы

Мы решили сполна отомстить.

Уходя, хоть и сердце сжималось,

Подпалили колхозный амбар.

Ни зерна палачам не досталось,

Все дотла уничтожил пожар.

И мы взяли, что нужно для боя,

Всех коней увели со дворов.

Завалили колодцы землею

И угнали овец и коров.

Как мы бились с проклятой ордою,

Сколько крови впитала земля,

Пусть расскажут родные березы,

Пусть расскажут родные поля.

Мы эту песню поем и теперь, когда нет-нет да и соберемся вместе. Мы — это Иван Павлович Чекланов, начальник отдела локомотивного депо станции Великие Луки, Петр Иванович Качнов, животновод колхоза «Красное знамя», Петр Васильевич Пискунов, слесарь одного из

великолуцких заводов, другие великолучане — Федор Павлович Леонов, Иван Федорович Шершнев, Владимир Иванович Петров, Александр Васильевич Байков, Иван Алексеевич Петров, Михаил Иванович Байков, Алексей Петрович Федотов, Петр Иванович Яковлев. Ну и, конечно, я с Тоней. Судьба пощадила нас...

Но вернемся к событиям первой военной весны. Нашим главным успехом стал тогда взрыв небольшого мостика через глубокий ручей недалеко от Касьяновского железнодорожного моста. Мину поставили в канун Первомая, и она не сработала. Ночью к мостику подползли Иван Чекланов и Михаил Иванов. Устранили неисправность. Утром 2 мая раздался грохот, подобный горному обвалу. То на нашу мину напоролся фашистский бронепоезд и сдетонировали его снаряды. За этим бронепоездом охотились красноезвездные самолеты, но он искусно уходил от них. Получилось по пословице: «Боялся окунь угодить в сеть, попался на крючок». За эту операцию Иван Чекланов был награжден орденом Красного Знамени.

На исходе весны у нас улучшились контакты с частями Красной Армии, особенно с 31-й стрелковой бригадой. В штаб ее мы передавали разведывательные данные, были проводниками диверсионных групп.

На подступах к Великим Лукам в 1942 году весьма результативно действовал крупный партизанский отряд «Смерть фашизму» под командованием Н. В. Шиповалова. Штаб партизанского движения в начале лета распорядился присоединить нашу группу к отряду на правах взвода. Командиром назначили Павла Федоровича Соколова.

Нам повезло. За плечами Соколова был большой боевой опыт. Незадолго до начала Великой Отечественной он служил в пограничных войсках, с фашистами воевал с 24 июня 1941 года. Отступал из Прибалтики с товарищами, отстаивая каждый метр родной земли. Попал в окружение — вышел. А потом, контуженный, остался на поле боя. Втроем, не бросая оружия, бродили по немецким тылам, пока не встретились с начальником штаба отряда «Смерть фашизму» Ф. В. Максимовым.

Накануне прихода к нам Соколова нас постигло горе: погибли наши товарищи. В ночь на 16 июня Федор Качнов, Василий Михайлов, братья Чеклановы и Маша Зайцева, присланная к нам из отряда, заминировали полотно железной дороги. В 11 часов следовавший из Великих Лук к станции Чернозем эшелон противника в 20 вагонов по-

дорвался на их mine. Обрадованные успехом, ребята в ночь на 18 июня решили закрепить его и вышли на участок Чернозем — Фенино. Произошел преждевременный взрыв. Все подрывники, кроме Ивана Чекланова, погибли. Иван был ранен.

Вскоре отряд «Смерть фашизму» перебросили в белорусские леса. Потом мы опять воевали под Великими Луками, позже — в бригаде Петра Васильевича Рындина, в западных районах Калининской области.

ЦЕЛЬ УКАЖЕТ РАКЕТА

В книжном море есть книга, каждая строчка которой заставляет болью сжиматься сердце. Страницы ее заполнены письмами тех, кто погиб смертью храбрых в борьбе с фашистами в годы минувшей войны. Книга так и называется «Говорят погибшие герои».

Страница 113. Прощальное письмо из застенка гестапо от Алексея Жильцова, комсомольца из Ржева, подпольщика. Короткие, сжатые, как пружина, фразы:

«Дорогой мой отец. Не плачь. Будь уверен, что сын твой никого не подведет. Останешься жив, расскажи о нас другим. Не хочется умирать; еще мы мало сделали».

А мало ли?

Алексей проснулся в холодном поту. Беспокойная была ночь — снились кошмары. И длилась она долго-предолго...

Вчера он был свидетелем расправы. Два дюжих гитлеровца вытащили из подвала тяжело раненного красноармейца и долго били его прикладами автоматов и сапогами. Били, пока не затих. Алексей пытался рвануться из толпы к гитлеровцам, но чья-то крепкая рука удержала его:

— Выше лба уши не растут, парень. Остудись.

«Нет. Остудиться нельзя. И жить он, Алексей Жильцов, комсомолец, мечтавший в недалеком будущем парить в воздухе, так больше не будет. Надо действовать. И немедленно. А что думает Кузьма?»

Вспомнив о друге, Алексей улыбнулся. Друг настоящий, верный, старше годами — уже в армии отслужил, серьезный. Они часто спорили. Алексею всегда казалось, что Кузьма судит обо всем прямолинейно, почти бесстрастно. Ну почему бы ему не согласиться с тем, что великий драматург Островский писал свою «Грозу», взяв в основу

события, имевшие место в Ржеве. Ведь писатель гостил в городе у приятеля, бродил на крутом берегу, где высится собор. Так многие ржевляне думают, не один он — Жильцов. А Кузьма нет, ему факты, документы подавай.

...«Гроза», аэроклуб... Как все это стало сразу далеко в тот хмурый октябрьский день, когда в Ржев ворвались фашистские бронетранспортеры...

Алексей поднялся с кровати, наскоро умылся и пошел искать Кузьму Латышева, надеясь подговорить его на какой-то решительный шаг против оккупантов.

Кузьма Павлович Латышев был приметной фигурой в городе. В юные годы — передовой слесарь депо, после службы в армии — секретарь комсомольской организации в аэроклубе. Коммунист. В аэроклубе всегда было полно молодежи. Латышева уважали. Вряд ли целесообразно оставлять с такой биографией человека в небольшом городе для подпольной работы. Но факт есть факт: Латышев остался по решению горкома партии. Видно, были к тому веские причины. Впрочем, сам Кузьма согласился охотно..

Разговор друзей состоялся в тот же день. И как обычно, Жильцов горячился, напирал:

— Кузя, хватит нам сложа руки сидеть. Бить фашиста надо, бить.

— Армия хотя и отступает пока, но бьет его. И сильно, — вводил беседу в спокойное русло Латышев.

— Нет, так нельзя. Даю тебе слово: лично обо мне гады узнают.

— Чем же ты, герой, сражаться будешь?

— Гранатами. Они у меня в огороде зарыты.

— Где взял?

— Ребятишки стащили с остановившегося за Халынской немецкого обоза. Пойду брошу в чертов дом.

— У комендатуры полно автоматчиков. Подстрелят тебя, пропадешь ни за понюх табаку.

— Ну и пусть.

— Вот что, Лешка, — Латышев перешел на шепот, — я ведь не прохлаждаться здесь оставлен.

— Оставлен? — опешил Жильцов.

— Да. И с этого часа ты — мой помощник. Это тебе комсомольский приказ. Бить гадов будем и здесь, но сначала подберем ребят покрепче, сколотим подпольную организацию. Ну, руку, дружок.

— Кузя, — только и сумел сказать Жильцов от охватившего его волнения.

Первая вражеская бомба разорвалась во дворе казармы, взрывной волной выбило стекла. А через час часть, в которой служил младший воентехник Алексей Телешев, приняла в Прибалтике первый бой. Алексей подвозил снаряды. День путался с ночью, дорогу застилал кровавый туман. Потом с боями отступали, опускали глаза, когда встречались взглядом с жителями прифронтовых деревень. Тяжелым был этот путь на восток. Особенно горько становилось на сердце, когда проходили по знакомым местам. Еще до службы в армии, работая осмотрщиком вагонов на станции Ржев-1, Телешев часто приезжал в соседний город Великие Луки на соревнования с местными железнодорожниками. И вот он снова в Великих Луках.

Мотор полуторки натужно гудит. Но вот к привычному гуду присоединяется другой, ставший уже знакомым, тяжелый, прерывистый вой.

— Воздух! — кричит кто-то.

Это последнее, что слышит Алексей. Очнулся он в придорожной канаве. Шагах в десяти — обломки грузовика, на дороге уже никого. Тишина. Он ощупал болевшую ногу, крови не было. Попытался встать и снова потерял сознание. Сколько еще пролежал, Телешев не знал: может, несколько минут, а может, сутки. Во всяком случае, когда он очнулся, солнце по-прежнему стояло высоко над горизонтом.

Алексей с трудом поднялся и, шатаясь, побрел к деревеньке, которая виднелась на пригорке. В крайней избе узнал, что фронт отодвинулся дальше на восток, а здесь самый настоящий вражеский тыл.

— Давеча приезжали на мотоциклетах, — рассказала женщина, хозяйка избы. — Племяша моего, бригадира, избили до полусмерти и с собой увезли.

Потом хозяйка достала со дна сундука пару белья, синюю сатиновую рубашку, гражданские камлотовые брюки, суконное полупальто — справу сына, которого, как и этого забредшего к ней бойца, война застала на границе на последнем году службы. В мае из Бреста отписал письмо. А теперь где он, жив ли?

Рубашка была тесна плечистому Алексею. Он натянул ее, украдкой поглядывая на женщину, которая утирала слезы краешком передника.

— Мы еще вернемся, мать. Ты уж прости, что так...

И опять он шел по пепелищам через разоренные нашествием варваров русские деревушки. Шел, пока в по-

ябрьский но уже по-зимнему кроваво-красный закат не увидел берега Волги. На другой день под вечер (вот-вот наступит комендантский час) Телешев постучался в дверь дома, где жил тезка и друг Алексей Жильцов.

— Кто? — раздалось осторожное из сеней.

Телешев узнал голос приятеля:

— Открывай, дружище.

Они долго шептались в тот поздний вечер. Завывал, свирепствовал на улицах Ржева студеной ветер. Время от времени в его вой вторгались другие звуки, и тогда ночью мрак прошивали трассирующие очереди. То стреляли для устрашения жителей города фашистские патрули.

— Как хорошо, что ты появился, — шептал Жильцов другу. — Теперь нас трое.

Группа пополнилась. К подпольщикам присоединились комсомолец Михаил Персиянцев, Константин Петрович Дмитриев и старший сержант Некрасов, бежавшие из лагеря военнопленных с помощью Жильцова. Стал вскоре в строй бойцов незримого фронта и выпускник Ржевской средней школы № 4 Саша Беляков, неистощимый на выдумки шустрый паренек.

Признанный всеми подпольщиками командиром Телешев предложил:

— Давайте, товарищи, как в армии, примем присягу.

И они поклялись:

«Я, гражданин великого Советского Союза, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашист на нашей земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь хранить тайну подпольной организации, беспрекословно выполнять все задания и поручения, строго соблюдать дисциплину.

За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни.

Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту присягу и предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

У Ржева в годы Великой Отечественной была особая судьба. Если Смоленск был главными воротами на подступах к Москве, то вторая основная роль отводилась гитлеровцами Ржеву. В городе всегда было полным-полно и полевых и охранных войск. Цепко держали под своими щупальцами городскую жизнь контрразведывательные органы вермахта.

В таких условиях каждый шаг подпольщика рискован и почти обречен на провал. Но Телешев и Латышев не боялись риска, в то же время они не забывали о строгой конспирации. И вскоре враг почувствовал: город сопротивляется порядку, установленному железом и кровью.

На улице Урицкого располагался склад с оружием. Охранялся он не особенно тщательно, фашисты и помыслить не могли, что кто-то рискнет проникнуть в запретную зону. Но подпольщики рискнули. Миша Персиянцев прошмыгнул мимо часовых, забрался в помещение и в окно передал товарищам четыре пулемета, несколько автоматов и два ящика с патронами. Гитлеровцы, по-видимому, не заметили пропажи, у ворот склада они по-прежнему наигрывали на губных гармошках и не проявляли признаков беспокойства. Но однажды среди бела дня выстрелом из пистолета был убит часовой. А потом и пошло: то в одной, то в другой части города стали исчезать часовые.

В один из дней гранатой, брошенной подпольщиками в штабную машину на Старицком тракте, были убиты офицер и шофер. Комендант Ржева Куртфельд учинил разнос своим подчиненным и приказал живым или мертвым доставить к нему «красного полковника — командира укрывшихся в городе красноармейцев». Было ли это предположение коменданта или откуда-то стало известно ему о Телешеве, мы не знаем, но факт «присвоения» ему звания «полковник» подлинный.

Начались облавы, новые аресты. В этой обстановке разведчики ржевских партизан Юра Соколов и Костя Беляев, проникнув в город, не смогли нащупать связи с подпольем. Более того, были схвачены и брошены в лагерь. Соколову удалось бежать. Беляев умер от побоев и истощения.

На связь с группой Телешева — Латышева вышла разведка 31-й армии Калининского фронта. В город был направлен Володя Новоженев, бывший ржевский электромонтер, прошедший специальную подготовку. В Ржеве разведчик встретился со своим другом Сашей Беляковым,

через него, после проверки, связался с подпольщиками, возглавил разведку.

— Разведка на войне — основа успеха, — повторял Володя ребятам слова, которыми напутствовали его при переброске через линию фронта. — Вот разведаем точно расположение фашистских аэродромов и батарей, наведем на цель наши бомбардировщики — урон врагу огромный.

— Легко сказать навести на цель, — возразили Саша Беляков и Миша Персиянцев. — А как это сделать?

— Есть средство. Помогут, — Новоженков улыбнулся. — Огни в небе...

Оккупанты готовились отметить рождество. В окрестных селах мародеры-интенданты «заготавливали» продукты для праздничного стола. Решили и подпольщики преподнести «рождественский подарок» коменданту и его своре.

Под вечер 25 декабря Саша Беляков и Миша Персиянцев направились по льду на высокий берег Волги, на Красноармейскую набережную, и спрятались в развалинах макаронной фабрики. Когда стемнело, ребята ползком перебрались в Казанский сад, который примыкал к красивому дому со шпилем. До войны в нем размещался банк, сегодня здесь был назначен сбор офицеров.

Приближалась полночь. Снег спокойно оседал на деревьях. Из открытых форточек вырывались звуки аккордеона и пьяная песня.

— А вдруг они не прилетят? — Миша дрожит от холода и жметя к Белякову. — Может, бросим в окна по паре гранат и ходу...

— Прилетят. Обязательно прилетят.

Уверенность товарища передается Персиянцеву. И действительно, вдалеке послышался рокот моторов. Вражеские зенитки открыли огонь. Но тщетно. Маленькие и тихходные, но очень маневренные У-2 появились над Ржевом.

И тогда в небо взлетает красная ракета. Она рассыпается над шпилем дома, где веселятся оккупанты. Самолеты снижаются еще и еще. В небо летит зеленая ракета. Часовые заметили, откуда она вылетела, и открыли стрельбу. Беляков и Персиянцев мчатся в спасительную темноту. Они не видят, как рвутся бомбы, только слышат гулкие разрывы.

Советские войска наступали. Они вели бои на подступах к Ржеву. В начале 1942 года над городом все чаще и

чаще взлетали ракеты подпольщиков. Патриоты навели советских авиаторов на большую автоколонну врага, на зенитные установки на берегах Волги.

С некоторых пор на Вознесенском кладбище стало оживленно. Среди могил расположилось несколько батарей немецких дальнобойных орудий и зениток. Их огонь гитлеровское командование предполагало обрушить на наступающие по Старицкому большаку советские войска.

«Укажите точные координаты вражеской артиллерии», — попросили подпольщиков из штаба армии.

«Сделаем», — последовал ответ.

...Ночь на 20 января. Стило. Ветрено. Часовой бояливо посматривает на кресты. Кто-то пробежал, или кажется.

— Ауф штеен! Стой! — Винтовка часового упирается дулом куда-то в луну.

Володя Новоженев, как заяц, прыгает в сторону и замирает в тени какого-то склепа.

Несколько секунд молчания. Затем снег снова скрипит под ногами. Солдат удаляется, наверное, подумал, что померещилось. Кладбище все-таки.

Новоженев в несколько прыжков достигает свежерытой траншеи и, спрыгнув туда, минуту прислушивается к говору, шагам, шорохам. Нет, все спокойно. Теперь нужно подождать, пока в небе послышится знакомый гул наших самолетов.

Тишина. Но вот натренированное ухо улавливает ровное гудение. Советские бомбардировщики идут на высоте. Сегодня их много. Рокот моторов становится отчетливее. Пора.

Небо прочерчивает ракета. На сей раз она летит вертикально вверх, смельчак вызывает огонь на себя.

Самолеты разворачиваются... Бомбы рвутся рядом, над головой свистят осколки, сверху сыплется земля...

Ржевское подполье действовало до апреля 1942 года. Ракеты смельчаков точно указывали цели советским авиаторам, а 300 бланков немецких паспортов, похищенных из комендатуры Телешевым и Новоженовым, помогли десяткам военнопленных, бежавшим из лагеря, включиться в борьбу против оккупантов.

Новый комендант Ржева Шренке действовал более энергично и круто, чем его предшественник, но и его аген-

там, как и шинкам тайной полевой полиции, не удалось получить в руки нить, ведущую к подпольной организации советских патриотов. Дал ее фашистам нуда — отчим Телешева Еремеев. Кое-что он подсмотрел, вынюхал, перед тем как снести в полицию фотографию Алексея, снятого в форме командира Красной Армии.

В конце марта начались аресты. Шесть суток схваченных подпольщиков допрашивали, пытали. Скучны сведения о последних днях жизни героев. Но есть потрясающее свидетельство стойкости духа патриотов. Это надпись на стене камеры, сделанная Александром Беляковым:

«Я вынесу все нечеловеческие пытки. Клянусь вам своим комсомольским словом, мои дорогие товарищи. Буду молчать до конца. Молчите и вы. Начатое нами большое дело dokonчат товарищи».

31 марта 1942 года гитлеровцы казнили Алексея Телешева, Владимира Новоженова, Александра Белякова. Ночью за городом пули оборвали жизнь Кузьмы Латышева, Алексея Жильцова, Михаила Персиянцева, Константина Дмитриева, Владимира Никольского, коммуниста по имени Василий, разведчицы Наташи и еще нескольких подпольщиков, чьи имена пока не известны.

Однажды мне довелось невольно подслушать разговор двух парней. Они шли по берегу Волги, впереди меня, вблизи места, где до войны высилась колокольня собора, превращенная Латышевым и его товарищами по комсомолу в парашютную вышку. Шли и спорили о спортивных самолетах. Они чем-то были похожи на Жильцова и Латышева. А может, мне просто так показалось...

Главное — они, как и Алексей с Кузьмой, бредили чистым небом.

В ПЛАМЕНИ, В ПОРОХОВОМ ДЫМУ

Как сейчас, вижу перед собой синеватую кромку леса, извилистую речушку и мелкий кустарник, спускающийся к ее берегу. Здоровенный фашист старательно возится с петлей, подтягивает ее к моей шее... Лихорадочно работает мысль: «Конец. Сейчас конец. Так уж лучше от пули, чем на перекладине».

Собрав все силы, я рванулся вперед. В несколько секунд достиг кустарника. Сзади раздались крики. Затрещали автоматные очереди. Пуля обожгла руку.

Бегу на «втором дыхании». Бросаюсь в воду. Одним махом переплываю речку. Еще рывок, и я на опушке спасительного леса. Ткнулся лицом в пожухлую траву и потерял сознание...

Красноармейцы становятся партизанами

Все это было много позднее, в августе сорок второго. Начало же моей партизанской жизни относится к тревожной осени 1941 года, когда мы, горстка бойцов и командиров Красной Армии, долго блуждали по лесу, прислушиваясь к удалявшемуся гулу орудий.

Гудел и лес. Сдержанно, монотонно гудел от верхового ветра, а мне казалось, что этот приглушенный звук, похожий на стон, исходит от наших натруженных ног.

Три месяца идет война. Сколько друзей полегло на поле брани, в скольких боях пришлось побывать — не счесть. Под Вязьмой 907-й стрелковый полк, где я служил военфельдшером, попал в окружение. Бились яростно. Прорваться удалось не всем.

Больше двух недель шли за фронтом. Старались выполнить приказ: просачиваться мелкими группами, вы-

ходить к своим. Направление — Оленинские леса, затем — к Ржеву. Со мной — 40 человек. Почти половина — раненые. Надо бы перевязать их, да нечем! бинты, индивидуальные пакеты давно кончились. Я старший по званию и обязан отвечать за всех.

Немного отдохнув, держим совет: что делать в сложившейся обстановке? Мнение единодушное: продолжать бороться с ненавистным врагом — партизанить.

Первый партизанский бой...

Проселочная дорога у деревни Дубки вьется между невысокими холмами. На ней четко отпечатались следы гусениц танков и рифленых колес автомашин. Следы свежие. Залегли в придорожном кустарнике. Ждать пришлось недолго. Из-за поворота вынырнули три немецкие машины. Я почувствовал, как сразу вспотели ладони, сжимающие приклад. Негромко передаю по цепи:

— Без команды не стрелять. В случае чего — сбор за оврагом, на прошлом привале.

Очереди ударили гулко, раскатисто. Я чувствовал, как толкает в плечо автомат, видел, как выпрыгивают из кузова и тут же падают под пулями солдаты в касках, и буйная радость поднималась в груди. С ручным пулеметом подбежал ко мне Николай Семенов, за ним Василий Кутузов, Герасим Стасиев.

— Смотри, Володя, какой погром учинили.

— Эти уже не доедут.

В скоротечном бою мы уничтожили 11 гитлеровцев. Нам достались трофеи: оружие, боеприпасы, продукты питания, одежда. Ну что ж, начало неплохое.

В конце октября наша группа вступила в Оленинские леса. Укрываться здесь было нетрудно — чащобы дремучие. На первых порах дела наши были скромными: устраивали засады на гитлеровских фуражиров, связистов, спасали раненых красноармейцев, оставшихся на оккупированной территории.

Нам хорошо помогали местные жители, особенно семья Фроловых из деревни Большая Молявня. Глава семьи Иван Сергеевич работал до войны лесником, исходил Оленинские леса вдоль и поперек, знал в своем участке каждую тропинку. Он не раз выводил наших бойцов из окружения, а при облавах, которые фашисты предпринимали против нас, направлял отряд в укромные места. Иван Сергеевич откуда-то достал карту, которая сослужила нам добрую службу. Эта карта, испещренная различными зна-

ками, хранится у меня как драгоценная реликвия тех огненных лет.

Сын Фролова — тоже Иван — по нашему заданию устроился работать при штабе гитлеровской части. Он добыл много ценных разведывательных данных, но однажды попался. Его жестоко избили. Чудом спасшись из-под расстрела, младший Фролов стал бойцом нашего отряда.

Примером для мужа и сына служила Анна Дмитриевна Фролова. Эта замечательная женщина сохранила здоровье и жизнь десяткам красноармейцев, выбиравшихся из окружения.

Такое же благородное сердце билось в груди другой женщины из этой деревни — Дарьи Абрамовны Крыловой. Скольких советских бойцов и командиров приютила, накормила она у себя в доме! Ее дочери Шура и Нина собирали информацию о гитлеровцах и передавали партизанам, по многу раз ходили в лес, носили нашим бойцам продукты, одежду.

В деревне Большая Молявня был окончательно сформирован наш партизанский отряд. Меня избрали командиром, а Сергея Голубкова — начальником штаба отряда. В торжественной обстановке мы приняли партизанскую клятву.

Название отряда подсказал... бой. В один из зимних дней нам стало известно о выходе против нас карателей. Решили не уклоняться от встречи. Заманив гитлеровцев на лед лесного озера, открыли по ним сильный огонь. Каратели бросились к противоположному берегу. А лед там нами был заминирован. Все фашисты пошли ко дну.

Когда покидали место боя, сияющий начштаба сказал: — Здорово получилось. Как на льду Чудского озера при Александре Невском.

Сравнение Голубкова понравилось. Кто-то предложил: — Давайте отряд назовем отрядом имени Александра Невского.

На том и порешили.

Родной армии на помощь

В декабре 1941 года наш отряд, насчитывавший уже около сотни бойцов, в районе Оленина встретился с передовыми подразделениями 920-го стрелкового полка. Ра-

дость, особенно партизан — кадровых военных, была безмерной.

Командир полка майор Афанасьев попросил нас разведать силы врага в городе Белом и его окрестностях. Провожая нас, хитровато улыбнувшись, сказал:

— Ну а если, как хозяева здешних лесов, нам малость провианта подбросите — в неоплатном долгу будем. А то тылы наши поотстали за дни наступления.

— Постараемся, — ответил я.

Тогда мы имели некоторые запасы спрятанного хлеба, а также с десятков коров, сбереженных от врага. Кроме того, партизаны и местное население собрали много оружия и боеприпасов на местах осенних боев. Все это мы направили в полк.

Позже хорошие взаимоотношения установились у нас с командованием 119-й стрелковой дивизии. Ее командир генерал-майор А. Д. Березин и комиссар Д. И. Шершин часто обращались к нам с просьбой провести тщательную разведку того или иного участка, расположенного перед фронтом дивизии. Отряд долгое время держал под контролем шоссе Духовщина—Пречистое—Белый, а потом перекрыл ее. Фашисты в течение нескольких дней не могли доставлять по этой дороге живую силу, технику и боеприпасы к фронту.

Однажды зимним вечером отряд пришел в деревню Шиловичи. Председатель исполкома сельсовета Марфа Кузьминична Куренкова сообщила мне, что в соседней деревне Дмитриевке расположился фашистский гарнизон. Гитлеровцы устроили в деревне попойку. Что делать? Нельзя же упустить случай посчитаться с врагом! Послал в Шиловичи разведку. Верно, оккупанты гуляют. Поднял по тревоге отряд. Создали ударную группу, придав ей два станковых и три ручных пулемета. Ивану Крылову, Герасиму Стасиеву, Петру Макаревичу приказал на лыжах обойти Дмитриевку с тыла и открыть отвлекающий огонь.

Налет был внезапным, и в деревню мы ворвались с ходу. Фашисты поначалу заметались в панике. Казалось, дело идет к развязке. Но вдруг из окон дома, где размещался штаб вражеского гарнизона, ударил тяжелый пулемет. Атакующая группа залегла. И тут поднялся во весь рост Алеша — моряк (все знали, что раньше служил он на флоте) и швырнул гранату в окно, откуда бил пулемет. Выхватил вторую гранату, замахнулся на второй пулемет,

установленный на крыльце, и упал, сраженный пулеметной очередью.

Оставшиеся в живых гитлеровцы укрылись в блиндажах возле склада боеприпасов и яростно сопротивлялись. Схватка длилась долго, и все же мы очистили деревню от врага. Нам достались богатые трофеи: штабные документы, пулеметы, более сотни автоматов, 500 велосипедов, 4 радиостанции, знамя части, склады с боеприпасами. Потребовалось 70 подвод, чтобы вывезти все это и передать частям родной армии.

По размерам причиненного фашистам урона Дмитриевская операция превосходит все другие, совершенные нами первой военной зимой. В бою особо отличились Макс Сатаров, Герасим Стасиев, Кирилл Чернов, Михаил Чубриков, Сергей Голубков, чех Ян Кубат, Петр Макаревич. Смело сражались Дуся Павлова, Маруся Донская, Марфа Кузьминична Куренкова и другие наши товарищи.

Летом 1942 года в районе Ржева фашисты предприняли крупную наступательную операцию, стремясь отрезать глубоко вклинившиеся в их оборону дивизии Красной Армии. Ценой огромных потерь гитлеровцам удалось окружить несколько наших частей. Большая часть воинов с боями прорвалась к своим, но во вражеском тылу оставались еще сотни солдат и командиров.

Помочь им выйти в расположение советских войск — такую задачу в те дни поставил перед отрядом Центральный штаб партизанского движения. И мы ее решили довольно успешно.

Запомнился разговор с вышедшим со своим штабом из окружения командиром дивизии Урбановичем. Перед тем как тронуться в путь, генерал отозвал меня в сторону и, не скрывая иронии, спросил:

— Товарищ Попов, старшим среди проводников вы назначили девушку, правильно я понял?

— Так точно, товарищ генерал, Нину Чистякову.

— А сколько лет этому юному хрупкому созданию?

— Девятнадцать, — и тут я не выдержал, рассмеялся. — Это хрупкое создание по выносливости не имеет себе равных. В этом вскоре убедитесь сами.

Урбанович многозначительно пожал плечами. Поступайте, мол, как знаете. А после не мог нахвалиться партизанским проводником.

Более 2 тысяч бойцов и командиров вывели мы из окружения.

Партизан Ян Кубат

Рассказывая о бое в Дмитриевке, я упомянул чеха Яна Кубата. Это был действительно замечательный партизан: участвовал во многих боях, погиб как герой, прикрывая огнем отход отряда. А появился он у нас так.

Как-то наши разведчики Макс Сатаров и Герасим Стаснев, вернувшись с очередного задания, доложили:

— В деревне Починок странный немец живет. С местными жителями хорошо обращается, тайком расспрашивает о партизанах. Зовут его Гансом.

Мы насторожились. Не фашисты ли подослали? Через несколько дней, перепроверив данные разведчиков, мы взяли «странного немца» в отряд. Им оказался чешский антифашист Ян Кубат. Взяли и не ошиблись.

Перед войной Ян окончил техническое училище, работал электромехаником на железной дороге. По этой же специальности его использовали и в немецкой армии, только не на транспорте, а в авиации. Он ремонтировал поврежденные самолеты на запасном аэродроме, расположенном возле деревни Починок. Здесь, в деревне, Ян Кубат и жил. Он действительно чем мог помогал советским людям и однажды предупредил о готовящейся гитлеровцами облаве на девушек с целью угона в Германию. Перед уходом в лес Ян снял пулеметы с самолетов-истребителей, вывел из строя электрооборудование.

Кубат в отряде стал оружейником. Он отремонтировал, привел в готовность трофейные пулеметы и автоматы. Его сметка и находчивость поражали всех и нередко выручали нас в критические моменты.

В бою за Дмитриевку отказали два пулемета: мороз прихватил смазку. Ян тут же снял масло скипидаром, и пулеметы сразу заработали. Когда бой окончился и отряд увозил захваченные трофеи, над дорогой низко пролетел фашистский истребитель. Развернувшись, летчик пошел в атаку. Несдобровать бы нам, если бы не находчивость Кубата.

— Штандарт! Скорей, скорей! — подбежал ко мне Ян.

Я ничего не понял. Кубат бросился к одной из подвод, достал полотнище с черной свастикой и накрыл им подводу, идущую впереди колонны. Самолет, поравнявшись с обозом, сделал несколько покачиваний крыльями и удалился. Как видно, летчик принял нас за своих.

Голова Яна была поистине золотой. Стали товарищи жаловаться на то, что полотняная лента в пулеметах системы «максим» часто заедает. Кубат сразу же решил переконструировать приемный механизм, приспособить к нашему пулемету металлическую ленту с немецкого МГ. Попробовал — не вышло. Подумав, сказал:

— Давайте, ребята, повернем ленту другим концом.

Повернули — и лента пошла. Да как пошла! Десятки метров без единой задержки.

— Ну, Ян, молодец. Здорово сообразил! — восторжались пулеметчики. — Выйдем на Большую землю, просись в ученики к знаменитому оружейнику Дегтяреву. Знаешь такого?

Кубат улыбался, довольный.

Другой пример. В отряде не было часовых механизмов для мин. Ян предложил заменить механизм... пузырьком с кислотой. В деревянный ящик закладывали толовые шашки, вставляли запал. К шнуру, протянутому на ударник, привязывали пузырек с соляной кислотой. При постановке мины в боевое положение ящик переворачивали, кислота разъедала шнур, он рвался, ударник срабатывал, происходил взрыв.

По соседству с нашим отрядом действовал отряд «Смерть фашизму». В нем отважно сражался с гитлеровцами немец Фриц Шменкель, прозванный среди партизан Иваном Ивановичем. Шменкель и Кубат нередко вместе выполняли важные задания.

Весной 1942 года командование 17-й гвардейской стрелковой дивизии обратилось с просьбой помочь достать «языка» поважнее. В группу захвата от нашего отряда вошли комсорг Федя Русаков, Иван Крылов, Ян Кубат, начальник штаба Сергей Голубков и я. От соседнего отряда в разведке участвовали Василий Васильев, Виктор Спирин, Фриц Шменкель и еще несколько человек.

Кубат и Шменкель оделись в форму гитлеровских офицеров. Засаду устроили на шоссе Духовщина—Белый. Фриц и Ян остановились с мотоциклом посреди дороги и делали вид, что занимаются его починкой. Мы лежали в кустах наготове.

Долго ждать не пришлось. На шоссе показалась легковая машина. Шменкель поднял руку, прося водителя остановиться. «Опель» с тремя пассажирами резко затормозил. Открылась передняя дверца. Офицер высунулся из машины и стал отчитывать Фрица и Яна за то, что они

досмели остановить автомобиль с опознавательным штабным знаком. Кубат и Шменкель оправдывались, поясняя, что у мотоцикла отказал мотор, они просят помощи и что штабного знака они не заметили.

Сидящие в машине офицеры, видимо почувствовав неладное, пытались захлопнуть дверцу, за которую держался Шменкель. С заднего сиденья раздался выстрел. Пуля просвистела у Фрица возле уха.

Надо было помогать товарищам. Мы разом выскочили на дорогу, в короткой перестрелке убили троих, одного офицера взяли в плен. Со штабными документами, «языком» и личным оружием гитлеровцев и заявили в штаб дивизии...

Летом 1942 года гитлеровское командование предприняло крупные карательные операции по уничтожению партизанских отрядов, действовавших на территории Калининской и Смоленской областей. Карателям при поддержке танков и авиации удалось взять наш отряд в плотное кольцо в Оленинских лесах. Мы пошли на прорыв. Ожесточенные схватки продолжались день и ночь.

...То была последняя попытка уйти от преследования. И тут ко мне подошел Ян с пулеметом.

— Товарищ командир, я буду прикрывать отход отряда, — сказал он. — Уходите быстрее, швайзы наседают...

— Хорошо, Ян. Но ты долго не задерживайся. Ждем тебя в урочище.

Тогда я видел Кубата в последний раз...

Позднее мы узнали, что Ян отстреливался до последнего патрона. Он погиб как герой, сражаясь с врагами Советской страны и родной Чехословакии, которую любил и куда мечтал вернуться после победы над ненавистным фашизмом.

...В августе 1942 года мы получили приказ возвратиться на основную базу в вадинские леса. В отряде были больные и раненые. Впереди — тяжелый переход с боями. И тогда я решил лично посетить незаметно в двух-трех деревнях надежных людей, определить, где можно оставить раненых.

И надо же было случиться такому — в пути сильно занемог, свалился в страшной лихорадке. Меня укрыли в деревне. Стал поправляться — нагрянули каратели. Схватили. Так я чуть не угодил на перекладину.

Потом ребята рассказывали, что, на мое счастье, поблизости от места, где я упал в лесу, находился партизанский патруль. Это были Ира Куренкова и Лида Григорьева. Они-то меня и подобрали и в бессознательном состоянии доставили в лагерь.

Когда очнулся, увидел над собой склонившегося начальника штаба партизанской бригады имени Чапаева капитана Савинова:

— Здорово тебе повезло, Владимир Иванович! Случай прямо-таки редчайший. Ведь это надо — сбежать прямо с виселицы!

Савинов протянул мне бумагу, заверенную печатью:

— Бери, Попов, этот документ. Он исторический. Сохрани для потомства.

Храню этот документ и ныне. На истершемся от времени клочке бумаги на машинке напечатано: «Справка. Выдана командиру партизанского отряда имени Александра Невского старшему военфельдшеру Попову Владимиру Ивановичу в том, что он при побеге с виселицы немецкого фашизма в деревне Толстые Бельского района Смоленской области 14 августа 1942 года ранен в правую руку, что и удостоверяется». И, как положено, подписи: начальник штаба партизанской бригады капитан Савинов, начальник штаба 595-й авиаэскадрильи гвардии капитан Земнухов.

Смотрю на эту справку, и в памяти одна за другой проходят картины далеких уже ныне партизанских дней — времени, которое никогда не забудется.

СКВОЗЬ ГОДЫ ГРОЗОВЫЕ

В июле сорок первого война вплотную подступила к моим родным местам — большим и малым селениям Бежаницкого района. В Бежаницах, куда я приехал 19 июля, почти все учреждения были уже эвакуированы. Из районных работников на месте оказался лишь военком. Направился к нему. Доложил: мобилизационная работа на территории сельсовета в основном завершена, наиболее ценное имущество вывезено на восток, колхозный скот угнан в том же направлении. Спросил:

— Какие будут указания лично мне как военнообязанному?

— Надо тоже подаваться на восток, — сказал военком. — На новом месте пойдешь в армию. На всякий случай дам справку.

Майор достал из полевой сумки форменный бланк, что-то написал и, приклепнув печать, протянул мне. Я прочел: «Справка. Дана председателю Аполинского сельсовета Бежаницкого района Калининской области тов. Иванову Михаилу Игнатьевичу в том, что он в период до 20 июля 1941 года был освобожден от мобилизации в РККА в связи с характером его работы».

— Покажешь, если будут спрашивать, почему не в армии, — пояснил военком. — А в придачу к этой бумагехвати-ка с собой в деревню десяток винтовок. Постарайся, чтобы они попали в руки надежных людей.

В военкоматской кладовке я получил десяток трехлинеек с патронами, погрузил на повозку и заспешил в свое Аполье.

Первые шаги

Эвакуироваться мне не удалось. Пытаясь проехать на телеге в район станции Локня, я дважды попадал под вражеский обстрел и вынужден был вернуться назад.

В Аюлье гитлеровцы уже побывали. В помещении сельсовета они учинили погром. Оставаться здесь не было смысла, и я уехал в свою родную деревню Захарино.

Пословица гласит: «Набежит беда и с ног собьет». Многих моих земляков сбила с ног оккупация — страшное бедствие для народа. Притихли, затаились бежанинские деревни. Прошло два месяца злой фашистской неволи, а уже казалось, будто истреблено все, что могло сопротивляться. Но более внимательный наблюдатель все же мог заметить — то тут, то там обнаруживались люди, которые либо уже действовали на погибель врага, либо жадно искали единомышленников, чтобы действовать вместе.

К числу последних принадлежали хорошо известные мне сельские активисты В. П. Наумов, Н. С. Савельев, И. В. Журавлев, Г. В. Ильин, Н. А. Егоров и некоторые другие товарищи. Одни из них вернулись на оккупированную территорию для организации партизанских дел. Другие, как и я, не успели эвакуироваться. В деревне Богаткино объявился лейтенант Петр Тверетинский, уроженец наших мест. Не смог перейти линию фронта, пробившись сюда из вражеского окружения. Такая судьба была и у чекиста П. А. Ефимова.

Как-то в августе повстречал я Егорова. Постояли, обмолвились двумя-тремя незначащими фразами. Вижу, хочет завести серьезный разговор, да что-то мнется. Спросил без обиняков:

— Что ж, Николай свет Андреевич, так и будем потихоньку ждать возвращения Красной Армии?

— А ты не лезь поперек батьки в пекло. Я постарше годками, но сам тебя об этом хотел спросить. Как-никак в председателях ходил — может, указания имеешь какие.

— Указания есть. Слушал небось речь Сталина. Там...

— Про оружие сказано, — перебил меня, улыбаясь, Егоров, — так вот я...

— Так вот не один ты, — в свою очередь перебил я Егорова.

Начали мы со сбора оружия. К десяти винтовкам, которые я получил в райвоенкомате и надежно спрятал в

дальнем конце своего огорода, вскоре прибавились пистолеты, несколько гранат. Старшим в группе стал Иван Васильевич Журавлев. На одной из конспиративных встречи мы приняли решение установить наблюдение за действиями врага на доступном нам пространстве.

Ночной визит

Темная сентябрьская ночь. Я ненадолго пришел из убежища в свою хату и вскоре услышал осторожный стук в окно. Так стучать мог только кто-то из наших. Вышел в сени и негромко спросил:

— Кто там?

— Открой, Михайла, свои, — послышалось в ответ.

Говорил Василий Павлович Наумов. Но в хату вместе с ним вошли еще двое. Давно не бритые, бородатые, в пеканистой, обтрепанной одежде.

— Принимай, хозяин, гостей, — сказал один из них.

Голос показался мне знакомым.

— Алексей Михайлович? — спросил я.

— Собственной персоной. А что, не ждал? — Глаза моего собеседника настороженно блеснули.

— Не ждал, — чистосердечно признался я и пригласил: — Проходите, пожалуйста. Считайте, что дома.

Гостями моими оказались секретари нашего райкома партии Алексей Михайлович Суетинов и Анатолий Николаевич Теплов. Суетинов в районе работал немного, но успел завоевать доверие людей внимательным отношением к нуждам колхозников, неумемной энергией. Всеобщим уважением пользовался среди населения и Теплов, работавший в Бежаницах несколько лет.

Суетинов поблагодарил за приглашение, но для разговора предложил выйти из помещения, сказав:

— Ночь-то темная, да не ровен час чья-либо темная душа заметила наш приход. А нам сейчас не отстреливаться, а работать нужно.

Через несколько минут в укромном месте, в сарае, началась обстоятельная беседа. Разговор вел Суетинов. Он, коротко рассказав о целях своего появления в районе (организация партизанской борьбы), дотошно расспрашивал меня и Наумова о наших первых шагах в подполье, о людях, с которыми связаны. На просьбу направить меня в

партизанский строй ответил рекомендацией легализоваться, предложил:

— Попытайся-ка получить от фашистских властей официальное право на жительство. Мотив для этого простой: да, был председателем сельсовета (ничего не поделаешь: люди выбрали), а теперь стал рядовым крестьянином-единоличником. Живи неприметно, на рожон не лезь, а через верных людей помогай всем, чем только сможешь, борьбе против оккупантов. Это будет потруднее, чем действовать в партизанском отряде.

— Понятно, — ответил я.

— Готов ли взяться за такое дело?

— Да, готов.

— На том и порешили.

Суетинов и Теплов прожили у меня на сеновале двое суток. Потом ушли в деревни Апросьевского и Луговского сельсоветов — подымать людей на святое дело. Документы у них были исправные: освобождены из Торопецкой тюрьмы оккупантами. Недели три от них не было никаких известий. А в октябре Суетинов неожиданно появился в нашей деревне. Да не один, а во главе небольшого партизанского отряда.

В то время неподалеку от Захарина, в пустовавшей Богаткинской начальной школе, находилась группа окруженцев — 12—15 красноармейцев и командиров. Они обосновались тут при содействии нашей подпольной группы, залечивали раны и ждали подхода новых людей. Узнав об этом, Суетинов потребовал связать его с воинами. По моей просьбе встречу обеих групп организовал Никита Симонович Михайлов, активист из деревни Богаткино, партизан гражданской войны. В результате встречи был создан объединенный партизанский отряд. Он поначалу двинулся в район станции Сущево, а в дальнейшем, рейдируя и обрастая людьми, действовал в Бежаницком и Локнянском районах.

По охотничьему билету

Шел четвертый месяц вражеской оккупации, а легализоваться, как советовал секретарь райкома партии, мне пока еще не удалось. Я по-прежнему находился на нелегальном положении, скрываясь то в сарае, то в бане, то

еще где-нибудь. Если надо было срочно сходить куда-либо, встретиться с товарищами по подпольной группе, то это делалось, как правило, ночью.

Но вот однажды от Н. А. Егорова я узнал, что в бежаницкой комендатуре можно получить документ на право жительства с помощью секретаря-переводчицы по имени Маруся. Так оно и оказалось. Я благополучно добрался до Бежаниц и зашел в комендатуру — здание, где раньше находился райисполком. Разговор с переводчицей Марией Павловной Ивановой (вероятно, она меня знала) был недолгим.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Удостоверение личности.

— Документы какие-нибудь и фотография есть?

— Фотография есть, а из документов сохранился только охотничий билет, все другие утеряны.

— Давайте, — сказала Иванова, пряча улыбку.

Взяв мой охотничий билет и фотографию, она принялась что-то писать. Затем пошла в кабинет коменданта и, вернувшись, вручила мне документ. В нем на русском и немецком языках значилось, что Иванов Михаил Игнатьевич действительно является крестьянином деревни Захарино Аполинской волости Бежаницкого уезда. Внизу, рядом с подписью коменданта, густо синела печать, а на ней — фашистский орел с паучьей свастикой в когтях. По этому документу волостной староста безоговорочно зачислил меня в единоличное крестьянское сословие, дал земельный надел. Следует отметить, что добрая половина старост в наших деревнях предпочитала особого холуйского усердия не проявлять. Каждый из них знал, что в противном случае могут последовать неожиданные неприятности, а то и справедливое возмездие. Оно обычно исходило от нашей «домашней» партизанской группы, которую возглавлял Иван Васильевич Журавлев. Он жил в деревне Григорьевщине, скрываясь от фашистов на колхозном току и в специально вырытом подземелье. Коммунист, председатель колхоза «Новый путь», Журавлев пользовался среди своих земляков большим авторитетом. Вместе с ним жили и действовали Григорий Васильевич Ильин, председатель колхоза «Брагино», а также воин-окруженец Александр Жердев.

Рейтер, Соломка, Ласточка

Поздней осенью сорок первого по деревням прошел слух: командир Красной Армии, по национальности немец, смело появляется днем в населенных пунктах, разыскивает окруженцев, чтобы создать партизанский отряд. Этим человеком, как я выяснил через наших помощников, оказался старший лейтенант Петр Петрович Рейтер, родом из Саратовской области. Выходя из окружения, он повел за собой группу солдат и сержантов. Среди них были сослуживцы Рейтера по воинской части. Из доверительных бесед с ними мы установили, что Рейтер — настоящий советский патриот, человек во всех отношениях надежный.

И ему было оказано всяческое содействие. Мы помогли Рейтеру собрать окруженцев, выделили из нашей подпольной группы несколько человек, в том числе лейтенанта Тверетинского. В общем набралось человек 60. Командиром отряда стал Рейтер, начальником штаба — Тверетинский.

Отряд нуждался в оружии и боеприпасах. Вот тут и пригодились те десять винтовок, которые дал мне в июле райвоенком. Кроме того, партизанам были переданы два батальонных миномета, ручной пулемет, несколько пистолетов, патроны. В сборе оружия для отряда особенно активно участвовали Н. А. Егоров, И. В. Журавлев, Г. В. Ильин, Н. С. Иванов, Е. И. Копысова, Е. Белов.

Вооружившись, отряд Рейтера в конце года приступил к боевым делам. Внезапными налетами уничтожал небольшие вражеские гарнизоны в селах и деревнях, нападал на тыловые фашистские учреждения, конные обозы, устраивал диверсии на дорогах. Попытки гитлеровцев расправиться с отрядом Рейтера полицейскими силами успеха не имели. Командир умело пользовался тактикой маневрирования. Партизаны все время находились в рейдах на большом пространстве Бежаницкого, Локнянского, Пустошкинского, Кудеверского и Новоржевского районов.

Необходимые разведывательные данные для отряда Рейтер добывал часто сам, облачаясь в форму гитлеровского офицера. Его не раз видели в городах Локне, Новоржеве. Такой маскарад помогал не только в разведке. Как-то летом 1942 года отряд находился в лесном урочище — на берегу Боровского озера. Рейтер только что вернулся из похода во вражеский гарнизон. Партизаны изъявили же-

вание искупаться в озере. Командир разрешил. Бойцы забрались в воду, и тут вдруг из леса показалась колонна гитлеровцев. Солдаты развернулись в цепь и перебежками двинулись в сторону озера. Положение создалось критическое. Когда противник приблизился метров на двести, Рейтер (он все еще был в мундире фашистского офицера) вышел навстречу и громко крикнул по-немецки:

— Не стрелять, свои!

Вражеская цепь начала свертываться в походную колонну. В этот момент Рейтер камнем упал на землю и нажал на спуск станкового пулемета. Когда гитлеровцы сообразили, что произошло, ряды их изрядно поределли. Оставшиеся в живых устремились обратно в лес. Ну а партизаны спешно выбрались из воды и тоже отошли. На повторную атаку гитлеровцы не отважились.

Вели разведку для отряда Рейтера и наши подпольщики. Помню, разыскала меня однажды знакомая пожилая женщина, достала из чулка и отдала измятый тетрадный листок. В нем было, как помнится, такое сообщение: числа двадцатого нынешнего месяца предполагается поход отряда карателей (100—120 человек) против партизан. Вооружение отряда — автоматы, 10 ручных и станковых пулеметов, три миномета. Маршрут: Бежаницы — Дворцы — Картачи — Нарково — Апросьево — Сущево. Предупредите Рейтера.

Донесение прислала Евгения Ивановна Копысова, учительница начальных классов, комсомолка. Во время оккупации она работала на станции Сущево сначала официанткой в офицерской столовой, а потом занимала какую-то канцелярскую должность в ортскомендатуре. Помогали ей сестра Любовь Ивановна Сергеева и мать Екатерина Ивановна Моисеева. Обе жили в деревне, но частенько навещали на станцию Сущево.

Женя Копысова, как правило, поставляла ценные сведения, имевшие большое значение не только для местных партизанских сил, но и для фронтового командования. Весьма важной была ее информация о железнодорожных перевозках на линии Новосокольники — Дно. Жаль, что у нас не было радики: нередко наши разведданные теряли свое значение.

Для письменной связи с разведчиками у нас были устроены тайники. Один из них находился за околицей Богаткина, у кузницы, на берегу пруда. В этот тайник я неоднократно опускал записки для разведчицы, действовав-

шей под кличкой Соломка. Это была Мария Никитична Михайлова, работавшая до оккупации заведующей Аполлинским почтовым отделением. Она добывала ценную информацию о передвижении фашистских войск по шоссе Бежаницы — Локня. Она же обеспечивала связь нашей группы с отрядом Рейтера.

Хорошим разведчиком зарекомендовал себя Федор Иванович Лосев, лесник, житель деревни Осташкино. Он имел пропуск и, следовательно, доступ в Локню — крупный населенный пункт с одноименной станцией. Свои наблюдения-записки Лосев прятал в кустарнике на окраине Луговского леса, у огромных камней, известных под названием «Два брата». Подписывал донесения Федор Иванович самим им выбранным именем Ласточка. Нашей «ласточке» было под шестьдесят. Связной у Лосева была жена — Анна Михайловна.

Сбором разведывательной информации занимались также Николай Андреевич Егоров, Григорий Сергеевич Волков, Владимир Емельянович Емельянов.

С оружием в руках

На берегах Ловати пали в неравном бою А. М. Суетинов, А. Н. Теплов и многие их соратники по отряду. На бежаницкой земле, у деревни Загрязье, был окружен и почти полностью уничтожен отряд Рейтера. Сам Рейтер погиб смертью героя. Несла потери и наша подпольная группа. Попал в руки фашистских палачей и был ими замучен В. П. Наумов, схвачен и расстрелян И. В. Журавлев. Но пламя партизанской борьбы не затухало. В нашем и соседних районах второй военной зимой стали действовать 8-я и 9-я калининские партизанские бригады. Они вобрали в себя мелкие отряды.

В начале января 1943 года ко мне в Захарино приехали два Петра — Тверитинский и Ефимов. В санях, на хорошей лошади.

— Воюем в составе партизанской бригады имени Лизы Чайкиной, в отряде Большакова, — сказал Тверитинский. — Приехали за тобой.

Быстро собравшись, я отправился с товарищами в деревню Борихново, где находились штаб бригады и большаковский отряд. Здесь я неожиданно встретил Д. В. Тарасова, работавшего до войны прокурором Бежаницкого рай-

она. Сказав, что является комиссаром бригадной разведки, Д. В. Тарасов представил меня комбригу капитану С. М. Максименко. Тот решил вопрос обо мне просто и быстро:

— Раз вы человек местный, со связями и знакомствами, то быть вам в разведке. А в курс дела вас введет начальник разведки старший лейтенант Бахвалов.

От Бахвалова и Тарасова я с глубоким удовлетворением узнал, что бригада имени Чайкиной представляет собой солидную силу. Ее отряды хорошо вооружены, уже вели успешные бои с карателями, пустили под откос воинский эшелон, совершили несколько диверсий на шоссе.

Меня назначили командиром группы, в задачу которой входил сбор разведывательной информации для штаба армии. Когда удавалось передать ее по назначению — гитлеровцы несли урон.

Однажды в районе расположения одного из отрядов наши разведчики задержали молодую женщину. Выяснилось, что задержанная (это подтвердил председатель Бежаницкого райисполкома В. Ф. Михайлов, который был комиссаром в отряде Веселова) — учительница Галина Фадееенкова. Она бежала из лагеря, где томились в фашистской неволе сотни советских людей. Заключенных ежедневно заставляли выполнять тяжелые работы на станции Локня. Поэтому Фадееенкова довольно точно знала места расположения там военных объектов. Она рассказала, что на запасных станционных путях стоит несколько эшелонов с техникой врага, вблизи станции есть склады горючего. Эти сведения, подтверждавшиеся данными из других источников, были радированы фронтовому командованию. Ночью наши самолеты подвергли станцию интенсивной бомбардировке.

28 января 1943 года я впервые принял участие в большом открытом бою. Бригада была на марше — следовали в Кудеверский район. В деревне Дядьково нас обнаружил противник. Это был усиленный батальон егерей численностью в несколько сот человек.

Поначалу бой развертывался успешно. Партизаны очистили от гитлеровцев две деревни. Но к противнику подоспело значительное подкрепление. Бой принимал все более угрожающий для нас характер. Прикрывшись заслоном, бригада отошла и форсированным маршем, в обход поселка Кудеверь, двинулась на север в Пустошкинский район.

Здесь на другой день был получен по радио приказ оперативной группы по руководству партизанским движением занять одну из деревень на шоссе Опочка — Новоржев, дезорганизовать автомобильное движение на важной тыловой коммуникации гитлеровских войск.

Чтобы обезопасить свои автоколонны от партизанских засад, гитлеровцы по обе стороны шоссе на глубину в 100 метров вырубали лес и кустарник. Участки дороги оккупанты закрепили между деревьями, и население под страхом суровых кар обязано было в зимнюю пору очищать шоссе от снежных заносов.

После тщательной разведки мы вошли в деревню Жардицы. В сторону Новоржева и Опочки на шоссе заняли позиции партизаны отряда С. П. Архипова. Некоторое время в деревне царил тишина. Партизаны чистили оружие, ремонтировали одежду и обувь. Мы с Тарасовым мылись в бане. Вдруг слышим: на окраине деревни со стороны Опочки началась пулеметная стрельба. Быстро оделись, выскочили на улицу с автоматами в руках. Вижу: идет большой крытый немецкий грузовик. В кабине, положив голову на баранку, сидит мертвый шофер. Машина поворачивает в кювет и, накренившись, останавливается. Из нее выскочили гитлеровцы. Мы открыли огонь. В машине было обнаружено много почтовых посылок. Везли их в танковую дивизию, действовавшую в районе города Холм.

Подобных стычек на шоссе было несколько. Успешный бой мы провели в районе деревни Черноярво. Дело обстояло так. Разведка донесла: от Новоржева движется по дороге колонна немецкой пехоты численностью около 100 солдат и офицеров, вооружение гитлеровцев — станковые пулеметы и минометы, следует на подводах. Командир бригады назначил в засаду взвод из отряда Г. Г. Большакова. За старшего с ними пошел начальник штаба бригады капитан Исмаил Алиев.

Место для засады было выбрано на лесном участке шоссе, в лощине. Партизаны заняли позицию заблаговременно, хорошо замаскировались и изготовились к бою. Капитан Алиев распорядился: пропустить дозор противника и сосредоточить огонь на его основных силах. Так и было сделано. Когда появились вражеские дозорные, засада замерла в напряжении ожидания. «Лишь бы не заметили», — думал, вероятно, каждый.

Но все шло как надо. Миновав засаду, удалились до-

зорные. Из-за поворота шоссе показалась колонна гитлеровцев. Они все ближе и ближе. Вот до них уже метров 150, не более. По сигналу Алиева одновременно открывается огонь из пулеметов — станкового и ручного. Партизаны-стрелки нажимают на спусковые крючки винтовок и автоматов. Не прошло и пяти минут, как большинство фашистов замертво полегло на заснеженной лесной дороге.

Но и мы чуть было не попали в переделку: разведка наша была неглубокой. Оказалось, что по шоссе совершали марш и другие подразделения врага. Услышав выстрелы, они развернулись в боевой порядок. На шоссе появилось несколько легких танков и бронетранспортеров. Мы быстренько отошли.

3 апреля против нас были двинуты регулярные подразделения 16-й немецкой армии, прибывшие из-под Старой Руссы. Жаркий бой разгорелся в деревне Апрельево. Длился он несколько часов. Противник был прижат к западному берегу реки Березовки. Здесь его одновременно атаковали два наших отряда. Ринулась на врага и наша кавалерия — взвод партизанских конников. И солдаты регулярных фашистских войск дрогнули, вынуждены были искать спасения на противоположном берегу реки. Однако слабый вешний лед не выдержал бежавших карателей. Многие из них утонули.

Вскоре после боя меня вызвали к комбригу. Расспросив о выполнении задания по установлению местонахождения штабов частей 16-й немецкой армии, Максименко сказал:

— Вы назначаетесь в отряд Архипова заместителем командира по разведке. Желаю успехов.

Командира отряда Семена Поликарповича Архипова я знал как одного из наиболее мужественных и умелых партизанских вожаков, а потому воевать под его руководством считал за большую честь. Жаль только, что наша совместная боевая работа продолжалась каких-нибудь две недели.

В середине апреля фашисты стянули в наш край несколько тысяч солдат из фронтовых частей. Были усилены гарнизоны в Новоржеве, Кудевери, Бежаницах, Локне. Гитлеровцам удалось плотным кольцом окружить отряды нашей Восьмой, подразделения других бригад. Конечно, всего этого я и мои товарищи тогда в деталях не знали. 20 апреля враг начал яростное наступление со всех сторон, бросив против нас танки и авиацию. 23 апреля наш отряд

оказался в полном окружении и у деревни Большое Косарево был разбит.

Многие мои товарищи пали в том бою смертью храбрых. Уцелевшие выходили из вражеского кольца мелкими группами. В их числе был и я. Около недели блуждал по лесам и болотам. Схватив во время этих скитаний жесточайшую простуду, тяжело заболел, с большим трудом добрался до своей деревни, но был арестован гитлеровцами и отправлен на станцию Сущево — в лагерь. Оттуда бежал, вновь перешел к нелегальному жительству в родных местах.

К тому времени, когда я вернулся в аполинскую округу, там действовал партизанский отряд имени Ленина. В нем насчитывалось около 70 бойцов. Командиром отряда был лейтенант М. И. Гаврилов, начальником штаба — лейтенант И. И. Киселев. Я сразу же установил с ними связь, и мне была поручена примерно та же роль, какую я выполнял до поступления в партизанскую бригаду имени Лизы Чайкиной.

27 февраля 1944 года нашу местность освободили войска Второго Прибалтийского фронта.

МЫ — АРБУЗОВЦЫ

У меня, как и у многих, в юности были свои герои. Валерий Чкалов. Марина Раскова. Николай Островский. Им хотелось подражать, на них равняться. Я о них читала, слышала, но не видела, и они казались одновременно и близкими и далекими, немножко «книжными». В войну на партизанской тропе я, да, пожалуй, не ошибусь, все мои товарищи по отряду встретили человека, к которому полностью можно отнести слова Юлиуса Фучика:

«Я любил жизнь и за ее красоту вступил в бой.

Я любил вас, люди, и был счастлив, когда вы мне отвечали тем же...»

Таким человеком был участник советско-финляндской войны — старший лейтенант Георгий Николаевич Арбузов, ставший нашим командиром в начале лета 1942 года.

...Ошеломляющая весть о вторжении фашистских войск в нашу страну застала меня в Вышнем Волочке, где я сдавала экзамены в учительский институт. После экзаменов мы отправились на торфоразработки взамен ушедших в армию рабочих. Хорошо помню, как над нами хищно кружили фашистские самолеты, высматривая эшелоны на ветке Октябрьской железной дороги. Помню варварскую бомбежку пассажирского поезда. Было обидно за нашу беспомощность — враг улетал безнаказанно. В сердце закипала жгучая ненависть.

Потом в Козловском (ныне Спировский) районе меня зачислили в истребительный батальон, а в апреле 1942-го наконец долгожданная посылка за линию фронта. Осташков — Торопец — Купья — маршрут нашего первого похода. Отряд сборный, в основном молодежный. Опыта боевого за плечами ни у кого не было.

Конечная остановка — село Купуй, что невдалеке от города Великие Луки. От села к нашему приходу мало что

осталось. Линия фронта была рядом, и бронепоезда фашистов частыми артиллерийскими палетами выжигали окрестные деревни. Однако в Купуе всегда находились партизаны. Одни уходили в рейды на оккупированную врагом территорию Калининской области, другие отдыхали после боев, третьи проходили дополнительную учебную подготовку. Мы относились к числу последних.

Нашим отрядом «За родную землю» командовал чекист Петр Васильевич Рындин. В обращении мягкий, но требовательный и уже немного повоевавший, он с первых дней появления нашего в Купуе организовал несколько «тренировочных» выходов партизан небольшими группами за линию фронта. Ребята вели разведку, минировали железную дорогу и шоссе, портили вражескую связь.

Отряд «За родную землю» стал костяком формируемой 2-й Калининской партизанской бригады. Штаб ее прибыл в Купуе вечером 16 июня. Георгия Николаевича Арбузова я увидела на другой день на общебригадном собрании партизан. Комбригу нашему было под 30. Среднего роста, плотно сбитый, легкий на ногу, весь какой-то пружинистый и с веселыми искорками в глазах. Рассказывая о предстоящем рейде бригады к верховью Великой, он говорил:

— Некоторым из вас по 17—18 лет. Мало это или много для активного участия в борьбе с врагом? Отвечу так: мало — если душа хлипкая. И много — коли бурлит в сердце горным потоком ненависть к фашистским разбойникам. Они принесли на землю отцов и прадедов наших кровь, разрушения. Отсюда наш девиз — победа или смерть!

Вдохновенно говорил комбриг. Мы слушали и зачарованно смотрели на поблескивающий на его груди орден Красного Знамени. Когда Арбузов поднял автомат над головой и воскликнул: «Смерть за смерть! Кровь за кровь!», мы все подхватили эти слова. Клятвой прогремели они на берегах Ловати.

Потом был месяц напряженнейшей учебы. Метали гранаты, стреляли по движущимся мишеням, учились минированию. И конечно, продолжались «тренировочные», как их окрестил Петр Васильевич Рындин, походы на оккупированную территорию. Арбузов всегда был с нами, все в его руках спорилось. Шутил, если у кого-либо из молодых партизан что-то не так получалось на занятиях, и здесь же показывал сам тот или иной прием. Часто с бой-

цами делил он и редкие часы досуга. Переплясать его редко кому удавалось.

Арбузов, Рындин, комиссар бригады Лекомцев сплотили нас в дружную семью. И что очень ценно — незаметно для нас привили нам армейскую привычку к дисциплине. Что греха таить, не все наши соседи впоследствии могли этим похвастаться. Я глубоко убеждена, что только высокая дисциплинированность каждого бойца бригады помогла нам в трудных условиях в конце июля 1942 года не только миновать без боя линию фронта, но и пройти обнаруженными десятки километров по оккупированной территории. Не случайно гитлеровцы нас считали десанниками, полагая, что мы заброшены к Великой с воздуха.

Бригада еще до рейда завоевала авторитет у армейского командования сбором разведывательной информации. Особенно удачны были кратковременные выходы на оккупированную территорию москвички Зои Порываевой (ее подлинное имя было Маша, и она окончила специальные курсы), хорошо проявили себя в разведке Макарий Березкин, Клава Бахенская, Гриша Шевелев, Дуся Цветова, Ина Константинова, Анастасия Вишнякова, Тамара Ильина.

Довелось и мне добывать по деревням у железной дороги нужную информацию. Шла под видом беженки в направлении к Витебску. По паспорту я была Марией. Помню: накануне выхода Арбузов два раза окликал меня, проходя мимо, называя Валею. Первый раз я вздрогнула, остановилась, но не обернулась. А Георгий Николаевич сказал:

— Иди, иди. Ты же Мария, а не Валя...

О себе в тылу врага бригада заявила организацией крушения большого вражеского эшелона у разъезда Лемно, расположенного в 10 километрах от Пустошки, где находился тогда крупный гарнизон гитлеровцев. Потом были два боя. Первый мы вели, напав из засады на колонну фашистов, вышедших на наш след. До боя Арбузов крепко-накрепко наказал: «По возможности не показываться. Пусть враг так и не узнает, сколько нас». Мы выполнили приказ комбрига и дождались, пока колонна втянулась в засаду, как змея в бутылку. На гитлеровцев обрушился прицельный огонь с двух сторон. Фашисты же стреляли наугад. Когда по хвосту колонны застрочил захлеб пулемет Леши Дементьева, они поспешно покинули лес.

Первый успех окрылил. Усталости как не бывало. Мы

много шутили, смеялись. Заводилой была Юлия Новоселова — наш партизанский доктор.

Второй бой произошел через несколько дней, когда мы уже обосновались в щукинских лесах, километрах в 40 от города Опочки. Наши разведчики засекли на шоссе отряд карателей до 300 человек. Судя по всему, направлялись они на ликвидацию «красного десанта», то есть нас. Арбузов решил упредить врага. И мы пошли навстречу гитлеровцам и напали на них днем неожиданно на большаке Щукино — Глубокое. Победа далась нам нелегко: солдаты были из подразделений полевых войск. Мы понесли потери: несколько человек были ранены. В бою отличились Василий Смирнов, Филипп Тянин и другие наши товарищи. И что важно — никто не струсил, никто не нарушил преждевременным выстрелом плана хорошо продуманной засады.

Ночью в лесных шалашах я и мои товарищи по отряду долго не могли уснуть — делились впечатлениями о жарком бое. И кажется, Тамара Ильина сказала тогда:

— Сегодня мы заслужили право называться партизанами.

Храбрость без всякой рисовки, хладнокровие в сложных ситуациях, солнечный заряд оптимизма и непоколебимая вера в победу нашего правого дела были характерны для Арбузова. Эти прекрасные командирские качества комбрига сыграли, пожалуй, решающую роль для молодой бригады в тяжелейшем бою в алольских лесах 13 августа 1942 года.

Поотрядно мы двигались лесными тропами к станции Идрица. На полпути нас окружили каратели. Военные комманданты городов Пустошки и Опочки собрали крупные силы — около 1000 солдат и полицаяев с минометами и орудиями. А нас было всего 167 человек, в том числе и несколько раненых.

Начавшийся в полдень бой продолжался до вечера. У отряда Лесникова была невыгодная позиция, и ему пришлось туго. Гитлеровцы, прижав бойцов к берегу озера, теснили ребят к голому месту — бывшему артиллерийскому полигону, где их легко можно было уничтожить минометным огнем. И тут в тылу карателей раздалось громкое:

— Держись, хлопцы! Круши гадов!

Это кричал Арбузов, появившийся там во главе взвода Тянина.

У гитлеровцев замешательство. Из густого кустарника

к ним послешлила помощь, до полсотни полицаев, но посланные Арбузовым в засаду пулеметчики Новиков и Соколов встретили фашистских прихвостней кинжальным огнем.

Комбриг вывел бригаду к озеру Белому, где мы и заняли оборону на склонах высокого холма, поросшего соснами и густым кустарником. Сколько атак выдержали мы — не счесть! Отбивались гранатами, прицельным огнем. В бою участвовали все, даже тяжело раненная в грудь накануне нашего похода к Идрице разведчица Таня Прохорова. И после каждой отбитой атаки в наших поредевших рядах появлялся Георгий Николаевич. Слышался его звонкий голос:

— Молодец, Сараев. Метко офицера подсек.

— Бахенская, а у вас на фабрике все ткачихи такие бесстрашные, как ты?

— Новиков, разишь врага точно, но пулеметные ленты береги. Еще пригодятся.

— Выдюжим, ребята. Еще немного, и вечерний сумрак поможет нам вырваться из кольца.

И вот солнце ушло за горизонт. Каратели предприняли последнюю атаку. После артиллерийского и минометного огня они поднялись и пошли на нас. И тогда лег за станковый пулемет сам Арбузов. Мне довелось участвовать в 1942—1943 годах во многих партизанских боях, наблюдать стрельбу многих опытных пулеметчиков, но такого меткого огня, как на закате дня 13 августа, я больше никогда не видела. «Максим» в руках комбрига творил чудеса. Казалось, каждая пуля находила свою цель. Каратели падали цепь за цепью.

— Вперед! Ура! — подняли нас в контратаку Лекомцев и Рындин.

Бежали каратели. Но в последние минуты боя их снайпер сразил нашего комбрига. Мне уже за пятьдесят. Много пережито, но если у меня спросят о самой жуткой минуте жизни, я назову ту, когда Миша Сараев прибежал на левый фланг обороны и сообщил о смертельном ранении Арбузова.

Мы шли глухим лесом и несли умирающего комбрига. Он уходил из жизни мужественно, все время напутствуя Рындина, принявшего командование бригадой.

На другой день мы уже опять сражались с врагом. Вскоре вышли за линию фронта и вновь на некоторое время обосновались в Купце. В последующих походах и боях

нас, участников первого рейда бригады, называли арбузовцами. Мы гордились этим.

В октябре 1972 года «Правда» опубликовала корреспонденцию «Обелиск на поляне». Газета писала:

«...Вдоль живописного берега озера Белого вьется лесная дорога. И никто не проходит мимо обелиска на поляне. Он поставлен вблизи того места, где пал смертью храбрых старший лейтенант Георгий Арбузов.

Люди постоят, помолчат и уходят притихшие. Крепче, чем в мраморе и бронзе, запечатлеют сердце и память имена сынов Родины, павших на полях сражения за свой народ».

Да, это так. И тому свидетельство — груда писем в редакцию от тех, кто знал и помнит героя. Учительница Надежда Степановна Старожицкая из Саратова, врач Людмила Ивановна Кравцова из Москвы, знавшие Арбузова в юности, капитан запаса Шарыгин из Свердловска, служивший до 1941 года под началом Георгия Николаевича, бывшие партизаны нашей бригады Михаил Клопов из Красного Холма и Николай Поясов из Подмосковья едины в своем твердом убеждении: Арбузов — человек, с которого можно и нужно делать жизнь.

Я работаю в Калининском суворовском училище. У наших воспитанников — частые гости бывшие калининские партизаны Борисов, Бойдин, Заболотнов, Терещатов, Зайцев, мои товарищи по бригаде Овчинников, Тяпин, Бахенская-Федюнина. В их рассказах оживают картины суровой народной войны в тылу врага, они помогают суворовцам держать равнение на подвиг. Однажды мне прислал письмо Сергей Букин, бывший суворовец. В нем есть такая строчка: «Ваше выступление на сборе партизан в Осташкове, ваши рассказы о герое Арбузове запомнились на всю жизнь».

Бывшим арбузовцам это высшая награда.

ЛЮДИ ЛЕГЕНД

Нас было 14, все коммунисты, когда в августе 1941 года мы перешли линию фронта и вернулись в свой Себежский район, уже захваченный фашистами. Вернулись, чтобы создать сеть подполья, найти верных товарищей для борьбы на оккупированной территории.

Нас было 67 бойцов в отряде, когда в конце июня 1942 года мы вторично появились в тылу врага. Появились, чтобы вести войну партизанскими методами.

А через год нас было несколько сот — целая бригада обстрелянных лихих партизан. Мне довелось командовать этими людьми два года. Разные они были по возрасту, по профессиям, по образованию. Но все, почти все (исключение составляли единицы) обладали высоким мужеством.

Есть у замечательного поэта Михаила Луконина такие строки:

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой,
Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

Так думали, так поступали мои боевые товарищи. О каждом из них — и о павшем в бою, и о дожившем до победы — можно сказать много добрых слов. Расскажу о двух: один был коммунистом, другой — комсомольцем, одному в год начала войны шел пятый десяток, другому — едва минуло 18. Но оба из племени, о котором говорят: люди легенд.

Василий Никонов

Мы познакомились в городе Кимры. Там формировался отряд, командиром которого я был назначен решением Калининского обкома ВКП(б). Стояли теплые солнечные дни уходящего мая 1942-го. Газеты и радио печатали и передавали сводки, похожие друг на друга, как двойняшки: «На фронте ничего существенного не произошло». Сводки, конечно, не радовали: противник, отброшенный с большими потерями от Москвы, был еще очень и очень силен. Те, кто побывал уже во вражеском тылу и на фронте, это знали и понимали всю глубину опасности. В отряде было несколько таких человек. Обратили на себя внимание пожилые кряжистые Астафьев и Никитин из Бологого, солидные, лет под сорок, нелидовцы — Алексей Григорьевич Григорьев, Федор Егорович Волисов, Иван Елисеевич Солицев, Эдуард Иосифович Малаховский. У них и жизненный и боевой опыт. Ну а молодые — их, не нюхавших порох, большинство в отряде — смогут ли выдержать тяготы партизанской жизни? Как быстрее научить их премудростям борьбы на оккупированной территории? Смогу ли оправдать доверие обкома партии; ведь и сам я человек невоенный?

С этими мыслями я брел по тихим улицам города, выглядевшим на редкость мирными. В благоухающем зеленом сквере присел на скамейку. Неожиданно услышал:

— Что задумался, командир?

Передо мной стоял Василий Николаевич Никонов, принявший под свое начало сегодня утром первый взвод отряда. Чуть ниже среднего роста, плотный, но по-военному подтянутый, с изрядной сединой на висках. От всей его фигуры веяло спокойствием, уверенностью. Не дав мне ответить, Никонов продолжал:

— О людях отряда, очевидно, твоя думка? По-моему, народ подобран стоящий. Молодых многовато. Подучим. У нас, у торопчан, они быстро освоили партизанскую науку. Освоят и сейчас. Так что не ломай голову. Пойдем лучше по городу пройдемся. До свидания ему скажем.

Мы пошли. Я знал о том, что Никонов вступил в партию еще в 1918 году, закалку боевую прошел на фронтах гражданской войны, в суровую мартовскую непогоду вместе с делегатами Десятого партийного съезда штурмовал мятежные форты Кронштадта, за что был награжден орде-

ном Красного Знамени, первым вступил в Торопецкий партизанский отряд, когда фашисты прорвались к верховьям Волги. Но в тот наш «поход» по улицам Кимр Василий Николаевич открылся мне с другой стороны. Он рассказывал с большой любовью о семье, вспоминал, как, придя с работы, гонял с ребятами футбольный мяч по двору, бежал с сыновьями Мишей и Геней наперегонки, а потом садился за книгу. И о товарищах по довоенной работе говорил душевно.

Я слушал Никонова и мысленно тоже стал перебирать события жизни довоенной поры. Немного их набралось (годы-то у меня были еще молодые), но ценность их ощутил, как никогда. На душе стало яснее, злость на врага, отнявшего все это, усилилась, уверенности прибавилось... Благодарен я был тогда Василию Николаевичу за наш «прогулочный» разговор.

Позже, уже в тылу врага, мне не раз доводилось видеть, как Никонов, устроившись где-нибудь в укромном месте, неторопливо что-то рассказывал, о чем-то спрашивал кого-либо из молодых бойцов отряда. Авторитет его был непререкаем. Мы с комиссаром бригады Андреем Семеновичем Кулешом всегда прислушивались к мнению Василия Николаевича. Учились многому у него и командиры отрядов.

С Никоновым (при создании бригады он стал командиром одного из ее отрядов) я воевал вместе до его героической гибели в марте 1943 года. После войны из писем и воспоминаний его товарищей мы еще больше узнали о жизни этого замечательного человека.

Одногодок Никонова Михаил Петрович Груздев вспоминает:

«Вместе с Василием ходили мы в конищевскую церковно-приходскую школу. Учился он хорошо, любил читать. Книжки ему привозил отец из Кронштадта. Василий всегда нам рассказывал в почном о том, что прочел в книгах. «Просвещал» нас по астрономии, когда ребята спрашивали: почему звезды падают, кто их на небе зажигает?»

Модин Павел Осипович, племянник Никонова, рассказывает:

«В середине двадцатых годов у нас на селе кулаки убили председателя волостного Совета Ефима Рогачева. Похороны его вылились в целую демонстрацию, а вот следствие велось плохо — убийц не нашли. Вскоре на побывку из армии приехал дядя. Василий Николаевич вмешался в

дело, помог новому следователю, добился повторного вскрытия трупа. Кулаки-убийцы предстали перед судом и понесли заслуженную кару. А дядя, демобилизовавшись в 1925 году, пошел работать в уездную милицию».

А вот что записал в своем дневнике партизан Александр Арсентьевич Козлов о первых днях пребывания нашего отряда на оккупированной территории:

«Наш никоновский взвод остался в алушковском лесу, ожидая приказа о переходе в Себежский район. Лагерь — несколько шалашей на полуострове небольшого озера. Место живописное. Вода в озере, точно огромное зеркало, отражает опрокинутый лес. Воздух чистый, наполненный запахом смолы и осенних преющих листьев.

— Живем как на даче, только бы харчишек побольше, — шутили между собой бойцы.

— И все же ухо нужно держать остро, — говорил наш командир взвода, — иначе прижмут нас здесь и, чего доброго, в озеро загонят.

Действительно, вскоре нагрянули гитлеровцы. Было это ранним утром. Мы с Юдиным изрядно подзамерзли в своем шалаше и, чтобы быстрее согреться, отправились к костру. Здесь уже сидели на бревнышках Никонов, Волисов и несколько бойцов. Только мы пристроились к огню, как с поста прибежал запыхавшийся Степан Юдаев:

— Товарищ командир, по берегу справа идут цепочкой какие-то вооруженные люди. Туман мешает определить, что за народ.

Никонов за автомат и мне приказал:

— Пошли проверим.

Мы сделали не более сорока шагов и столкнулись, чуть ли не нос к носу, с группой гитлеровцев. От неожиданности они растерялись. А Никонов среагировал мгновенно — резанул по ним из автомата. Какая-то доля минуты решила все. Фашисты замешкались. Мы добежали до своих, Никонов отдал команду бегом подняться на гору. Под свист пуль заняли оборону. Гитлеровцы теперь снизу открыли бешеный огонь, но он уцерб нам не принес. Израсходовав боеприпасы, непрошеные гости поспешили из леса убраться».

В октябре 1942 года на старой латвийской границе, в глубоком тылу врага, Никонов принял командование головным отрядом нашей бригады. Под покровом осенних ночей отряд разгромил гарнизоны в Томисине и в Борисенках, десятки раз нападал на врага из засад.

В начале декабря разведка донесла: в Томисяно наехало много солдат и полицейских, проводят заготовку хлеба и будут почевать. Никонов принимает решение рано утром отбить обоз с хлебом. Предзимняя ночь еще дотлежала, когда один наш взвод залег в засаде на возвышенности в деревне Ермолова Гора, а другой занял высоту Куксиха. Шел мокрый снег. Было зябко. Фашисты не показывались. Ждать пришлось до двух часов дня. Но вот наблюдатели доложили: к Куксихе движется обоз с хлебом, а за ним идет колонна солдат около 100 человек. И тут произошло то, что впоследствии уцелевшие фашисты назвали «партизанским колдовством». Поднявшись на гору, солдаты не обнаружили обоза.

Никоновское «колдовство» объяснялось просто: возчики, предупрежденные разведчиками, несколько отделились от охраны, поднявшись на Куксиху, свернули в кусты, а фуражиры-гитлеровцы попали под партизанские пули.

И так почти каждый день — в боях и походах. В редкие минуты отдыха Василий Николаевич не забывает про семью. 24 декабря 1942 года он пишет сыну:

«Дорогой Миша! Я жив и здоров. Где нахожусь, ты знаешь... Меня беспокоит то, что я о вас ничего не знаю. О тебе мне известно было, что ты 9 классов окончил хорошо — с наградой. Я ясно отдаю себе отчет, что ты не просто в средней школе, а в спецшколе, что в связи с этим имеются и свои особенности и свои трудности.

Может быть, детка, и не суждено нам будет больше встретиться. Я нахожусь ежедневно в опасности, да и ты готовишься к тому же, так прошу тебя, Миша, никогда не забывай маму, береги ее, помогай младшим Гене и Але. Главное, будь всегда прилежен к труду, не пугайся трудностей, никогда не теряй головы перед, казалось бы, безвыходным положением. И помни, родной: нет более злого и опасного врага, чем германский фашизм. Если доведется тебе вступить с ним в борьбу — отдай ей всего себя без остатка. Напиши мне ответ. Быть может, получу. Адрес мой так:

801-я полевая почта, часть 93».

На «вооружении» у Никонова было не только душевное слово, но и песня. Бывший партизан Николай Константинович Капралов вспоминает:

«Однажды ненастная ночь застала нас в лесу. Шел

дождь, было очень холодно, а костер разжечь нельзя. У меня и моих товарищей: Никитина, Бурова, Сергеевой, Садаль, Марковой — настроение было прескверное. Стоим у елки, жмемся друг к другу. И вдруг Никонов тихо запел «Широка страна моя родная». Мы поначалу даже опешили. А потом подпевать стали. И тепло стало нам от этой песни».

Да, Василий Николаевич любил песню. 6 ноября 1942 года приехал я в отряд Никонова, расположившегося лагерем в лесу около белорусской деревни Рудни. Вечером собрались у костра к трофейному радиоприемнику «Телефункин». Слушали доклад И. В. Сталина. Сильное впечатление на всех произвели слова Сталина: «Нашим партизанам и партизанкам слава!» Прозвучали они, и тут раздалось: «По долинам и по взгорьям». Это запел Никонов. Мы подхватили, потом пели «Катюшу», «Полюшко-поле». Хороший получился праздник!

В марте 1943 года мы потеряли Василия Николаевича. Бригада наша стягивала свои силы в направлении белорусской деревни Павлово, где начались бои с карателями. Отряд Никонова остановился на отдых в деревне Замошане. Все казалось спокойным. Партизаны, подкрепившись, выходили из изб на крыльцо полюбоваться весенним солнышком. Вдруг в деревню на лошади прискакал разведчик Евгений Целицо. Спрыгнул около крыльца штабной избы, доложил Никонову:

— Товарищ командир, по нашему следу движутся немцы, они уже в соседней деревне.

Никонов отправил связного в отряд Степанова с просьбой поспешить на помощь. Перед двумя взводами поставил задачу — нанести удар карателям с флангов, а сам со взводом вышел противнику навстречу. Перед деревней завязался бой. Вскоре каратели начали отступать.

— Вперед! — крикнул Никонов и, строча из автомата, выскочил на возвышенность.

И тут его сразила автоматная очередь. Последним словом Василия Николаевича было негромкое: «Вперед!»

С яростью бросились вперед бойцы.

— Ура! — раздалось и с флангов.

В деревню бойцы возвращались, неся своего погибшего командира. Многие, не стесняясь, плакали.

Спустя неделю после гибели Никонова на его имя было получено письмо. Писала 11-летняя дочь Аля: «Дорогой

папа, мы живем хорошо. Мама работает на заводе, я учусь в четвертом классе только на «хорошо» и «отлично». Когда приедешь, я покажу тебе свои отметки. Скорее кончайте войну и приезжай домой. Желаем тебе наилучших успехов в твоей партизанской жизни. Целую тебя, твоя дочь Аля».

По просьбе бойцов отряду было присвоено имя Никонова. Отряд с честью носил его до конца войны в тылу врага.

Иван Малиновский

Поначалу их было немного — семь человек. Все люди военные. При выходе из окружения разрозненных красноармейских подразделений на территории бывшего Себежского укрепрайона они остались в тылу врага. Оставшись, продолжали борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Командиром стал старший лейтенант Александр Степанович Володин, человек решительный, смелый. В деревнях его знали как Федора Ивановича.

Это была одна из первых партизанских групп у старой латвийской границы. Обосновалась она на острове Зеленом среди топких болот, непроходимых даже зимой. Народ в группе подобрался под стать командиру — храбрости да воинского умения не занимать. Да одна беда — не местные, района не знают.

Гитлеровцы в Себежском районе в первый год войны стояли густо: без тесных контактов с местным населением провести боевые действия было очень трудно. Вот тогда и появился на острове Зеленом Ваня Малиновский, комсомолец из деревни Брод, невысокий, с голубыми глазами, веселый паренек. Семью Малиновских хорошо знали в окрестных деревнях. Отец Ивана, Павел Спиридонович, до войны заведовал скотофермой в колхозе «Коминтерн». Иван после окончания школы пытался поступить в мореходное училище, но по состоянию здоровья комиссию не прошел и стал работать избачом. Обаятельный, энергичный и жизнерадостный, он быстро оброс активом и пользовался авторитетом не только среди молодежи, но и у пожилых людей. Немудрено, что вскоре от землянки группы Володина протянулись незримые нити ко многим крестьянским семьям. Позже местные жители иначе и не назы-

вали партизан с острова Зеленый, как «партизаны Ивана Малиновского».

Когда летом 1942 года наш отряд прибыл в район старой государственной границы с Латвией, мы с комиссаром сразу же стали встречаться с командирами партизанских групп, действовавших под Себежем и Идрицей, с целью их объединения. Помню, с Володиным мы встретились в деревне Лиственке. Ко мне Володин и пришедшие с ним товарищи отнеслись настороженно. Я понимал их: привыкли к самостоятельности, дел партизанских в масштабах области не представляли, не нравился, очевидно, им и мой штатский вид. Вначале разговор не клеился. Но вот в него вмешался голубоглазый парень.

— А вы точно — Марго, до войны учителями командовали (так он определил по военному образцу пост заведующего роно) и к нам в Аф-Слободскую школу приезжали. Я там семь классов кончил.

— Ну вот, наш Иван признал свое школьное начальство, — улыбнулся Володин и представил мне парня:

— Это Малиновский, наш полпред среди местных жителей.

— Как воюется? — спросил я Ивана.

— Воюем понемножку. Вот недавно на шоссе Опочка—Себеж легковую машину подбили. На ней какой-то крупный инженер из штаба армии ехал. Это мы после узнали. А тогда, жаль, трофеями не попользовались. Подскочили два грузовика с фрицами.

Завязалась беседа. Язык общий был найден. Вскоре группа Володина влилась в наш отряд.

Об этой встрече я рассказал через несколько дней Андрею Семеновичу Кулешу. Мы в тот день подбирали командный и политический состав для формируемой бригады. Комиссар решил сразу:

— Вызывай своего Малиновского. Быть ему моим помощником по комсомолу.

Иван поначалу отказывался.

— Я ведь толком ничего сейчас не знаю, — говорил он нам, — газеты месяцами не читаю. Я уж лучше с автоматом. Дело привычное.

— С автоматом по лесам да дорогам шастать теперь не ахти какое хитрое дело, — сказал, насупившись, присутствовавший при нашем разговоре секретарь подпольного Себежского райкома партии Кривоносов, — а вот взять на

учет всех подростков-комсомольцев, объединить их кустарные усилия в борьбе с фашистами в русло целенаправленное — это задача посложнее.

И надо сказать, что эту задачу Иван Малиновский с помощью коммунистов-партизан решал превосходно. Он был вездесущ. Бесстрашно появлялся в населенных пунктах, где гитлеровцы держали гарнизоны, и вербовал для разведки парней и девчат. Часть из них, постарше, направлял в бригаду. Косарев, Целицо, Исаков, Малофеев, Шиллов, Голубев, Цыганков — всех «крестников» Ивана сейчас и припомнить трудно. Были это отчаянно смелые ребята.

Много добрых дел совершили Малиновский и его ближайшие помощники. Это они сорвали угон девушек района летом 1943 года в Германию. Из 295 девушек, вызванных в Себеж на регистрацию и доставленных под охраной полицаев, по пути на станцию (от города до нее 3 километра) 230 «исчезли» и попали в партизанскую зону.

Горячее комсомольское слово теперь все чаще и чаще звучало в деревнях. Бывало так: в 10—15 километрах в населенном пункте стоит воинская часть фашистов, а в соседней деревне наши комсомольцы рассказывают на собраниях жителей содержание доклада И. В. Сталина, читают последние сводки Совинформбюро.

Рос и боевой счет комсомольского вожака. После разведки Малиновского и с его участием был пущен под откос железнодорожный эшелон на перегоне Идрица—Себеж. Состав шел к линии фронта, вез автомобили. Не раз выступал Иван и в роли проводника — под носом у карателей уводил подразделения на новые места базирования. В разгар нашей борьбы в 1943 году Ивана постигло горе: фашисты расстреляли его мать. Анастасия Никитична Малиновская собирала для сына разведданные. Еще раньше был арестован и отправлен на каторжные работы в Германию Павел Спиридонович. Сестрам Ивана Вере и Тане удалось бежать из Себежа, куда они были доставлены под усиленным конвоем. 16-летняя Татьяна стала бойцом нашей бригады. Нашлась работа и 14-летней Вере. Она совмещала в одном из отрядов две профессии — санитарки и повара.

Летом 1943 года на бюро подпольного райкома ВКП(б) мы утверждали состав Себежского райкома комсомола. Его первым секретарем единогласно решили назначить

Малиновского Ивана Павловича. Комсомольские дела в районе пошли еще лучше. Только в октябре 18 лучших молодых партизан были приняты в ряды ВЛКСМ, а 17 комсомольцев представлены к награждению грамотами ЦК ВЛКСМ за боевую доблесть.

...Василий Никонов, Иван Малиновский. Разных поколений представители, но, когда я вспоминаю боевые дни, проведенные с ними, наши встречи, беседы, мне приходит в голову одно сравнение: отец и сын. В грозное для Родины время отцы шли неуклонно дорогой, указанной партией коммунистов, сыновья старались идти им след в след. И в этом была наша сила.

«РАЗВЕДАЙТЕ И ДОНЕСИТЕ...»

«Разведайте и донесите...» Так начиналось большинство радиogramм в адрес разведгрупп «Борец», «Байгер», «01» и других маленьких ячеек большой и прочной разведывательной сети, созданной в тылах фашистских армий штабами Северо-Западного и Калининского фронтов, органами госбезопасности.

Два слова. Простых. В переводе с официального военного языка — узнайте и расскажите. Емких. Тут и смертельный риск при сборе разведывательных данных, и не меньшая опасность при передаче их в эфир, и волевое напряжение в течение многих часов, суток, недель.

Нередко первое боевое задание для разведчика было и последним. Но большинство солдат незримого фронта «приживалось» в стане врага, вырабатывая в себе незаурядные профессиональные качества за счет характера, природного таланта к разведке, беспримерного мужества.

Влюбчивый обер

— Так, говоришь, глаза могут выдать.

— Да, товарищ комбриг. Труднее всего изменить выражение глаз. Вот шучу, улыбаюсь этому «блиндированному немцу» и чувствую: глаза мои точно остекленели. Будь он не в подпитии, посмотрел бы повнимательнее на «весела руссиш фрейлен», и все раскрылось бы.

— Ну это ты зря. Есть такая поговорка: как в кремне огонь не виден, так в человеке душа.

— Так это ведь в пословице, — не то сомневаясь, не то утверждая, проговорила Маша.

Они сидели на берегу озера. Вечерело. Туча, висевшая над всхолмленной водой, отступала прочь. Заря гасла словно нехотя. Не было слышно и обычной в это время канопы.

нады. Тишина завораживала. Комбриг и разведчица несколько минут сидели молча, вслушиваясь в тихий плеск волн. Первым заговорил Арбузов:

— Маша, блиндированный поезд — это...

— Бронепоезд.

— И командование...

— Хочет узнать его дневную стоянку.

— Нужно...

— Мне побывать в Опухликах у «блиндированного немца».

Арбузов рассмеялся:

— Будешь перебивать начальство — не пошлю.

— Пошлете, товарищ комбриг, по глазам вижу, пошлете.

— Ну, только что по глазам, — Арбузов быстро поднялся с земли и предложил: — Пошли в штаб. Легенду тебе придется заменить.

...Случилось это на вторые сутки на станции в Опухликах. Порываевой удалось уже заметить многое. Дивизион бронепоездов действительно базировался здесь. Его площадки с орудиями стояли на ветке, замаскированные специальными сетями. Неделю назад дивизион неожиданно ушел в сторону Полоцка. Чем был вызван уход, узнать разведчица не смогла, но слышала разговоры солдат о скором его возвращении. Маша решила еще раз побывать на станции.

У забора стояло несколько женщин. Поминутно оглядываясь, они что-то читали. Порываева подошла. «Что-то» оказалось советской листовкой, прикрепленной кнопками к доске. Девушка начала читать, но вдруг почувствовала, что осталась одна. Женщин как волной смыло. К забору кто-то подходил. Маша несколько секунд смотрела на листовку, затем зло сорвала ее и резко повернулась со словами:

— Это безобразие!

В двух шагах от нее стояли обер-лейтенант и полицай. Оба во хмелю.

— Партизанка! — Полицай ткнул автоматом в грудь девушки.

Порываева небрежно отвела от себя оружие и, не глядя на полицая, обратилась к гитлеровцу:

— Их бин ди тохтер ден райхен бауер¹.

¹ Я дочь богатого крестьянина.

— Говори руссиш. Я понимают ваш язык.

— Господин капитан, посмотрите мои документы. Мой отец все время помогает солдатам фюрера. Я жду попутную машину. Мне к тете в Невель надо. Платье хочу заказать.

Обер-лейтенант не стал смотреть безукоризненные документы «кулацкой дочки». То, что она не побежала вместе с другими женщинами, не оглянулась и сорвала лиловку, лучше всяких справок говорило в ее пользу. Гитлеровца интересовало другое. Противно клейкий взгляд его неторопливо пополз по телу девушки от лица до бедер. Оставшись довольным осмотром, обер-лейтенант предложил:

— Пусть фрейлейн не волнуется. Я буду подвозить ее город дрезин. Мне тоже нужен Невель. Будем ресторан, пей, гуляй.

Порываева все поняла. Ужаснулась, но решила играть ва-банк. Перекинув плетеную корзинку в левую руку, она правой взяла фашиста под руку со словами:

— Тогда поехали, господин капитан.— Повернулась к полицаяу, сердито сказала: — О твоих художествах я расскажу папиному приятелю Пшель Карлу. Небось знаешь такого. Пить надо меньше, дурак.

Услышав фамилию фельдфебеля-эсэсовца, занимавшего важный пост в полевой жандармерии, фашистский холуй отрезвел и жалко пробормотал:

— Простите, барышня, виноват.

Обер-лейтенант, смеясь, повел Порываеву к полотну железной дороги. Это был невысокий, начавший полнеть человек лет сорока с багровым шрамом на некогда привлекательном лице. Шрам был получен в молодости в пьяной студенческой драке. Сейчас он оказался кстати: обер-лейтенант рассказывал своим новым друзьям о нападении на него «красных дьяволов» под Варшавой. Гитлеровец попал на фронт недавно и благодаря содействию дядюшки-генерала получил место в штабе дивизии. Самолюбию офицера приятно льстило то, что Порываева называла его «господин капитан» — чин, который он вот-вот должен был получить.

Все это Маша узнала из довольно бессвязного рассказа Фридриха — так ей отрекомендовался фашист. Разведчица заметила, что он пьян значительно больше, чем сопровождавший его полицай.

С помощью солдата-моториста обер-лейтенант взобрался на дрезину и прикрыл себя и Машу широким плащом. Порываева содрогнулась, почувствовав на своей талии пухлые пальцы гитлеровца. Взревел мотор, и дрезина заскользила по блестящим рельсам.

Миновали посты. Началась лесная полоса. Немного покачивало. Обер-лейтенанта стало тошнить, и он приказал остановиться. Маша услужливо предложила:

— Фридрих, вам нужно немного полежать. Будет легче. Отдохнем. Будем пить папи самогон.— Разведчица достала из корзинки бутылку, сало, хлеб.

— О, лежать с флейлейн...— гитлеровец говорил медленно, растягивая слова, глаза его опять плотоядно поползли по телу Маши,— это гут, хорошо по-русски.

И они пошли в рощу. Заметив, что девушка берет плащ обер-лейтенанта, солдат усмехнулся и стал снимать с рельсов дрезину.

Порываева вошла в роль, и лишь нервный смешок выдавал ее волнение. Выбрав поудобнее полянку, она расстелила плащ, поставила бутылку, положила продукты. Затем налила стакан самогона и сделала два глотка:

— За вас, Фридрих! А теперь вы. Пейте — лучше будет.

Обер-лейтенант залпом опорожнил две трети стакана и вместо закуски обнял Машу. Она легко выскользнула из его непослушных рук, дрожащим голосом шепнула:

— Потерпи немного, милый. Я сейчас вернусь. Мне нужно...

Сняв кофточку, бросила ее на плащ и неторопливо пошла в кусты. В голове горело. Мозг сверлила одна мысль: «Бежать, скорее бежать». Но разведчица не убежала. Пробыв в кустах не больше трех минут, выглянула на поляну. Гитлеровец лежал на правом боку, по-видимому задремал. Маша сняла туфли и на цыпочках подошла к нему сзади. Обер-лейтенант легонько похрапывал. Став на колени, Порываева протянула руку к перочинному ножу, лежавшему рядом с куском сала. Осторожно, затаив дыхание, перерезала ремешок планшетки, под слюдой которой давно заметила карту. Поднявшись с колен, спиной отошла к кустам. «Теперь бежать! Скорее бежать!»

И она побежала так, будто за нею гналась стая голодных волков. Не бежала — летела, раздирая в кровь ноги и руки...

Девушки с... «цепкими глазами»

— Да, да, вы, капитан, меня правильно поняли, будут сновать, как челноки, туда-сюда. И все в темпе.— Начальник разведки одной из армий Калининского фронта встал из-за стола и подошел к карте. Карандаш в его руке скользил к синей извилистой линии, обозначавшей реку Ловать.— Здесь, в прифронтовой зоне, сейчас великое хождение. Бронетранспортеры и танки врага упредили толпы беженцев. Каждый вечер на постой в деревнях останавливаются десятки людей. Затеряться среди них девушкам-разведчицам не представит большого труда.

— Разрешите заняться отбором?

— Приступайте. И помните: в группе особого назначения должны быть люди с мгновенной реакцией. В челночных операциях не так важно точное соблюдение разведчиком легенды, как умение быстро сориентироваться...

Маша Евдокимова, старший инспектор Госстраха города Андреаполя, была удивлена, когда в райкоме партии капитан в форме пограничника предложил ей работать в разведке.

— Пожалуй, не смогу,— ответила она,— возьмите меня в армию бойцом или медсестрой, кем хотите — только на фронт.

Капитан долго расспрашивал Машу, и ей казалось: то, что его интересует, несущественно, не имеет отношения к войне. А он в конце беседы сказал:

— Будете разведчицей. Немного подучим — и в дело. Назначаю вас старшей. Подберите себе двух-трех напарниц из отобранных нами девушек.

На вопрос секретаря райкома партии Борисова, почему он сделал такой выбор, капитан ответил:

— Правдива. Горяча, но умеет себя сдерживать. Два брата на фронте. Песни Руслановой любит. В тургеневскую Елену влюблена. И глаза цепкие.

— А я думал — голубые,— засмеялся Борисов...

Разведчики-маршрутники. Бойцы группы особого назначения. Самые различные названия, но суть одна — визуальное наблюдение в пути. Их информация имела сиюминутную ценность, но именно челночные операции по принципу «туда-сюда» — за линию фронта и обратно — помогали разведывательным органам армий и фронтов со-

здавать мозаику ближайших тылов врага. Анализ делали другие разведчики — высших рангов.

...Сотни испуганных людей скопились в кюветах шоссе. В руках узлы, за плечами котомки. Кто-то застыл с веревкой в руках, к которой привязана коза. Кто-то в ужасе закрывает собой ребенка... Беженцы... На шоссе грузовики и огромные «Майбахи». Гитлеровцы сидят на скамейках, точно в кинозале. Гогочут. Это от них, солдат фюрера, зависит теперь — уничтожить этих «руссиш» или проехать мимо, горлая «Германия превыше всего».

И тебе, как и всем в толпе, страшно. Вот-вот полоснет автоматной очередью этот пьяный фашист с крылатой эмблемой вермахта на груди. Вот он уже поднял свой вороненый горбатый «шмайсер»... А ты стоишь поближе к обочине и считаешь бронетранспортеры, орудия, запоминаешь знаки на кузовах, номера машин. Завтра все это станет достоянием одного из наших штабов. А послезавтра ты опять проскользнешь через неустоявшуюся линию фронта и будешь разыскивать «потерявшихся родителей» или «жениха», мобилизованного на оборонные работы. Но искать именно там, где к избам тянут солдаты провода или гнезятся штабные машины.

Сколько таких походов по принципу «туда-сюда» было у связной Евдокимовой?

Более десяти.

Не меньше у ее подруги и напарницы на первых порах Клары Королевой.

В судьбах разведчиков есть железная необходимость — их имена часто остаются неизвестными. Но годы проходят, и завеса молчания рано или поздно спадает. Александра Шагурина, Зина Жаброва, Шура Нарбут, Анна Линде, Люба Соломонова, Лида Тимофеева, Сима Боброва, Тина Рощина... За каждым именем подвиг — частица истории гигантского сражения за Москву, битвы за Ленинград.

Они не могли в минуту смертельной опасности выхватить из кармана револьвер и, отстреливаясь, бежать к лесу-спасителю. И гранаты у них не было, чтобы, уж коль иначе нельзя, подорвать себя, избавив от пыток в гестапо. Они сражались другим оружием: «цепким взглядом» и памятью, хитростью и большим мужеством.

Нам дан брильянт, чтоб мы его блюли
За десятью замками: твердый, верный,
Отважный дух в груди нелицемерной.

Вряд ли все герои челночных операций читали эти шекспировские строчки. Зато великий англичанин смотрел далеко. Он знал и верил в то, что в борьбе с темными силами зла отважный дух — сильнейшее оружие. Было так, есть и будет всегда.

Не этот ли «брильянт» помог Евдокимовой и Королевой принять решение, спасшее жизнь многим женщинам и детям... Они возвращались с ценными разведывательными данными. Вечерело. Оставалось пройти еще мимо одной деревни, а там за перелеском «ворота», где можно проскользнуть к своим. Но что это? Пламя взметнулось в одном конце деревни, бурый дым повалил из дома в противоположной стороне.

— Пожар! — воскликнула Королева.

— Нет, Клава, тут что-то не так. Подойдем поближе, — предложила Евдокимова.

Подошли. Затаились в кустах. Страшная картина открылась глазам: несколько гитлеровцев с факелами в руках бегали по деревенской улице, поджигая хаты, трое солдат загоняли в сарай женщин и детей.

— Неужели подожгут? — прошептала Клава.

Зажгли.

— Идем, — поднялась с земли Маша.

И они пошли. Нет, не в перелесок (на что имели полное право), а в горящую деревню, где факельщики-мотоциклисты еще не уселись в свои «цинданы». Перебегая от избы к избе, разведчицы приблизились к сараю, крышу которого уже лизали огненные языки, сбили засов, спасли обреченных.

...Дороги, дороги. Сколько их было! Проезжие. Лесные тропы. Болотные хляби. И два спутника: постоянно холод и голод. В прифронтовых оккупированных деревнях население голодало, и «беженкам» не полагалось иметь запасы продовольствия. Не позволяла легенда и потеплее одеваться.

Был случай — заночевали Евдокимова, Королева и Стибель в лесу, в землянке, вырытой кем-то наспех. Ноги по колено мокрые: пробирались к железной дороге болотом. Разулись. Ботинки повесили у входа — пусть вода стекает, хоть немного подсохнут. Заснули как убитые. Поднял на ноги мороз. Глянули: кругом все снегом припорошено, а ботинки ледяной коркой покрыты. Пришлось сидеть на них, отогревать...

...Мгновенная реакция. Нет, не зря про нее говорил на-

чальник разведки армии. Она — палочка-выручалочка. Как-то группа Евдокимовой шла к поселку, где предположительно фашисты создали оперативный аэродром. Путь далекий и все лесом. Глухомань. Кругом необхватные ели. Тут бы идти спокойно, снять напряжение. Но Мария строго предупреждает:

— Осторожнее ступайте, девчата. Разговор — шепотом.

И вдруг команда:

— Замри!

Запах сигареты... Такое по плечу лишь опытному следопыту... В тягостном ожидании проходит несколько минут. И вот уже слышна негромкая чужая речь. Показались гитлеровцы с автоматами в руках, человек 15. Прошли в десяти шагах от огромного поваленного дерева, за которым укрылись разведчицы.

Находчивость — сестра смелости. Эту поговорку часто слышала Шура Шагурина от своего наставника. И убеждалась не раз в ее правоте. Однажды ее и Любу Соломонову задержал патруль в небольшом поселке у колонны машин. Девушек привели к дежурному офицеру воинской части, расположившейся здесь на отдых.

— Почему считали автомобилем? — с видом заправского следователя спросил молодой лейтенант через переводчика.

— Зачем нам считать? Мы просили ваших солдат подвести нас в Торопец, — отпарировала Шура.

— Зачем в Торопец?

— К доктору. Короста у нас, — Шагурина шагнула поближе к офицеру и протянула руки в цыпках, — вот, смотрите.

Гитлеровец брезгливо отшатнулся, и вдруг взгляд его упал на ботинки девушек — у обеих одинаковые, армейского образца.

— Кто дал вам эти ботинки?

— Мы выменяли... — начала Люба, но неожиданно раздалось:

— Ой!

Шагурина медленно оседала на пол, держась за живот. А была Шура полная, не по возрасту.

— Ты что, брюхата? — нагнулся над ней переводчик.

— Ребеночка жду, миленький, — пролепетала Шагурина, — ой, не дай бог, скину.

Услышав перевод, офицер чертыхнулся и ушел. Люба стала хлопотать около подруги:

— Лежи.

Ночью «беременная» Шура и Люба исчезли из поселка. Их «цепкие глаза» определили номер части, сосчитали прицепленные к машинам орудия, разговор солдат подсказал, до какого времени артиллеристы будут находиться в резерве.

Опасность подстерегала разведчиц на каждом шагу, но иной раз была к ним благосклонна и «госпожа удача». Евдокимова вела группу к линии фронта. За несколько дней пребывания разведчиц на оккупированной территории обстановка у «зеленой тропы» (так маршрутники называли щели на стыках частей, армий) изменилась, и группа напоролась на хорошо замаскированный дзот. Раньше его в кустарнике на холме не было. Девушек задержали. Офицер выслушал их объяснения и сказал усмехаясь:

— Как говорят французы: чуть-чуть слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Мотя Попова, прилично знавшая немецкий язык, перевела шепотом:

— Не верит тому, что мы говорим.

Офицер приказал что-то одному из солдат и небрежно махнул рукой.

— Отпускает? — спросила Королева.

— Приказал расстрелять подальше от дзота, за дорогой.

— Шнель! — махнул солдат автоматом.

Молча ступают девушки. Тяжелы, ох как тяжелы шаги.

— Поговори с этим идиолом по-немецки, — шепчет Евдокимова Моте. — Скажи, что мы знаем, куда он нас ведет.

— Камрад, — обращается Мотя к солдату. — Неужели ты убьешь нас? Мы молоды. У тебя ведь есть, наверно, сестра, невеста. Разве хорошо будет, если и их вот так застрелят?

Молчит солдат, только автоматом помахивает... Вот и дорога.

— Ну, девчонки, — командует Маша, — как свернем с дороги, бросайтесь в разные стороны. Кто-то и жив останется.

И тут солдат неожиданно крикнул по-русски:

— Да не фашист я, чех я. Чех. Марш отсюда!

И дал длинную очередь в воздух.

Быть может, в это время мать Клавы Королевой чи-

тала письмо, полученное из части, где служит дочь. Командир писал:

«Здравствуйте Ефросинья Васильевна!
Сообщаю вам, что ваша дочь жива и здорова. Она написать письмо вам не может ввиду того, что находится в командировке... Я очень доволен вашей дочерью. Она показывает самый лучший пример в работе...»

Работа. Это слово встречается и в письмах-воспоминаниях Марии Егоровны Евдокимовой (ныне Андриенко), присланных мне из поселка Немешаево Киевской области. Его часто употребляла и в разговоре со мной Клавдия Ивановна Королева (ныне Коропалова), работница Завидовской фабрики игрушек, когда наши пути скрестились. Может, они и правы, издавна о солдатской службе говорят: ратный труд.

Когда я смотрю фильмы о разведке со стремительными погонями на машинах, с лихой перестрелкой, мне всегда почему-то за экраном видится прифронтовая дорога военных лет. И бредущие по грязи Маша, Клава, Шура, Оля и другие отчаянно смелые девчонки с «цепким взглядом». Военные сводки не называли имен героев челночных операций. Результат их «работы» не всегда был сразу реально ощутим. Но мы по праву называем их гордым именем — разведчики. Ведь и Волга начинается с маленького ручейка...

Радируют «Борец» и Гонтарь

Весело бежит ручеек сквозь кустарник, прикрытый кронами сосен и елей. Вот вырвался он из леса, на лугу бег замедлил. И не ручеек уже, а речка. Зовут ее Синяя. Это по-русски, а по-латышски — Зилупе. С каждым новым километром, набирая силу, Синяя убегает все дальше и дальше от старой латвийской границы. Вот уже и поднырнула она под шоссе Ленинград — Киев. А вскоре сочно припадет к материнской груди: вольется в реку Великую — главную водную магистраль голубого озерного края.

В один из дней, с которых начинается наше знакомство с Синей, у ее истоков расположилась небольшая группа хорошо вооруженных людей. Всю ночь накануне шел дождь, мелкий, нудный, а утром нежаркое осеннее небо смотрело на землю умиротворенно, будто ничего не про-

прошло. У самой воды потрескивал неяркий костер. Закипал выдавший виды чайник.

Чуть поодаль от других, у непролазного, цепкого кустарника, стояли двое. Крепко сбитый, широкоскулый с военной выправкой спрашивал. Тот, что был помоложе и ростом пониже, неторопливо отвечал.

— Данные перепроверил, Карл?

— Так точно, товарищ майор. Источник не вызывал никаких сомнений. И все же я...

— Встретился с Ленькой-переводчиком?

— Да. И он подтвердил: в распоряжении коменданта Себежа Гофмана не более тысячи солдат. Гарнизоны поставлены только в крупных населенных пунктах у железной дороги. Партизаны бригады Марго контролируют десятки деревень.

— Лихо дерется бригада — ничего не скажешь. — Голос майора, отрывистый, грубоватый, стал мягче. — Лихо, — повторил он и, помолчав, добавил: — Но осммотрительно. В твое отсутствие, Карл, я встречался с Марго. Умен. Хитроват. Лишнего не скажет.

— Из военных?

— Нет. Человеку, Карл, нужно два года, чтобы научиться говорить, и кое-кому, — майор горько усмехнулся, думая о чем-то своем, — шестьдесят лет, чтобы научиться держать язык за зубами

— Кто это сказал?

— Был в свое время умный человек.

— Разведчик?

Майор не ответил, приказал:

— Иди отдыхай. Часа через два двинемся в твою Латвию. Сколько шагать до нее? И чему ты смеешься?

— Да вот она, моя Латвия, — Карл, улыбаясь, показал на речку. — Пять-шесть шагов по воде, и я дома.

— Спать, — повторил майор и негромко позвал: — Фая.

От костра поднялась хрупкая светловолосая девушка:

— Слушаю, товарищ майор.

— Когда на связь с Центром?

— Через пятнадцать минут.

— Ты готова?

— Конечно, товарищ майор.

Через четверть часа в эфире звучали позывные: «Говорит «Борец», говорит «Борец»...»

В тот же день радиogramма командира спецгруппы

Константина Чугунова легла на стол начальнику разведотдела штаба фронта. Была она длиннее обычных сообщений разведчика. Кроме указаний объектов для бомбежек и характеристики фашистских гарнизонов в Себеже, Идрице, Резекне, Опочке в радиোগрамме давалась высокая оценка боевым делам партизанских бригад Марго, Вараксова, Бойдина, действовавших осенью 1943 года вблизи старой латвийской границы. Читая ее, генерал не без проники сказал подполковнику Злочевскому, принесшему вести с берегов Синеи:

— Романтиком становится наш подопечный, Гавриил Яковлевич. Всегда скупой на слова, сегодня он так хваливает партизан — ни дать ни взять очеркист, а не разведчик.

— Видно, стоят они того, а романтика в нашем деле не помеха, — ответил в тон начальству Злочевский.

В тот день, когда спецгруппа «Борец» находилась на пути в Латвию, начальник тайной полевой полиции города Себежа Венцель получил очередной «разгон» и приказ о резком усилении провокационной деятельности. На этот раз нервы начальника ГФП не выдержали, и в радиোগрамме, отправленной начальству, он после слов «приступаю к немедленному исполнению» дописал «по-прежнему не хватает опытных агентов».

Обе радиোগраммы — советского разведчика и фашистского контрразведчика — не остались без ответа. Майор Чугунов получил благодарность и указание на установление контактов с руководством партизан-латышей. Капитану Венцелю сообщили: в Себеж прибудет отряд «Ваффен СС ягд фербанд Ост». В переводе на русский это означало: «Истребительное соединение «Восток» войск СС».

1943 год был годом наибольшей активности немецко-фашистской разведки на советско-германском фронте и новых провокационных акций СД и ГФП. Отряд карателей, а точнее банда, прибывшая в Себеж в помощь отделению СД, была особой. Комплектовалась она не просто из уголовного сброда, а из самых отпетых негодяев, людей разных национальностей и возрастов, но одинаково ненавидевших все советское. Возглавлял этих убийц и провокаторов поляк Мартыновский. Ближайшими его сподручными были Нариз Оскар, Купфер, Решетников, а хозяевами — офицеры СД, поначалу небольших рангов, позже — матерый шпион и диверсант штандартенфюрер Кнолле и любимец Гитлера Скорцени.

Нацепив на шапки красноармейские звезды или ленты пародных мстителей, бандиты врываются в деревни, подозреваемые в связях с партизанами. С ходу стреляли в лицаев (дерьма не жалко), распевали советские песни. Радовались жители — свои пришли. Открывались сердца. Начинались рассказы... А ночью совершалось черное дело: аресты, насилия, убийства, грабежи. В небо вздымались столбы густого, упругого дыма, взлетали пучки искр, а потом полыхало от околицы до околицы всепожирающее пламя. Утром полз слух, пущенный бандитами-провокаторами: «Партизаны-то сожгли деревню...»

...Константину Фишу — командиру разведки белорусских партизан — не понравился «посланец отряда калининцев». Несло от него винным перегаром, речь изобиловала блатными словечками. Но пароль был верен, место встречи заранее оговоренное, и Фиш, поправив маузер, сказал:

— Пошли.

И только в избе мелькнувшее подозрение стало переходить в уверенность. Перстень на руке командира, слащавое приветствие, отсутствие хозяев... Ясно — ловушка. Стараясь не выдать волнения, Фиш спросил стоящего у окна человека:

— А сегодня будет дождь?

Это был контрольный вопрос. Ни его, ни ответа: «Будет и с грозой» — Мартыновский не знал и, не задумываясь, ляпнул:

— Черт его знает.

Фиш выхватил оружие, но зорко следивший за ним Решетников упредил. Раздалась короткая автоматная очередь, и партизан рухнул на пол.

Гибель Фиша и небольшой разведгруппы капитана Румянцева насторожили калининских партизан. Теперь за «волками» Мартыновского следили десятки глаз в Себеже и в деревнях. За бандой началась охота. До прихода в зону деятельности калининцев «волки» еле унесли ноги с берегов Сорти, где их настигли отряды легендарного Германа. Ситуация могла повториться. Учув новую опасность, Мартыновский бежал в Белоруссию.

Потугам фашистской разведки спасти положение на фронте командование советских войск противопоставило усиление контрразведывательной деятельности (только на Московском направлении было выявлено 127 агентов абверкоманды-103) и установление более тесных контак-

тов с партизанской разведкой. Штаб партизанского движения Калининской области получил от бригад, отдельных отрядов и спецгрупп более 1500 радиogramм с разведывательной информацией и 400 письменных донесений. Большинство из них падает на 1943 год.

Одним из активных «поставщиков» разведывательных данных с берегов Великой и Синеи стал в те дни Гонтарь. Под этим именем действовал бывший пограничник старший лейтенант Петр Васильевич Бобрус. Отряд, который он возглавлял, вырос из маленькой разведгруппы.

— Главное — расширяйте разведывательную сеть, — напутствовал Гонтаря начальник штаба партизанского движения Соколов. — Знаю: на Смоленщине вы действовали энергично, но здесь будет потруднее. Со взятием Невеля нашими войсками фронт приблизился к линии Себеж — Идрица — Опочка. Район насыщен полевыми частями вермахта. И все же я жду от вас более частой связи.

— Ясно, товарищ подполковник.

— И еще. Смелее проникайте в гарнизоны фашистов на латвийской земле. Там контактируйте с Самсоном.

— Кто это?

— Комбриг. Человек большой отваги и большого ума. За плечами добрая партизанская школа. Явки и пароли получите у моих помощников...

Мороз, Огонь, Фналка, Краснофлотская, Дубровский, Керчь, Кужель, Курок, Онегин, Дуб — это далеко не полный перечень разведчиков отряда Бобруся, действовавших в городе Опочке. Плотно засели они в ортскомендатуре, в подразделениях организации Тодта, непосредственно в гарнизоне и в Красногородске. В Латвию ушла группа Георгия Бойко. Она состояла из наиболее опытных разведчиков, имела свою рацию.

И поток радиogramм в наши штабы усилился. В 1944 году Гонтарь регулярно сообщал о движении немецких войск из Латвии, дал точные координаты 14 отдельных частей, подробную характеристику 281-й дивизии охранных войск.

Нередко ценную информацию Бобрус получал непосредственно от гитлеровцев. «Языки». Брали их с выбором. Однажды в руки разведчиков попал переводчик отделения ГФП в Красногородске. Больших претензий к нему предъявить было нельзя. Однако при первом разговоре с ним, слезно рассказывавшим свою историю, Боб-

русь заметил то, что может заметить лишь опытный разведчик, — искру напряжения в глазах.

— Андрей Максимович, — обратился он вечером того же дня к комиссару Телятнику (кстати, врачу по профессии), — не кажется ли тебе странным, что гитлеровцы в качестве переводчика использовали еврея?

— Я тоже подумал об этом. Но бывает.

— Рассказывал довольно искренне. И все же давайте-ка его допросим вдвоем и поосновательнее.

Допрос проходил в весьма «подходящем» месте — в огромной воронке от бомбы. Немецкие самолеты только что отбомбили деревню Овсянки, где располагался отряд. Переводчик сознался: не еврей он, пытавшийся вырваться из тенет врага, а фашистский агент по кличке Арам. Заброшен с целью войти в доверие и через отряд попасть в советский тыл для шпионажа...

Летом 1944 года Бобрусь и его 80 боевых товарищей соединились с советскими войсками, сломавшими хребет «Пантеры» — крупнейшей оборонительной линии гитлеровцев.

Тайна старой мельницы

Хрустит под тяжелыми жерновами зерно. Натужно скрипит старое водяное колесо. Выше запруды вода черновато-синяя, загадочно сказочная. Водяная мельница. Неизменный персонаж русских сказок, былин, легенд. Редко где встретишь ее нынче. Я сижу на берегу речки Цепелянки. В зарослях осин, берез, раскидистых ив спрятано двухэтажное здание мельницы. Тихо. Глухо. Есть еще такие уголки в южной части Псковщины. Рядом со мной мельник, густо припорошенный мукой. Афанасию Трофимовичу далеко за 70, но он бодр и многое помнит из тех раскаленных лет, когда его родной край был оккупирован гитлеровцами.

И тогда так же неумолчно шумела вода у запруды. Так же натужно скрипело мельничное колесо. Только был тогда мельник Афанасий Михалкинский не стар и силен, да растекалась о нем окрест худая слава: «Для фашистов старается».

Злые языки трезвонили: «Везет человеку. Схватили его ночью партизаны вместе с загулявшим на мельнице пре-

дателем-агрономом. Агронома расстреляли, а вот, подишь ты, сбежал мельник. Колдун, вестимо».

Мрачнел «колдун», слыша, как судачат о нем. Ворочался по ночам на кровати, борясь с думами. А их было немало...

В нескольких километрах от мельницы, в большом селе Щукине, фашисты держали хорошо вооруженный гарнизон. Как поточнее узнать систему охраны, пароли, дату снаряжений ближайшей карательной экспедиции? В погосте Красном крупные армейские склады. В какие фронтовые части, по каким дорогам будут направлены оттуда взрывчатка и провиант? И на этот вопрос должен дать ответ связному... советский разведчик Михалкинский.

Схвачен был Афанасий Трофимович бойцами рейдовой разведывательной бригады штаба Северо-Западного фронта. Схвачен, как говорится, для отвода глаз. Долго в ту морозную ночь беседовал с Михалкинским комбриг майор Литвиненко. Удивлялся Афанасий Трофимович: все о нем известно, даже то, что он был в молодые годы секретарем волкома. Тогда же мельник получил строгий приказ: сведения передавать только тому, кто спросит: «Нельзя ли мукой разжиться?» — и на ответ: «Нет. Только крупой», — скажет: «Крупа не по зубам».

На прощание комбриг протянул Михалкинскому удостоверение, написанное на бланке штаба Северо-Западного фронта:

— А это «охранная грамота». Береги ее пуще глаза своего. Показывай только в случае крайней нужды. Ну, скажем, когда свои тебя как фашистского прихвостня на расстрел поведут. И еще вот тебе список семей красноармейских. Помогай им потихоньку. Смелей бери зерно из запасов карателей. Учета у них хорошего нет, текучесть начальства большая.

...Тянутся люди к мельнице. Кто с мешком за плечами, кто на лошадке тощие запасы свои везет — семью кормить надо. В ожидании помола сидят крестьяне, разговаривают. Прислушивается мельник — дополнительную информацию получает: куда то или иное подразделение гитлеровцев переместилось, где артиллеристы на постой стали.

Ну а главный источник информации — гарнизон в Щукине. Стал Михалкинский туда чаще и чаще наведываться. То первосортной мучицы господину коменданту на пироги свезет, то к офицерскому столу блинной муки мешок доставит. Довольны гитлеровцы. Доволен и мельник:

есть что передать человеку, которому «крупка не по зубам».

И так бывало: устанавливая очередь помола, увидит Михалкинский жену или вдову красноармейскую, непременно буркнет:

— Последней будешь. Это тебе не при Советах.

Проглотит обиду женщина. Ждет. Что поделаешь? А когда останется с мельником наедине, диву дается: тот ей вместо ржаной пуд пшеничной насыпает.

— Трофимыч, — лепечет растерявшаяся женщина, — да я ж за тебя век богу буду молиться. Пожалел моих сироток.

— Не меня и не бога благодари, а власть Советскую. Да язык за зубами держи покрепче.

Весь 1942 год и большую часть 1943-го жил Михалкинский двойной жизнью, ходил по острию ножа. Летом сорок третьего, после разгрома на Курской дуге, стали гитлеровцы подчищать свои тыловые гарнизоны. Новые хозяева появились в Щукине, Красном. До ГФП в Пустошке дошли слухи о странном мельнике на Цепелянке. Нагрянули ее агенты на мельницу. Афанасий Трофимович в лесу был — спасся. Фашисты разгромили мельницу, убили жену Михалкинского.

Конец войны унес из жизни тех, кто давал задания Михалкинскому. Все реже и реже в послевоенные годы раздавались необоснованные упреки в адрес Афанасия Трофимовича. Не ворошил прошлое и он сам. Вернулся на Цепелянку, перепрятал документ, выданный комбригом Литвиненко, и приступил к обычной работе.

Долго хранила старая мельница — немая свидетельница встреч своего хозяина с посланцами разведки Советской Армии — тайну военных лет. Автору этих строк довелось первому прикоснуться к ней. Вот и тянет меня каждое лето к Цепелянке. Не язи, леци и щуки, водящиеся здесь в изобилии, привлекают сюда. Не чудесный медовый нектар, коим богата пасека Афанасия Трофимовича. Другое влечет — рассказы старого мельника о «батъке Литвиненко» и его хлопцах, о том, что было и былшем поросло, но никогда не исчезнет из благодарной памяти народной.

ПОДПОЛЬНЫЙ РАЙКОМ ДЕЙСТВУЕТ

Как бы ни были отважны бойцы партизанских отрядов и бригад, как бы ни были искусны их командиры — война в тылу фашистских войск никогда не имела бы широкого размаха и высокой результативности без ее всенародной поддержки. Для тех, кто в тяжелую для Родины пору шагал партизанскими тропами, — это аксиома. Но ее иногда забывают и товарищи, пишущие мемуары, и те, кто рассказывает о подвиге партизан на экране кино или телевидения.

Мне довелось более полутора лет быть секретарем Пустошкинского подпольного райкома партии, воевать в составе Второй калининской партизанской бригады. Каждый день нашего пребывания на оккупированной территории пополнялся новыми фактами, яркими примерами участия жителей края в священной борьбе. Не следует забывать: в деревнях и районных центрах к началу второго года войны людей молодых и среднего возраста оставалось весьма мало. Основное население составляли женщины, подростки, старики. И все же нейтральных деревень и семей не было. На борьбу против оккупантов подымались и стар и млад.

Смелые агитаторы

Наш райком разворачивал свою деятельность осенью 1942 года, когда в оккупированных западных районах Калининской области партизанское движение окрепло и шло по восходящей линии. Население уже знало о разгроме фашистских войск под Москвой, о неколебимой стойкости Ленинграда. Но фашистская пропаганда усиленно распространяла всякие небылицы про Красную Армию, нагло

клеветала на советских руководителей, разжигала частнособственнические тенденции, поощряла приспособленчество к «новому порядку». Через район проходили коммуникации (шоссе и железнодорожная магистраль), имеющие стратегическое значение. Гитлеровцы охраняли их рьяно. Оккупационный режим здесь был жестче, чем в других местах.

Все это и определило главное направление деятельности подпольного райкома. На первом же заседании бюро было решено незамедлительно начать политическую работу в массах. Мне было поручено подобрать людей, которые помогли бы райкому в его агитационно-пропагандистских делах. И они вскоре нашлись. Смелыми и пламенными агитаторами стали учителя Екатерина Кузьминична Шарпо и Ксения Карповна Жукова из деревни Авиныце, Марфа Устиновна Гульяева из деревни Тимоново, Ксения Михайловна Жигач из деревни Рукавы, Анна Устиновна Немченкова из деревни Шалахово. В деревне Неведро группой подпольщиков-агитаторов руководила жена командира Красной Армии Ксения Николаевна Трощенкова. Бывало так, что она раздавала листовки подпольного райкома в... церкви.

В деревне Ерастовке соседнего Невельского района нашим опорным пунктом стал дом Акулины Ильиничны Подрезовой. С помощью Лены Подрезовой, учительницы, ее сестры Тамары и брата — пионера Володи, а также Жени Сергиенковой здесь была организована группа девушек, которые переписывали сводки Совинформбюро.

В деревне Близятно поселилась большая семья Лытосовых, приехавших в сорок первом году из города Невеля. Я побывал у Лытосовых, поговорил с главой семьи, со старшими дочерьми его. Все они с большой радостью включились в работу по размножению и распространению сводок Совинформбюро и листовок райкома. Нередко можно было видеть такую картину: Еремей Иванович светит лучиной (керосина не было), а за столом сидят за перепиской райкомовских материалов четыре дочери — Тамара, Женья, Нина и 10-летняя Зина. По утрам Лытосовы шли в соседние деревни и сообщали новости о событиях на фронтах. И так изо дня в день. В январе 1943 года Женья Лытосова стала партизанкой, а остальные члены семьи продолжали вести работу в подполье вплоть до освобождения района советскими войсками.

Проводили мы в деревнях митинги, собрания. Запомни-

лось два из них — в большой деревне Тимоново Пустошкинского района в декабре 1942 года и в деревне Александрово соседнего Идрицкого района 19 февраля 1943 года.

Деревня Тимоново, расположенная на большаке Шалахово — Пустошка, была избрана фашистами местом отдыха и переформирования потрепанных на фронте частей. Обычно в ней размещалось 200—250 солдат и офицеров. Этот гарнизон очень мешал нашим разведчикам и связным, направляемым к железной дороге и в город Пустошку.

В начале декабря партизаны нашего отряда «Народный мститель», охватив деревню полукольцом, открыли минометный и пулеметный огонь по казарме. Гитлеровцы сопротивлялись, но вскоре покинули деревню. Полицейские разбежались. Нам достался склад зерна, которое почти все мы распределили среди населения.

Наступила ночь. Выставив охрану, мы решили провести собрание. Мой рассказ о положении на фронтах, о партизанах-калнинцах собравшиеся слушали с большим вниманием. Потом посыпались вопросы:

— Как далеко угнали немцев от Москвы?

— Верно ли, что фашисты взяли Сталинград?

После собрания ко мне подошла Мария Кузьминична Сеницына, у которой оккупанты расстреляли мужа Василия Макаровича и дочь Марию. Учитель Сеницын имел радиоприемник и слушал московские передачи, а дочь Мария, работавшая до войны избачом, рассказывала населению о битве под Москвой. Мария Кузьминична осталась с 17-летней дочкой Тамарой и двумя детьми расстрелянной старшей дочери. Она просила совета, как им быть. Я посоветовал уйти к партизанам. Сеницыны так и сделали. Тамара вела борьбу с фашистами с оружием в руках, а Мария Кузьминична была в отряде и поваром и прачкой и за внуками ухаживала.

В Александрово мы пришли после двухнедельных боев с карателями. Отряду нужен был хотя бы короткий отдых. Когда староста деревни узнал, что мы партизаны, то он сначала не поверил. Потом стал просить:

— Уходите отсель побыстрее. Кругом каратели жгут деревни. Вот-вот и до нас доберутся — людей постреляют, дома спалят.

— Пока мы здесь, не доберутся, — ответил командир отряда Андрей Александров и распорядился: — Укажите нам лучше надежный дом для штаба.

Ночь прошла спокойно. Днем партизаны помылись в банях, привели себя в порядок. А вечером пригласили жителей на собрание. Когда я рассказывал о положении на фронтах, о разгроме войск под Сталинградом, люди в едином порыве встали и начали аплодировать.

Много лет прошло с тех пор, и я, к сожалению, не помню фамилии старика колхозника, который после моего доклада подошел к столу и сказал:

— Я же всегда говорил: побьем германца. А то, что гитлеры пишут в газетах,— сущее вранье. Сыны наши бьют неприятеля на фронтах, а мы здесь должны фронт открыть, чтобы одолеть поскорее супостата.

Выступали на собрании и другие товарищи. Выходили к столу и страстно говорили о том, что накипело на душе, обещали нам помогать, вносили деньги в Фонд обороны. Кстати, в январе 1943 года мы переправили за линию фронта 183 тысячи рублей деньгами и облигациями.

А тогда, помнится, в Александрове, когда жители разошлись по домам, а мы с командиром отряда ~~идем~~ проверять посты, Андрей Андрианович сказал:

— Знаешь, комиссар (в отряде я выполняю его обязанности), речи, что мы сегодня слышали, пожалуй, посильнее взрывчатки сработают.

— Бесспорно,— согласился я.

Стрелял каждый куст

На одной из послевоенных встреч партизан я услышал слова: «В 1943 году в оккупантов стрелял каждый куст». Действительно, так и было. Кроме партизан на оккупантов удар за ударом обрушивали наши верные помощники — подпольщики. Речи, слышанные нами на собраниях и митингах, не расходились с делом. Небольшие группы подпольщиков на рубеже 1942—1943 годов действовали во многих населенных пунктах Пустошкинского района и за его пределами. Несколько удачных диверсий совершила группа деревни Сергейцево. Возглавлял ее учитель Егор Прохорович Пузыня. Один из подпольщиков этой группы — Иван Васильевич Ващенко, бывший повар ресторана, умело держал связь с Пустошкой и распространял там листовки. В деревне Луни подпольщиками руководил комсомолец Иван Киселев. Он и его товарищи сожгли два моста на дороге Пустошка — Шалахово.

Замечательным советским патриотом остался в моей памяти железнодорожник Андрей Семенович Портнов. Он дал нам ценные сведения о перевозках вражеских войск на участке Новосokolьники — Себеж. А когда по указанию штаба фронта потребовалось застопорить движение на дороге, Портнов организовал крушение двух воинских эшелонов. Гитлеровцы схватили Андрея Семеновича и расстреляли.

Самоотверженно действовал Иван Малафеевич Жгун, старший лесничий Линецкого лесничества. По делам службы он часто бывал в Пустошке и узнавал кое-какие секреты. И от него, обычно через лесника Леона Степановича Баранова, поступали важные предупреждения: готовится выход солдат по такому-то маршруту и с такой-то целью, предстоит мобилизация населения на такие-то работы. В январе сорок третьего года Иван Малафеевич предупредил: гитлеровцы хотят отобрать у жителей трех сельсоветов скот и лошадей. Мы сообщили об этом почти во все деревни, рекомендовали не отдавать скот врагу, а лошадей отправить к партизанам. Жители так и поступили.

Деятельным нашим помощником стал врач Пустошкинской городской больницы Степан Иванович Жевтяк. Охотно согласившись сотрудничать с партизанами, он организовал в городе небольшую подпольную группу, которая поставляла в бригаду медикаменты и перевязочные материалы. Жевтяк и его товарищи помогли многим людям избавиться от угона в Германию.

Связь с подпольщиками мы осуществляли через связанных. Была связь «почтовая» — через тайники. Ею ведали сестры Мария и Нина Сеницыны из деревни Турланово. Когда Мария ушла в партизанский отряд, связь стали обеспечивать 16-летняя Нина и ее ровесницы Надя Демешко и Таня Вавилова из деревни Кисели.

Мария Филимоновна Сеницына, теперь Панова, заслуженная учительница РСФСР, ныне учит детей в Пустошкинской 8-летней школе.

Нина Филимоновна Сеницына, теперь Ермолаева, тоже заслуженная учительница республики, работает в Пустошкинской средней школе.

Были у нас свои люди и в органах фашистской оккупационной администрации. В комендатуре города Пустошки работала Евгения Федорова, а в городской управе — Мария Цыркунова. Обе девушки-комсомолки добывали ценные сведения разведывательного характера. В декабре

сорок второго они прислали нам копию инструкции немецкого командования по борьбе с партизанами. Поздней осенью сорок третьего фашисты арестовали обеих патриоток и расстреляли.

Щедрую помощь народа мы чувствовали в каждом деле. В любое время года, в любой час суток и при любой погоде для нас находились проводники, связные. Демьяна Гавриловича Лысенко из деревни Станки в армию по состоянию здоровья не взяли, но почти каждую ночь водил он партизан в разведку. Его знали во всех отрядах. Я как-то спросил Демьяна Гавриловича:

— Может, не следует беспокоить тебя так часто по нашим партизанским делам?

— То есть как это не следует? — с обидой в голосе ответил Демьян Гаврилович. — У вас бойцы молодые, многие нездешние, а я тут каждую колдобину знаю, везде могу пройти хоть с завязанными глазами.

Жена Лысенко, Анна Герасимовна, готовила пищу и носила ее в наш лесной лагерь. В августе 1943 года неподалеку от деревни Житниково приземлился подбитый в воздушном бою советский самолет. Супруги Лысенко подобрали раненого летчика, выносили его и переправили к партизанам.

За самоотверженное выполнение долга перед Родиной Д. Г. Лысенко награжден орденом Отечественной войны II степени. Ныне он живет и работает в колхозе имени Димитрова Невельского района Псковской области.

С помощью жителей оккупированного края зачастую пополнялся и партизанский арсенал. Хорошо помню, как в лесной деревеньке Лешни ко мне подошел после собрания старик колхозник Петр Хачков и сказал:

— А у меня для нашего райкома припасен подарок. Особый. Пойдемте покажу.

Подарок был щедрый: ручной пулемет, снайперская винтовка, два ящика патронов.

Был и такой эпизод: парнишка лет двенадцати — Алеша Паршенков — приволок для нас на салазках 40 килограммов тола, чему мы из-за острой нужды во взрывчатке были особенно рады. Кстати сказать, вскоре вся семья Паршенковых — семь душ — вошла в наше партизанское братство.

Из местных источников поступала в бригаду и основная часть вещевого и пищевого довольствия. В доме Лидии Ильиничны Самусенковой из деревни Ерастовки действо-

вала швейная мастерская, у Стратона Константинова — сапожная. В мастерских (их возглавляли партизаны Наташа Шарова и Николай Левшов) работали портные и сапожники из местных жителей. В течение ноября 1942 года все партизаны нашей бригады были обеспечены валенками, ушанками, маскхалатами, бельем, а многие и полушубками.

Привилегия коммуниста

Семен Иванович Ермаченко — первый секретарь (до весны 1943 года) Пустошкинского подпольного райкома партии и комиссар нашей бригады — часто любил повторять крылатую фразу: «На войне у коммуниста есть одна привилегия — быть первым в бою». И сам он, и наш комбриг Николай Васильевич Шиповалов, побывавший до прихода к нам во многих боях, часто пользовались этой привилегией. В критические дни, когда несколько партизанских формирований в Кудеверском районе были окружены крупными силами полевых войск вермахта, они обеспечили не только выход бригады из окружения малой кровью, но и сохранение завидной ее боеспособности в дальнейшем.

Большим авторитетом пользовался среди партизан и у населения деревень, где стояли наши отряды, коммунист Спиридон Герасимович Калинин. Невысокого роста, весьма подвижный, очень энергичный 30-летний командир взвода, затем командир отряда. В походе неутомим. На командирском совете правдив и принципиален. В бою храбр, но осмотрителен. У партизанского костра шутник, рассказчик. Таким мне запомнился этот прекрасной души человек.

Уже в первых операциях при налете на станцию Железница, в засаде на шоссе Киев — Ленинград Спиридон Герасимович показал себя умелым организатором боя. На участке шоссе вблизи деревни Холюны расположен мост через реку Великую, вытекающую из большого озера Зверино. У фашистов здесь был сильно укрепленный пост. Место для обороны невыгоднейшее. И все же нам удалось разгромить колонну грузовых автомобилей, набитых до отказа гитлеровцами: пять машин подожгли, шестой грузовик подорвался на mine. А мост мы сожгли.

С активным участием Калинина была осуществлена также диверсия в городе Пустошке. Группа Александра Боровкова из его отряда проникла в гарнизон и взорвала тщательно охраняемую водокачку. Летом и осенью 1943 года отряд под командованием Калинина проводил успешные диверсии на железной дороге Новосокольники — Себеж, вел разведку в прифронтовой зоне. Он часто попадал под удары карателей, но благодаря командирской сметке Спиридона Герасимовича всякий раз ускользал без ощутимых потерь.

Коммунист Калинин дожил до победы. И остался работать на земле, на которой воевал. В 1954 году по партийному призыву был направлен в колхоз «Ленинец», где трудился председателем в течение восьми лет. Колхоз стал одним из лучших в районе.

Сказались лишения партизанской жизни — тяжелый недуг свел Спиридона Герасимовича в могилу. Но коммунист Калинин оставил по себе не только добрую память, но и прекрасную смену: четырех дочерей и сына. Все они в рабочем строю.

По коммунистам в бригаде равнялись. Бойцы считали: вступить в партию — огромная честь. Когда мы в 1942 году уходили во вражеский тыл, в наших рядах было 22 коммуниста, в мае 1943 года уже более 100. Росла парторганизация и в дальнейшем. К нашему подпольному райкому с лета 1943 года была прикреплена 11-я партизанская бригада. Так только в ней с июня по ноябрь коммунистами стали 43 партизана.

Бюро подпольного райкома собиралось часто: за год более тридцати раз. Вопросы на заседаниях обсуждались различные: о создании подпольных групп; о вовлечении населения в партизанское движение; о воспитании молодых коммунистов; о выполнении приказов командиров и боевых заданий; о работе комсомольских организаций в отрядах; о борьбе с тифом; о помощи населению в уборке урожая. И почти всегда рассматривался вопрос о приеме в партию.

Вспоминается одно из таких заседаний. Поздний вечер. Небольшая крестьянская изба. Тусклый свет. Перед членами бюро на лавке сидят взволнованные бойцы Березкин, Панков, Новиков, Булов, Шарова — всего восемь человек. Каждый из них самоотвержен и смел. Каждому сам мог бы дать рекомендацию.

Поздравляю с приемом в ряды ВКП(б) Макария Березкина. Парень весь светится, говорит:

— Прошу посылать меня на самые ответственные задания.

— Но ты же и раньше не гнушался никакой работы, ходил в дерзкие засады.

— Теперь другое дело. Теперь, товарищ секретарь, я и за других в ответе буду.

Так думали и так поступали партизаны, получившие право называть себя коммунистами.

П. А. Иванов — комиссар партизанского отряда

А. Д. Титов — подпольщик, затем комсорг партизанского отряда

В. А. Исаков — бывший секретарь Торопецкого подпольного райкома партии

В. М. Кудрявцев — боец Ржевского партизанского отряда

И. В. Жуков, командир партизанского отряда, беседует с жительницей деревни Шейно М. Е. Трофимовой, помогавшей партизанам

И. С. Борисов — бывший секретарь Ленинского подпольного райкома партии и И. М. Круглов (слева) — командир отряда

В. И. Попов — командир партизанского отряда имени Александра Невского

В. С. Карговский — командир партизанского отряда, затем комиссар партизанской бригады

З. В. Федулова — боец партизанской диверсионной группы

П. А. Кумриди — комиссар штаба 2-й особой партизанской бригады

В. И. Марго — командир партизанской бригады

В. В. Романова — боец партизанской бригады

Н. И. Салазко — бывший инструктор Калининского обкома ВЛКСМ

М. И. Иванов — подпольщик

Я. В. Васильев — бывший секретарь Пустошкинского подпольного райкома партии

Ян Кубат — чехословацкий антифашист, советский партизан

Г. М. Зайцев — партизан-подрывник

И. У. Шейкин — комиссар партизанского отряда

Скульптура у входа в Музей партизанской славы в деревне Пожне
Торопецкого района

А. Д. Халтурин — командир партизанской бригады

Ф. Т. Бойдин — командир партизанской бригады

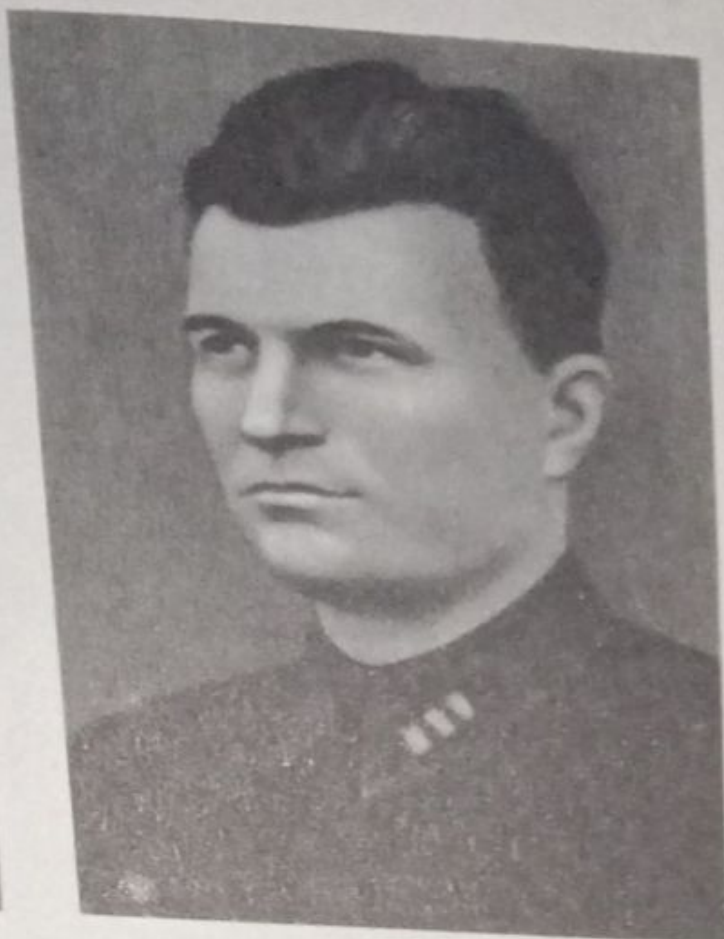
А. И. Совитков — командир отряда, затем командир партизанской бригады

Н. М. Вараксов — командир партизанской бригады

А. М. Румянцев — врач партизанской бригады

С. Г. Соколов — начальник штаба партизанского движения Калининской области

О. С. Смирнов — боец партизанской бригады

П. Г. Романов — комиссар партизанской бригады

И. К. Никаненок — командир
отряда имени Фрунзе

Л. Х. Слободской — партизан

А. М. Литвиненко — командир
2-й особой партизанской
бригады

Ю. С. Янкевич — партизан-
разведчик

Г. Н. Арбузов — командир партизанской бригады

С. Г. Калинин — командир партизанского отряда

П. В. Рындин — командир партизанской бригады

А. С. Кулеш — комиссар партизанской бригады

П. В. Бобрусь — командир
отряда, разведчик

С. А. Яковлев — начальник
штаба партизанской бригады

Д. С. Горский — пулеметчик-
партизан, командир отделения

А. М. Ромаков — командир
партизанской бригады

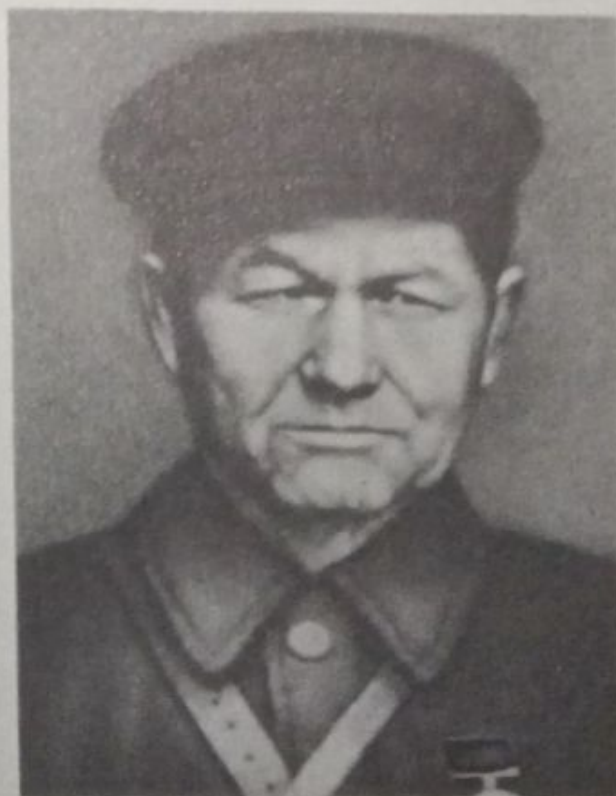
Клавдия Королева — разведчица

И. И. Веселов — начальник штаба партизанского корпуса

С. С. Бельченко — представитель Центрального штаба партизанского движения

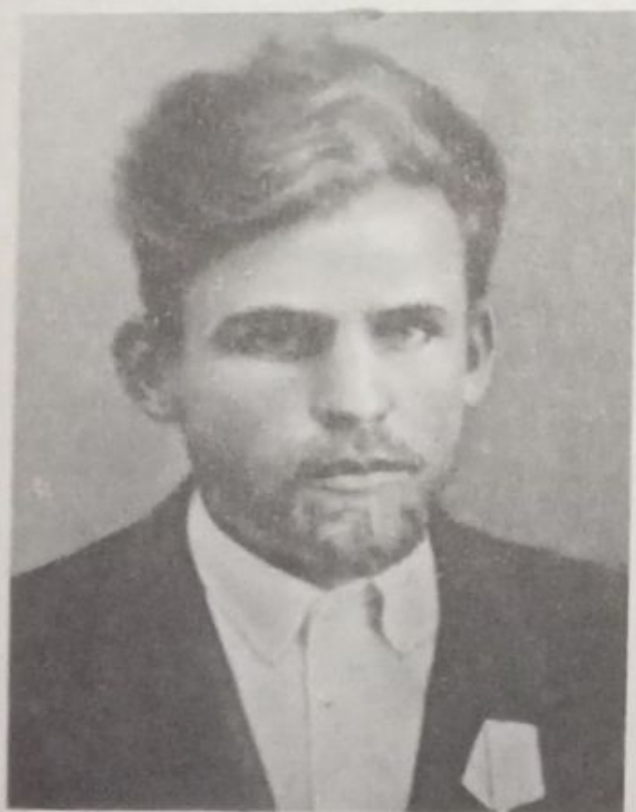
С. А. Арсентьев — партизанский проводник

Т. Я. Линнас — подпольщица-
учительница

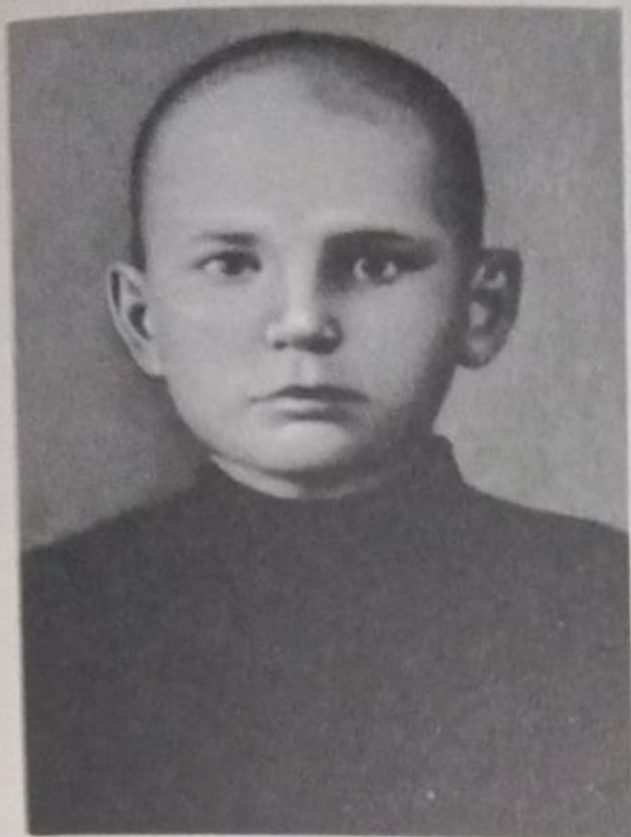
П. П. Конопаткин — парти-
занский разведчик

В. Н. Вакарин — комиссар парти-
занской бригады

П. В. Калинин — партизан-
пулеметчик

Вася Чекланов — юный партизан-разведчик

Таня Васильева — связная партизанского отряда

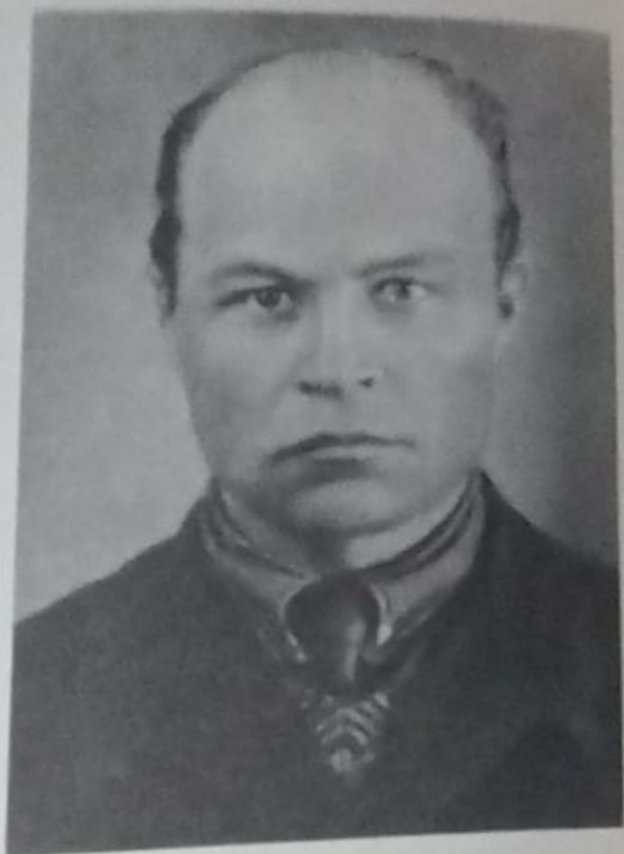
Ф. И. Качнов — комсомолец-партизан

Т. Б. Киселева — партизанка-разведчица

В. Ф. Задерин — командир партизанского отряда

В. Н. Никонов — командир партизанского отряда

Маша Порываева — разведчица

Оля Стибель — разведчица

Ольга Баранова — разведчица

Д. В. Худяков — командир
группы разведчиков

П. Ф. Соколов — командир
взвода партизан

Лида Сидоренко — разведчица

И. П. Чекланов — боец партизанского отряда

А. М. Гаврилов — командир партизанской бригады

А. В. Назаров (слева) — командир партизанской бригады имени Дениса Давыдова и В. И. Терещатов — командир отряда разведчиков

Группа партизан Торопецкого отряда в январе 1942 г.

С. Г. Соколов дает автограф молодому солдату Советской Армии

ШТУРМ НАЩЕКИНА

Осень 1942-го. Для меня она по-особому памятна. В разгар ее началась моя партизанская биография. Уже год гремела канонада на советской земле, лилась кровь, а я занимался мирным трудом — работал мастером ремесленного училища в районном центре Максатихе. На все мои просьбы послать на фронт или в тыл врага первый секретарь райкома Семен Семенович Мартьянов отвечал коротко:

— Жди!

А в июле я услышал от него:

— Пора!

В тыл врага ушел с 17 комсомольцами своего училища. Вася Орлов, Ваня Чесноков, Леша Забелин, Саша Соколов, Гера Семенюк, Леша Смородкин... Юные. Еще не парни — мальчишки. Это о таких, как они, писал поэт Сергей Наровчатов:

Мальчишки мужали, мальчишки взрослели,
И только бы жить начинать сорванцам,
Как их завертели такие метели,
Какие, пожалуй, не снились отцам.

В конце августа максатихинское пополнение стало частью партизанского отряда имени Михаила Ивановича Калининна. Командиром к нам был назначен Василий Шаранда, уроженец Невельского района, коммунист, зарекомендовавший уже себя смелым, решительным, умным партизанским вожаком.

Первый большой партизанский переход. Хвойные леса. Сквозит березняк — видны пажити. Густой кустарник. Рыхлый болотный туман. А мы все идем. Зловещее пространство ничейной зоны, и наконец оккупированный

край. Мы — это не только 4-я бригада, куда входит и наш отряд, а несколько бригад, составлявших Калининский партизанский корпус.

С ходу в бой. Каждый отряд и бригада получили объект для пробы сил. Наш отряд совместно с отрядами под командованием Ахременкова и Логунова напал на гарнизон станции Новохованск. Было это в ночь на 18 сентября. Налет удался. Мы подорвали водоначку и сожгли несколько железнодорожных зданий, взорвали путь на протяжении 300 метров, заминировали шоссе.

Точных данных о гарнизоне бригада не имела, и поэтому не все сделали, что задумано было. Главное — проверили себя. Все молодые партизаны действовали храбро, точно выполняли приказания командиров. Особенно отличились комвзвода Малков и максатихинские комсомольцы Иван Чесноков, Александр Соколов, Алексей Забелин.

Неделю мы обживали район: громили волости, жгли мосты, искали себе помощников среди местного населения. И снова большой бой. На этот раз с крупными подразделениями охранных войск, поддержанных танкетками и артиллерией. Не имея раньше в этом районе дела с бригадами партизан, гитлеровцы рассчитывали на легкую победу. Получилась осечка. Им не только не удалось опрокинуть нас в озеро Язно, но спустя два дня пришлось убраться восвояси.

Потери врага были большие, но и мы не досчитались многих товарищей. У меня на руках умер 17-летний Вася Орлов. Оправдал паренек свою фамилию — настоящим орленком был в бою. Забравшись на крышу одного из зданий, Вася корректировал наш огонь по фашистам, пытавшимся форсировать озеро. Раненый, не покинул своего поста, пока не потерял сознания.

После боя у Язно наша бригада (ею командовал лейтенант Василий Георгиевич Семин, сменивший М. А. Лебедева) весь октябрь действовала поотрядно в основном на территории Идрицкого и Пустошкинского районов. Делали засады. Охотились за штабными машинами. Уничтожали ставленников «нового порядка».

Приближалась 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. О том, как отметить ее, шла речь на одном из узких совещаний командиров. Начальник штаба бригады Сергей Алексеевич Яковлев предложил:

— Хорошо бы разделаться с гарнизоном станции Нащекينو.

— А потянем? — спросил кто-то.

— Почему бы и нет?

— Рядом Идрица. Там крупный гарнизон. Дорога хорошая. Вмиг подбросят танкетку и взвод автоматчиков.

— Это хорошо: знать точно, что можешь, что не можешь, — усмехнулся начальник штаба. — Однако и рисковать надо, используя такие козыри, как тщательная разведка, скрытность подготовки операции.

Магистраль Москва — Рига, на которой находилась станция Нащекино, использовалась фашистами интенсивно. За сутки по ней проходило к линии фронта 30—35 эшелонов с воинской техникой и живой силой врага. Железная дорога усиленно охранялась. К этому времени увеличилось число патрулей, была усилена охрана железнодорожных мостов. Для того чтобы закрыть партизанам подступы к дороге, к телефонным столбам на ночь привязывались собаки, лаем предупреждавшие гитлеровцев о приближении людей.

Предложение Яковлева было одобрено и принято командованием бригады. 20-летний начальник штаба пользовался авторитетом в отрядах.

Пришел в партизаны Сергей Алексеевич из армии. Сражался с гитлеровцами под Москвой, у Осташкова. Был помкомвзвода, окончил курсы младших лейтенантов. Энергичный, спокойный, смелый. Ему и поручил комбриг командовать сводным отрядом.

Началась подготовка операции. Партизанам Ивану Чеснокову, Николаю Шишмареву, Михаилу Стогову, Александру Самохину удалось установить тесную связь с местным населением и смелыми разведчицами Дашей Дергачевой, Наталией Половцовой, Марией Сергиенко. Стали известны состав и примерно вооружение гарнизона.

Сводный отряд был составлен из самых опытных партизан нашего отряда и бригадной разведки. 13 октября ночью он прибыл в деревню Михеево. Здесь, тщательно маскируясь, мы дождались, пока стемнеет. Немного нервничали, а сумерки надвигались медленно, тянулись от избы к избе, но зато соединили их в одно черное пятно. Очень темная выдалась ночь.

Шли, вооруженные минометом, пулеметом, автоматами, гранатами. Взрывчатку везли на лошади. Удалось незаметно подойти вплотную к насыпи железной дороги. В 100 метрах на высоте Яковлев приказал установить ротный миномет.

— Огонь по захватчикам! — передал он по цепи.

И сразу застрочили автоматы, разорвалась наша первая мина. Вражеская оборона, застигнутая врасплох, имевшая два ручных пулемета, выставленных на бруствере перед фасадом вокзала, успела сделать всего несколько выстрелов и тут же замолчала. В этот момент последовала команда:

— Гранатами по фашистам — огонь!

В окна и двери вокзала полетели гранаты. Раздался взрывы. Вслед за этим партизаны с криками: «Ура!», «За Родину!» — ворвались в здание вокзала, превращенного в своеобразную крепость.

Тут же в помещении дежурного по вокзалу раздался продолжительный телефонный звонок. Вызывала Идрица. К аппарату подошел Яковлев. Услышав в трубке немецкую речь, он громко сказал, что Красная Армия заняла станцию Нащекино, разгромила гарнизон, что до Идрицы всего лишь семь километров, и пообещал скорой встречи. Добавив еще несколько крепких слов, оборвал телефонный провод.

Времени для разговора у нас не было. При обследовании территории станции мы обнаружили кроме трупов 15 валявшихся винтовок, 2 брошенных на бруствере ручных пулемета, большое количество боеприпасов, особенно гранат и патронов. Гитлеровцы оказались запасливыми: нам досталось несколько комплектов обмундирования, радиоприемник, фотоаппараты, много продуктов — сыра, масла, сахара, консервов разных сортов, мыла. Но особую ценность представляла для нас различная немецкая документация, найденная в помещении начальника вокзала и дежурного по станции.

Собрав все трофеи, погрузив их на две повозки, мы уничтожили телефонно-телеграфную аппаратуру, подожгли вокзал, взорвали большое количество железнодорожных рельсов и, дождавшись, когда рухнут конструкции вокзала, ушли в лес. Пламя пожара еще долго освещало местность.

Через некоторое время после нашего отхода на станцию со стороны Идрицы прибыл бронепоезд, ведя сильный, но беспорядочный огонь, не принеший нам никакого вреда. С наступлением рассвета в этом же районе появились и вражеские самолеты, безуспешно пытаясь обнаружить и уничтожить партизан.

Возвращаясь в район дислокации, мы допустили непро-

стительную неосторожность, чуть не ставшую причиной гибели некоторых из нас. Отойдя на значительное расстояние от железной дороги и войдя в лес, сделали привал, разобрали и привели в порядок захваченные трофеи. Кто-то предложил, чтобы не тащить с собой немецкое обмундирование, надеть на себя шинели и фуражки с кокардами. Вырядились, не придав этому большого значения. Кроме того, сейчас уже не помню где, не то в Нащекине, не то в деревне, к нашей группе пристала немецкая овчарка. И вот невдалеке от деревни Михеево, в тот момент, когда группа вышла на опушку леса, по нас был внезапно открыт сильный ружейный огонь. Мы моментально залегли, а затем стали отползать в лес. Нас обстреляли белорусские партизаны, идущие на боевое задание. К счастью, из отряда никто не пострадал. Была убита лишь овчарка. Хороший урок!

Перед октябрьскими праздниками корпус был расформирован. Были сделаны перестановки в командном составе бригады. Коснулись они и меня. Я был в отряде начальником штаба, теперь стал командиром, но уже другого отряда.

В ноябре на бригаду обрушились каратели. В силах они нас превосходили, и после крупного боя в районе деревни Смородники (в разгар его смертью храбрых погиб Василий Шаранда) мы ушли в лес. В дни второй военной зимы наш отряд устраивал засады и совершал диверсии на шоссе Невель — Усвяты и железной дороге Витебск — Невель. Я втянулся в партизанскую жизнь, привык быть постоянно в походах и боях и считался уже бывалым партизаном.

О ЧЕМ НАПОМНИЛ АДРЕС

В дни великого праздника — 30-летия Победы я с волнением взял в руки две небольшие записные книжки. Записи в них сделаны летом и осенью 1942 года. В одной из них нашел выведенный карандашом адрес: «Пружанский район, Брестская область, Моглевецкий сельсовет, деревня Осошники». Это был адрес боевого товарища, спасшего мне жизнь во время рейда Калининского партизанского корпуса по тылам врага. Память молниеносно воскресила тот горячий бой.

23 сентября гитлеровцы большими силами начали наступление в районе озера Язно вблизи шоссе Невель — Россоны. Они намеревались обойти нас с флангов, ударить с тыла. Партизанские отряды Г. П. Ахременкова и В. П. Карпенкова, А. И. Логунова, группа В. С. Карговского, прибывшая из отряда Шаранды, смело вступили в бой.

Подразделения противника, наступавшие с восточной стороны озера у деревень Уставны и Артемовка, стремились во что бы то ни стало переправиться через речку Язницу. Двое суток шли ожесточенные бои за переправу. Фашисты подтянули артиллерию, обстрелам были подвергнуты деревни Морозово, Артемовка, Уставны и все близлежащие подходы к речке и озеру.

Руководивший боем начальник штаба корпуса майор Веселов принял решение взорвать паром, находящийся на другом берегу речки Язницы, чтобы не дать возможности врагу использовать его под переправу. Произвести подрыв поручил командиру специальной группы минеров-подрывников Степану Степановичу Казаку. С собой Казак взял одного меня. «Вдвоем легче пробраться. Авось гитлеровцы не заметят», — сказал он майору.

И вот мы упрямо ползем к берегу. У каждого в одной

руке по фугасу взрывчатки, в другой — связки гранат. Фашисты открывают пулеметный огонь. Но мы уже успели укрыться за сваями ранее взорванного моста. Спустя минуту наши фугасы, а затем и гранаты полетели под паром. Сильный взрыв потряс окрестность.

Задание выполнено. Можно отходить. Но гитлеровские пулеметчики и минометчики решили отрезать нам все пути. Мы в замкнутом огненном кольце. Как быть? Ждем минуту, другую. Стрельба не утихает. Дело плохо — тут не отсидишься, рано или поздно верная смерть. Надо прорываться. Стремительный бросок — и камнем на землю. Вскатываем вместе, бежим. Казак падает, я — следом. Опять поднимаемся... и тут меня точно кто косою резанул по ногам. «Теперь конец», — мелькнула мысль. В этот миг Казак обернулся. Увидев, что я недвижим, он вернулся назад. Подбежал, начал тянуть меня в укрытие. Шаг, второй, третий.

Какими бесконечно длинными бывают порой метры! Еще один шаг, еще... Казак споткнулся, раненный в ногу, тоже упал. Партизаны обрушиваются на врага всеми огневыми средствами, пытаюсь отвлечь от нас огонь пулеметов. К нам на помощь бросаются ребята из взвода Ильи Миронова. Через минуту мы уже лежим в окопе. Партизанский фельдшер Петр Тропунов торопливо рвет у меня над головой перевязочный пакет...

Кто же такой Степан Степанович Казак?

Мы познакомились с ним в феврале 1942 года в Москве, где учились быть саперами-подрывниками. Жили в одном общежитии, занимались в одной команде. Высокий, стройный, всегда подтянутый, он отличался спокойной рассудительностью, скромностью. Лишь немногие знали, что этот человек, которому не исполнилось и 30 лет, прошел суровую школу революционной борьбы в панской Польше.

Сын батрака, сам батрачивший с детских лет, Степан еще юношей связался с подпольем, распространял листовки и запрещенную литературу, за что был арестован и заключен в Слонимскую тюрьму на пять лет. В застенке Казаку выбили зубы, сломали пальцы на руке. На черной с легкой проседью шевелюре остались белые пятна — следы рук жандармов, вырывавших волосы на голове молодого подпольщика.

Но и в тюрьме борьба не прекращалась. Вместе с другими заключенными Казак вмонтировал в стены камеры детекторный приемник, и вся тюрьма знала правду о Лейп-

цигском процессе над Георгием Димитровым, о жизни первой в мире Советской страны.

Освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию принес Казаку и его землякам свободу, о которой они мечтали. Степан стал работать в советских органах, затем в милиции. Когда началась Великая Отечественная война, подал заявление в ЦК партии с просьбой оставить на территории, временно оккупированной врагом, для подпольной работы.

В мае 1942 года наша группа подрывников, которую возглавил Казак, прибыла в район города Великие Луки и действовала в тесном боевом контакте с партизанским отрядом И. А. Мартынова и разведротой под командованием капитана В. В. Филимонова из 257-й дивизии. Нам был отведен участок железной дороги Насва — Новосокольники.

Несколько записей в книжке о тех днях:

«13 июня. Пасмурный день, изредка накрапывает дождь. Готовились к выходу на задание. После обеда Казак, Владимир Петушков, Василий Парценок, я и наш проводник Бойков отправились минировать дорогу. Шли осторожно, так как вчера во всех деревнях были немцы, собирали население и угоняли в Германию. По дороге попадались много беженцев, которые укрылись от отправки. К полотну подошли незаметно. Вместе с Казаком ставим мину — остальные в дозоре. Закончили минировать — стали отходить. Только прошли с километр, как вдруг услышали шум приближающегося состава. Скорость движения небольшая. Неужели чувствует? Вдруг взрыв. Слышен лязг колес и шипение паровоза. Открылась сразу сначала одиночная, а затем групповая стрельба из винтовок по кустарнику. Потом даже стал бить миномет. Но нас уже там не было».

«Вечером того же дня Леша Бойков пошел в разведку к месту взрыва. На мину наскочил эшелон в составе 30 платформ с орудиями, автомашинами и нескольких вагонов с боеприпасами. Вся техника оказалась под откосом. Жители деревни Гамаево рассказали: утром на выручку подходил аварийно-восстановительный поезд. Два раза в течение дня он отходил и вновь возвращался к месту крушения».

Выслушав доклад разведчика, Казак решил вторично в этом же месте произвести диверсию».

«15 июня... Вновь отправились на задание. В штабе

разведроты дали четырех бойцов еще. На этот раз взяли уже 11 килограммов тола. Минировать полотно решено между деревней Сенцово и железнодорожной будкой. К полотну добрались и заминировали благополучно. Зашли в деревню Гамаево к дедам и остались наблюдать. Всю ночь поезда не ходили, и только на рассвете на горизонте появился дымок. Шли минуты тревожного ожидания. Казак забрался для наблюдения на березу. Наконец взрыв. Вагоны ломались... Это произошло в шесть часов утра. Проводник Леша Бойков, не медля ни минуты, на своем удалом коне помчался сообщить в разведроту о происшедшем. Оттуда дали знать по радию в штаб группировки войск. Вскоре прилетели два штурмовика».

В это же время партизанские отряды Панова и Гаврилова произвели несколько подрывов воинских эшелонов на участке железной дороги Насва — Локня. Фашисты пришли в ярость. Они установили на станции Новосокольники мощный электропрожектор, который в ночное время периодически освещал полотно железной дороги, на наиболее уязвимых местах вдоль колес с паружной стороны провели белую, из известкового раствора линию с целью обнаружения мин, использовали для охраны бронепоезд.

Он появлялся вечером и утром у Насвы и Локни, обстреливал из пулеметов разрывными пулями подходы к дороге. Назвать его бронепоездом в полном смысле этого слова было нельзя. Это был состав из 10—12 платформ, на которых стояли полуразбитые танки, способные вести секторный обстрел.

Мы изучили «поведение» бронепоезда и задались целью уничтожить его, но у нас кончились мины ПМС-2. Командир направил Владимира Петушкова и меня к старшему батальонному комиссару Штрахову — представителю Центрального штаба партизанского движения. Расспросив нас о делах группы, Алексей Иванович дал нам мины МЗД-2 (замедленного действия с часовым механизмом) и пожелал годовщину начала Отечественной войны отметить подрывом вражеского поезда.

22 июня 1942 года в сопровождении бойцов из отряда Мартынова мы отправились к железной дороге. Мины установили на расстоянии полукилометра друг от друга: одну — с вводом в рабочее состояние между 10 и 11 часами дня, в момент самого интенсивного движения поездов; другую — для действия сразу: прогиб рельса на 5—6 миллиметров — и взрыв.

Спрятавшись в укрытии, мы с нетерпением ожидали утра. Бронепоезд появился на рассвете. Но на этот раз впереди его шла дрезина, на которой были установлены два скорострельных пулемета. Прогиб рельса дрезиной был достаточный, и она взлетела на воздух. Бронепоезд поднял сумасшедшую стрельбу во всех направлениях.

Часа через два после восстановления пути бронепоезд удалился в Новосокольники. Мы продолжали наблюдать. Прошел один груженный состав, второй... Но рано, еще рано.

Время близко к 11 часам, движения нет. Начали нервничать. Появление поезда со стороны Насвы Казак считал маловероятным, но факт остается фактом: на полных парах оттуда вышел состав. Повезло, ничего не скажешь. Над полотном прифронтальной магистрали к небу вздымается столб дыма с огнем и паром. На этот раз под обломками вагонов было погребено несколько десятков гитлеровцев. Даже беспорядочной стрельбы не последовало.

За два неполных месяца пребывания в районе севернее Великих Лук наша группа пустила под откос 4 эшелона с техникой и живой силой. Было разбито 3 паровоза, 50 вагонов, взорвана дрезина. Мы часто спрашивали друг друга: «Много это или мало?» «А можно было и больше, — отвечал Степан Казак спокойным голосом и обычно добавлял: — Но самое главное, друзья, еще впереди!»

Все мы очень ценили коммуниста Казака за выдержанность, сердечность и несгибаемую волю к победе. Как подрывник Казак был опытный, смелый, осторожный. Это очень нелегко незаметно подползти к полотну железной дороги, мосту или другому объекту, без шума пролежать необходимое время в кювете, быстро заложить фугас, безошибочно всунуть в боевое гнездо взрыватель, замаскировать мину и быстро, но осторожно вынуть предохранительную чеку. Тут жизнь висит на волоске — нужна ювелирная работа. Степан Казак был таким подрывником-ювелиром и настойчиво учил нас этому мастерству.

Вскоре партизанская судьба разъединила нас. В декабре 1942 года Казак командовал отдельной ударной группой 21-й Калининской партизанской бригады. После соединения с частями Советской Армии в ноябре 1943 года он вновь ушел в тыл врага и героически погиб в бою при разгроме крупного фашистского гарнизона.

Вот что напомнил мне адрес в старой записной книжке.

СОБРАНИЕ

Там, где ступала нога фашиста-оккупанта, собираться жителям запрещалось под страхом смерти. Но советские люди, привыкшие коллективно решать свои дела, по-прежнему собирались, тайно, небольшими группами.

Зажглись партизанские костры, набрали силу отряды и бригады народных мстителей. И хотя не часто, но во многих деревнях на оккупированной территории вновь стали проходить собрания жителей. Под охраной партизанских пулеметов. Мне доводилось участвовать в таких собраниях, организовывать их, но я хочу рассказать о необычном собрании. Сначала все же о том, что ему предшествовало в моей жизни.

Только в мае 1942 года после нескольких настойчивых просьб Калининский обком ВЛКСМ отозвал меня из Красного Холма, где я работала преподавателем военно-физической подготовки в школе и педагогическом училище, и направил со специальным заданием в тыл. В Купуе, откуда мне предстояло с одним из партизанских отрядов перейти линию фронта, пришлось задержаться, а потом и остаться в формируемой 2-й Калининской партизанской бригаде.

Мне повезло: моим первым партизанским наставником был старший лейтенант Георгий Николаевич Арбузов. Он приехал в Купуй в теплый, ясный летний день (права была мать, говорившая, что хорошие люди приезжают обязательно в ясные дни) и сразу завоевал наши сердца. Встречи — разговоры с ним, нашим комбригом, его рассказы, его мужественное поведение во время рейда по тылам врага и в боях помогли мне быстрее понять суть военных будней, ощутить сердцем цену доброго товарищества.

«Арбузовская школа» крепко помогла мне в работе, когда наша бригада осенью 1942 года вторично ушла во

вражеский тыл. В бригаде я была помощником комиссара по комсомолу. Вторая Калининская довольно прочно обосновалась в Пустошкинском и Невельском районах, наши контакты с населением в конце года заметно окрепли. Комсомольцы-партизаны регулярно распространяли сводки Совинформбюро, размножали и раздавали населению текст выступления И. В. Сталина.

И вести с фронтов радовали. В канун 1943 года наши войска начали штурм Великих Лук. Узнав об этом, комсомольцы отряда, которым командовал Андрей Андрианович Александров, загорелись желанием сообщить радостное известие большому кругу населения. И кто-то предложил:

— А что, если собрать в одном месте ребят и девочек многих деревень, особенно дальних. Провести митинг?

— Митинг — это на час, на два. Лучше большое собрание, — сказала Валя Карасева, участница арбузовского рейда. Мечтательно улыбувшись, добавила: — А после доклада и выступления потанцевать, песни попеть.

— Хорошее предложение, — поддержал Вало присутствовавший при разговоре коммунист Спиридон Герасимович Калинин. — Отзвук большой будет. Люди скажут: раз собрание чуть ли не в масштабе района партизаны проводят — значит, крепки их силы, велика вера в освобождение родной земли от оккупации.

Мне и комиссару отряда Якову Васильевичу Васильеву пришлось по душе инициатива комсомольцев. Мы пошли к комбригу. Петр Васильевич Рындиц выслушал нас и отрезал:

— Не согласен.

И комиссар бригады (он же и первый секретарь Пустошкинского подпольного райкома партии) Семен Иванович Ермаченков туда же:

— Нецелесообразно. Опасно. Узнают гитлеровцы — вышлют из Пустошки карателей.

Мы стали возражать. Я исполняла тогда и обязанности инструктора обкома комсомола по работе с группами подполья. Пришлось немного использовать свое «служебное положение». Сказала с иронией:

— Как же так? В Калинин докладываем: становимся хозяевами в районе, пятьсот человек в бригаде, а безопасность одного собрания обеспечить не можем.

Ермаченков засмеялся:

— Хитра, ничего не скажешь, — и уже по-деловому спросил: — А сколько думаешь народу собрать?

— Больше сотни.

— Мало. Уж коль собирать молодежь, то побольше количеством, да из глухих, дальних деревень, где наши люди бывают редко.

— Значит, уже спелись? Без комбрига решили?

Я посмотрела на Рындина. В глазах обычная лукавинка.

— Так вы же согласны тоже, товарищ комбриг, по глазам вижу.

— Ладно, — махнул рукой Рындин. — Готовьте свою конференцию. Обеспечу безопасность.

Собрание решили провести в деревне Морозово 3 января 1943 года. Подготовку начали немедленно. Яков Васильевич сел писать тезисы доклада, а я со своим активом — размножать пригласительные билеты. Помню почти дословно текст приглашения:

«Молодой друг!

Ты слышишь приближающуюся канонаду? Это наступает доблестная Красная Армия. Близится час вашего освобождения, час полной победы над врагом. Приглашаем тебя на собрание молодежи в деревню Морозово Невельского района (у озера Язно). Ждем тебя 3 января утром. Приводи своих друзей, тут вы многое узнаете.

Твои друзья — партизаны».

В ночь на 2 января комсомольцы бригады, свободные от боевых заданий, и наши добровольные помощники — подростки отправились с письмами-приглашениями по деревням. Волновались не только комсомольские активисты, но и члены подпольного райкома партии. Правильно заметил Спиридон Герасимович Калинин:

— Тут дело такое: не придут люди — значит, все мы еще плохо работаем с населением, не выполняем своего партийного долга.

Весь день 2 января в деревнях Ерастовка и Морозово кипела работа. В помещении сельского клуба партизаны мастерили скамейки, топили печи. Им помогали деревенские старики. Девушки мыли полы, украшали клуб. Принесли два стола. Нашли с трудом кусок красной материи с лозунгом. Выстирали его и спили скатерть, покрыли ею столы на сцене. Было установлено Красное знамя. Девушки-партизанки вышили на нем желтыми нитками: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Готовилось и командование. На посты были направлены опытные бойцы, выслана разведка в сторону селений Тимоново и Шалахово, это в 6—7 километрах, где размещались фашистские гарнизоны.

Утро 3 января выдалось — лучше не придумаешь. Ясное, безветренное. Слегка подморозило. Рясный иней облепил ветви деревьев, тронь — и в воздухе звездопад искр. И настроение у всех ожидающих радостно-волнительное. Смотрю — наши старшие товарищи тоже в приподнятом настроении. Комиссар посмеивается:

— Вот комсомол что придумал. И впрямь довоенная комсомольская конференция.

В деревне настоящий праздник. Над клубом реет красный флаг. Стемна дымят трубы: хозяйки готовят немудрые угощения. А гости запаздывают. Волнуюсь. И вдруг с пригорка спускаются одни сани, вторые. Ржут лошади. Кричу:

— Едут! Едут!

А народ прибывает и прибывает: на санях, лыжах, пешком. Вместе с молодежью приезжают и люди пожилого возраста. Как потом выяснилось, кое-где решили, что ребят будут отправлять в советский тыл, вот матери и отцы решили проводить своих детей до пункта сбора.

В клубе общее оживление. В центре внимания наш баянист Сидоров. Кто-то запел песню, ее подхватывают все.

На собрание кроме наших партизан пришло и приехало более 250 человек из 30 деревень. К 12 часам клуб был переполнен, скамеек не хватало, сидели на подоконниках, на полу.

Командир отряда Александров коротким вступительным словом открыл собрание. В президиуме заняли места секретари подпольного райкома партии, боевые командиры, отважные комсомольцы партизаны Анатолий Аноприенко, Лена Подрезова.

Доклад «Наступление Красной Армии и задачи молодежи оккупированных районов» сделал секретарь подпольного райкома партии Васильев. Затем выступила я, рассказала, как сражаются с врагом комсомольцы и молодежь в партизанских отрядах, как за Родину погибли разведчики Зоя Порываева¹ и Макарий Березкин, зачитала обращение обкома ВЛКСМ к комсомольцам и молодежи Калининской области.

¹ Ее настоящее имя — Маша.

С большим вниманием присутствовавшие слушали выступления отважных партизан Аноприенко, Подрезовой, Карасевой. Потрясающее впечатление произвела речь Тани Васильевой. Она рассказала, как фашисты ночью провели облаву в их деревне Заречье Шалаховского сельсовета, забрали всю молодежь и отправили в Германию. На территории Польши Тане удалось бежать. Добравшись до родных мест, она вступила в партизанский отряд. Верой в победу прозвучали ее последние слова:

— Бороться до победы — вот наш девиз. Никогда не склонять головы перед лютым врагом — вот долг всех честных русских людей. Никогда я не подчинюсь проклятым фашистам! Никогда!

Я смотрела в напряженный зал и видела, как плакали женщины, как посуровели лица наших гостей.

Кончилось собрание, заиграл баянист, все запели любимуюся нам «Катюшу». Перепели все комсомольские песни, потом партизанские, сочиненные у костров на привале в походах. Они, как птицы, перелетали от нас и летели к нам от ленинградских и белорусских партизан.

И наконец, шире круг. Здорово отплясывали барыню Юля Новоселова с Клавой Бахенской, Лена Подрезова с местными девушками — белорусскую польку. Пели, танцевали все.

Незаметно подкрался вечер. Потребовалось освещение. Принесли две лампы с керосином. Его, по каплям, собирали жители деревни. Освещение слабое, но нам всем было светло, тепло и радостно.

Поздно закончилось собрание. Многие юноши отказались возвращаться домой и просили принять их в отряд, некоторые уехали, чтобы взять спрятанное оружие и уйти в партизаны. Тех, кто возвращался домой, мы снабдили листовками, полученными из советского тыла и написанными в бригаде.

Комендант гарнизона в Пустошке к вечеру узнал о нашем собрании. Позже подпольщики города сообщили в бригаду о стягивании охранных подразделений и полицейских к зданию ГФП. Но в ночь, очевидно, фашисты выступить побоялись.

Весь январь в деревнях, контролируемых нами, жители находились под впечатлением собрания в Морозове. Усилился приток подростков и девушек в нашу и соседние бригады.

Хороший был этот январь. Из советского тыла верну-

лась наша разведчица Таня Прохорова. После ранения в августе 1942 года она лечилась в госпитале, была в числе других комсомольцев на приеме в Кремле у Михаила Ивановича Калинина. Мы с Таней побывали в отрядах и во многих деревнях. Ее рассказы о беседе у всесоюзного старосты, о Москве стали действенным средством нашей политической работы среди населения.

Вместе с Прохоровой в бригаду пришла Саша Афанасьева, окончившая спецшколу комсомольских работников. Она принесла с собой портативную типографию, письма из обкома комсомола (у меня и сейчас хранятся дорогие листочки с указаниями и дружескими советами работников обкома К. Вишнева и В. Морозова), первое за восемь месяцев письмо от мамы.

В феврале и в начале марта 1943 года бригада не выходила из тяжелых боев. А 16 марта 1943 года я вылетела на Большую землю: вызывал обком ВЛКСМ. В Калининне меня утвердили инструктором обкома комсомола по работе в тылу врага, немного подучили. В мае я снова была в родной партизанской семье.

Прием в пионеры в Музее комсомольской славы имени Лизы Чайкиной

Авторы и герои книги «Наша Чайка» (слева направо): Я. Е. Шевелев, К. А. Фокин, Л. А. Таранова среди молодежи. Декабрь 1976 г.

Участники V областного слета ветеранов партизанского движения
у памятника Лизе Чайкиной в поселке Пено. Ноябрь 1976 г.

Руководители партизанских формирований у кургана Дружбы на границе трех республик (слева направо): В. П. Самсон — командир Латышской партизанской бригады, Герой Советского Союза; А. И. Штрахов — комиссар Калининского партизанского корпуса, доктор исторических наук; И. К. Захаров — командир белорусской партизанской бригады имени Фрунзе, Герой Советского Союза.

В ПРЕДПРАЗДНИЧНУЮ НОЧЬ

Новый год всегда ждут с надеждами. Наступивший 1943-й много сулил доброго. Мы уже получили (я в то время был комиссаром одного из пяти отрядов 13-й Калининской партизанской бригады) первые хорошие вести с полей Сталинградской битвы. Да и у нас, как говорится, под боком 3-я ударная армия штурмовала Великие Луки, превращенные гитлеровцами в укрепленную цитадель. И дело шло к развязке.

Последние месяцы минувшего года наш отряд находился вблизи линии фронта и совершал диверсии на железной дороге Новосokolьники — Насва, а также на большаках и проселках, ведущих к ней. Мы много маневрировали, действовали из нейтральной полосы. К февралю 1943 года довольно прочно обосновались в Локнянском и частично в Новосokolьническом районах. В бригаде сменилось командование. Комбриг А. М. Ромаков и комиссар А. К. Логинов были отозваны обкомом партии в советский тыл. Мы жалели об этом, я особенно. Андрей Максимович Ромаков был моим крестным отцом на партизанских тропах и после расстрела моих родителей помог жене и двум нашим малышам найти кров и спастись от гитлеровцев.

Некоторое время бригадой командовал С. А. Митрошин, но в бою с карателями 21 января 1943 года был ранен, и комбригом стал Г. Ф. Бабаков, а комиссаром Е. С. Черняк. Под их руководством наши отряды продолжали наносить удары по коммуникациям врага. Был даже случай, когда подразделение фашистов, напорывшееся на нашу засаду, ретировалось и в спешке бросило пушку.

Не помню кто (думается, что командир нашего отряда А. А. Стальберг) напомнил командованию бригады о приближавшемся 25-летию Красной Армии.

— Чем отметим? — спросил комбриг.

Мнения разделились: одни предлагали подорвать воинский эшелон, другие — разворошить какое-либо «осиное гнездо». Остановились на последнем. Объектом избрали крупную немецкую продовольственную базу в деревне Большое Макарово.

Мы уже привыкли к тому времени действовать, опираясь на хорошие разведывательные данные. Так было и на этот раз. Заместитель комбрига по разведке Турицын послал в деревню своих людей. Первой ушла разведчица Тоня Шубаренкова. Девушка имела немецкий паспорт и под видом местной жительницы часто навещала «родственников» в деревнях. Потрудились неплохо и партизаны — уроженцы Новоржевского района: Василий Тарасов, Анатолий Иванов, Василий Яковлев, Павел Кузьмин.

Удалось установить, что под охраной штыков 70 оккупантов в Большом Макарове готовится к отправке в действующую армию 150 лошадей, свыше 180 коров, 300 овец и много домашней птицы. Гарнизон обнесен окопами, проволочными заграждениями.

— Экономия богатая, — резюмировал доклады разведчиков Турицын, — стоит боя.

— Гусятина не повредит партизанскому желудку, — посмеялся я.

За сутки до налета в расположении бригады появился мальчишка и попросил свести его к самому главному партизанскому командиру.

— А как о тебе доложить прикажешь? — насмешливо спросил часовой. — Кто ты будешь?

— Пионер из Ленинграда Женя Иванов. И больше вам ничего не скажу.

Паренька привели в штаб. Убедившись в том, что он имеет дело с командирами, Женя достал клочок бумаги и быстро набросал на нем план, отметив, где в Большом Макарове стоят немецкие посты, где живет комендант.

— Если нужно, проведу вас в деревню незаметно, — предложил он в заключение своего «доклада».

То, что рассказал ленинградский пионер, совпадало с данными нашей разведки. Я смотрел в жадные к борьбе с врагами Родины глаза юного патриота и вспоминал такие же в зале клуба школы, где до войны работал директором. Мы ставили спектакль по пьесе Виктора Гусева «Слава». Артисты, конечно, учителя и сельские комсомольцы были не ахти какие, но принимали нас зрители хорошо.

Скольким мальчишкам тогда пьеса Гусева подарила мечту быть похожими на смелых летчиков, о которых рассказывал спектакль. Как хорошо, что мы зажгли огоньки в сердцах многих маленьких граждан страны задолго до фашистского нашествия!

В штабе поинтересовались судьбой Жени. Летом 1941 года он приехал на лето к бабушке на берега Сороти. А уехать обратно в Ленинград не смог: к Новоржеву провались фашистские танки. Это-то мы узнали, а вот побеспокоиться о дальнейшей жизни Иванова не сумели. Юный разведчик во время налета был легко ранен и потом затерялся на дорогах войны. И сейчас себе простить этого не могу, с меня, как с бывшего учителя, спрос вдвойне.

Налет на Большое Макарово бригада совершила тремя отрядами — Стальберга, Каишева, Степанова. Первые два, как наиболее опытные, непосредственно нападали на «экономию», а отряд Степанова (меня сюда перевели политруком взвода) блокировал подступы к деревне. В частности, наш взвод (командир Долгов) сделал две засады: одну — в направлении на город Новоржев, вторую — у деревни Бараново, южнее Большого Макарова. Капитан Бабаков напутствовал нас:

— Хотя, Степанов, ты, как говорят в войсках, действуешь не на острие удара, успех зависит во многом и от твоего отряда. Ни туда, ни сюда мышь не должна проскочить, не то что какой-либо фриц оголтелый.

Степанов, невысокого роста блондин, вышел из рядов и по-военному отчеканил:

— Приказ будет выполнен, товарищ комбриг...

Вечером 22 февраля отряды бригады вышли из деревни Алексихи. Настроение у всех было приподнятое. Способствовали этому сводки о разгроме фашистских войск под Сталинградом, освобождение города Великие Луки и, бесспорно, добротное вооружение. Ушло то время, когда немецким танкам мы могли противопоставить бутылки КС, прозванные «слезами горючими», да два ржавых автомата. Теперь у нас и автоматы, и гранаты, и пулеметы, и минометы — все есть.

В установленное время партизаны заняли исходные рубежи. Сигналом должна быть красная ракета, выпущенная Бабаковым. Наш взвод лежит в кустарнике на откосе большака за деревней Бараново. Запрещено курить, чихать, кашлять, разговаривать. Всматриваемся в даль ночной дороги, прислушиваемся к каждому шороху. Ни звука.

Кажется, поблизости нет живой души, никто не поверил бы, что недалеко от нас в ожидании сигнала расположились десятки наших товарищей. Лишь слышен легкий хруст снега под ногами командира взвода Долгова, переходящего от одного партизана к другому.

Только Долгов подсел ко мне, как до нас донесся усиливающийся звук мотора. Все затаили дыхание. Одна или несколько машин? Если много, мы должны встретить их огнем и не подпустить к Большому Макарову. А если одна? Стрелять нельзя, но как ее задержать? Машина оказалась одна.

— Быстро ко мне Глушкова, — передает по цепи командир взвода.

Через минуту Глушков стоял перед нами с бесшумной винтовкой.

— Машину подпускаешь близко и в упор через смотровое стекло стреляешь в водителя.

— Есть, — быстро отвечает Глушков и ложится на бровку дороги.

Долгов подзывает к себе нескольких партизан и говорит:

— Как только Глушков выстрелит, сразу подбегаем к машине и хватаем гитлеровцев. Действовать холодным оружием.

Я быстро перебегаю дорогу и на той стороне организую группу товарищей с этой же целью. А машина все ближе и ближе. Явственно слышу треск стекла. Грузовик резко повернул влево, свалился в кювет и остановился. Мы подбежали. Водитель убит. Рядом с ним сидел обезумевший ефрейтор. Он без сопротивления вылез из кабины.

И тут в небо взвилась красная ракета. Она рассыпалась и медленно мелкими брызгами стала падать на землю. До нас из Большого Макарова донеслись взрывы противотанковых гранат, треск пулеметов. Послышалось русское «ура». Бой разгорался, и мы по слуху определили, что он особенно сильно шел на юго-восточной окраине. Минут через сорок стрельба начала стихать, до нас доносились отдельные выстрелы. А вскоре мы увидели зеленую ракету, что значило — сниматься с занимаемых позиций.

Мы собрали своих людей, построили и направились к деревне Кожино, где был назначен пункт сбора. Там мы узнали подробности боя. Разведчики бесшумно сняли часовых у здания магазина, в котором размещалась половина немецкого гарнизона. Бойцы взвода Дорошкина

швырнули в окна противотанковые гранаты. Здание загорелось, и выбегавшие оттуда солдаты попадали под огонь пулемета Белянкина. Но тут заговорили все огневые точки врага.

Одновременно с нападением на магазин наши товарищи из отряда Стальберга обрушили огонь на здание волостного управления. Там спали гитлеровские офицеры. Они попали на огненные строчки ленинградского рабочего Николая Бурылева, который удачно расположился прямо напротив окон здания. Другой наш искусный пулеметчик — Семен Ульянов стрелял из своего «дегтяря», как из автомата, приставив ложе к плечу, держа пулемет на руках. Это у него всегда ловко получалось.

Комендант гарнизона, услышав на улице неожиданную стрельбу, бросился к телефону, но поднять трубку не успел — был сражен. Оставшись без своего предводителя, гитлеровцы не сумели остановить натиск партизан, сопротивлялись небольшими группами у огневых точек. Они одна за другой гасились.

Утихла стрельба — на улицах деревни появились жители. Раздавались голоса:

— Свои. Партизаны.

— Вот радость-то какая!

— Дали гадам чесу. Молодцы, ребята!

Комиссары отрядов Миронов и Воронцов не терялись. Оживленно переговаривались с крестьянами, раздавали советские газеты и листовки. А те, кому было положено, уже погрузили свиней, гусей на подводы и покинули деревню. Часть скота мы раздали с наказом забить и побыстрому спрятать. Нужно было торопиться. Из Новоржева через час-другой комендант крупного гарнизона направит за нами погоню.

После боя в Большом Макарове партизаны хозяйничали целый час. Были уничтожены скотные дворы, ремонтная мастерская, несколько автомашин, трактор, все документы гитлеровской администрации. С собой мы угнали 90 лошадей, примерно столько же коров.

Итоги налета радовали. Нам удалось истребить более половины фашистского гарнизона. Наши потери — трое раненых, один из них позже умер. Весь день 23 февраля прошел под впечатлением боевого успеха. Много было рассказов, шуток. Вспоминали, конечно, мирные дни. Загадывали и на будущее: в наших рядах никто не сомневался в разгроме врага.

Однако ближайшее будущее для нашей и соседних бригад — калининских партизан обернулось тяжелейшими боями и большими потерями. В марте мы провели несколько удачных боевых действий, в частности разгромили крупный гарнизон гитлеровцев в деревне Духново Кудеверского района, а во второй половине апреля 1943 года попали под удары крупных сил карателей.

Наша 13-я Калининская бригада в тех боях была разобрана. Небольшие группы ее пробились в советский тыл. Часть партизан присоединилась к другим бригадам. Вновь в полном составе она стала действовать лишь в конце августа 1943 года.

После весенних боев я попал в ряды Советской Армии и прошел с боями весь солдатский путь от Курской дуги до Праги.

Прошли, пронесли годы. Что сейчас в Большом Макарове? Богатое совхозное хозяйство животноводческого направления. Крупного рогатого скота в пять раз больше довоенного. Среди тех, кто множит трудовую славу совхоза «Новоржевский», — мои товарищи по партизанским боям В. Е. Яковлев, В. В. Тарасов, П. В. Кузьмин. А управляет отделением совхоза в Макарове Анатолий Дмитриевич Иванов. Да, да, наш разведчик, участник боя в ночь на 23 февраля 1943 года.

МАЛО ПОДОРВАТЬ, НАДО УНИЧТОЖИТЬ

В конце 1942 года наша 1-я Калининская бригада была самой многочисленной из партизанских формирований. 1200 бойцов, сведенные в семь отрядов, представляли собой грозную силу. Тем более что за плечами у нас было немало выигранных у врага столкновений. Встречный бой в Клиновом в августе. В октябре разгром гарнизонов — в Дубровке, Балашове, Бардове, Щукине, Долосцах.

После изгнания гитлеровцев из Долосцев командир бригады Федор Бойдин распорядился «обжить» близлежащие деревни.

— Обоснуемся здесь на длительное время, — говорил он. — Восстановим аэродром у Селявщины, отправим в тыл раненых.

— Значит, спокойная жизнь? — пошутил я.

— В принципе да, если начальник штаба ежедневные засады и диверсии будет полагать не боевыми делами, а увеселительными прогулками. — Комбриг по-стариковски (а было-то ему от роду всего лишь 21 год) вздохнул: — Эх, Дмитрий Александрович, Дмитрий Александрович, нам с тобой сейчас взрывчатки бы так с тонну. На собственной спине перетаскал бы с аэродрома.

— Тогда уж вдвоем, — засмеялся я, — у меня спина пошире.

Взрывчатка. В те дни самое уязвимое наше место. Большая земля не баловала нас крупными партиями тола. Выкручивались как могли. Выплавляли из снарядов — целое производство развернули.

— А знает ли наш штаб, — продолжил разговор Бойдин, — что в декабре рождество будет и что у немцев сей праздник широко празднуется? Помню, в школе нам историк рассказывал: к праздничному столу у них подают карпов и жареных гусей с печеными яблоками.

— Вместо печеных яблок можно предложить лимонки.
А насчет гуся...

— Во! Во! — загорелся комбриг. — Хорошего гуся надо подложить фрицам. С рождественским приветом.

Я давно вынашивал мысль о крупной диверсии на железной дороге. Так, чтобы одновременно подорвать полотно в нескольких местах и воинский эшелон скovyрнуть с рельсов. И не просто пустить его под откос, как обычно делали мы и другие партизаны, а уничтожить по возможности полностью.

Операцией решил руководить сам. К участию были привлечены два отряда (командиры Ботов, Селиванов) и несколько диверсионных групп. Задумано было так: один из отрядов подрывает эшелон на Зуевском переезде. Услышав взрыв, второй отряд немедленно уничтожает железнодорожный мост у станции Заворуйка. То же делает у деревни Осетки диверсионная группа Алексея Щеглова. Остальные подрывники орудуют на полотне между Заворуйкой и Осетками.

Покинули базу утром. Слегка подмораживало, дул сильный ветер. Лес, в который мы вскоре углубились, глухо шумел. Шли долго. Часов в девять вечера лес поредел. Стало светлее. Пересекли поляну, подлесок и очутились вблизи невысокой железнодорожной насыпи. Огляделись. Патруля нет.

— Пора! — подал я команду.

Мину заложили натяжного действия. У шнура остались опытные подрывники Бояров, Булатов, Тестерев. Остальные бойцы отряда «Мститель» расположились по обе стороны железнодорожного полотна и у шоссе Идрица — Себеж, готовые в любую минуту вступить в бой. Наломав сосновых веток, я прилег в кустах недалеко от подрывников. Ночная тишина нагоняла дрему. Ждать пришлось недолго.

— Слышите?

Это спросил подбежавший ко мне минометчик Колотовский. Я приподнялся. Справа доносился характерный шум. Поезд шел без огней, тихо накатывался. Под уклон прибавил скорость. Вот темная громада поплыла перед нашими глазами.

— За Родину! — кричат подрывники.

Их возгласы тонут в грохоте металла. Взрыв сильный: вместе с миной взорвано большое количество тола. Светло-оранжевое пламя озаряет несколько вагонов, свалившихся под откос.

Мы отходим. Я напряженно вслушиваюсь.

— Ботов, чуешь?

— Да.

Далекие автоматные очереди. Значит, Селиванов ведет бой у моста. Не успел подумать — грохнули два взрыва.

— Порядок, — говорит Ботов. — Мостик у Заворуйки в воздухе.

— А в Осетках?

Гремят еще два взрыва. Они — ответ на мой вопрос.

Через полчаса встречаемся в условленном месте. Все возбуждены. Рады: потерь нет. Тороплю ребят. Должна быть погоня. Нам бой принимать несподручно.

И погоня была. Несколько грузовиков с автоматчиками. Гнались за нами след в след. Мы из Ново-Лукова в лес — гитлеровцы в деревню. Мы в Чайки — и фашисты тут как тут. Оторвались только в Аннинском. Бойцы расположились передохнуть, а я собрал командиров. Спросил:

— Дальше что будем делать?

Послышались голоса:

— Дело сделано.

— Отдохнуть малость — и на базу.

— А эшелон?

— Так он же подорван.

— Подорван, но не уничтожен полностью.

Мой план повторного удара нравится. После горячего обсуждения решаем вернуться на лошадях — по три человека на сани. Девять подвод — 27 партизан. С собой взяли два пулемета, противотанковые ружья, остатки тола и горючее... пол-литра бензина. Повторный налет — штука дерзкая, но вряд ли гитлеровцы предполагают, что мы решимся вновь появиться у места крушения.

Скрипят полозья саней. Лошадки бегут шустро. Ветер поутих. Едем осторожно. Молчим. Метрах в 500 от железной дороги остановились, укрыли санки. Добровольно никто не хочет остаться с лошадьми. Оставил Васю Рассадина (парень страшно разобиделся) и еще двух бойцов. В сторону станции Заворуйка и к деревне Осетки послал по пулеметному расчету, чтобы прикрыли наш отход, коль гитлеровцы оттуда поспешат к эшелону.

Силы распределил так: к паровозу взял с собой Степана Руднева, Николая Федотова (бывший танкист, на фронте потерял руку), Василия Боярова и Николая Иванова. Остальные бойцы двумя группами (старшие Николай

Андреев и Василий Широков) должны атаковать фашистов в вагонах.

Таясь за отдельными деревьями, скрытно пересекли горбатое поле и приблизились к шоссе. До эшелона теперь метров 80—100. Подал сигнал, и все мы, крича и стреляя, бросились к железной дороге. Нас, конечно, не ждали. В ответ раздалась беспорядочная стрельба. Солдаты, оставшиеся в эшелоне (раненых уже увезли в Идрицу), метались у вагонов и платформ. Сопротивление их сломили быстро.

Паровоз был цел, и мы его заминировали, чтобы взорвать в последнюю очередь. Классные вагоны подожгли. На платформах оказались автомобили.

— Что делать с ними? — спросил боец, прибежавший от Широкова.

— Жечь! — приказал я.

Когда автомашины загорелись, из ящиков, погруженных на них, стали вылетать ракеты.

— Иллюминация что надо! — смеялись ребята.

Эта иллюминация сыграла свою роль. Фашисты приняли ее за сигнализацию: дескать, у железной дороги орудует несколько партизанских подразделений, и решили не покидать до утра гарнизонов в Заворуйке и Осетках, ограничившись лишь стрельбой в сторону злополучного эшелона.

Два вагона, сошедшие с рельсов, были опечатаны.

— Замки сбить. Пропустить содержимое через партизанский контрольно-пропускной пункт, — распорядился Николай Андреев.

— Что там? — спросил я.

— Рождественские подарки: печенье, сигареты, шнапс.

— А гуся нет? — вспомнил я разговор с комбригом.

— Какого гуся? — не понял Андреев и вдруг радостно закричал: — Есть кое-что поценнее, товарищ командир!

Ценным трофеем оказалась радиостанция. Напоследок подорвали паровоз и тронулись в обратный путь. Повторный налет прибавил к нашему боевому счету 42 автомобиля, 20 мотоциклов, 3 вагона, паровоз да десятка два солдат, для которых эта декабрьская ночь стала последней в жизни.

Когда погрузились в сани и все задымили, Василий Широков попросил:

— Разрешите песню, товарищ командир.

— Начинай, Василий.

Широка страна моя родная...

Слова подхватили. Песня крепла. Исчезали угрюмые тени леса. В студеном сумраке затеплилась оранжевая полоска зари. А вскоре впереди гостеприимно замаячили синие дымы Ново-Лукова.

— Ну как тут у вас? Что произошло в наше отсутствие? — спросил я хозяина избы, в которой мы остановились.

— Были немцы. Грозилась всех перевешать. Сказывали, что против вас у деревни Селище пушки поставят.

— А ночью, — вмешалась в разговор хозяйка, — наши летчики бомбили железную дорогу. Там долго пожар пылал. Да вы небось сами видели.

— Так это мы потрудились, хозяйюшка.

— Вот и хорошо, сынки. Так им и надо, супостатам проклятым.

В дни войны полузабытое слово «супостат» вернулось в народный лексикон. Мне часто доводилось его слышать. И всегда в него вкладывался заряд огромной ненависти к немецко-фашистским захватчикам.

Между тем в избу набились женщины, дети. Последние с восхищением смотрели на наше оружие, тихо о чем-то разговаривали. Я приказал принести рождественские пакеты с двух саней.

— Угощайтесь. Распределите между собой. Остальное направим в бригадный госпиталь.

Много в то декабрьское утро было радости в деревне, особенно у ребятишек. Маленькие карапузы ведь даже не знали, что такое конфеты.

«Рождественская операция» понравилась. В январе 1943 года сводный отряд под командованием комиссара бригады С. В. Лукьянова попытался повторить ее. Успех сопутствовал партизанам только в первой части — эшелон был подорван, но разгромить его до конца не удалось. Одна из причин этого — присутствие на платформах большого количества рабочих, поезд оказался восстановительным.

Теперь почти все наши действия стали носить наступательный характер. Мы все чаще и чаще выступали объединенными силами, причем совместные удары наносились не только отрядами, но и бригадами. Враг нес большие потери и в технике, и в живой силе. Так было, например, при разгроме в начале января 1943 года восьми фашистских гарнизонов, расположенных на участке железной дороги Борковичи — Дрисса.

Большим авторитетом в нашей бригаде пользовался Василий Федорович Задерин. Был он у нас командиром взвода, затем отряда. В бою отважен. В решениях тверд. В походах неутомим. Мы все радовались, когда его назначили командиром 7-й бригады. Старший лейтенант Задерин многое сделал для того, чтобы действия партизан звучали в унисон с боевыми операциями родной армии.

В совершенно секретном приказе командования фашистских армий «Центр» за № 1086/43 говорилось: «У партизан четкая организация, в их рядах много красноармейцев, они хорошо вооружены, особенно автоматическим оружием, и поддерживают тесную связь как между собой, так и с Красной Армией».

Эта характеристика относилась и к формированиям, находившимся в братском партизанском крае. С мнением врага в данном случае нельзя было не согласиться.

МИМО ОКОН ИДУТ ПОЕЗДА

— Станция Новосокольники.

Пассажиры, совершающие поездку по маршруту Москва — Рига, Ленинград — Киев, Ленинград — Одесса, Ленинград — Брест, услышав по радио эти слова, покидают вагоны... Красивое здание вокзала утопает в зелени. И везде, куда ни кинешь взгляд, тускло поблескивающие рельсы. Целый лабиринт. Десятки тепловозов снуют в его «паутине», перетаскивая вагоны с грузами. А к перрону, пробегая мимо окон жилых зданий, подходят новые и новые поезда. Рельсы гудят здесь и днем и ночью.

В дни оккупации фашисты держали в Новосокольниках большой гарнизон. Усиленная охрана содержалась и на близлежащих станциях и разъездах. Оккупанты любой ценой пытались наладить нормальную работу важного железнодорожного узла. А его все время лихорадило. Взрывались паровозы в пути — то было делом рук подпольщиков. Летели под откос от партизанских мин воинские эшелоны гитлеровцев. Дерзко действовали на коммуникациях отряды народных мстителей Андрея Ромакова, Андрея Петрова. Налет за налетом обрушивала на гарнизоны врага в первую военную зиму рейдирующая Вторая особая партизанская бригада Северо-Западного фронта.

Горец

Синий сумрак медленно выполз из оврага, втягивая в свои тенета огромную колонну отступавших тыловых частей фашистской армии. Чего только не было в колонне: автофургоны, санитарные машины, грузовики с награбленным добром, накрытым брезентом, конные повозки, помятые легковушки, набитые до отказа интендантами.

Далекая артиллерийская канонада подгоняла, подхлестывала всю эту разношерстную массу, устремленную к крупному железнодорожному узлу Латвии — Резекне.

На обочине дороги, пропуская войска, стояла запряженная в телегу лошадь. Невысокий пожилой кряжистый мужчина неторопливо прилаживал соскочившее колесо. Тяжелый «майбах», обгонявший колонну, остановился у незадачливого путника. Развалившийся на заднем сиденье седоватый генерал что-то приказал молодцеватому офицеру, указывая на телегу. Хозяин ее поднялся с земли и раболепно поклонился.

— Русиш? — спросил офицер.

— Так точно, ваше благородие.

— Кто такой есть? Почему ехал армий?

— Так я есть ваш помощник, служащий властей ваших — старшина волостной, — сыпал горохом возчик, — как же мне без вас? Вот и документик, ваше благородие.

Офицер перевел ответ генералу и брезгливо копнул сено на телеге.

— Что везешь?

— Крупица, немножко мучицы...

— И целый ящик консервов? Наворовал небось?

— Никак нет, ваше благородие. Паек от господина коменданта получил.

Генерал махнул рукой, и офицер вскочил в машину. Возчик долго стоял с непокрытой головой, а потом, усмехнувшись, быстро надел колесо на ось.

Если бы в тот осенний вечер 1944 года на дорогу к Резекне попал кто-либо из старожилов уже освобожденных от оккупации Новосокольников, он, несомненно, признал бы в хозяине телеги фашистского прихвостня из поселка Локня Иллариона Горского, бывшего учителя одной из новосокольнических школ. Горский часто появлялся в городе, навещивался к бургомистру Костылеву. Большинство жителей резко осуждали поведение ставленника оккупантов. Кое-кто, правда, объяснял поступки Горского обидой: в 1937 году по клеветническому навету учитель был арестован органами НКВД.

Как удивились бы и те и другие, если бы увидели Горского спустя час после встречи его с немецким генералом на дороге к Резекне. Свернув на проселок, волостной старшина добрался до болота. Стреножил лошадь и, достав со дна телеги... рацию, начал отстукивать точки, тире.

В конце радиogramмы, направленной в штаб наступавших советских войск, стояла подпись — Горец.

Да, 58-летний Илларион Петрович Горский был в 1944 году разведчиком в стане врага. За выполнение особого задания осенью 1944 года Горец получил правительственную награду — орден Отечественной войны.

И пост волостного старшины учитель занял по настоянию представителя подпольного райкома партии. Об этом знали всего несколько человек. Действуя умно и смело, Горский сорвал отплавку большой партии скота в действующую фашистскую армию под Ленинград. Да так сорвал, что виноватыми в этом оказались два действительных фашистских холуя и немец-интендант.

С помощью Горского в начале 1942 года было переправлено в партизанские отряды несколько десятков красноармейцев, осевших в деревнях после выхода из окружения. Патриоту учителю в связях с партизанами помогали бывший работник Новосокольнического райисполкома коммунист Владимир Кузьмич Логашев, учительница Анна Андреевна Цитович, Николай Григорьевич Костровский и некоторые из родителей его учеников, догадавшиеся о двойной жизни «господина волостного старшины».

«Самой не верится»

На одном из стендов музея в Пскове висит портрет молоденькой девушки Саши Яковлевой. На груди у нее орден Ленина.

Мы беседуем с Александрой Семеновной, рассматривая реликвии того далекого времени, когда комсомолка Яковлева покинула отчий дом и стала на партизанскую тропу. Рассказывает Александра Семеновна скупно. Но ее рассказ дополняют материалы, собранные летописцем боевых дел железнодорожников Александром Ивановичем Валентиком.

Первое задание Саши было не очень трудным — достать немецкий паспорт. Достала.

— Молодец, — похвалил девушку Соловьев, начальник разведки 3-й Калининской партизанской бригады. — А теперь...

Это «теперь» стало военной специальностью милостивой официантки со станции Новосокольники. (Означало оно — разведка, разведка и еще раз разведка.) На своей

родной станции Гущино и в Новосокольниках Саша считала воинские эшелоны — сколько за сутки пройдет поездов с вооружением, с живой силой, снабженческих.

Однажды в деревне Плая Яковлева с подругой нарвалась на патруль. Выручило кладбище. Девушки долго и надрывно плакали у свежей могилы. «Деда-кормильца схоронили», — объясняли они пожилым солдатам. Записки с подсчетами поездов и автомашин за двое суток были вплетены в густые Сашины косы.

И еще не раз находчивость и смелость спасали разведчицу. Как-то, когда бригада действовала в Россоновском районе Белоруссии, Саша несла донесение в штаб 1-го Калининского партизанского корпуса. Заночевала в лесу. Утром рано направилась к деревне. На околице окрик:

— Хальт! Куда идешь?

Ответила не задумываясь:

— К тете.

— Веди к ней.

Привела гитлеровцев в первую с краю деревни хату. Хозяйка топила печь, на полу плакал ребенок.

Саша быстро подняла его и начала утешать, целовать. Ребенок замолк. Хозяйка поначалу удивленно посмотрела на незнакомку.

Ефрейтор ослабился, затем шагнул к печке:

— Кто это, матка?

— Своя! — ответила как можно равнодушнее хозяйка.

Патруль ушел. Подразделение гитлеровцев двое суток стояло в деревне. Отлучаться из нее было запрещено. Натерпелись страху и Саша и «тетя».

Был и такой случай. Вместе с бойцами Ваней Костроличным и Филиппом Глушенковым Яковлева шла в разведку в один населенный пункт. На дороге показался гитлеровец с сумкой через плечо. Саша вспомнила слова командира: «Ну а если «языка» возьмете, то и совсем ладно будет», — скомандовала:

— А ну, ребята, в кусты. И потихоньку пробирайтесь вдоль дороги, а я погутаю с фрицем.

Фриц оказался фельдфебелем. Был он навеселе и начал ухаживать за девушкой. И по-русски говорил прилично. Саша принимала ухаживания, смеялась, а в голове мелькали один за другим планы, как обезоружить гитлеровца.

— Ой, сколько ворон! — вдруг воскликнула она, пока-

зывая на поле, где действительно было много воронья, точно на сходку собрались.— Пальните по ним.

Фельдфебель поднял парабеллум, но затем опустил руку, сказал:

— Солдаты фюрера стреляют только по врагам нации.

— Пальните. Вот шуму-то будет.

— Пусть стреляйт милый фрейлейн,— предложил гитлеровец.— Только надо убивайт.

Саша неумело взяла пистолет. Долго целилась и промазала.

— Мимо, мимо,— смеялся Сашин ухажер и... осекся.

Девушка направила оружие на него и приказала:

— Хенде хох!

Выскочившие из кустов партизаны связали фельдфебеля. «Язык» был стоящий — многое рассказал.

В апреле 1943 года партизаны под Кудеверью попали в окружение. Двенадцать суток продолжались бои. Оторваться от карателей было невозможно. Враг прижал бригаду к озеру Кудеверскому. Комбриг приказал любой ценой спасти портфель с документами разведки. Вместе с комиссаром отряда Василием Шатиловым и еще тремя партизанами спасала документы и Яковлева. Шесть суток пробиралась отважная пятерка по Локнянскому району. Дважды нарывались на засады, дважды переправлялись вплавь через студёные реки Смердель и Пузно. В одной из перестрелок был убит комиссар, но задание партизаны выполнили — портфель доставили по назначению...

— Порой даже самой не верится, что все это было,— говорит, смущенно улыбаясь, Александра Семеновна.

Не склонившие головы

Командование охранных войск тыла фашистских армий не поскупилось на карательные органы для Новоскольников. Кроме тайной полевой полиции и отделения гестапо в городе в первый год военных действий находилось много контрразведчиков абвера. Карательные акции следовали одна за другой. Были повешены на базарной площади коммунист Ф. А. Егоров, жена коммуниста Буланова, сестра партизана Анна Архипова. В деревне Горожане гитлеровцы расстреляли 20 жителей (старики, женщины, дети) за то, что они накормили раненых красноармейцев, в деревне Санники — 18 человек (партизанские

семьи). Мать партизанского вожака Ромакова фашисты убили и бросили в огонь.

Но как и в деревнях района, так и в самом городе нашлось немало людей, не склонивших головы перед фашистским нашествием. Одним из первых на путь борьбы с оккупантами стал Николай Сергеевич Борзенков. До войны он ведал электросиловым хозяйством Новосокольнического отделения Калининской железной дороги. В дни эвакуации узла Борзенков выехал с оборудованием в тыл. Эшелон фашистские летчики разбомбили, и тогда он вернулся в Новосокольники. Чем продиктовано было такое решение, сказать трудно. Но факт остается фактом — в хмурый осенний день Николай Сергеевич переступил порог собственной квартиры.

Оккупационным властям нужны были дозарезу специалисты железнодорожники. Уголовников, выпущенных из тюрем, не поставишь у пульта управления железнодорожным узлом. Это хорошо понимал комендант ортскомендатуры. Их можно и нужно использовать для полицейских функций, для слежки за подозрительными лицами, рассуждал он и был обрадован, когда ему донесли о появлении в городе Борзенкова. Настолько рад, что сам отправился на Шоссейную, 22, где проживал Николай Сергеевич.

Борзенков не удивился, увидев немецкого офицера. Он знал: рано или поздно встреча с гитлеровцами состоится. Комендант потребовал ответа на один вопрос, почему он вернулся в Новосокольники.

— У меня же дети, господин капитан, жена, старуха мать. Кто о них позаботится в такое неустроенное время?

Отвечал Борзенков спокойно, без подобострастия. Это понравилось коменданту, и он назначил его начальником электростанции.

В небольшом городе каждый человек на виду. Здесь не создашь широко разветвленной подпольной организации. Борзенков поступал осмотрительно.

В городе и особенно на железнодорожном узле Борзенков знал многих по довоенной жизни. Это обстоятельство облегчило сколачивание подпольной группы. В нее вошли монтер Константин Москалев, Мария Беляева, токарь Шнюкат, Иван Беляев. Несколько позже к ним присоединились Иван Савельев, Фаина Гайдук, Татьяна Головицкая, 17-летняя комсомолка Надя Судомоева, комсомолец Володя Канюк и другие патриоты. Верным помощником Борзенкова стала его жена Анна Станиславовна.

Не склонившие головы патриоты на первых порах свои усилия направляли на небольшие диверсионные акты. Камушек к камушку — гора вырастает — гласит народная мудрость. Открытого саботажа не было, а на станции поезда простаивали подолгу, выходила не раз из строя водопомпачка, портилось оборудование в депо. Если прибавить к этому лихие налеты в январе — феврале 1942 года на станции Насва, Выдумка, Маево отрядов Второй особой бригады, восстановление Советской власти в Руновском и еще в четырех сельсоветах, станет понятным беспокойство начальства охранных войск тыла фашистских армий за узел. В Новосокольники была переброшена воинская часть австрийцев (до 1000 штыков), в распоряжение коменданта выделены два бронепоезда.

Подпольщики распространяли советские листовки, сводки Совинформбюро, но вскоре основным боевым заданием для них стала разведывательная работа. Это случилось после выхода советских войск к среднему течению реки Ловати. Весной 1942 года фронт стабилизировался вблизи Великих Лук почти на десять месяцев. Борзенков и его товарищи настойчиво искали выход на прямую связь с командованием Красной Армии. Искали контакты с подпольем Новосокольников и работники особого отдела 257-й дивизии. Ну и, как в песне, кто ищет, тот всегда найдет.

Рады были и те и другие. На совещании на кладбище в июне (были приглашены товарищи, составлявшие ядро подполья) Борзенков говорил:

— Мы стали сильнее, ибо знаем, что каждая строчка нашего донесения, переданного через курьеров-связников, может сразу превратиться в бомбовый удар наших летчиков или поможет в разработке большой фронтовой операции. Давайте усилим сбор военной информации. Не пропускайте ни одного разговора гитлеровцев между собой, слушайте и брехню цолицаев, из нее тоже можно почерпнуть какой-то штрих, какую-то деталь. А по ним узнать и целое.

И разведывательная информация потекла в штаб советской дивизии. Только в одной разведсводке, доложенной командующему 3-й ударной армией, были получены от группы Борзенкова сведения о передислокации части зенитной артиллерии в Невель, о переброске строительных материалов к Великим Лукам, о составе и вооружении строительно-восстановительного и железнодорожно-эксп-

луатационного батальонов. Передавали подпольщики неоднократно и планы расположения на узле огневых точек, оборонительных сооружений.

Агенты тайной полевой полиции вышли на след группы Борзенкова. Первым арестовали Москалева, заподозренного в организации бегства военнопленных из железнодорожного батальона. В начале августа 1942 года в полицию были доставлены Борзенков, Головицкая, Гайдук, Мария и Владимир Канюк, Беляева и другие. Всего 14 человек. На допросах, сопровождаемых избиением и изощренными пытками, арестованные вели себя мужественно. Пример подавал руководитель подполья.

Николаю Сергеевичу с помощью товарищей, оставшихся на воле, удалось бежать. В глухих зарослях недалеко от электростанции Борзенков решил переждать, пока уляжется переполох в полиции и его будут искать уже где-то ближе к линии фронта. Но случайно его заметил немецкий офицер, открыл стрельбу и ранил. Допросы и пытки продолжались.

Борзенков, Татьяна Головицкая, Владимир Кудинов, Мария и Владимир Канюк, Юрий Слепченко были расстреляны в Витебске в конце августа 1942 года. Погибли от рук карателей связники-разведчицы Нина Владимировна Иванова и Екатерина Семеновна Чубарова. Остальные подпольщики спаслись: кто сумел перейти линию фронта, кто укрылся в деревнях.

...Идут поезда, мчатся мимо окон небольшого города Новосокольники. Если приведется вам, читатель, ехать когда-либо этим маршрутом, перенеситесь на миг в то тревожное, бесконечно тяжелое и памятное для нашего народа время, имя которому — война. И тогда предстанут перед вашим мысленным взором люди высокого мужества Борзенков, Горский, Яковлева и другие бойцы незримого фронта.

СРАЖЕНИЕ У САВКИНСКОГО МОСТА

Прочтет неискушенный читатель такой заголовок и усмехнется: какое, дескать, сражение может быть за мост, тем более и мост-то не знаменитый, не через Волгу или Дон, очевидно, правильней было бы назвать не сражение, а бой. И все же это было сражение. Впервые за время войны наступательная операция проводилась объединенными силами нескольких бригад. Совместные действия у нас, конечно, были и раньше, но при обороне — в дни, когда калининские и белорусские партизаны отбивались от крупных карательных экспедиций гитлеровцев.

Операция была комбинированной. Главный удар по противнику наносился в районе Савкинского моста, что на железнодорожной магистрали Новосокольники — Рига. Одновременно ставилась задача уничтожить или блокировать все фашистские гарнизоны, расположенные поблизости. Готовилась и проводилась операция в конце марта 1943 года. Я в то время командовал 1-й Калининской партизанской бригадой.

Мост у деревни Савкино находился на открытой болотистой равнине. Фашисты создали вокруг него сильную оборону: проволочные заграждения в четыре кола, дзоты, минные поля, пулеметы и минометы на насыпи. Эшелоны по мосту двигались только днем. Ночью подходы к мосту по полотну железной дороги закрывались ежами из колючей проволоки. Охрана моста то и дело освещала местность ракетами.

Руководство боевой операцией было поручено уполномоченным штаба партизанского движения И. И. Веселову и А. И. Штрахову. На состоявшемся 20 марта совещании командиров они определили задачи бригад и отрядов по разгрому и блокировке пяти гарнизонов противника и уничтожению железнодорожного и шоссейных мостов че-

рез реку Неведрянку восточнее Идрицы. Двум отрядам нашей бригады совместно с четырьмя отрядами бригад Гаврилова и Семина предстояло разгромить гарнизон в деревне Савкино, уничтожить охрану и взорвать железнодорожный мост.

На другой день командиры и комиссары бригад и отрядов с группами разведчиков выехали на рекогносцировку. Нас, участников рекогносцировки и разведки гарнизонов в Савкине, Могильно и Нащекине, насчитывалось до 70 человек. Оставив верховых лошадей и нескольких разведчиков с ними в деревнях Клевцы и Забеги, что в 12 километрах южнее Савкина, мы группами направились к своим объектам.

Разведка велась очень тщательно. Ценные сведения о количестве войск и их вооружении представили разведчики отрядов Карпенко и Задерина. Один из разведчиков — Андрей Тарасенко оказался из этих мест, он хорошо знал многих жителей деревень, где располагались вражеские гарнизоны. Это облегчило выполнение задачи. Кстати сказать, во время наступления Тарасенко успешно справился и с функцией проводника отрядов. Точные данные о характере оборонительных сооружений и численности охраны Савкинского моста сообщили в штаб заместитель командира отряда по разведке Александр Соловьев и разведчики Николай Аникин, Татьяна Москвина, Марсел Кабулин. Эти данные им удалось раздобыть через местных жителей — братьев Николая и Василия Обуховых.

К ночи командирская разведка была у Савкина. Осторожно передвигаясь, мы пересекли железнодорожное полотно и, обойдя деревню, приблизились к ней с северо-востока на 200—300 метров, затем подошли на такое же расстояние к мосту. Местность здесь, как уже отмечалось, была ровная, открытая. Железнодорожная насыпь невысокая. Мост состоял из двух ферм и опор, удаленных одна от другой на несколько десятков метров.

Под покровом ночи нам удалось остаться незамеченными со стороны противника, и к четырем часам утра мы возвратились в деревню Клевцы. Совершив пятидесятикилометровый переход верхом на лошадях и пройдя пешком по лесным тропам и полям свыше 30 километров, разведчики страшно устали. Было решено сделать двухчасовой привал. На окраинах деревни охрану несли бойцы, оставшиеся с лошадьми.

В шесть часов утра нас разбудила автоматная и ружей-

ная стрельба. Я выглянул в окно. У соседнего дома уже седлали коней командир отряда Задерин и начальник штаба бригады Халтурин. Лошадь под Задериним тут же была убита. Халтурин спешил и на поводу повел своего коня за угол дома.

Мы поспешили к выходу. Но стоило разведчику Василию Бодрову открыть наружную дверь, как на ней появились пробоины. Бодров не растерялся. Отступив несколько шагов назад и разбежавшись, он выпрыгнул из дома и укрылся за углом сарая. Выждав несколько секунд, я поступил таким же образом.

Попытка соединиться с разведчиками, находившимися от нас в 100 метрах — в центре деревни, не удалась: противник вел сильный автоматный огонь. Пришлось вернуться к сараю. Гитлеровцы тем временем начали стрелять по деревне из минометов. Наши лошади были убиты. Оставалось одно — отходить через болото в лес.

И вот мы в лесу. Первым, кого мы встретили здесь, был Задерин. От него узнали: смертельно ранен командир взвода бригадной разведки младший лейтенант Д. А. Хруцкий, мой одноклассник. Три года я с ним учился в Поречьевской средней школе Великолукского района. В 1939 году после окончания десятилетки мы расстались. В годы войны оказались снова вместе. Дмитрий Алексеевич был инициативный и боевой разведчик, хороший командир, отличившийся во многих боях.

Получили ранения командир бригады Гаврилов, командир отряда Карпенко, начальник штаба отряда Зуев.

Казалось бы, деревушки Клевцы и Забеги находились вдали от вражеских гарнизонов и проезжих дорог. Но почему же враг окружил нас? Тут, конечно, мы проявили явную беспечность. Достаточно указать, что посты охранения были выставлены лишь в самих деревнях.

Оценивая обстановку, мы опасались, что фашисты разгадают планы задуманной нами операции. Поэтому было решено провести дополнительную разведку. Опасения наши, к счастью, не подтвердились. Противник не сумел разгадать цели нашей поездки в Клевцы и Забеги. В его гарнизонах все оставалось по-прежнему.

И. И. Веселов и А. И. Штрахов отдали приказ: в ночь на 31 марта 1943 года разгромить гарнизоны в Савкине, Могильно и Нащекине, взорвать Савкинский железнодорожный мост, а гарнизоны в Идрице и Сутоках блокировать. Особенно беспокоила Идрица: в ней находилось око-

ло 2 тысячи гитлеровских солдат и офицеров. Чтобы помешать им вовремя прибыть в Савкино, взводу Боярова из нашей бригады было приказано подорвать несколько небольших мостов на шоссе, уничтожить линии связи, произвести подрыв железнодорожного полотна у станции Идрица. Все дороги, по которым противник мог бы подбрасывать подкрепления к месту боя, минировать.

В операции участвовало 22 отряда из пяти калининских партизанских бригад и отряд белорусских партизан. Общая их численность достигала 3 тысяч человек. Все эти силы 29 марта сосредоточились в 30 километрах юго-восточнее Идрицы, в районе деревни Чайки. План их расстановки был следующим.

В налете на гарнизон в Савкине участвовали отряды В. Ф. Задерина и Ф. И. Ботова под общим командованием начальника штаба нашей бригады Д. Халтурина. Перед нами ставились задачи захватить и удержать Савкино, а также оказать помощь отрядам Карпенко и Ахременкова в разгроме охраны моста. Отрядам Чернова и Панова (из бригады Гаврилова) под руководством начальника штаба бригады Кузнецова предстояло заминировать и взорвать мост.

Разгром станции Нащекино был поручен бригаде Буторина, отряду Козлова (из бригады Семина) и отряду белорусских партизан под командованием Ольшанникова. Руководил этими силами комбриг Буторин. На Могильно направлялась бригада Гаврилова, состоявшая из отрядов Ершова, Либа, Зубехина и Петрова.

В трех-четыре километрах от Идрицы нашей бригадой создавался заслон из бойцов, выделенных отрядами Яганова, Чеснокова и Селиванова. Командовал сводной группой заслона политрук Лукьянов. А несколько южнее готовилась занять оборону партизанская бригада Вараксова. Блокировать гарнизон в Сутоках должны были отряды Совиткова и Казикова (оба из нашей бригады) и отряд Александрова (из бригады Шиповалова). Ответственными здесь были комиссар бригады Данилов и старший лейтенант Медведев.

В 12 часов дня 30 марта отряды двинулись в путь. Жители деревень, где мы проходили, были приятно удивлены, когда своими глазами увидели, какими силами располагают партизаны. В селе Чайки старухи, стоя у дороги, крестились и просили бога помочь нам «одолеть супостата».

Стояла сырая, пасмурная погода, временами моросил дождь. Снег уже стаял, и дороги были труднопроходимыми. Партизаны шли пешим строем. У каждого большой запас патронов, гранат. В конце колонны двигалось несколько повозок со взрывчаткой, пара лошадей с трудом тащила пушку-«сорокапятку».

Совершив пятидесятикилометровый переход, проскочив незамеченными через шоссе и железную дороги, партизанские отряды к четырем часам утра 31 марта подошли к Савкину и стали занимать исходную позицию для броска. У моста в это время раздались выстрелы. И почти сразу в небо взвились две зеленые ракеты — сигнал для нашего удара.

Отряды нашей бригады открыли по врагу огонь из всех видов оружия. Под дружное «ура» они устремились в Савкино. Гитлеровцы встретили партизан частой, но беспорядочной стрельбой. Однако их потуги были напрасны. Уже через полчаса посланные Халтуриным связные доложили мне, что отряды Задерина и Ботова овладели деревней и теперь вместе с бойцами соседних отрядов ведут бой по уничтожению очагов обороны, расположенных между деревней и мостом.

Бойцы отряда Чернова под огнем противника пересекли железнодорожное полотно и достигли моста. В первых рядах наступавших был командир взвода автоматчиков Чайкин. Бесстрашно действовали бойцы Бойкин, Яременко, Иванов, Александров. Смертью героя пал у моста командир взвода Николай Петрович Иванов.

Выбитые из деревни Савкино, гитлеровцы, однако, укрепились в дзотах и ходах сообщения. А кое-кто из них переправился на противоположный берег реки Неведрянки. Схватка с врагом продолжалась.

Но вот опорный пункт противника удалось окружить с трех сторон. Теперь можно было приступать и к минированию моста. Штрахов и я в это время находились в 100 метрах от моста и в 30—40 метрах от дзотов противника. Связной, вернувшись из отряда Панова, доложил, что подрывники с большим количеством взрывчатки попластунски, под сильным огнем противника продвигаются к железнодорожному полотну. Но они устали и двигались медленно. Майор Штрахов приказал начальнику штаба бригады Кузнецову выделить взвод бойцов для оказания помощи в доставке взрывчатки и лично обеспечить мини-

рование. Вместе с тем были приняты меры к подавлению дзотов.

В разгар боя на берегу реки между мостом и деревней фашисты подожгли сарай. Его пламя осветило прилегающую местность. Теперь гитлеровцы хорошо видели наступавшие партизанские цепи и усилили огонь.

Горестную весть принес связной одной из бригад: смертельное ранение получил уполномоченный штаба партизанского движения Иван Иванович Веселов. Это случилось, когда партизанские цепи достигли проволочных заграждений противника. На mine подорвались командир взвода Кулешов и политрук Максименко. Казалось, атака вот-вот может захлебнуться. Тогда Веселов взял у бойца Шарапова ручной пулемет и бросился вперед, увлекая за собой партизан. И тут вражеская пуля сразила этого прекрасной души человека, опытного командира.

Ружейно-пулеметным огнем партизан, наступавших от деревни Савкино, и взвода автоматчиков, действовавших от железнодорожного моста, гитлеровцы на противоположном берегу реки были уничтожены. Командир отряда В. Ф. Задерин, воспользовавшись этим, поручил нескольким бойцам спуститься к реке и разведать обстановку. Те вскоре вернулись и доложили, что берег свободен. Задерин принимает решение занять его. Взобравшись на откос, смельчаки забросали гранатами огневые точки врага.

Теперь основной опорный пункт противника был полностью окружен на участке размером 200 на 200 метров. Я приказал осторожнее вести огонь: стрелять тогда, когда боец твердо убежден, что он не поразит своих. В ход пошло оружие ближнего боя. Партизаны, пробираясь через проволочные заграждения, начали забрасывать фашистов гранатами. Сопротивление противника стало ослабевать и вскоре прекратилось. Разгром вражеского гарнизона завершился его полным истреблением.

В 6 часов утра прогремело два мощных взрыва. Посланные на мост разведчики вскоре доложили: одна ферма моста упала в воду, а другая — подорвана и повисла над рекой.

Отряды начали отходить в южном направлении.

К тому времени к нам прибыл связной из группы Лукьянова. Он сообщил, что в разгар боя за Савкино противник направил из Идрицы подкрепление на нескольких автомашинах. Они натолкнулись на наш заслон. Первая

автомашина подорвалась на противотанковых минах. Остальные повернули обратно.

К 7 часам утра нам были известны и результаты сражения на других участках. Отряды бригады под командованием Михаила Алексеевича Ершова внезапно ворвались в поселок Могильно и овладели им после короткого боя. Были подорваны и сожжены два крупных шоссежных моста на реке Неведрянке. Полному разгрому подвергся и гарнизон станции Нащекино. Партизаны уничтожили путевое хозяйство, подорвали в нескольких местах полотно железной дороги.

Мы стали сильнее. Разгром гарнизонов теперь часто вел к освобождению от оккупантов многих деревень. И освобождались они не на неделю или месяц, как раньше, а навсегда. Летом 1943 года партизаны стали фактически хозяевами обширного края, где население признавало только одну власть — Советскую.

БРАТСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ...

Думается, что каждый бывший партизан калининских бригад, а также белорусских и латышских формирований в тылу врага, прочтя эти два слова, добавит третье — «край». Добавит с чувством гордости, ибо братский партизанский край — яркая, поистине золотая страница истории народной войны на оккупированной территории нашей Родины.

До него существовал первый партизанский край на ленинградской земле, созданный осенью 1941 года. Начало ему положили успешные боевые действия Второй ленинградской бригады под командованием старшего политрука Николая Григорьевича Васильева. Это была огромная территория свободной советской земли во вражеском тылу, протянувшаяся с севера на юг почти на 120 и с запада на восток на 80 километров. Куда больше, чем иные европейские государства. Край образовался на землях Белебелковского и Дедовичского районов Ленинградской и значительной части Ашевского района Калининской области. Это была лесная, непокоренная «республика».

Ленинградский партизанский край стал своеобразным центром притяжения и гражданских людей, желавших пополнить ряды народных мстителей, и уже действовавших тогда небольших партизанских групп и отрядов, стремившихся воевать в составе соединений под руководством опытных командиров. На территории края партизаны накапливали силы, учились подрывному делу, изучали трофейное оружие. Отсюда они уходили на диверсии на железные дороги и шоссе, устраивали налеты на фашистские гарнизоны. Следует отметить такие операции, проведенные партизанами Ленинградского края, как участие в штурме крупного гарнизона гитлеровцев в городе Холм Калининской области в январе, налет на станцию Дедовичи в феврале 1942 года.

Партизаны края с активной помощью населения отбили четыре карательные экспедиции. Боевой счет народных мстителей был весьма солиден. И все же главное заключалось в другом: в 410 населенных пунктах развевались красные флаги, жила и действовала Советская власть. А ведь вокруг были не батальоны, не полки, а целые дивизии вермахта.

О боевых делах, о людях, о жизни Ленинградского партизанского края написано много научных исследований, очерков, рассказов. Есть и немалая мемуарная литература, в частности правдивые и яркие воспоминания И. А. Ступакова, Н. Я. Богданова, М. Л. Воскресенского, А. С. Миролубова и других. Жаль только, что почти во всех этих работах участие патриотов Ашевского района Калининской области в борьбе и жизни края отражено недостаточно.

А вклад ашевцев не мал. Их партизанский отряд «За Родину» одним из первых в округе начал активные действия против оккупантов. Первый секретарь Ашевского райкома ВКП(б) М. А. Куприянов и другие партийные работники немало потрудились, чтобы 35 колхозов района, чьи владения вошли в партизанский край, провели осенью 1941 года уборку урожая, обмолот хлебов, сев 837 гектаров озимых. И весной 1942 года, несмотря на попытки оккупантов сорвать весенне-полевые работы, ашевские колхозники засеяли 430 гектаров яровых культур. В ашевских селах действовали дружины самообороны, боевые группы народного ополчения во главе с уполномоченными и активистами, выбиравшимися или назначавшимися из числа авторитетных местных жителей.

Восстановление Советской власти в тылу врага имело не только военное и экономическое, но и огромное политическое значение. Во-первых, это было проявление жизнестойкости советского строя, массового советского патриотизма. Во-вторых, это вызывало небывалый подъем у советских людей, находившихся в оккупации, новый прилив сил и энергии у партизан и подпольщиков. В-третьих, деморализовало оккупантов, показывало несбыточность намеченных ими целей.

Одним из замечательных проявлений советского патриотизма и пролетарского интернационализма и было создание братского партизанского края в конце 1942 года. Он возник в результате совместных усилий русских, белорусских и латышских партизан.

Этот партизанский край создавался в разгар войны, в условиях более трудных. Линии фронтов были твердо очерчены. У коммуникаций (границы края подходили к одной из важнейших — железной дороге Рига — Великие Луки) гитлеровцы создали множество гарнизонов. В борьбе против партизан охранным войскам вермахта все чаще и чаще помогали полевые.

В такой обстановке образование партизанского края не могло быть и не было единовременным актом, результатом, скажем, большого выигранного сражения. И еще: край не возник бы, не будь с самого начала немецко-фашистской оккупации активных боевых действий и контактов всех борющихся патриотических сил в стыкующихся районах Белоруссии, Калининской области, Латвии.

Фашисты организовывали идеологические диверсии, пытались использовать всякого рода националистические пережитки, стремились разжечь национальную рознь между народами СССР, дискредитировать все то, что сближало и роднило советских людей.

Но враг жестоко просчитался. Не распалась братская семья советских народов. Ибо нет в мире такой силы, которая могла бы разрушить единство свободных народов, совместными усилиями строящих новую жизнь в своем социалистическом государстве.

Народное сопротивление в пограничных районах трех братских республик, возникшее сразу же с приходом фашистов в июле 1941 года, приобрело особенно значительный размах весной следующего года. Фашистские гарнизоны не могли теперь гарантировать спокойную жизнь оккупационным властям, бесперебойную работу их учреждений.

С начала июля 1941 года на Витебщине начал действовать вооруженный отряд народных мстителей во главе с командиром М. Ф. Шмыревым и комиссаром Д. В. Шкредо. В Себежском районе подпольная группа, возглавляемая В. Я. Виноградовым, только в августе 1941 года провела более десяти диверсий, подорвала пять автомашин с гитлеровскими солдатами. Уже к первой военной зиме калининские и витебские партизаны и подпольщики начали координировать свои действия.

В Себежском районе Калининской области партизанские отряды под руководством П. П. Конопаткина, И. С. Леонова и А. С. Володина установили весной 1942 года тесную связь с латышскими вооруженными группами

во главе с А. Громом, Зейлишем, В. Максимовым, Масловским, Дударевым и другими. Они провели несколько совместных боевых операций, в частности на железной дороге, в результате значительный участок линии Лудза — Себеж был выведен из строя.

Летом 1942 года в пограничных с Калининской областью районах Латвии население стало открыто помогать партизанам и советским военнопленным, бежавшим из концлагерей. Рискуя жизнью, латыши снабжали партизан одеждой, продовольствием и оружием, прятали их от гитлеровских солдат и полиции. В ответ на это фашистские власти усилили террор, начались массовые репрессии. Так, было арестовано все население деревни Аудрини, 279 ее жителей были расстреляны, а само селение полностью сожжено. После этой кровавой расправы партизаны совместно с жителями Рундинской волости Лудзенского уезда осуществили ряд вооруженных нападений на мелкие подразделения охранных войск, полицейские посты и управы.

Успешно действовали калининские и белорусские отряды партизан в южной части Невельского района Калининской области. Они вывели из строя значительную часть железной дороги Полоцк — Невель, только в июне одиннадцать раз подрывали железнодорожное полотно. «Боевые действия партизан, — писала 12 августа 1942 года газета «Витебский рабочий», — взбудоражили всю железнодорожную администрацию участка Полоцк — Невель. На ноги поднята вся охрана, жандармерия, собаки и т. д. А случилось вот что. На перегоне Полоцк — Невель, несмотря на сильную охрану оккупантов, неожиданно взорвались два воинских эшелона. Под откос полетели вагоны с боеприпасами и солдатами, платформы с самолетами и танками, цистерны с горючим».

Широкий размах народного сопротивления в пограничных районах трех братских республик, освобождение партизанами значительной части Россонского, Освейского и Дриссенского районов Белоруссии лишили оккупационные власти возможности полностью использовать железнодорожные и шоссейные магистрали для переброски живой силы и техники на фронт.

Фашистское командование вынуждено было на территории Себежского, Идрицкого, Пустошкинского районов Калининской области, а также в пограничных районах Латвии объявить военное положение. В спешном порядке в гарнизоны стали прибывать подкрепления: группы ав-

томатчиков и пулеметчиков. Всюду начали патрулировать бронемашины, танкетки. Фашисты расстреливали всех, замеченных за пределами деревень. В один только Себежский район в конце лета прибыло пять хорошо вооруженных подразделений вермахта.

Штаб охранных войск фашистских армий группы «Север» готовил крупную карательную экспедицию против калининских партизан, но в это время (сентябрь 1942-го) на оккупированную территорию стыкующихся районов трех республик с боями вошел Калининский партизанский корпус. Начался его рейд.

Идея этого рейда родилась в оперативной группе при Военном совете 3-й ударной армии. Под руководством оперативной группы и формировался корпус в селе Купуй Великолукского района. Командиром его был назначен Василий Васильевич Разумов, кадровый военный, участник советско-финляндского конфликта, награжденный еще тогда орденом Красного Знамени. Капитан Разумов к этому времени достаточно повоевал в частях Западного и Брянского фронтов.

Умного, масштабно мыслящего руководителя корпус имел в лице своего комиссара Алексея Ивановича Штрахова. Дипломат, участник гражданской войны в Испании, организатор партизанских отрядов в дни Великой Отечественной — таковы некоторые вехи его биографии. Опытным военным был начальник штаба корпуса майор И. И. Веселов.

В корпус были сведены большинство бригад и три отряда калининских партизан. Войдя на оккупированную территорию, корпус развернул наступление на участке Невель — Железница протяженностью 30 километров. Партизаны уничтожили фашистские гарнизоны в Новохованске, Железнице и других населенных пунктах, взорвали несколько железнодорожных сооружений и мостов.

Попытки трехтысячного вражеского войска окружить в конце сентября основные силы корпуса не увенчались успехом. Отразив наступление врага на свой опорный пункт — деревню Артемовку, передовые части корпуса овладели переправой через реку Язницу и удерживали ее до подхода основных сил. Разгром наступавших вражеских подразделений показал силу и способность народных мстителей наносить гитлеровцам серьезные удары и в открытых боях.

В ночь с 17 на 18 сентября белорусские и калининские

партизаны под командованием Р. А. Охотина начали наступление на крупный гарнизон в местечке Россоны. После артиллерийской подготовки партизаны пошли в атаку. Не выдержав натиска, гитлеровцы обратились в бегство. Их косили пулеметные и автоматные очереди народных мстителей, находившихся в засаде. Партизаны ворвались на улицы местечка; над зданием райисполкома взвился красный флаг.

В сентябре — октябре 1942 года бойцы Калининского рейдового корпуса провели 56 крупных боев с противником, разгромили 13 вражеских гарнизонов, в том числе в населенных пунктах Долосцы, Аннинское, Дубровка, Балашев, Щукино, Нащекино, Слободка, уничтожили пять полицейских гарнизонов, 16 волостных управ в Идрицком, Опочецком и Себежском районах, пустили под откос 69 воинских эшелонов, уничтожили 53 километра телефонно-телеграфной связи.

«Население радостно встречает проходящие отряды партизан, — писал в одном из отчетов комбриг Ф. Т. Бойдин. — Женщины выносили на дорогу хлеб, молоко... Матери фронтовиков плакали от волнения, обнимали и целовали партизан».

В ряды партизанского корпуса вливались все новые и новые силы. За время его боевых действий были созданы еще две партизанские бригады и несколько крупных отрядов. Численный состав корпуса вырос почти в два раза, главным образом за счет крестьян.

В конце 1942 года корпус был расформирован. Бригады, входившие в него, до конца оккупации действовали как самостоятельные боевые единицы.

Рейд корпуса как бы подвел завершающую черту в борьбе за создание братского партизанского края. Была освобождена обширная территория, протянувшаяся с востока на запад почти на 100 километров, а с севера на юг почти 80 километров, с населением более 100 тысяч человек. В братский партизанский край кроме значительной части Россонского, Освейского и Дриссенского районов Белоруссии, пограничных уездов Латвии входило более половины населенных пунктов Себежского, Идрицкого и южной части Пустошкинского и Невельского районов Калининской области, занятых фашистской группой армий «Север».

В одном из донесений гитлеровской службы безопасно-

сти, перехваченном калининскими партизанами, говорилось: «Движение по дорогам из прифронтовой зоны в зону гражданской администрации, вследствие перекрытия шоссе между Идрицей и Себежем, а также Полоцком и Дриссой, фактически прекращено. В ходе действий партизанам удалось овладеть районом настолько, что они превратили его в неприступную оперативную базу, служащую для подготовки дальнейших действий».

Неприступная оперативная база! Враг точно определил военное значение братского партизанского края.

Характеризуя братский партизанский край, было бы совершенно неоправданно рассматривать только его военную историю. На этой территории, где люди могли жить по советским законам и которая поэтому часто называлась Малой советской землей, велась не только вооруженная борьба, но и протекала также очень сложная хозяйственная, политическая, общественная и культурная жизнь, своеобразно складывался быт населения. Во многих населенных пунктах здесь на протяжении ряда месяцев и даже лет располагались отряды и крупные соединения партизан. Вооруженная часть народа в результате этого была тесно связана с широкими слоями населения, со всей его обычной жизнью.

Здесь под руководством подпольных парторганизаций народ осуществлял свою родную Советскую власть. Однако надо иметь в виду, что партизаны, как указывал М. И. Калинин, восстанавливали в тылу гитлеровских войск Советскую власть «не мирного времени, а оцетинившуюся всеми доступными видами вооружения для борьбы с заклятым врагом». Это определение имеет глубокий смысл. Оно указывает на то, что органы Советской власти в тылу врага существовали в иных формах, чем в мирное время. Сельсоветы и даже райисполкомы, а также отдельные представители их не прерывали своих функций и после вторжения гитлеровских войск. В условиях борьбы с фашистским оккупационным режимом они вынуждены были отказаться от прежних форм коллегиальной деятельности, от сессий, многолюдных совещаний и заседаний. Все вопросы эти органы и их представители решали теперь оперативно, в рабочем порядке, по-военному. Но когда позволяла обстановка, местные Советы для поднятия активности населения проводили в отдельных случаях некоторые свои мероприятия на широкой коллегиальной основе.

Процесс восстановления Советской власти в тылу вра-

га приобретал наибольшее разнообразие на территориях партизанских краев.

Чрезвычайная сложность развивавшихся на оккупированной территории событий приводила к тому, что в ходе всенародной борьбы против гитлеровских захватчиков повсеместно происходило стирание граней между формами возродившихся довоенных органов Советской власти и вновь выраставшими формами этой власти из вооруженных отрядов народа, боровшихся против врага. Довоенные органы Советской власти становились одновременно органами партизанской борьбы, а партизанские отряды и бригады, наоборот, осуществляли функции органов Советской власти. Об этом говорится почти во всех мемуарных произведениях участников вооруженной борьбы в тылу врага. Исполнение партизанскими отрядами функций Советской власти носило законный характер в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», изданным уже в первый день войны. Самой важной и надежной юридической основой военной власти партизанских отрядов являлось то, что она признавалась и поддерживалась самим населением в тылу врага как Советская власть.

Возрождаемые органы Советской власти стали приобретать весьма своеобразные формы. Осенью 1943 года калининские партизаны широко использовали ашевский опыт первого года войны по созданию оргтроек — органов Советской власти на оккупированной территории. Тройки создавались из местных активистов. Во главе их были, как правило, депутаты районных Советов. Члены троек жили в деревнях, население обращалось к ним, как раньше в сельсовет или райисполком. За все время не было случая, чтобы местные жители выдали фашистам кого-либо из членов тройки. По мере расширения территории партизанского края оргтройки расширяли коллегиальность своей организационной работы. Они назначали своих уполномоченных по отдельным деревням или группам деревень. Иногда ими были прежние председатели сельсоветов. Все они были вооружены и облечены особыми полномочиями. Большинство таких уполномоченных были в курсе партизанских действий и выполняли все наказания оргтроек. Сами они редко ходили к месту расположения партизанских бригад, зато связных посылали часто. Районные тройки созывали широкие совещания советского, колхозного и партизанского актива.

В дни, когда начался массовый угон населения и уничтожение огнем поселков и деревень на путях отступления фашистских войск, уполномоченные приводили под защиту партизан жителей сел и деревень. Фашисты неоднократно пытались захватить охраняемое партизанами население, но каждый раз получали отпор.

В братском партизанском крае родилась и такая форма управления хозяйственными и административными делами, как комендантские участки. В их деятельности преобладали административные методы руководства. Комендантский партизанский участок объединял обычно два-три сельских Совета. Территория Себежского района, например, была разделена на семь комендантских участков: Осынский, Луташевский, Ормейский, Свердловский, Дубровский, Томсинский, Ленинский. Для исполнения обязанностей комендантов были выделены местные товарищи, знавшие работу довоенных сельских Советов.

Одним из первых партизанских комендантов в этом районе стал Алексей Орлов, себежанин, получивший в свое время хорошую закалку на заводах Ленинграда, работавший в канун войны председателем сельсовета. Умелый организатор, смелый и энергичный человек, А. Орлов довольно быстро наладил более или менее нормальную жизнь в деревне. Непосредственное руководство комендантами и старостами в Себежском районе осуществлял Павел Силантьевич Васильев, работавший до войны секретарем райисполкома. Он стал своеобразным председателем подпольного исполкома райсовета.

Восстановленные в такой форме органы Советской власти решали задачи сохранения продовольственных запасов, личного имущества и общественных материальных ценностей, регулирования заготовок провианта и одежды для партизанских отрядов, для людей, пострадавших от немецко-фашистских захватчиков, организации спасения гражданского населения во время карательных экспедиций гитлеровцев.

Во многих населенных пунктах края велась механическая обработка зерна, работали различные мастерские: швейные, сапожные, сапоговаляльные, дубления кож и др. Только в деревнях зоны действия бригады Н. М. Варакова за лето 1943 года было изготовлено 250 кож для обуви, 1700 овчин, много валенок. Колхозные кузнецы наряду с ремонтом сельскохозяйственного инвентаря делали ежи

для разбрасывания их по дорогам, по местам передвижения немецких автомашин.

Под руководством представителей возрожденных Советов решались и все гражданские дела. В деревнях, где были учителя, ребята ходили в школу. Работали медпункты.

Командование партизан совместно с комендантами участков установило систему паспортизации. Все документы, оформлявшиеся комендантами населению и партизанам, просматривались в штабах партизанских бригад. После этого выдавался официальный документ, скрепленный круглой печатью с пятиконечной звездой и наименованием партизанской бригады, расположенной на территории данного комендантского участка.

Одним словом, на освобожденной от фашистов территории партизанского края не было организационного вакуума, какого-либо безвластия. Освобождалась территория, и сразу же начиналось возрождение органов Советской власти, их активная деятельность.

Эти органы осуществляли свою деятельность, исходя из Конституции СССР и советского законодательства, так как Верховный Совет и правительство СССР не отменяли и не приостанавливали действия советских законов на временно оккупированных гитлеровцами территориях.

Все органы Советской власти во вражеском тылу работали под руководством партийных организаций. Советские люди, находясь за линией фронта, получали постоянную помощь и указания своей партии, руководствовались этими указаниями в повседневной жизни и борьбе. Многие работники, входившие в состав Советов, были коммунистами, которым народ всегда оказывал исключительно большое доверие. В свою очередь довоенные советские работники нередко возглавляли в тылу врага подпольные партийные организации.

Границы братского партизанского края в период борьбы с гитлеровскими карательными экспедициями изменялись. Но, несмотря на это, партизаны пограничных районов трех советских республик постоянно держали в своих руках значительную часть этой территории. В южной части края находились белорусские бригады под командованием Р. А. Охотина, И. К. Захарова, Г. П. Герасимова и других. В северной части располагались калининские партизанские бригады под командованием В. И. Марго, А. М. Гаврилова, Ф. Т. Бойдина, С. Д. Буторина, В. М. Ли-

совского. Западную часть края защищали латышские партизаны под командованием В. П. Самсона. В восточной части действовали калининские и белорусские партизанские отряды.

Командование вермахта, конечно, не могло смириться с существованием братского партизанского края.

Осенью 1942 года противник повел наступление тремя эшелонами. Первый действовал сильными мобильными группами, двигаясь по большакам и лесным дорогам, взламывая партизанскую линию обороны. Вторым забирал в плен мирных жителей и отстававших партизан. Третий прочесывал леса, уничтожая всех встречавшихся на пути.

Развернулись тяжелые бои. Партизаны мужественно отстаивали каждую пядь края. За их линией обороны скопилось свыше 25 тысяч мирных жителей. Попытки карателей окружить народных мстителей и при помощи танков и артиллерии расправиться с непокорным населением провалились. Объединенные силы партизан под командованием И. К. Захарова, В. М. Лисовского, Г. П. Герасимова сами перешли в контрнаступление и заставили врага очистить значительную часть братского края.

Под ударами Советской Армии в районе Невеля немецко-фашистские войска вынуждены были отступать. Линия фронта переместилась на территорию братского края. Ряд партизанских бригад и Оперативная группа ЦК КП Латвии оказались на линии фронта и подвергались постоянным нападениям немецких фронтовых частей. Центральный штаб партизанского движения отдал приказ о выводе в советский тыл населения, отдельных отрядов народных мстителей и Оперативной группы ЦК КП Латвии. Согласно разработанному плану, первая ударная группа белорусских и латышских партизан под командованием И. К. Захарова и И. В. Лайвиньша в ходе двухдневных ожесточенных боев прорвала оборону врага на реке Нице и соединилась с Советской Армией. В советский тыл были выведены тысячи мирных жителей. Вторая ударная группа калининских партизан во главе с В. М. Лисовским при попытке прорыва линии фронта, встретив ураганный артиллерийский и пулеметный огонь противника, вынуждена была прекратить наступление и отойти в глубь партизанского края. И все-таки, несмотря на эту неудачу, значительную часть мирного населения удалось переправить на советский берег реки Ницы.

В конце января — начале февраля 1944 года Советская

Армия соединилась с защитниками братского края на значительной части территории пограничных районов трех советских республик. Последующие действия партизанских бригад развертывались уже на меньшей территории, включавшей часть Себежского, Идрицкого, Красногородского районов Калининской области, Зилупского, Лудзенского уездов Латвии, Россонского, Освейского и других районов Белоруссии.

Весной и летом 1944 года население Себежского, Идрицкого, Опочецкого, Красногородского и других районов вынуждено было из-за неоднократных карательных экспедиций вести бродячий образ жизни. Жители переходили с места на место вместе с партизанскими отрядами. Все это стесняло действия партизанских бригад, демаскировало расположение отрядов, а во время боев было помехой.

В этой обстановке Калининский обком ВКП(б) обратился в Центральный Комитет партии с просьбой выделить самолеты для спасения детей, раненых и больных. Эта просьба была удовлетворена. Большую работу провели партийные органы, партизаны. 22 июня с помощью выделенных 25 самолетов началась эвакуация детей. Всего с 22 июня по 31 июля 1944 года было сделано 347 самолето-вылетов, вывезено из тыла противника: раненых партизан — 105, матерей — 93, детей — 1571.

В ходе этой операции в тыл к партизанам были брошены боеприпасы, оружие, медикаменты, соль, продукты питания, обмундирование.

Летом 1944 года в ходе жестоких боев с немецко-фашистскими захватчиками партизанские соединения братского края вышли навстречу наступающим частям Советской Армии. Территория края слилась со всей свободной советской землей.

ЧЕРЕЗ ГОРНИЛО ИСПЫТАНИЙ

«Преследовать их значило бы гоняться за ветром, а окружать их было бы то же, что стараться удержать в решете воду».

Так писал о партизанах прошлых времен известный английский писатель Вальтер Скотт, чьи исторические романы высоко ценил Владимир Ильич Ленин. В кабинете Вальтера Скотта висел портрет русского партизана Дениса Давыдова.

В годы минувшей войны мне было доверено командовать партизанской бригадой, носившей имя этого легендарного героя. Действовала бригада в 1943—1944 годах в Себежском, Идрицком, Опочецком и Пустошкинском районах. Воевать же я начал, как и большинство советских людей моего возраста, в первые дни Великой Отечественной.

Продавец хлеба

Представляю, как удивились бы те, кто помогал нам, партизанам, совершать диверсии на коммуникациях врага и верил каждому нашему слову, увидев меня летом сорок первого за прилавком хлебного магазина в городе Нелидове. И очевидно, вознегодовали бы, узнав некоторые вехи моей «биографии»: уголовник, отбыл наказание в советской тюрьме. Но такова была легенда, с которой меня направили в город с целью разведки органы государственной безопасности.

Моему появлению в Нелидове предшествовал короткий и напряженный курс подготовки к работе в тылу врага: обучение тайнописи, шифровальному делу, вживание в роль антисоветского элемента. День и ночь я заучивал детали легенды, привыкал к новой фамилии, всматривался

в документы, по которым мне предстояло жить. Чтобы не попасть впросак, пришлось тщательно изучить расположение камер и двора Калининской тюрьмы, ее внутренний распорядок, «тюремный язык». Вместе со мной готовился к разведывательной работе на оккупированной территории мой товарищ Саша Громов.

За короткий срок, который был отпущен для подготовки нас как разведчиков, нельзя научиться всему тому, что потребуется знать и уметь, да и вообще у разведчика нет рецептов на все случаи жизни. Непредвиденное случилось уже в первые дни. Я никогда раньше не работал за прилавком. Знакомство с профессией продавца хлеба у меня было чисто визуальное. Бывало, до войны в булочных любовался, как легко орудуют у весов люди в белых халатах. Хлеб тогда чаще всего продавался на вес — не так, как сейчас, штучными буханками. Попросишь взвесить килограмм — продавщица возьмет буханку, положит под широченный нож, укрепленный на замысловатом коромысле-рычаге, — раз! И готово — получай свой килограмм...

Мне же пришлось работать продавцом в военное время, когда хлеб не продавался в количествах, сколько кому захочется, а отпускался по спискам — по полкило, триста, двести и даже сто граммов. Вот и попробуй, не имея никакого опыта, от двухкилограммовой буханки точно отрезать двухсотграммовый кусочек...

Но я резал. Часто ошибался. Положишь на весы, а они показывают не двести, а несколько больше. Отрезаю лишнее, но теперь получается меньше нормы. Очередь волнуется, а у меня растет гора обрезков.

Такая работа грозила привлечь внимание ко мне. Пришлось срочно внедрять своего человека в пекарню. С его помощью в магазин стало поступать хлеба на буханку-другую больше. И я теперь, если весы показывали чуть-чуть лишнее, не стремился орудовать ножом.

Обстановка перед занятием города фашистами была напряженной. Прибывавшие беженцы вольно или невольно сеяли зловещие слухи. Находились «очевидцы», уверявшие, что видели танки, сотни танков. Умы тревожились. Приход гитлеровцев жители Нелидова встретили встревоженно, но в первые дни оккупации даже отдельные отщепенцы никак не проявили себя. У людей доминировало убеждение: не сегодня-завтра фашистов погонят обратно.

В городе были оставлены советские разведчики. Мое

положение облегчало их работу. Связь имел с ними по паролю. Кто я, они не знали, возможно, догадывались, что чекист.

Чем мы занимались?

В основном военной разведкой.

В городе останавливались и через него проходили многие части и подразделения вермахта. Вот мы и составляли «досье» на них, оперативно передавая его своему командованию. Тут главное выдержка и быстрота ориентировки. Ведь это только в плохих кинофильмах у разведчика сверхволевые черты и какой-то исключительный нюх.

Всякая война, а минувшая особенно, — событие со многими неизвестными. Наше руководство интересовали порядки, устанавливаемые гитлеровцами на захваченной территории, экономические мероприятия оккупационных властей. И мы сообщали такие сведения. Ну а выход своим настоящим чувствам давали во время диверсий. Боевые вылазки совершали только тогда, когда условия позволяли действовать наверняка. Так, нам с Сашей Громовым удалось в районе озера Цебло подорвать два средних фашистских танка.

Пришло время возвращаться к своим. Ночью со всеми предосторожностями я и Громов переплыли реку Ловать в районе города Холма. Здесь же на берегу были задержаны боевым охранением Красной Армии. У нас были изъяты документы прикрытия, с которыми мы действовали в тылу врага. У меня отобрали паспорт, военный билет, справку о судимости и отбытии наказания, два пистолета и гранату...

Пиковое положение

— Расскажите, какое задание вы получили от немцев?

Этот настойчивый вопрос, повторенный следователем уже в который раз, снова прервал мой рассказ о том, кто я есть на самом деле. Моя попытка доказать, что я — Назаров, советский разведчик, а не фашистский шпион, опять не увенчалась успехом. Раздосадованный следователь приказал возвратить меня в камеру. Он предупредил, чтобы я крепко подумал и на следующем допросе не выкручивался, а откровенно признался во всем.

Пиковое положение! В глазах своих же товарищей я предстаю как фашистский агент! Правда, обо мне, как

и о Саше Громе, должны сделать запросы в нужные инстанции. Но время военное, обстановка на фронтах тяжелая, и в такой ситуации всякое возможно. Я мысленно ставил себя на место следователя и убеждался: без доказательств извне иначе он поступить не мог. Дело еще осложнялось тем, что в тюрьме находились и действительно заброшенные в тыл Красной Армии фашистские разведчики в форме работников милиции.

Каждый человек в трудные, поворотные дни своей жизни вспоминает прошлое. В перерывах между допросами, находясь в камере, я перебирал в памяти свою жизнь. Вспомнил детство, прошедшее в поселке шахты № 6 «Красная звезда» Буденновского района Донецкой области. Затем учеба в школе, на рабфаке. Работа в шахте. Снова учеба — в Рубежанском химико-технологическом институте Ворошиловградской области.

С четвертого курса был призван в органы государственной безопасности. По окончании специальной школы получил направление в город Калинин. Хотя и недолго мне довелось работать в городе, приобрел я в чекистской семье друзей. Федя Болденков, Витя Баранов, Ваня Антонов, Вася Гусев. Верные товарищи, преданно любящие свое дело.

Где-то они сейчас? Наверное, в войсках или в спецотрядах. А жена Катюша? Как-то живется ей, тоже моему большому другу? А мама — Прасковья Моисеевна? Небось истосковалась вся без единой весточки от сына. Интересно, что сказал бы в этой ситуации шахтер Владимир Дмитриевич Назаров, мой отец? Конечно, услышал бы его уверенное: «Спокойно, Александр. Все образуется».

Эти мысли заставляли нервничать и успокаивали в то же время. А оно бежало. Но вот однажды:

— Ты как сюда попал?

Это спросил военный, подошедший к группе заключенных на прогулке. Поначалу я не понял, к кому относятся эти слова. Командир подошел ближе и показал пальцем в мою сторону:

— Тебя спрашиваю.

— По недоразумению.

— Ты что, не узнаешь меня?

— Не узнаю.

— А напарник где твой?

И тут меня осенило: значит, знает, кто мы. Я уже веселее ответил:

— Тут же загорает.

Военный был начальником особого отдела армии, где нас инструктировали в последний раз перед выброской на оккупированную территорию, и его цепкая память удержала мой облик. Не будь этого, трудно сказать, как долго бы длилось следствие. А так... Вскоре мы уже получали новое задание.

Далеко за линией фронта

По указанию партийных органов управление НКВД по Калининской области с первого дня войны приступило к осуществлению мероприятий, которые, в частности, предусматривали организацию и подготовку чекистских групп для выполнения специальных заданий на оккупированной территории области. Эти группы, как правило, формировались на добровольных началах из коммунистов, комсомольцев и молодежи, прошедших военную подготовку в армии, или по линии всеобуча, или в организациях Осоавиахима. В тылу врага чекистские группы выполняли разведывательные и контрразведывательные задания, уничтожали фашистских пособников и предателей Родины, совершали диверсии на коммуникациях врага, распространяли советские газеты и листовки, обеспечивали переправу через линию фронта и сопровождали на оккупированной территории ответственных партийных работников и представителей крупных штабов, выводили с временно захваченной территории семьи партийно-советского актива, детей, родители которых были замучены фашистами.

Руководили калининскими чекистами Д. С. Токарев и М. В. Крашенинников. Формирование, обучение и переброску в тыл врага осуществляли чекисты А. Т. Рыжиков, В. А. Максимов, В. Д. Котлов, С. И. Павлов, И. Н. Кураев, М. И. Библов, Г. К. Рассадов, И. С. Деревянко, А. П. Постников и другие товарищи. Особенно большую помощь чекисты оказали Калининскому, а затем 2-му Прибалтийскому фронтам. Так, только в период с 15 июля по 1 ноября 1942 года 27 чекистских групп совершили 60 выходов в тыл врага. На участках железных дорог Новосокольники — Сущево, Новосокольники — Себеж, Новосокольники — Невель, Новосокольники — Великие Луки и Великие Луки — Невель они подорвали 36 воинских эшелонов

противника, уничтожив при этом более 1000 вагонов, взорвали 8 железнодорожных мостов.

Командирами групп были Александр Щеголев, Константин Иванов, Николай Грудин, Федор Яковлев, Виктор Терещатов, Игорь Венчагов, Анатолий Бухвостов, Игорь Чистяков, Александр Лопуховский, Анатолий Нейман, Владимир Веселов. Отважными бойцами себя показали Николай Горячев, Юрий Козлов, Вениамин Чуркин, Юрий Соловьев, Юрий Соколов и десятки других. Много ценных данных о фашистской армии добывали наши мужественные разведчицы М. П. Глазарева, З. И. Рудько-Степанова, А. Д. Крашенинникова. После выполнения первого разведывательного задания мне было поручено командование партизанским отрядом, который совершал рейды по вражеским тылам совместно с 29-м кавалерийским полком 29-й армии.

...Лето 1943 года. Фронт в районе Великих Лук стабилизировался. Гитлеровцы создали глубоко эшелонированную оборону. Партизанским формированиям, в том числе и чекистским, стало крайне трудно переходить линию фронта без боя. Командование приняло решение о создании специальной чекистской партизанской бригады. Формировалась она в городе Торопце. В состав бригады вошли бойцы и командиры чекистских групп, неоднократно выполнявшие задания в тылу врага. Для связи с Центром мы получили радиостанции, опытных радистов.

4 августа с прифронтового аэродрома в поселке Старая Торопа началась переброска бригады на планерах и самолетах в район деревни Гарани Россонского района в Белоруссии. К сожалению, операция не обошлась без потерь. 5 августа один из планеров при посадке наскочил на мину и подорвался: погиб Михаил Пожарский, комсомолец из Торжка, пять человек получили ранения.

Бригаде помимо особого задания поручалось вести разведку и осуществлять контрразведывательную работу в оккупированных врагом западных районах Калининской области и в сопредельных районах Белоруссии и Латвии. В задачу нашу входило также установление связи и контактов с чекистскими группами и разведчиками, действовавшими в тылу врага по заданию органов госбезопасности Калининской области.

В начале сентября из Россонского района мы перешли к месту постоянной дислокации в Себежский район. Сразу же установили связь с Себежским подпольным райкомом

партии. Наш базовый лагерь находился в трех километрах на север от деревни Лубьево, в лесном массиве. Местные жители окрестили нас москвичами, поскольку партизаны были нездешними. Так и закрепилось наименование — Московская партизанская бригада имени Дениса Давыдова.

Наши группы регулярно совершали походы в Идрицкий, Пустошкинский, Кудеверьский, Новоржевский, Опочецкий и Красногородский районы, где дислоцировались разведывательные точки. Собранный «урожай» переправляли в Центр.

В Белоруссию и Латвию ходили на операции, как правило, с местными партизанскими соединениями. На территории братского партизанского края совместно с 3-й, 4-й, 5-й и 10-й Калининскими бригадами и отрядом латышских партизан В. П. Самсона участвовали во всех боях с карателями. В Латвии в Лудзенском районе мы помогли местным партизанам разгромить два вражеских гарнизона.

Не забывали и про диверсии. Так, на железной дороге Москва — Рига, между станциями Идрица — Зилупе, подорвали 12 эшелонов, уничтожив 12 паровозов и более 80 вагонов с живой силой и техникой врага. Помню, как на автомагистрали между Опочкой и Пустошкой в январе 1944 года подбили легковую штабную автомашину. В ней оказались два крупных чина СС: один из них имел звание, приравненное к генеральскому, другой — подполковник инженерной службы. Были захвачены ценные документы.

В организации боевой деятельности бригады и ее повседневной жизни моими первыми помощниками являлись чекисты: комиссар бригады Венямин Яковлевич Новиков, секретарь парторганизации Михаил Иванович Кудрявский, В. Г. Таранченко. Хочется назвать поименно командиров и политработников, совсем еще юных в те годы, но отличившихся во многих боях. Это И. И. Веньчагов, В. И. Терещатов, А. А. Лопуховский, А. Ф. Храмов, В. И. Беляков, Г. П. Богданов, В. С. Разгулов, бойцы А. М. Николаев, М. И. Иванов, В. Д. Соколов, В. А. Беценко, С. А. Алексеев, А. П. Голубев, Н. Н. Ершов, В. Г. Соловьев, Ф. С. Ловиков, Е. И. Бойко, Ю. И. Соколов, П. С. Сергеичев, Б. Н. Ширяев, Н. А. Орлов, С. А. Курзин и наши славные боевые подруги А. Д. Крашенинникова-Васильева, Н. П. Пастухова-Иванова, Е. П. Ловикова-Носова.

С душевной болью я вспоминаю наших товарищей, отдавших жизнь за свободу и счастье Родины, — Героя Со-

ветского Союза Николая Горячева, Филимона Ловикова, Дмитрия Контовского, Эдуарда Лайзана, Павла Чернышева, Владимира Комкова, Виталия Королькова, Федора Шипартизан — Васе Белякове.

Фамилия его родителей, крестьян села Кузнечихи Есеновичского района Калининской области, — Лешкичевы. Однако Васю из-за очень светлых волос в селе прозвали Беляком. И это прозвище настолько пристало к нему, что впоследствии, как это иногда случалось раньше на селе, превратилось в фамилию, которая затем вошла и в официальные документы.

Биография несложная: семилетка, потом Вышневолоцкий текстильный техникум. После второго курса учеба оборвалась: началась война. Отец ушел на фронт, а Вася — на курсы инструкторов-пулеметчиков при Осоавиахиме. В составе истребительного батальона он нес охрану важных объектов, участвовал в спасательных работах после бомбежек, выезжал на ликвидацию вражеских парашютистов и лазутчиков.

После окончания курсов Вася был назначен в партизанский отряд «Мститель». Перед выходом на задание в июне 1942 года его приняли в комсомол.

Хорошо воевал наш юный товарищ. Шесть раз ходил через линию фронта в тыл врага. На его счету шесть подорванных фашистских эшелонов. Летом 1942 года в районе Новосокольников его группа взорвала мост под эшелоном с техникой для железнодорожных ремонтно-восстановительных работ. В октябре 1943 года в районе Себежа Вася Беляков организовал взрыв воинского эшелона. Буквально через несколько минут в него с ходу врезался другой воинский эшелон. По данным разведки, было уничтожено 2 паровоза, 12 вагонов, 2 тяжелых самоходных орудия, ранено и убито несколько десятков фашистов.

В ночь на 5 ноября 1943 года Василий Беляков, Виталий Гребенщиков и Сергей Мочалов шли на связь с разведчиками. В окрестностях Себежа попали в засаду и были окружены врагами. На предложение сдаться они ответили автоматным огнем. В коротком и неравном бою Мочалов был убит, а Беляков и Гребенщиков ранены и захвачены в плен.

Свидетельницей последних дней жизни героев-партизан оказалась жительница города Себежа Ф. К. Громова, содержавшаяся в той же тюрьме, в которую попали Беля-

ков и Гребенщиков. Громова ухаживала за раненым Василием. Она рассказала позже о мужественном поведении наших товарищей. Фашисты несколько раз допрашивали их, пытками и угрозами добиваясь нужных сведений, но партизаны молчали. 10 ноября Вася Беликов скончался. Гребенщикова через несколько дней гитлеровцы расстреляли.

Любители меда

Гром над Невой 14—15 января 1944 года знаменовал начало крупнейшей наступательной операции советских войск «Нева-2». В результате двухнедельных боев несколько дивизий группы фашистских армий «Север» были разбиты, Ленинград освобожден от блокады.

Февраль, март, апрель гитлеровцы доукрепляют оборонительную линию «Пантера», змееобразно вытянувшуюся от Пскова через Остров к Идрице. Возводятся новые дзоты. Усиливается охрана железных дорог и автомагистралей, особенно шоссе Остров — Опочка — Пустошка. На коммуникациях вновь создается густая сеть гарнизонов.

Естественно, все это не могло не интересовать штаб 2-го Прибалтийского фронта, чьи войска вгрызались (в буквальном смысле этого слова) в «Пантеру». И группы армейской разведки, и мы в те дни занимались выяснением обстановки в районах Опочки, Новоржева, Идрицы. Нужны были «языки». Брали, но они в ходе захвата, как говорится, отдавали богу душу. Нас это, конечно, не устраивало.

И тут-то родился дерзкий план: проникнуть в ближайший гарнизон в селе Лобове под видом немецких солдат и «казаков»-власовцев. За выполнение операции взялись Альберт Храмов, Александр Николаев и еще два бойца, которые владели немецким языком. Они оделись в немецкую военную форму, а Храмову и Николаеву пришлось нацепить опознавательные знаки «казаков». Разведчики намеревались выманить или захватить «языка» и скрытно вывезти его.

В случае провала отход группы должны были прикрывать пулеметный расчет и бойцы, вооруженные снайперскими винтовками. Они расположились в кустарнике на возвышенности, недалеко от села.

Перед тем как отправиться в путь, партизаны соответствующим образом обработали себя самогоном (прополоскали рот и облили одежду), чтобы действительно выглядеть загулявшими «казаками»-власовцами. К имевшимся бутылкам самогона были прихвачены две курицы и котелок меда.

При въезде в Лобово группа была остановлена сторожевым постом. Партизан, выдававший себя за немецкого солдата, поприветствовал гитлеровцев и сказал, что вот, мол, наконец-то он разыскал вечно пьяных «русских свиней», теперь ведет их в свою часть. Все было так естественно, что не вызвало подозрений. Затем он спросил, где можно остановиться в гарнизоне на час-другой, чтобы отдохнуть и поесть. Гитлеровцы показали на ближайшие дома, объяснив, что там размещено меньше солдат.

Партизаны зашли в один из домов, где находились два обер-ефрейтора, которые согласились перекусить вместе с «гостями». Николаев поставил на стол самогон.

Началось пиршество. Обер-ефрейторы потчевались усиленными дозами самогона. А на десерт был предложен мед. За едой и выпивкой зашел разговор о том, что в соседней деревне Полихново живут хорошие девчата, у которых есть мед. «Гости» предложили хозяевам съездить туда: эта деревня ведь совсем рядом, за час-полтора можно, мол, управиться.

Обер-ефрейторы согласились. Они быстро оделись, взяли оружие — автомат, карабин и пистолет, а также котелки для меда, сели в сани с Николаевым и поехали в Полихново. Храмов ехал на второй подводе. Он несколько задержался в доме и, пользуясь суматохой, захватил с собой ранцы гитлеровцев.

Как было условлено, партизаны привезли фашистов в деревню Полихново. Сначала им действительно преподнесли угощение — мед в сотах. Они с жадностью набросились на лакомство. Но тут раздалось:

— Хэнде хох!

Николаев схватил принадлежавшие фашистам автомат и карабин. Храмов быстро выдернул из кобуры у одного из фашистов парабеллум. Обер-ефрейторы сначала глупо заулыбались, думая, что это шутка, а затем один из них уронил голову на стол и заплакал. Другой попытался вырваться и выскочить на улицу. Но оба были связаны и уложены в сани.

Вся эта операция проходила среди бела дня и про-

должалась чуть более двух часов. Захваченные фашисты дали ценные сведения и в таком объеме, что радистам пришлось много поработать, чтобы передать их в Центр.

ИМ — НИЗКИЙ ПОКЛОН

Фальсификаторы истории минувшей войны много и надрывно пишут о том, что, дескать, большевики навязали народу партизанскую борьбу. Вступать в полемику со злобствующими антисоветчиками — дело бесполезное, да и ненужное. Уж кто-кто, а бывшие партизаны знают, сколь велика и щедра была поддержка нашей борьбы со стороны населения. Жители оккупированных деревень кормили и одевали нас, собирали разведывательную информацию, добывали вражеские документы секретного характера, выполняли обязанности проводников по незнакомой нам местности, распространяли полученную от нас пропагандистскую литературу.

Много их было, наших добровольных помощников. Всех не перечтешь, но о некоторых не писать не могу.

Большого уважения партизан заслужила жительница деревни Зажогино Новосокольнического района Акулина Андреевна Сергеева. Летом 1942 года она помогла нам совершить диверсию: подорвать два воинских эшелона с живой силой и техникой врага. Ценную услугу нам оказали жители деревни Дмитрово Себежского района С. М. Пахомов, И. С. Кононов и их семьи. Осенью и зимой 1943 года они систематически сообщали в бригаду о передвижении и дислокации фашистских войск. С помощью Пахомова и Кононова в районе разъездов Кузнецовка и Осетки было подорвано несколько вражеских эшелонов, следовавших к линии фронта.

Никогда не забудется имя Анны Александровны Ивановой, учительницы из села Сунгурова Новосокольнического района. Она собирала для нас разведывательную информацию, распространяла в окрестных деревнях газету «Правда» и листовки «Вести с Советской Родины». Нужно было иметь большое мужество, чтобы решиться на это. У нее в семье были малолетний сын и несовершеннолетняя сестра мужа, расстрелянного фашистами.

Г. Т. Трофимову было под 60 лет, когда началась война. Жил он в это время с женой, дочерью и сыном. Трое других сыновей служили в Советской Армии. Трофимова

односельчане хорошо знали и относились к нему с уважением. В свое время он работал председателем колхоза. Когда пришли гитлеровцы и начали назначать старшин волостей, жители Бардовского сельсовета Бежаницкого района попросили Трофимова согласиться на эту должность. Так он стал «слугой» оккупантов.

Несмотря на требования военного коменданта, бардовские коммунисты, оставшиеся в районе, в комендатуру отмечаться не пошли. Всем им на свой страх и риск («Коль придется, так будем качаться на одной березе») Трофимов сам оформил немецкие паспорта. Документами он снабжал и военнопленных, бежавших из лагерей. Многим местным жителям Трофимов помог избежать фашистской каторги — отправки на принудительную работу в Германию.

Наша бригада также установила связь с Трофимовым. Он помогал нам очень активно: информировал о карательных экспедициях, передавал приказы, инструкции оккупантов, касающиеся гражданского управления (надо сказать, что такие документы у немцев строго учитывались). С его помощью было разгромлено волостное управление в селе Монине. Там мы забрали два мешка различных документов, которые затем были отправлены на самолете на Большую землю.

Низкий поклон всем, помогавшим нам в час величайших испытаний!

ТВЕРДЫЕ ШАГИ

Шла весна 1943 года. Минул март, когда, по народному поверью, щука хвостом лед разбивает. Однако лед на многочисленных озерах Идрицкого района еще держался. И о нем мы не раз вспоминали с уполномоченным Калининского штаба партизанского движения Алексеем Ивановичем Штраховым. Я докладывал ему боевую схему разгрома фашистского гарнизона в поселке Сутоки.

Штрахов знал войну не понаслышке. Первую боевую закалку он прошел в Испании в боях с фашистами, а в Отечественную войну был комиссаром Калининского партизанского корпуса (осенью 1942-го). Он согласился с нашим мнением, что наступать на гарнизон с севера рискованно. Там и шоссе проходит, и железная дорога. Противник быстро сможет по ним перебросить подкрепления из крупных гарнизонов в Пустошке и Идрице.

Южное направление тоже было нами отвергнуто. Партизаны других бригад однажды пробовали прорваться из леса к поселку, но безрезультатно. После этого гитлеровцы сильно укрепили южный район. Здесь были сосредоточены главные огневые средства гарнизона. О них я имел точные данные от наших разведчиков. Вот тогда Алексей Иванович и спросил:

— Каково состояние льда на Сутокском озере?

— Понимаю, о чем подумали вы, — ответил я. — Лед еще крепок, но у берегов уже полоса воды шириной метров в двадцать. Не будь ее, один из отрядов послал бы на штурм по льду.

— Но и позади выбранной вами позиции есть озера и речки, — не сдавался Штрахов. — Коль не удастся ворваться в Сутоки, противник прижмет нас к этой водной системе с непрочным льдом.

— А мы обязательно ворвемся, Алексей Иванович. От-

хода без победы не будет. Это не только мое мнение, но и комиссара бригады Козлова, начальника разведки Солдатова. Советовались мы и с командирами и комиссарами отрядов.

— Ну, коли так, благословляю, — улыбнулся Штрахов и официальным тоном сказал: — Приказываю, товарищ комбриг, разгромить Сутокский гарнизон оккупантов!

Сутоки считались трудным орешком. Гарнизон — три сотни гитлеровцев и полицаев. Вооружение — пушка, минометы, десяток пулеметов, у всех немцев автоматы. Проволочные заграждения имелись в изобилии, на предполагаемых опасных направлениях протянуты в три ряда. Кирпичные подвалы нескольких зданий приспособлены для огневых точек. Отрыты глубокие траншеи.

Был ли я, давая заверения уполномоченному штаба, твердо уверен в успехе? Да, был уверен: за плечами отрядов 10-й Калининской бригады успешные бои у деревни Мозули, у Кунглова, у Масловки, результативные диверсии на дорогах, ведущих в Латвию, дерзкие налеты из засад на вражеские колонны на шоссе Красногородск — Опочка.

От боя к бою бригада превращалась в хорошо слаженный, дисциплинированный коллектив. Свой «почерк» уже имели командиры отрядов лейтенант Иван Рожко, 40-летний Иван Николаевич Ветковский, бывший председатель сельского Совета. Отвага и боевое мастерство прекрасно сочетались в действиях командиров групп Михаила Федорова, Константина Сентерева, Василия Орехова, Владимира Кирьянова, Ивана Пащенко, Виктора Артемьева. Гордостью бригады был командир взвода разведки Сергей Шуваев, ленинградец, балтийский моряк...

Штрахов уехал, я вышел на улицу. У деревьев кое-где еще виднелись бурые кольца осевшего снега. Светило солнце. Весенние капли с радостью постукивали — теть, теть. Апрель входил в силу: «зажги снега, заиграй овражки».

Итак, решено было штурмовать Сутоки с северо-запада, со стороны болота, окаймляющего озеро. Отсюда партизаны вряд ли нападут — решали мы задачу противника — местность от поселка совершенно открытая. Датой штурма наметили ночь с 13 на 14 апреля. Нам в помощь Штрахов приказал выделить отряд Александрова из Второй бригады и одну пушку.

И вот мы в пути. Идти не близко — более трех десятков километров. Отдал приказ всех встречных людей за-

держивать, дабы каким-либо образом до Суток не донеслась весть о приближающейся опасности.

Необычное задание получил командир отряда имени Кирова Поздняков. Ему во главе усиленного взвода предстояло скрытно подойти как можно ближе к гарнизону, окопаться и открыть сильный огонь, создавая видимость направления главного удара.

— Шуми как можно громче, Петр Захарович, — говорил я ему, ставя задачу. — Не жалейте патронов и глоток тоже.

— Будет сделано, товарищ комбриг, — заверил Поздняков.

Основной удар наносился с запада на восток силами отрядов «25 Октября» (командир И. Н. Ветковский, комиссар В. А. Федоров), «Смерть оккупантам» (командир И. П. Рожко, комиссар В. С. Антипов) и отряда имени А. А. Жданова (командир И. В. Жуков, комиссар Н. А. Волков). Резерв (командир А. М. Солдатов) обосновался на высоте «108,9», где находились командный пункт и подполковник Штрахов с группой автоматчиков. Отряд Второй бригады под командованием Андрея Андриановича Александрова оседлал шоссе на Идрицу, откуда могла поспешить помощь гарнизону.

Ночь, обычная союзница партизан, поначалу не хотела помогать нам. Выкатился месяц, и мне, глядя на него, пришлось отодвинуть начало штурма с 2 часов на 3 часа. Правда, час этот не пропал даром. Командиры присмотрелись к местности, бойцы по-пластунски, прижимаясь к не оттаявшей по-настоящему земле, поползли на исходные рубежи.

Ближе всех к противнику расположил своих разведчиков-гранатометчиков Сергей Шуваев. Как всегда, на нем был бушлат и лихо сдвинутая на затылок мичманка. Человек необузданной отваги, он никогда не расставался с морской формой. Бывало, ему скажут ребята:

— Серега, надень что-либо потеплее. Ведь зима все-таки.

Он в ответ:

— В бушлате начал воевать, в нем и до Берлина дойду.

...3 часа 5 минут. Первый выстрел. Секунда, вторая, и засверкало все окрест. Не стрельба — сплошное огневое клокотание.

— Молодец Поздняков!

Это кричит Фаина — наш комсомольский вожак. Храб-

рая, умная девушка. В бригаде лишь командование знает, что Фаина не настоящее имя Сауликовой. Мария превратилась в Фаину в дни учебы в спецшколе ЦК комсомола. Не раз переходила Фаина линию фронта. И это в неполных 18 лет.

А Поздняков действительно был молодцом. Фашисты клюнули на нашу удочку и открыли по отряду огонь из всех видов оружия. Этим воспользовались Шуваев и его товарищи, приблизившиеся первыми к Сутокам, — на пулеметные гнезда, на дзоты обрушились гранаты.

Я дал сигнал ракетами начать общую атаку. Ночь сменила светлые тона на более темные, что было нам на руку, но трассирующие пули освещали низину, которую предстояло преодолеть бойцам. И тут гитлеровцы, поняв свою ошибку, начали сосредоточивать огонь по подходам к гарнизону с запада. Часть партизан залегла. Ко мне подошел Штрахов, спокойно сказал:

— Николай Михайлович, промедление — угроза операции.

Я и сам понимал это и крикнул автоматчикам, охранявшим командный пункт:

— За мной, ребята!

Под прикрытием холма мы выбежали на шоссе, идущее от станции Идрица, прыгнули в кювет и поползли к залегшей цепи атакующих. Сзади меня полз Павел Гаврилович Романов — секретарь партийного бюро бригады. Он всегда старался быть там, где накал боя.

Наше появление в цепи не прошло незамеченным. Оно воодушевило партизан.

Сопротивлялись гитлеровцы ожесточенно. Засев в каменных зданиях школы, больницы и аптеки, они губительным огнем отсекали бросавшихся на штурм партизан. Сопротивление врага ломали точными бросками гранат Александр Куклев, Валентин Косткин, Леонид Егоров, Иван Авдохин, Николай Билей, Егор Еремеев, Николай Макеев, Виктор Кузьмин. Сергей Шуваев заметил (заревое пожара хорошо освещало улицы поселка) провода, тянувшиеся от одного из домов. «Узел связи», — догадался наш моряк. Как кошка, скользнул он под пулеметной очередью к зданию, резко размахнулся и, метнув в окно противотанковую гранату, грозно закричал:

— Полундра!

Отважно и умело действовали Валентин Ершов и Владимир Петров. Ершов выиграл дуэль с вражеским пулемет-

чиком, засевшим на чердаке одного из домов. Петров вместе с Шуваевым уничтожили огневую точку на вышке. Она долго прижимала к земле наших бойцов. Путь вперед был открыт. Заплатили мы за него дорогой ценой — последней очередью Петров был сражен.

К 6 часам утра стрельба стала утихать. Участь гарнизона была решена. Чтобы остыть, скинуть возбуждение от боя, я прошел к западной окраине поселка, прислонился к стволу большой сосны. По дороге к Сутокам наперегонки неслись десятки подвод. Вначале я не понял, откуда они взялись, потом усмехнулся: хозяйственники и нашей и Второй бригады торопились за трофеями.

Трофеи достались нам большие: десятки автоматов, три исправных пулемета, много провианта. В партизанской походной жизни трофеи имели немаловажное значение.

Штурм Суток получил высокую оценку командования. Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко писал в 1943 году в журнале «Большевик»:

«Такие операции, как операция украинских партизан, разгромивших Сарняский железнодорожный узел... взрыв Савкинского моста и разгром сутокского гарнизона, совершенные калининскими партизанами... войдут блестящими страницами в историю Отечественной войны».

Весна обычно для партизан — трудное время. Половодье, распутица, необходимость перехода на летнюю «форму обмундирования» не способствуют боевой деятельности отрядов. И все же апрель 1943 года для 10-й Калининской был добрым месяцем. Мы провели 11 боев и весьма мало потеряли людей. Шаги наши были теперь твердыми. И пожалуй, лучшее тому свидетельство — повестка дня на объединенном заседании четырех подпольных райкомов партии. Первым вопросом был вопрос о подготовке и проведении весенне-посевной кампании.

Объединенное заседание состоялось в конце апреля. На нем присутствовали первые секретари райкомов: Себежского — Андрей Семенович Кулеш, Опочецкого — Николай Васильевич Васильев, Идрицкого — Владимир Николаевич Вакарин и Красногородского — Алексей Алексеевич Козлов, комбриги Владимир Иванович Марго, Алексей Михайлович Гаврилов, Федор Тимофеевич Бойдин, автор этих строк и представитель штаба партизанского движения Алексей Иванович Штрахов.

Впервые в условиях оккупации мы решали вопрос мирного времени. Весенний сев. Повеяло дорогим, близким сердцу, вспомнились горячие посевные будни предвоенных лет. Конкретно были решены вопросы о семенах, о ремонте сельскохозяйственного инвентаря, о помощи бойцов крестьянам, об охране пахарей. Значительное место отводилось проведению разъяснительной работы среди населения. Помню, с какой настойчивостью и страстностью говорил об этом Андрей Семенович Кулеш:

— Люди земли истосковались по настоящей весенней страде. Где и сеют — сеют нехотя, зная, что почти весь урожай отберут оккупанты. Давайте придем в деревни и скажем крестьянам: «Не бойтесь — сейте больше и лучше. Обещаем вам — не дадим проклятому фашисту пользоваться плодами вашего труда».

На заседании мы поделили и зоны дислокации и боевых действий. За нашей бригадой закреплялась территория между реками Синей и Иссой вдоль границы с Латвией, на юге от железной дороги Себеж — Зилупе и далее на север — земли Красногородского района. Это, конечно, не означало, что мы должны были действовать только в вышеуказанном районе, но разграничение зон позволяло правильной решать продовольственную проблему, укреплять уверенность у местных жителей в скором освобождении от оккупации. «Партизаны не уходят, партийное руководство в районе, значит, близок час изгнания врага» — примерно так рассуждали теперь многие.

Шла речь на заседании и о приближавшемся международном празднике 1 Мая. Наша бригада к этому дню почти удвоилась. Под ее знаменем сражалось 650 человек. Основные силы наши в конце апреля размещались в районе деревни Брод Себежского района. Возвращаясь с заседания бюро подпольных райкомов, я предложил комиссару бригады:

— А что, Алексей Алексеевич, если мы парад своего войска организуем да на него жителей окрестных деревень пригласим?

— Дело говоришь, комбриг, — отозвался Козлов.

На том и порешили. Был составлен первомайский приказ. Текст его сохранился у меня. Перечитывая сегодня написанное нами 35 лет назад, конечно, понимаешь излишнюю многословность вводной части приказа, но мы тогда не баловали людей документами такого рода, а о многом хотелось рассказать. В приказе были такие пункты:

«...2. Завтра, 1 Мая, в 12 часов дня назначаю партизанский парад. Парад провести на поляне северо-западнее деревни Мыленки. На парад вывести все подразделения, свободные от выполнения боевых задач.

3. На парад пригласить гражданское население деревни Мыленки и окружающих деревень.

...5. Моему заместителю по разведке товарищу Солдатову А. М. обеспечить глубокую разведку сил противника.

6. Секретарю партбюро бригады товарищу Романову П. Г., секретарю комитета комсомола бригады тов. Сауликовой М. Г., радистам бригады тов. Щекотихиной К. Н. и тов. Тетеревникову И. М. обеспечить прием информации из столицы нашей Родины Москвы о торжественном заседании, параде и первомайского приказа Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.

...8. Комиссару отряда имени А. А. Жданова товарищу Волкову Н. А. произвести трехкратный салют из минометов в сторону озера Мыленское по установленному сигналу...»

И он состоялся, этот необычный первомайский парад. Местного населения собралось порядочно. В руках у девушек были первые весенние цветы. Чеканя шаг, перед трибуной и народом прошли мои боевые товарищи с оружием в руках. Люди радовались, видя своих защитников. Радовались и мы, чувствуя, что все больше и больше становимся хозяевами края.

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

В ночь на 11 июня 1943 года отряд, которым я командовал, расположился на ночлег в деревне Дашково Себежского района. Выставив дозорные посты, решил пройти по деревне. Хотелось обдумать план предстоящих действий. Мы имели задание произвести крушение вражеского эшелона в районе густой концентрации гитлеровских войск. В данном случае важен был и моральный эффект.

Хороши летние ночи на нашем северо-западе! Таким ароматом трав настояны, что невольно настраиваешься на мирный лад и рождаются трепетные воспоминания о днях довоенной жизни. Как они стали дороги нам в боях и походах, в смертельной борьбе с врагом! Мне много раз доводилось быть свидетелем и участником разговоров, возникших на привалах у неярких партизанских костров. То в одном, то в другом месте слышалось: «А это было, когда мы первый трактор приобрели», «Тогда еще Чкалов через океан не летел...», «А помнишь, на первомайской демонстрации...».

И вот третий военный июнь. Как не похожи они — первый и третий. Робкие партизанские наши шаги в родном краю под Куньей, небольшой тогда отряд в 20 штыков. А на третье лето у нас более 200 партизан только в моем отряде, а их в 1-й Калининской бригаде семь. Прав был комбриг Лисовский, когда после разгрома в мае крупного фашистского гарнизона в деревне Горы говорил на совещании командиров:

— Почему нам удалось истребить почти полностью гарнизон? Почему провалилась попытка идрицкого гарнизона помочь своим солдатам в Горах? Почему наши потери минимальны? Дело здесь, товарищи, не только в храбрости наших бойцов и в приличном вооружении. Главное — мы научились воевать с предварительными расчетами и глубокой разведкой.

В том бою отряд находился в засадах. На минах, поставленных нами, подорвались танк и две машины из 12, посланных из Идрицы в помощь осажденному гарнизону. Колонна вражеских машин вынуждена была остановиться, чем мы немедленно воспользовались. Огнем сковали и не допустили поддержку в Горы...

А утро 11 июня 1943 года началось неожиданно. Ветер принес в деревню «голоса» пулеметов. Они то захлебывались, то строчили медленно, и тогда звук напоминал удары молоточком по наковальне. Стрелял дозорный пост со стороны деревни Старый Пруд.

Я поспешил туда и увидел, как подбитый фашистский самолет идет на посадку к болоту между деревнями Дашково и Залинево. Пробежав метров сорок по осоке, он остановился.

— Быстро окружить болото! — приказал я следовавшим за мной партизанам.

За два года мне и моим боевым товарищам с разным противником довелось иметь дело — с пехотинцами, с танкистами, с солдатами железнодорожных войск, с полевыми войсками, с охранными, с полицаями, а вот с летчиками впервые. К самолету мы приближались осторожно. И не зря. Тяжело, точно кнутом, стеганула у наших ног пулеметная очередь.

— Успокойте фрица, — приказал я минометчикам.

У самолета шлепнулись три наших мины. Мы сделали несколько выстрелов из винтовок. Огонь с самолета прекратился. Мы к нему — пусто. Начали прочесывать болото и захватили шесть гитлеровцев.

— Поищем еще, — сказал я Горбунову, Николаеву и Новотольскому.

Пошли. В осоке что-то шевелилось. Подбежали. Кричу: — Хэнде хох!

Поднялся еще один летчик с пистолетом в руке. Новотольский хотел вырвать оружие, но летчик упредил его — выстрелил в грудь партизану. Я вскинул свой ТТ и отбил гитлеровцу левое ухо. Мы тут же связали пленного.

Как оказалось потом, в самолете кроме экипажа были летчики-пассажиры. Их доставляли на аэродром Урицкое, под Ленинградом. Всего было девять гитлеровцев. Двоим удалось убежать.

На допросе командир самолета обер-лейтенант изрыгал проклятия, с напускной лихостью грозил нам всеми карами небесными, ударил по щеке своего бортмеханика за то,

что тот отвечал на наши вопросы, требовал доставить себя к нашему командованию и назвал партизан бандитами.

— Скажи этому петуху, — сказал я переводчику, — что ему сейчас от нас будет пуля — кугель по-немецки.

Услышав слово «кугель», обер-лейтенант моментально скис. Кто-то из присутствующих бойцов зло сплюнул:

— Сейчас или «Гитлер — капут», или «Мама!» заверещит. В общем, молодец — против овец.

В Себеже и Идрице, конечно, видели самолет и догадались о его судьбе. «Значит, гитлеровцы пожалуют немедля в Дашково», — подумал я. Приказал отряду занять оборону на подступах к деревне и послать связного к комбригу Лисовскому с просьбой о помощи. Самолет мы уничтожили.

Фашисты не замедлили пожаловать. В полдень со стороны Аннинского показались два танка и две роты солдат. Мы встретили их плотным огнем. Гитлеровцы атаковали наши позиции ожесточенно. Одно время успех стал клониться в их сторону. Но тут подоспела к нам подмога, посланная комбригом. Отстояли мы тогда Дашково. К вечеру фашисты убралась восвояси, уволаскивая на буксире подбитый танк.

Пришлось нам в те дни выполнять почти всем отрядом и необычное задание. На шоссе на дороге Опочка—Полоцк, в деревнях Клесино и Старый Пруд, расположились крупные воинские части гитлеровцев. Нужно достать оттуда «языка». Обычно захватом «языков» занимаются группы разведчиков. Но на этот раз у них поиск был безуспешным, а начальство торопило. Вот комбриг и приказал:

— Совитков, хоть сам иди, хоть отрядом действуй, но через три дня мне «языка» доставь. Только не какого-нибудь перепуганного ефрейтора, а заметную фигуру.

Приказ есть приказ. Отобрал я больше сотни автоматчиков, прихватили мы шесть ручных пулеметов и незаметно подобралась к Клесину. Замаскировались в кустах в 800 метрах от деревни. Бойцам сказал: «Кроме меня, никто не должен стрелять». Сидели. Ждали. И дождались. Показался на дороге «оппель-капитан». Я дал по машине короткую автоматную очередь, и она, вильнув, неторопливо съехала в кювет. К ней бросились Михайлов, Зеленев, Николаев, Горбунов.

«Улов» отличный. Схвачен живым гитлеровец, оказавшийся офицером-инспектором 163-й немецкой дивизии.

В машине обнаружен огромный портфель. В нем топографические карты с обозначениями расположения частей и масса других документов. Кстати, один из них был списком неблагонадежных солдат дивизии. Все это несколько позже мы переправили в штаб партизанского движения Калининской области.

Пленный довольно сносно говорил по-русски. В отличие от обер-лейтенанта летчика он сразу стал отвечать на вопросы.

— Льет пули, — определил Иван Тихонович Юхов, наш комиссар, сверив его ответы с картами и документами. — В штабе разберутся.

Захват ценного «языка» доставил отряду немало хлопот. Гитлеровцы быстро обнаружили подбитый «оппель-капитан» и десять суток и днем и ночью преследовали нас крупными силами.

ОПЕРАЦИЯ «РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА»

День 19 июля 1943 года я встречал на лесном аэродроме недалеко от города Невеля. Настроение было отличное: мне предстояла длительная командировка в партизанские бригады, действовавшие в самых западных районах области. Командировка особая: я вез приказ начальника Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенанта П. К. Пономаренко об участии калининских партизан в операции «Рельсовая война», имевшей стратегическое значение для советских войск.

Газета «Правда», излагая задачу ударов по коммуникациям врага, в передовой статье 13 августа 1942 года писала: «Танковый или пехотный полк фашистов — серьезная сила на поле сражения. Но танковый или пехотный полк, следующий по железной дороге к линии фронта на платформах или в вагонах, может быть уничтожен группой партизан в несколько человек. Задача партизан — уничтожить гадину, пока она не вылезла из эшелона, вместе с эшелоном».

Советские партизаны отлично понимали эту задачу и делали все возможное, а подчас и невозможное для ее выполнения. Мне, как начальнику оперативной группы по руководству партизанским движением при Военном совете 3-й ударной армии, поступало немало донесений об упорной и весьма результативной борьбе диверсионных групп на «железке» — так в обиходе партизаны называли стальные магистрали. Вот лишь некоторые из донесений, хранящихся ныне в архиве Калининской области:

«Бригада Бойдина.

26 января 1943 года группой подрывников на железной дороге Идрица — Себеж взорвано 3 железнодорожных моста.

27 января 1943 года на этой же железной дороге группой партизан (старший группы Луппо) пущен под откос

эшелоны, шедший в направлении Идрица. Слетело под откос 8 вагонов, 3 платформы, паровоз, 5 платформ разбито на ж.-д. пути».

«Бригада Максименко.

18 января 1943 года группой подрывников на железной дороге Локня — Сущево в двух местах взорвано железнодорожное полотно, в результате чего произошло крушение эшелона с живой силой, налетевшего на взорванный путь. Разбито 9 вагонов».

«Бригада № 10 т. Вараксова.

9 февраля, в ночь, на железной дороге Себеж — Зилупе взорвано железнодорожное полотно на протяжении 1 км и телефонная связь — 800 м.

...12 февраля на железной дороге Себеж — Зилупе подорван эшелон — 28 вагонов. В результате взрыва разбиты паровоз, 6 платформ с машинами, 4 крытых вагона».

«Бригада № 4 т. Лисовского.

...7 февраля на железной дороге Себеж — Идрица, в районе западнее ст. Запоровка, подорван бронепоезд. В результате разбиты паровоз, платформа с танком, снегоочиститель. Убито 7 немцев из команды бронепоезда».

Так шли наши дела на «железке» день за днем почти во всех бригадах и весной и в начале лета 1943 года. И все же то, что делалось раньше, не могло идти ни в какое сравнение с операцией «Рельсовая война». План ее предполагал одновременный удар по железным дорогам от Курска до Ленинграда с охватом территории протяженностью до 1000 километров по фронту и глубиной до 750 километров. Участниками операции должны были стать и стали орловские, брянские, смоленские, белорусские, калининские и ленинградские партизаны. Главная цель — вывести из строя путевое хозяйство, взорвать как можно больше рельсов. Для этого оперативные группы по руководству партизанским движением при штабах армий забросили партизанам большое количество взрывчатки: 14 565 килограммов тола, 10 тысяч метров бикфордова шнура, несколько тысяч капсюлей, большое количество коробок с саперными спичками, медикаменты. И плюс ко всему этому 5 тонн различных боеприпасов.

Мне не терпелось побыстрее попасть в партизанский край, обрадовать комбригов масштабным заданием.

— Погода нелетная, товарищ подполковник, — доложил дежурный по аэродрому. — Вот-вот начнется дождь. Придется подождать.

И действительно, вскоре дождевая дробь забарабанила в крышу сарая, в котором я расположился с сопровождавшим меня старшим сержантом Василием Макоедовым. Ждать пришлось двое суток.

В дни невольного «сидения» на аэродроме исполнился ровно год моей службы в оперативной группе. Назначение это было неожиданным, и я сейчас с улыбкой вспоминаю, какие неубедительные доводы приводил в штабе армии в доказательство необходимости не разлучать меня с родным полком. Командующий армией генерал-лейтенант Владимир Владимирович Курасов, к которому я был вызван на следующий день, напутствовал меня словами:

— Военный совет уверен, что справитесь. Дело это, Степан Григорьевич, новое, но весьма важное для армии. Беритесь за него и всегда помните: партизаны — родня солдатская...

Во второй половине дня 22 июля дождь прекратился. Вскоре из-за туч показалось солнце. Наш авиатор старший лейтенант Новиков уже возился у самолета. Я дважды подходил к нему, и он дважды предупреждал мой вопрос словами:

— Немножко еще терпения. Чуток стемнеет — и полетим.

И вот пришел этот «чуток». Мы в воздухе. Пролетая над Невелем, попали под сильный огонь вражеских зениток и пулеметов. Прожектора взяли самолет в клещи. Снаряды рвались вблизи, почти рядом. Неожиданно самолет начал стремительно падать вниз. «Видимо, подбили», — подумал я. Но опытный летчик, не один раз летавший к партизанам, выведя таким образом машину из плена прожекторов, уже вновь набирал высоту.

Примерно через час мы благополучно приземлились на Россонской посадочной площадке. Осматривая самолет, обнаружили на крыльях две пулевые пробоины.

— Легко отделались, — сказал я.

— Бывало и хуже, — ответил наш отважный пилот.

Поместив в самолет двух раненых партизан, он вскоре отправился в обратный путь. Июльская ночь коротка, надо было спешить. А я вместе со встретившими меня капитаном Ковальчуком и командиром 3-й бригады Гавриловым пошел в один из отрядов. Он занимал деревню недалеко от аэродрома.

По дороге к штабу обратил внимание на строгий порядок. Деревня жила настороженно. Партизаны вели себя,

как бойцы регулярной армии. Невольно вспомнил, как мне характеризовали в свое время Алексея Михайловича Гаврилова. Начальник штаба партизанского движения Калининской области Иосиф Иванович Рыжиков сказал всего три слова: «Настоящая военная косточка».

Утром Ковальчук и Гаврилов, штаб которого поддерживал регулярную связь со многими белорусскими и калининскими бригадами, ознакомили меня с оперативной обстановкой в районах действия калининских партизан. Была она в основном благоприятной для проведения намеченной операции. После крупных карательных акций в январе — апреле 1943 года против калининских и белорусских партизан фашистские войска активных действий против партизанских сил не вели. Если и возникали серьезные бои, то инициатива исходила от партизан. Повсеместно в крупных гарнизонах гитлеровцы проводили инженерные работы по укреплению и оборудованию опорных пунктов, насыщению их огневыми средствами. Враг чаще стал применять авиацию (пять и более самолетов делали по два-три налета в день) для бомбежки, сбрасывания зажигательных бомб, обстрела из пулеметов мест дислокации партизан и населенных пунктов.

Учитывая, что побывать лично во всех бригадах мне не представится возможным — подпирало время, — я принял решение провести совещание командования бригад в расположении партизанского края. Комбриг Гаврилов направил связистов, знающих хорошо местность, в штабы других бригад. Вызов был продублирован по радию.

27 июля 1943 года с утра начали прибывать командиры и комиссары бригад. Я, побеседовав с каждым из них в отдельности, уточнил обстановку, обеспеченность всем необходимым для проведения операции, расспрашивал о настроении бойцов.

К 12 часам все вызванные товарищи собрались. Я еще раз ознакомил командиров и комиссаров с приказом Центрального штаба, рассказал о положении на фронте в данный момент, об успешных боях наших войск под Курском и о том, как важно в ближайшие дни парализовать стальные магистрали, не дать использовать их командующему фашистских армий группы «Центр» фельдмаршалу фон Клюге для перегруппировки войск и получения помощи. Мы уточнили детали подготовки новых подрывников, ориентировочно определили место командования бригад во время проведения первого массированного удара.

И подготовка началась. Успешно (мне довелось видеть это собственными глазами) шло обучение новых сотен подрывников пиротехническим навыкам, составлялись боевые расчеты на операцию, велась разведка путей подхода и отхода, уточнялись расположение и численность подразделений, охраняющих железнодорожные объекты. Некоторые отряды провели ночное учение на недействующей железной дороге Идрица — Полоцк. В подразделениях бригад были организованы политинформации о битве под Курском и значении операции «Рельсовая война».

Орловские партизаны и некоторые отряды ленинградских партизанских бригад нанесли по коммуникациям врага удары в последний день июля. Все остальные — в ночь с 3 на 4 августа 1943 года.

На долю калининских партизан пришлись ветки железных дорог Новосокольники — Резекне и Невель — Клястицы. За каждой бригадой был закреплен определенный участок.

К местам диверсий шли скрытно. Впереди, как правило, двигалась разведка, за ней группы прикрытия, затем груженые взрывчаткой подрывники. Замыкали движение резервные отряды.

С наступлением темноты боевые расчеты вышли на исходный рубеж. Сигнал — и небывалая канонада потрясла все окрест. Взрыв следовал за взрывом. Канонада ширилась и вскоре стала неумолчной. Взрывы перемежались с перестрелкой и огневыми налетами ударных групп, уничтожавших железнодорожную охрану и мелкие гарнизоны, охранявшие объекты на станциях и разъездах.

Внезапный и мощный удар произвел ошеломляющее впечатление на фашистские гарнизоны. Гитлеровцы решили, что русские прорвали фронт. Некоторые сходились на том, что выброшен крупный десант, который наступает с тыла.

В первую ночь начала «рельсовой войны» калининскими партизанами было перебито более пяти с половиной тысяч рельсов. Для восстановления разрушенного полотна оккупантам пришлось возить из Латвии рельсы, поставить на восстановительные работы и для охраны 4 железнодорожных батальона, части 223-й пехотной и 18-й моторизованной дивизий, бригаду СС, изменить расписание поездов. Если до начала «рельсовой войны» поезда ходили круглые сутки, то теперь их пускали преимущественно

днем в сопровождении идущих впереди дрезин или паровозов с платформами, груженными балластом.

Операция «Рельсовая война» продолжалась и в последующие дни. У ленинградцев особенно успешно рвали стальные магистрали партизаны бригады легендарного Германа. В оперативной сводке штаба Северо-Западного фронта указывались результаты удара бригады по железной дороге Порхов — Псков во второй половине августа 1943 года: полк Сияшкина взорвал 750 рельсов, полк Ярославцева — 600, полк Худякова — 795, полк Ефимова — 817. Фактически это означало: на дороге сплошные рытвины и колдобины, искореженные куски железа и обгорелые телеграфные столбы.

Рос боевой счет и у калининских партизан. Так, командир 1-й бригады Василий Митрофанович Лисовский 29 августа доложил: «...на 28 августа бригадой подорвано 3370 рельсов... За последние дни наши потери — ранено 4. Противник усилил охрану железной дороги за счет войск СС... Приходится действовать под огнем противника. Продолжаем выполнять задачу. Тол прибыл...»

Широким фронтом ведя восстановительные работы, фашистское командование с середины августа резко усилило охрану железных дорог. Через каждые полкилометра гитлеровцы соорудили дзоты. По дороге стали курсировать бронепоезда, ведя беспорядочный огонь по деревьям, кустарнику, лесу. На посты комендантов Себежа, Идрицы, Пустошки штаб охранных войск поставил более энергичных офицеров, наделив их особыми полномочиями.

Но и мы, как говорится, не зевали. В ходе операции меняли тактику: то наносили концентрированные удары — большими силами с боем прорывались к полотну железной дороги, то проникали к нему мелкими группами и там, где враг меньше ожидал появления партизан: вблизи станций, у самых дзотов, в совершенно открытых местах. Особенно хорошо последний прием получался у подрывников бригады чекиста Петра Васильевича Рындина и диверсионного отряда «Смерть фашизму» из бригады Н. В. Шиповалова. На счету подрывников-минеров этого отряда Григория Заритовского, Степана Иванова, Павла Соколова были не только километры взорванных путей, но и много пущенных в те дни под откос вражеских эшелонов.

В журнале «Коммунист» № 8 за 1970 год Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал:

«По опыту своей работы в Генеральном штабе я могу с полным основанием утверждать, что партизанское движение и борьба в тылу врага играли важную роль в общих стратегических планах и расчетах Советского Верховного Главнокомандования и принимались во внимание при разработке крупных наступательных операций».

Операция «Рельсовая война» — яркий пример, подтверждающий эту оценку партизанского движения.

Командир корпуса охранных войск фашистских армий группы «Центр» доносил 31 августа 1943 года в ставку: «Только за один месяц число взрывов увеличилось в тридцать раз». Ничего не скажешь — признание ценное. К середине сентября количество подорванных рельсов на коммуникациях врага достигло почти 215 тысяч штук. Внушительная цифра!

Спустя годы английский историк Джон Фуллер в книге «Вторая мировая война», говоря о боях в России, отмечал: «На огромных пространствах, через которые проходили коммуникации, партизанские отряды играли такую же роль, как стаи подводных лодок в Атлантическом океане». Заподозрить буржуазного историка в особых симпатиях к советским партизанам вряд ли можно.

Участие большинства отрядов калининских партизан в операции «Рельсовая война» вызвало общую активизацию партизанских дел на стыке трех братских республик: России, Латвии, Белоруссии. Калининцы в августе — сентябре 1943 года провели много успешных боев, налетов на вражеские гарнизоны, смелых засад. Вот краткий итог лишь трех из них.

30 августа отряд имени Никонова из бригады Марго разгромил полицейский гарнизон в деревне Макей Себежского района.

2 сентября партизаны бригады Вараковского на станции Кузнецовка сожгли склад зерна в 300 тонн.

11 сентября отряды той же бригады разгромили немецкий гарнизон в деревне Балтино, в 36 километрах севернее города Себежа. Уничтожены склады боеприпасов и продовольствия.

В те дни я побывал во многих отрядах. Как правило, эти посещения оставляли хорошее впечатление. Всюду существовал строго установленный порядок боевых действий, учебы, отдыха. Несмотря на разношерстность состава партизанского войска (по возрасту, по военному опыту),

отряды все больше и больше превращались в хорошо сплоченные, дисциплинированные боевые части.

Утвердились и вошли в жизнь различные службы. В штабах была сосредоточена организация их деятельности: руководство, разработка приказов и контроль за их выполнением, учет личного состава, его подготовка. Военная разведка сочеталась с агентурной в гарнизонах врага. Хозяйственная часть отвечала за организацию питания и выполнение различных ремонтных работ, санитарная служба — за здоровье личного состава.

Конец войны еще не было видно, еще предстояло перенести много трудностей, но у большинства партизан в душе жила твердая вера в нашу победу. Были, конечно, и горькие минуты, когда приходилось хоронить погибших товарищей, но и тогда никакой растерянности, уныния. Лишь звучала сурово клятва: «Отомстим врагу!»

А сколько радости испытывали товарищи, возвратившись с боевого задания без потерь! Во время отдыха кто-нибудь затягивал любимую песню, а то и отплясывал трепака. Однажды в бригаде Федора Тимофеевича Бойдина я стал участником такого импровизированного вечера с песнями и танцами под гармонь. Хороши были эти минуты партизанского отдыха!

15 сентября я получил от начальника штаба партизанского движения И. И. Рыжикова радиogramму о возвращении в оперативную группу. Находился я в то время в бригаде Владимира Ивановича Марго в северной части Себежского района. Чтобы попасть на «партизанский аэродром» в Россонский район, мне, капитану Ковальчуку, ординарцу и сопровождавшим разведчикам предстояло перейти вблизи города Себежа железную дорогу. Прощаясь, Марго пошутил:

— Узнают в гарнизоне, что партизанское начальство дорогу переходит, угостят огнем.

Шутка обернулась правдой. Только мы стали спускаться с горы на луг, как вдруг начался буквально ураганный пулеметный огонь. Но нас уже укрыла гора, а потом лес. Причина столь неистовой стрельбы осталась невыясненной.

Дальнейшее наше «путешествие» прошло без каких-либо осложнений. Из деревни Черепетово, где располагался штаб бригады А. М. Гаврилова, я добрался до «партизанского аэродрома» и вскоре приземлился за линией фронта в расположении наших войск.

19 сентября 1943 года начался второй этап битвы на рельсах — операция, закодированная под названием «Концерт». По целям она явилась продолжением операции «Рельсовая война», но участвовало в ней большее количество партизанских формирований — были дополнительно привлечены многие отряды партизан Латвии, Литвы, Эстонии, Карелии, Крыма. Во многих местах операция «Концерт» продолжалась вплоть до полного очищения области и края от немецко-фашистских захватчиков.

СО СКАЛЬПЕЛЕМ И АВТОМАТОМ

Накануне 30-летия Победы советского народа над фашистской Германией на страницах «Литературной газеты» был опубликован интереснейший диалог двух бывших армейских хирургов — ныне академика В. В. Кованова и заслуженного деятеля науки РСФСР А. Н. Беркутова. Шла речь о подвигах военных медиков на фронте. 72,3 процента раненых в годы Великой Отечественной вернули они в строй. Цифра говорит сама за себя. Это действительно равноценно выигрышу крупного стратегического сражения.

Конечно, партизанские формирования были всего лишь младшим братом армии. Но и у «младшего брата» в строй возвращались многие бойцы. А условия работы партизанских врачей значительно отличались от армейских. Ведь зачастую наш доктор в тылу врага не имел ни йода, ни бинтов, а раненый, перед тем как попасть в лучшем случае в лесной госпиталь, участвовал в многочасовых переходах.

В партизанскую бригаду я пришел уже с некоторым опытом медицинской службы в армии. С армией у меня связаны юность, да и детство в значительной мере. Было оно тяжелым. Пришлось испытать горькую участь беспризорника. Как и многие бездомные мальчишки, я ездил по железным дорогам. Побывал в разных городах Поволжья. Поздней осенью 1926 года в поисках теплого угла добрался до Ташкента. Здесь в мою судьбу и вмешались представители Красной Армии. Два года я был воспитанником пограничной школы при управлении ОГПУ по Средней Азии. Охранял границу. Добровольцем пошел служить в пограничные войска. Под Кушкой и Тахта-Базором участвовал в боях с басмачами, был ранен. В июне сорок первого получил диплом об окончании Самаркандской фельдшерско-акушерской школы. А тут и война началась, меня призвали в армию.

В декабре прибыл на Калининский фронт. Очень хотелось быть поближе к передовой, но — увы! — долгое время пришлось находиться во втором эшелоне. Однако почитать пришлось всякое. Да и практики хватало. В первый год войны раненых было особенно много, а медицинского персонала — всегда недокомплект.

В августе 1942 года меня вызвали в санитарный отдел 3-й ударной армии. Военврач 3-го ранга Серко сказал: — Хотим дать вам особое задание. Что вы на это скажете?

— Согласен! — выпалил я с радостью.

— Вот и хорошо. Подробнее поговорим в другой раз. Вскоре он вызвал меня опять и вручил предписание. «С получением сего, — говорилось в документе, — предлагаю Вам убыть в дер. Шейно Торопецкого района в распоряжение батальонного комиссара тов. Кривошеева».

Прочитал направление, а что за особое задание — из него неясно. Серко, видя мое недоумение, пояснил:

— Шейно — партизанский центр. Оттуда скоро в рейд по немецким тылам уйдет большое соединение народных мстителей. Какие обязанности придется вам выполнять — об этом узнаете на месте. А от армейской санслужбы задание такое: на пути движения партизан по оккупированной врагом территории собрать данные относительно эпидемиологического состояния населенных пунктов и сообщить их в санотдел. Зачем нужны эти данные — пояснять, надеюсь, не надо.

На следующие сутки я уже был в Шейно, где узнал о походе за линию фронта партизанского корпуса. Меня назначили начальником санитарной службы 2-й Калининской партизанской бригады. В первые дни помогал военврачу 3-го ранга Вадиму Дмитриевичу Щеглову в обеспечении корпусной санитарной части медикаментами. Потом сопровождал до линии фронта группу партизан, направлявшихся в тыл противника. А 1 сентября получил приказание отправиться к месту дислокации бригады и приступить к выполнению своих прямых обязанностей.

В селе Купуй я разыскал командира бригады Петра Васильевича Рындина и доложил:

— Прибыл в ваше распоряжение на должность начальника санитарной службы.

— Очень рад, — ответил комбриг и шутливо добавил: — Раз есть доктор, значит, не пропадем.

Комбриг мне понравился. Спокойный. Деловитый. Кадровый военный.

Командовать бригадой Рындин стал во вражеском тылу. И многие бойцы были под стать командиру — побывали в боях. Я сразу же ощутил сплоченность и высокий боевой дух, царившие в бригаде. Партизаны — большей частью молодежь обоего пола — усердно изучали оружие, тренировались в стрельбе, в постановке мин. А по вечерам на берегах Купуйского озера звучали песни. Молодость есть молодость.

Первым делом я познакомился с фельдшером Ю. А. Новоселовой и медицинской сестрой В. Г. Самариной. Потом пошел в расположение отрядов (в бригаде их было два), проверил, нет ли больных, нет ли бойцов с потертостями ног. Поинтересовался также, как люди соблюдают личную гигиену. К моему приятному удивлению, санитарное состояние личного состава подразделений было хорошим, больных не оказалось. И в этом, бесспорно, была большая заслуга Юлии Новоселовой. Храбрая и энергичная девушка уже была участницей рейда в тылах фашистских войск и доказала, что достаточно хорошо владеет и скальпелем и автоматом.

Мы вышли в поход, когда начался березовый звездопад и первые смутные осенние неурядицы в природе. Линию фронта миновали незаметно для противника. Вскоре выяснилось, что среди жителей некоторых деревень есть больные сыпным тифом и особенно много — чесоткой. Несмотря на предосторожности, слег от тифа и один наш боец — парень лет восемнадцати. Что делать? С позволения комбрига я решил оставить заболевшего в деревне до его выздоровления. Больной возражать не стал, и мы поместили парня в хате у надежных людей. К вечеру бригада двинулась в поход. И каково же было мое удивление, когда по окончании тяжелого ночного марша я обнаружил заболевшего партизана в походном строю. Спрашиваю его:

— Почему не остался в деревне?

Отвечает:

— По уважительной причине, доктор.

— По какой именно?

— Я в партизаны пошел, чтобы фашистов бить, а не в хате отлеживаться.

Более трех десятков лет с той поры минуло, но этот случай прочно держится в моей памяти. Какую надо бы-

до иметь волю, чтобы вот так, непроглядной осенней ночью, едва проходимыми дорогами и тропами, прошагать по следам бригады десятки километров с температурой, при которой многие теряют сознание. Пришлось тогда добыть лошадь с телегой и возить парня с собой, пока он не поправился.

Еще один эпизод. При переправе через реку один партизан сорвался с бревен и пошел ко дну. Вытащили человека без сознания. На берегу я положил пострадавшего животом на свое колено, чтобы вышла вода из желудка и трахеи, и стал делать искусственное дыхание. Парень ожил. Поднялся с земли, но на ногах держался с трудом. Говорю ему:

— Пешком дальше двигаться нельзя. Садись на подводу.

И слышу в ответ:

— Спасибо, доктор. На подводе и без меня есть кому ехать. Я вот сейчас переоденусь, малость отдышусь и постою вместе с ребятами.

Действительно, с помощью товарищей он продолжал идти в отрядной колонне. Высокий душевный настрой помогал людям переносить любые трудности, а их в партизанской жизни было не занимать.

При острой необходимости мы отправляли тяжелобольных в корпусную санчасть. Но и там условий для стационарного лечения не было. Штаб корпуса и все его службы все время находились в походах и боях. И у них давала себя знать нехватка медикаментов, хирургического инструментария и перевязочных материалов. Партизанские медики нередко оказывались в отчаянном положении. Был такой случай. У одного партизана, раненного в руку разрывной пулей, началась гангрена. Бойцу грозила смерть. Врач В. Д. Щеглов обыкновенной плотницкой ножовкой ампутировал руку. Человек был спасен. Мы его немного подлечили и самолетом отправили в советский тыл.

С ростом численности личного состава возрастало количество больных и раненых. Нужда в медицинских кадрах становилась особенно острой. Помнится, разведчики доложили командованию: в одном из населенных пунктов Опочецкого района действует больница, а в ней трудится врач из военнопленных, гарнизон села небольшой. Командир бригады по моей просьбе послал группу партизан для захвата села. Я попросил:

— Товарищ комбриг, разрешите принять участие в этой операции?

— Нельзя, доктор, — ответил Петр Васильевич. — Сам же говоришь: медики теперь на вес золота.

— Так я ж в драку не полезу. В больницу заберусь, и баста.

— Все равно не разрешаю. А в больницу пусть заглянет медсестра Самарина. Она пойдет с группой.

Налет удался. Вернувшиеся партизаны привели с собой волостного старшину, бывшего военного врача Евгения Васильевича Журденко и медицинскую сестру Зинаиду Осиповну Степанову. С предателем поступили так, как он того заслуживал. Обоих же медиков, убедившись в их благонадежности, мы допустили к работе.

А вот медикаментов все время не хватало. Если от тифа удавалось людей в бригаде уберечь, то чесотка досаждала очень часто. Бороться с ней было нечем. Выручала неведомо кем изобретенная мазь. Рецепт ее был немудреный: в стакан сметаны засыпали и размешивали измельченный в порошок тол, немного добавляли дуста — и мазь готова. Этим адовым снадобьем пользовались многие партизаны. Могу засвидетельствовать: вполне успешно. Конечно, сегодняшние врачи могут посмеяться над такой медицинской самодеятельностью. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь — что было, то было.

В ноябре я был отозван в советский тыл. В санитарном отделе 3-й ударной армии доложил сведения об эпидемиологическом состоянии оккупированных фашистами территорий в полосе боевых действий партизанского корпуса, который к тому времени был расформирован. В свою бригаду возвратился в начале февраля 1943 года. Она действовала на территории Пустошкинского и Идрицкого районов. Обстановка была тяжелой. Гитлеровцы крупными силами дважды обрушивались на белорусских, калининских и латышских партизан. Эти карательные операции имели кодовое название «Заяц-беляк» и «Зимнее волшебство». Проходили они на территории братского партизанского края. Мы держали оборону на границах края — значит, доставалось и нам.

Все чаще и чаще приходилось после тяжелых оборонительных боев совершать труднейшие ночные марши. Они до крайности изматывали бойцов. Сказывалось также плохое питание, особенно отсутствие овощей. Появились авитаминозы — цинга и куриная слепота. Сыпным тифом те-

перь болели не единицы — десятки бойцов. Больше стало и тяжелораненых. Возили мы их в обозе, который в условиях бездорожья существенно ограничивал маневренность бригады.

Нередки были случаи, когда больные тифом в горячке прыгивали с саней и бежали не ведая куда.

Штаб партизанского движения знал о наших бедах и поспешил на помощь. Мы, находясь тогда в Локнянском районе, приняли на озеро Мошно несколько самолетов. Они доставили боеприпасы, а обратным рейсом взяли всех наших тяжелораненых и тифозных больных.

21 апреля 1943 года в тяжелом бою с наседавшими карателями я был ранен под Кудеверью и от бригады отстал. Отстал, но не пропал. На время укрылся в одной из деревушек. Подлечился малость и вновь очутился в рядах партизан, где и находился до февраля 1944 года.

СИЛЬНЕЕ ЛЮБОГО ВРАГА

В дни советско-финляндской войны я служил в действующей армии политруком стрелковой роты, после тяжелого ранения демобилизовался. В тяжелых кровопролитных боях понял: мужество, доблесть советских воинов-коммунистов сильнее самого сильного врага. Никто, пожалуй, не выразил эту мысль так ярко, как старейший наш поэт Николай Тихонов:

Гвозди б делать из этих
людей:
Крепче б не было в мире
гвоздей...

В годы Великой Отечественной я провел в тылу врага 580 дней. Если бы память могла сохранить события каждого из них, то они прекрасно свидетельствовали бы правильность вышесказанного. Коммунисты в походах и боях всегда показывали пример, были там, где труднее.

...Середина декабря 1942 года. Переформированная, довооруженная партизанская бригада «На запад» (в дальнейшем 10-я Калининская) готова выполнить приказ командования: развернуть активные боевые действия на берегах рек Синеи и Иссы. Но где и как без потерь вклиниться на оккупированную территорию? Над этим вопросом ломали головы в штабе партизанского движения комбриг Михаил Арсентьевич Лебедев, комиссар Алексей Алексеевич Козлов. А больше всех коммунист Александр Солдатов, начальник бригадной разведки. Нет, не на карте ищет он верное решение, а в болотах и оврагах прифронтовой полосы. Дважды проникает Солдатов с маленькой группой разведчиков в тыл врага. Вернувшись в последний раз, докладывает комбригу:

— Пойдем по льду озера Сенница.

— На льду, что в поле — не укроешься, — в раздумье говорит комиссар.

— Да, рискованно, но здесь нас не ждут, — настаивает Солдатов.

Сенница — большое озеро на передовой линии фронта. И хотя в деревнях, расположенных по обоим берегам озера, стояли крупные гарнизоны фашистов, все-таки оно было слабым местом в обороне противника: на обширном ледяном участке подразделений не расставишь. А тут еще после сильных заморозков наступила оттепель. Лед покрылся водой. Фашистам и в голову не приходило, что по воде можно перейти озеро. На этом и строил расчет Солдатов.

В ночь с 15 на 16 декабря свыше 350 человек приняли ледяную купель. Иначе не назовешь этот ночной поход по студеной воде. У всех нас ноги превращались в ледышки, но мы упорно шли и шли к чернеющему впереди берегу. Миновав линию фронта без единого выстрела, прошагали еще 12 километров и лишь только тогда начали скалывать лед с обуви, отогревать ноги, точно налитые свинцом.

Район, намеченный нам для боевых действий, был неблизкий. К нему вполне относилось определение «далеко за линией фронта». Значит — шагать и шагать. Не десятки, а добрых три сотни километров. И идти нужно так, чтобы не обнаруживать себя, не ввязываться в бой. Последнее трудно: у дорог обилие фашистских гарнизонов, да и злые глаза полицаяев со счета сбрасывать нельзя.

Двигались болотами, оврагами, лесными чащобами. А комбриг все время подгонял:

— Вперед, товарищи, вперед. Отдыхать на берегах Синей будем.

И этот «отдых» начался спустя 20 дней. 8 января в населенном пункте Александрово проводился сбор старост деревень. Мы «накрыли» их на месте. 33 фашистских прислужника предстали перед судом. Судили мы их именем Советской власти.

Было это подобно грому среди ясного неба. В между-речье значительные силы партизан действовали впервые. Фашисты всполошились и на следующий день произвели разведку боем. Свыше 200 гитлеровцев появились в районе деревни Кунглово. Мы приняли бой, но заставили противника идти в атаку на высоты, занятые нами. «Мороз,

видимость неважная, позиции у нас отличные. Зачем нам наступать, пусть фашисты по снежной целине под наши пули бегут», — рассудил командир отряда коммунист Ветковский. Решение его было верным. Когда гитлеровцы после артиллерийского обстрела наших рубежей обороны бросились в атаку, их встретил плотный пулеметно-ружейный огонь. А с фланга на противника обрушился контратакой отряд Позднякова. Фашисты ретировались.

Начало было положено. Продолжение не замедлило последовать. 11 января силами до полка враг начал наступление на деревни Масловка (в ней находился штаб бригады) и Малыгино. Весь день продолжался бой. Атаку за атакой отражали мы. Фашисты мчались на санках, ведя огонь из пулеметов. Шли в психическую — во весь рост, горланя и строча беспорядочно из автоматов. Их было много, значительно больше, чем нас. Они имели пушки и тяжелые минометы. Но стойкость партизан была незыблемой. Во время обстрела комбриг Лебедев получил тяжелую контузию. Однако управление боем потеряно не было ни на минуту. Его взял в свои руки коммунист великолучанин Николай Михайлович Вараксов.

Противник понес большие потери (только убитыми свыше 100 человек), и лишь тогда, когда на Масловку пала густая ночь, Вараксов подал команду отводить отряды в лес. Нашей новой базой стала деревня Броды.

Весь 1943 год воевали мы в междуречье, в Себежском районе, совершали налеты на вражеские гарнизоны и диверсии на земле Латвии. Свидетелем многих подвигов стал я сам, да и по должности (заместитель комиссара бригады, позже комиссар) положено было мне получать из отрядов сообщения о героизме и мужестве бойцов. До последнего патрона сражались мои товарищи коммунисты. А коль приходил смертный час, то встречали его так, как разведчики группы Сергея Шуваева — балтийского матроса, ставшего партизаном.

Возвращаясь с боевого задания, они остановились на отдых в небольшой деревушке на берегу речки. Чуть выше по течению была старая мельница, которой, кстати, нередко пользовались партизаны. Край извилистой деревенской улочки прямо упирался в берег, буйно поросший ольхой и ивняком. Ребята постучали в окно крайней избы, попросили у хозяйки поесть. Она пригласила в дом, нарезала горку хлеба, принесла из чулана молоко, вытащила из печки большой чугунок картошки.

— Ребята, гляди — фашисты! — крикнул с улицы часово́й и схватился за автомат.

Разведчики выбежали из избы, залегли возле кустарника. По проселку к деревне двигался большой отряд фашистов.

— Не стрелять, подпустить ближе! — скомандовал Шуваев и, устроившись поудобней, первым открыл огонь.

Фашисты рассыпались в цепь. Завязалась ожесточенная схватка. Была она короткой. На каждого партизана приходилось по десятку солдат. Один за другим падали сраженные товарищи Шуваева. Фашисты приближались, охватывая партизан полукольцом, хотели взять их живыми. Стрелять стало нечем. Шуваев поднялся и с гранатой в руке рванулся навстречу врагам. В этом рывке была вся ярость, душившая его при виде фашистов.

— Врешь, гад, не возьмешь!

Размахнувшись, он метнул гранату в наседавших гитлеровцев. Тут же выхватил из кармана бушлат другую. Но бросить не успел: пулеметная очередь сразила его...

Когда стало известно о гибели разведчиков, мы двинулись на место неравной схватки. Отыскали тела героев и с воинскими почестями похоронили на песчаном крутояре безымянной речки. Тяжело, очень тяжело терять боевых друзей. Тот, кто видел смерть их, всегда будет помнить землю, где остались они навечно.

Коммунисты — командиры подразделений бригады были не просто отважными, но и умелыми организаторами засад, открытых боев. Именно таким запомнился мне тверяк Илья Владимирович Жуков, член подпольного Красногородского райкома ВКП(б). Жуков участвовал в войне с Финляндией, был награжден медалью «За боевые заслуги».

Партизанский отряд имени А. А. Жданова, которым командовал Илья Владимирович, 16 раз вел бои с фашистами, пустил под откос 8 железнодорожных эшелонов, уничтожил 53 автомашины, подорвал 3 железнодорожных моста, 34 моста на шоссе́йных дорогах. Жуков и его боевые товарищи в числе первых ворвались во вражеский гарнизон в Сутоках в апреле 1943 года. Позже отряд совместно с частями Красной Армии освобождал от оккупантов районный центр Красногородск. За умелое руководство боями коммунист Жуков был награжден орденом Ленина.

В состав подпольного райкома партии входила Анастасия Васильевна Павлова, уроженка деревни Ширяево Мозулевского сельсовета Красногородского района. До войны она работала председателем сельсовета, была депутатом Калининского областного Совета депутатов трудящихся. С вступлением немецко-фашистских войск в Красногородский район Анастасия Васильевна эвакуировалась в восточные районы нашей области. В конце 1942 года настояла на посылке в тыл врага, именно в Красногородский район. Это ей мы прежде всего обязаны установлением контактов с местным населением в первые же часы нашего пребывания на берегах Синеи. Это она подобрала верных помощников бригаде во вражеском гарнизоне Мозули и окрестных деревнях. Ну а когда начинался бой, Анастасия Васильевна была храбрым бойцом.

У партизан, особенно в 1943 году, почетное место занимали подрывники. Им больше и дольше, чем бойцам других партизанских профессий, приходилось действовать вдали от своих главных сил. Да и с «костлявой» они чаще оставались с глазу на глаз. Славилась в 10-й Калининской группа подрывников комсомольца Володи Кирьянова. На ее боевой счет было записано 6 эшелонов, 18 автомашин, свыше 200 взорванных рельсов, 3700 метров уничтоженной линии связи.

Как-то группа Кирьянова выполняла задание в районе станции Кузнецовка. Там бойцы случайно узнали, что один полицейский отмечает день рождения и на попойку к нему ожидается начальник полиции с сыном, старший железнодорожный мастер немец Ганс и кто-то еще. Ну как упустить этот случай? Кирьянов и его товарищи Егор Швыренок и Николай Ладисов в самый разгар пиршества ворвались в дом полицейского и скомандовали: «Руки вверх!» Хозяин и гости остолбенели. Первым пришел в себя начальник полиции. Он выхватил парабеллум, но выстрелить не успел. Кирьянов опередил. Гитлеровский пособник замертво свалился возле стола. Остальных «гостей» доставили в лагерь, допросили. Мастер-гитлеровец дал ценные сведения о перемещении фашистских войск в районе города Себежа.

Спокойный, застенчивый юноша в самодельной белой кубанке с красной лентой наискосок. Таким помнится мне командир группы подрывников комсомолец Владимир Золотарев. Но очевидно, права народная поговорка: тихие воды — глубокие воды. Надо было видеть Золотарева в

бою. Смел. Решителен. Весь до предела наполнен энергией. 10 подорванных поездов врага, 22 автомобиля и даже танк. Это далеко не полный перечень того, что вписала группа Золотарева в летопись боевых успехов бригады.

Несомненным свидетельством авангардной роли коммунистов в боях и походах являлось стремление комсомольцев и беспартийных партизан вступить в ряды партии. При формировании бригады нас, коммунистов, было немного: 6 членов, 15 кандидатов в члены партии, а летом 1944 года партийные организации бригады объединяли 101 бойца и командира. Комсомольская организация выросла более чем в 2 раза. В июле 1944 года в бригаде было 270 комсомольцев.

Помню, как принимали в партию комсомольца подрывника Валентина Ершова. Накануне собрания он и его три товарища по подрывной группе уничтожили две грузовые машины врага на дороге Красное—Жары. Собрались мы в сосновом лесу, около землянки. Земля, полная весенними соками, выстлала зеленый ковер. Под стать весеннему дню было у нас и настроение. Страна еще находилась в разгаре войны, но уже был освобожден от блокады Ленинград, трещала по швам оборонительная линия фашистов «Пантера», войска наши уверенно двигались на запад.

Валентин пришел на собрание подтянутый, в полном боевом снаряжении, с ручным пулеметом. Коммунисты знали Ершова со дня основания бригады, и только с хорошей стороны. «За» проголосовали все.

А спустя три часа в том же лесу заседало бюро Красногородского подпольного райкома ВКП(б). Я вел бюро. Мария Сауликова писала протокол, сидя на земле. Полевая трофейная сумка служила ей столом. Мы тоже дружно проголосовали за утверждение решения партийного собрания.

— Ждем от тебя, Валя, еще и еще боевых успехов,— сказал я, поздравив нового члена нашей партийной семьи.— Воюешь ты хорошо, но сам знаешь, с коммуниста спрос вдвойне.

— Постараюсь!— отчеканил сияющий Валентин.

...Июль 1944-го. Войска Второго Прибалтийского фронта перешли в решительное наступление.

Утром 12 июля бригадная разведка донесла, что в нашу сторону движется большая колонна. По тревоге подняли

личный состав, заняли круговую оборону на холме, где раньше стояла деревня Бубново.

— Драпают фрицы. Нужно поддать им жару напоследок, — сказал комбриг.

Мы приготовились, и вдруг над расположением бригады появляется «огородник» с красными звездами на крыльях. В чем дело? Уж не провокация ли какая готовится против партизан? Сделав несколько кругов над холмом, самолет удалился на восток. Мы были в недоумении. Не могли понять, что же все-таки происходит. Но тут пришли разведчики, с радостью объявили:

— Это наши идут! Наши регулярные войска!

Да, это были действительно наши. Мы поднялись и стремительно побежали навстречу подходившей колонне. На берегу реки Веть произошла долгожданная встреча. Мы обнимали бойцов и командиров 7-й гвардейской дивизии.

Когда радость встречи поулеглась, на совместном совещании командования было решено: дивизия наступает на Мозули, а партизаны форсируют речку Синюю, устраивают засаду на дороге Мозули—Латвия.

И вот наши полки с ходу занимают Мозули. Враг бежит и нарывается на партизанские засады. Наши трофеи — обоз в 190 подвод, много оружия, боеприпасов.

За помощь, оказанную наступающим частям Советской Армии, специальным приказом командарма личному составу 10-й Калининской партизанской бригады была объявлена благодарность.

МЫ НЕ ЗАБЫЛИ ТЕБЯ, ЖЕНЯ!

С Женей Ивановым мы учились в одной школе и дружили чуть ли не с первого класса. Нам на одной пионерской линейке повязали красные галстуки. Наши отцы знали друг друга. В гражданскую войну они воевали в одном полку, сражались против войск генерала Юденича под Петроградом, банд Булак-Балаховича на Псковщине.

Запертая плотиной, весной река Изгожка заливала заборовские луга, образуя искусственное озеро, в нем выращивали карпов. Во время летних каникул мы часто ходили помогать родителям Жени. Они работали в рыбхозе.

Под вечер шли купаться к плотине, где места были почище и поглубже. Плавал Женька любым способом: на боку, на спине, саженками, чем вызывал среди нас, его ровесников, не только восхищение, но и тайную зависть. Преуспевал он и в других видах спорта. Зимой всегда ходил в школу на лыжах, а это было не близко. Однажды задумал прыгнуть с отвесной Сосновой горы, как с трамплина. Прыгнул... с половины горы катился кубарем. У подножия, весь изодраный, с поцарапанными руками и синяками на щеках, поднялся, взял на плечо обломки лыж и молча зашагал к дому.

Так проходило наше детство. Весной 1939 года мы закончили шестой класс Кротовской неполной средней школы Опочецкого района. Летом семья Ивановых переехала в село Глубокое, которое находилось в 30 километрах от нас. Мы расстались. Обещали навещать друг друга. Встретились же через два года, в начале июля сорок первого, когда Женя приезжал навестить своих родственников.

По дорогам уже двигались нескончаемым потоком обозы с беженцами из Прибалтики. В небе с надсадным воем шли на восток десятки тяжелых самолетов с черными крестами на фюзеляжах и крыльях. Мы сидели на тесаном

крыльце дома, с болью наблюдали, как девятка «хейнке-лей», делая заход за заходом, безнаказанно бомбила станцию Воцагино на железнодорожной ветке Опочка — Псков. Ярость горьким комом подступила к горлу.

Женя был серьезен и задумчив. Он вырос и возмужал, на отвороте его аккуратно сшитого пиджака блеснул по-взрослому комсомольский значок.

— Что думаешь делать? — спросил я.

— Все будет зависеть от военной обстановки. Если нашим войскам удастся задержать немцев на старой границе, тогда буду работать и ждать, пока не удовлетворят просьбу о зачислении добровольцем в действующую армию или военное училище.

— На это надежды мало, в шестнадцать лет при любой обстановке на фронт не отправят и в училище не возьмут, — возразил я.

— Там видно будет. Во всяком случае, в стороне от войны не останусь. Сейчас я — боец истребительного отряда. Приняли меня по рекомендации комсомольской организации. Охраняем мосты, несем дежурство в поселке, один раз прочесывали лес: ловили диверсантов.

Мы помолчали. Время шло к вечеру. Другу надо было идти в Глубокое. Я проводил его далеко за околицу. Мы обнялись.

— Помни нашу дружбу, — сказал Женя, и голос его дрогнул.

— До встречи! — крикнул я ему и чуть не заплакал.

Встреча... Вряд ли мы надеялись на нее. Фашисты уже заняли Себеж и рвались к нашей Опочке. Размер бедствия, постигшего страну, стал реально осязаемым даже нами, школьниками. И все же мы встретились. Это случилось в начале августа 1943 года на границе России и Белоруссии, в деревне Жоглино. Туда я попал с группой парней, пополнивших ряды 7-й Калининской партизанской бригады. Партизаны обороняли рубежи на реке Нице — на правом фланге пресловутой линии фашистских войск «Пантера». К тому времени Женя Иванов был уже опытным партизаном, принимал участие во многих боевых операциях.

Мы долго жали друг другу руки, ограничиваясь восклицаниями, затем я попросил:

— А теперь расскажи, как воевал?

— Как и все, — ответил он, — стараемся не давать безнаказанно хозяйничать фашистской нечисти на нашей земле.

— А ты спроси, за что его представили к награде, — вмешался в наш разговор стоявший рядом боец. — Пусть расскажет, как приводил в чувство гитлеровскую солдатню в Малюзине.

— Пришлось побывать за Великой... в родных краях, — проговорил Женя, — был почти рядом с домом...

Дело в Малюзине обстояло так. Рано утром по горло в воде бойцы форсировали Великую и ворвались в гарнизон. В числе первых были начальник разведки отряда Аникин и Иванов. Они проникли в бункер пулеметного расчета, который, имея выгодную позицию, вел прицельный огонь по наступающим партизанам. Один из пулеметчиков в упор выстрелил в Иванова из пистолета, пуля пробила пиджак, прошла рядом с телом, Женя выбил пистолет, тогда гитлеровец бросился на него с тесаком, но, прошитый автоматной очередью, свалился замертво. С другим пулеметчиком справился Аникин.

Дальнейшему продвижению партизан мешал огонь автоматчиков, засевших в доме на развилке дорог. Оценив обстановку, Иванов крикнул Аникину: «Прикрой меня!» — и пополз к плетню перед домом. В считанные секунды он достиг стены дома. Две связки гранат полетели в окна. Сопротивление гарнизона было сломлено.

Я попал в бригаду в горячее время. Всем ее отрядам предстояло участвовать в операции «Рельсовая война». К ней были привлечены и другие бригады калининцев. Позже стало известно, что одновременно с нами уничтожали рельсовое хозяйство и партизаны других областей.

Нам был отведен участок дороги Рига — Новосokolьники близ Зуевского переезда протяженностью около 6 километров. Готовились для первого удара тщательно, несколько дней. Вышли отряды засветло. В районе деревни Селищи на большаке Себеж — Идрица, в четырех-пяти километрах от железной дороги, командование еще раз уточнило полосу действий каждого отряда. Дождавшись темноты, вступили в густой, заболоченный смешанный лес. Иванов был в составе первой группы подрывников, бойцы шли цепочкой друг за другом, стараясь ничем не нарушить тишину теплой летней ночи.

Ночь выдалась темной, хоть глаз выколи. Даже рядом идущего бойца трудно было различить, только впереди на железной дороге время от времени зловеще прорезывали темень вражеские ракеты.

— Тьфу, опять колдобина! — выругался в сердцах шедший перед Ивановым боец Глыжев.

— А вот мы сейчас посветим. — С этими словами Женя снял со старого, трухлявого пня светлячка и укрепил его на спину Глыжеву.

Примеру Жени последовали другие, и вскоре каждый боец в цепочке имел свой ориентир.

— Что жмешься, как жеребенок к кобыле, — ворчал уже немолодой партизан Сенченоч, когда идущий за ним балагур и весельчак Ильин нарочно подходил слишком близко. — Я вот тебе такой светильник меж глаз невзначай организую, что свою Феклу будешь за три версты без бинокля узнавать.

Сенченоч явно намекал на особое внимание молодого партизана к одной из жоглинских девушек.

— Эх! Как курить охота. Разок бы затянуться, — проговорил кто-то жалобно.

— Ничего, скорохватишь горяченького до слез, фриц даст прикурить, — беззлобно ответил Сенченоч.

— Поглядим! Живы будем — не умрем! — отрезал Иванов.

Разговор смолк. «Железка» была близко. Вперед ушли разведчики и группы, в задачу которых входило подавление огневых точек и прикрытие подрывников. Еще немного пути, и стали рассредоточиваться вдоль дороги остальные партизаны.

— Пошли!

Услышав команду, Иванов первым вскочил на полотно. Быстро положил шашку с взрывателем к рельсу, разгреб щебенку, присыпал шашку песком, чтобы не упала, поджег шнур от фитиля и мгновенно бросился к следующему рельсу... Ребята действовали быстро, четко. И взрывы загревели. Это была чудесная симфония!

Поздней осенью 1943 года командир отряда Булыгин перевел Иванова в разведзвод. Здесь Женя быстро прижился и отличился в первом же поиске по захвату «языка».

Установив с вечера наблюдение за дорогой Себеж—Юхновичи, разведчики переждали, пока пройдет колонна в сопровождении броневиков и мотоциклистов с пулеметами. Одиночных машин не было. К 12 часам ночи движение и вовсе прекратилось. Ребята продрогли до костей и хотели уже было возвращаться в отряд. Но в это время Иванов, стоявший недалеко от поворота дороги, заметил выскочивший на большой скорости крытый автофургон. Когда маши-

на поравнялась с ним, Женя дал по ней очередь из автомата. Фургон сбавил ход и стал медленно заворачивать к обочине по другую сторону шоссе. Разведчики бросились к нему, стреляя на ходу. Выскочившие из фургона солдаты укрылись за машиной и открыли ответный огонь. И тогда Женя ловко метнул гранату под колеса фургона. Гитлеровцы кинулись кто куда — в разные стороны. Разведчики за ними.

«Языка» взял Иванов. Гитлеровец сбросил утепленную шинель и удирал в одном кителе, отстреливаясь из парабеллума. «Раз в кителе да с пистолетом — значит, не солдат», — решил Женя. Догоняя его, стрелял поверху, и фашист не выдержал — рухнул в снег, притворившись убитым. Фокус не удался. Когда Женя лягнул затвором, «мертвец» мгновенно вскочил и поднял руки. Он оказался унтер-офицером, служил в штабе и ехал с документами в Ригу. В отряде «язык» дал ценные показания, которые по радию были переданы в штаб партизанского движения.

В разведвзводе к Жене по-отечески относился политрук Петров, старый член партии, ленинградец, потерявший семью во время варварской бомбежки фашистскими самолетами жилых кварталов города. Я часто в свободное время от заданий и караулов навещал Женю, и Петров стал для меня одним из близких людей в отряде. Его рассказы о февральских и октябрьских событиях 1917 года и гражданской войне мы слушали до поздней ночи.

Землянка разведвзвода находилась на отшибе. Однажды вечером я решил зайти к Иванову. Подойдя к землянке, услышал доносящееся оттуда хоровое пение. «Что это может быть?» — подумал я и открыл дверь. Передо мной предстала живописная картина: растягивая меха трехрядки, на чурбане посреди землянки сидел Петров, напротив на нарах расположились разведчики.

«Прощайте, братцы мотористы...» — сипловатым, с надсадцем голосом затягивал Петров.

«Я не увижу больше вас», — дружно подхватили Женины товарищи.

— Видишь, скоро артистами будем, к концертам готовимся, — подмигнул мне Иванов, — не то что вы.

Смелые, дружные, веселые были наши разведчики. Большинство такие же молодые, как и мы с Ивановым. Взрослели рано, но юного задора не теряли. И песню любили, и шутку, и смех.

В конце 1943 года 7-я бригада совместно с 1-й Кали-

нинской бригадой сдерживала натиск полевых частей 16-й немецкой армии, продвигавшейся по шоссе Себеж — Полоцк через партизанские районы на помощь своим отступавшим частям, разбитым в боях под Невелем. Силы были слишком неравны. Мы отходили организованно, навязывая противнику бои на каждом удобном рубеже. Нашей бригадой командовал в те дни кадровый офицер Козлов. Выдержанный и скромный в повседневной партизанской жизни, обходительный и простой в обращении с людьми, в боевой обстановке он был энергичным и умным командиром.

Юхновичские леса приютили нас на несколько месяцев. Наш отряд расположился в районе деревни Токуны, в густом сосновом лесу на берегу маленького озера с интересным названием «Лосиное купалище». Обстановка была очень тяжелой. Каратели старались блокировать нас в лесах, не допускать выхода на коммуникации, отрезать от продовольственных баз, расположенных в Идрицком районе. Суточный рацион состоял из миски мучной пресной похлебки, куска хлеба или сухаря. Совсем не было соли.

В студеные январские и метельные февральские дни 1944 года с Женей мы не встречались. 3 марта, возвращаясь к себе в землянку после засады на дороге, я увидел у штаба Иванова. Он читал прикрепленную к деревянному щиту свежую отрядную газету. Поздоровались.

— Давненько тебя не видно. Почему не заходишь? — спросил я. — Совсем забыл старых друзей.

— Не забыл, а просто нет времени, — устало ответил Женя. — Ночью пришли, сейчас опять уходим, есть срочное задание. Да и ты тоже на месте не сидишь.

Я не стал ни о чем расспрашивать друга. А он попросил:

— Олег, дай мне две-три гранаты, а то свои вчера ночью на шоссе все израсходовал.

Отстегнув с ремня три лимонки, я подал их ему.

— До встречи! — сказал он, и голос его дрогнул, как при нашем свидании в первые дни войны.

Он погиб 4 марта 1944 года на шоссе Себеж — Полоцк, прикрывая отход товарищей... Группа возвращалась, успешно выполнив задание. Выйдя на шоссе, разведчики обнаружили армейскую линию кабельной связи, решили перерезать ее. Вырезав из кабеля соединительную муфту, пошли по шоссе к месту своего поворота в лес, то есть по старому маршруту. Это была ошибка... Иванов шел пер-

вым. Не доходя метров тридцати до поворота, они внезапно услышали команду:

— Фойер!

Из ельника на разведчиков обрушился шквал огня. То была заранее подготовленная вражеская засада. Несколько десятков солдат против пяти партизан.

Женя упал, у него были перебиты ноги. Отстреливаясь, он стал отползать к кювету. Решение созрело мгновенно. Крикнул:

— Ребята, отходите в лес, я прикрою!

Он стрелял по врагам до последнего патрона. Когда боеприпасы кончились, достал гранату, прижал к груди и выдернул кольцо...

В город своей юности я привез сына. Мы неторопливо шли по улицам Опочки. Я рассказывал ему что-то из своей партизанской «одиссеи», когда нас остановила седая женщина. Это была мать Жени Иванова.

— У меня мог быть такой внук,— сказала она тихо и ласково посмотрела на моего сына.

ГДЕ-ТО ПОД ИДРИЦЕЙ

Идрица. Сейчас название нашего поселка широко известно. Школьник знает: дивизия, штурмовавшая Берлин и непосредственно рейхстаг, носила наименование «Идрицкая». А это имя бойцами было завоевано в жестоком сражении лета 1944 года, когда советские войска сокрушали фашистскую оборонительную линию «Пантера».

С Идрицей связана вся моя жизнь. Да и партизанская биография началась и прошла в родных краях. Очевидно, если бы в 1943—1944 годах кто-нибудь спросил у моего начальства: «Где находится отряд Никаненка?», ему бы ответили: «Где-то под Идрицей». И адрес был бы точным.

До войны Идрица не была знаменита, как сейчас, но жил поселок особой жизнью. Станция была узловой. Здесь пересекались железные дороги Себеж — Москва и Ленинград — Мариуполь. До границы было рукой подать: 30—40 километров. Сторожко жили люди. С малых лет нас родители и школа приучили к бдительности.

И еще. На территории района располагались крупные военные лагеря Белорусского военного округа. Летом ежегодно проходили маневры. На них бывал не раз маршал М. Н. Тухачевский. Молодежь поселка шефствовала над одной из воинских частей. Мы навещали шефов, гордились ими.

Войну я встретил на посту председателя колхоза, но 23 июня 1941 года был уже в армии. Под Старой Руссой нашу часть разбили. Выходили из окружения небольшими группами. Моя группа нарвалась на подразделение охранных войск. На нас спустили собак... Потом, истерзанный, окровавленный, я пришел в себя в небольшом лагере военнопленных.

Огляделся. Город знакомый — Пустошка. Лагерь только что организованный, охрана немногочисленная. Я и бе-

жал. Ну а куда? Под Идрицу, вестимо. Всю первую военную зиму скрывался в деревне у матери.

Бездействие тяготит. А если засыпаешь и просыпаешься с одной мыслью: «Что ты, бывший предколхоза и старший сержант Красной Армии, делаешь для разгрома врага?», тогда бездействие становится укором. Как-то я сказал об этом соседу учителю Акиму Иосифовичу Костылеву, а он мне в ответ:

— Сам мучился. А теперь вот воевать начал.

— Где? Чем? — удивился я.

— Словом. Много сейчас дурных слов по миру бродит. А к слову учителя и председателя колхоза всегда доверие будет.

— К слову не мешало бы и винтовочку с гранатой добавить.

— Ну, это уж больше по твоей части, Иван Константинович, — усмехнулся Костылев.

Начал и я словом воевать да оружие собирать. Аким Иосифович тоже не терялся — пополнял наш тайный склад боеприпасов. А разговоры со знакомыми и с близкими, иногда прямые, чаще косвенные, принесли свой результат, но позже, когда дело дошло до формирования отряда.

Ближе к весне по ночам стало гроыхать на дорогах. Бывало, мать скажет с надеждой:

— Грому-то, ему откуда быть? Рано. Стреляют пушки где-то, сынок. Наши небось идут.

Лежу. Отмалчиваюсь. Артиллеристу нетрудно отличить канонаду от взрывов. А вот как найти дорогу к своим? Если бы дело рук местных товарищей, то тут проще бы все было. Помог на след выйти Владимир Голуб — тоже из окруженцев, оставшихся на оккупированной территории. Свел он меня с командиром группы московских парашютистов. Звали его Николаем. Назвал фамилию — Рябов. Очевидно, не свою. Расспросил он меня подробно и про бой последний, и про лагерь, а потом сказал как отрезал:

— Мы армейцы. Ты тоже наша косточка. Значит, нам по пути. Будешь выполнять мои задания. Основное — разведка. Что нам пригодится, что в штаб передадим.

В группе была рация. Ребята один к одному, смелые. Человек десять их было, но диверсия следовала за диверсией. Я совсем прибодрился, знал: и моя лепта есть во взрывах на дорогах.

С наступлением лета разведку вести стало легче, но... Однажды вечером меня схватили, и я попал в отель «Вор-

кующий голубь» — так называлось помещение, где размещалось идрицкое отделение гестапо. Находилось это страшное здание на территории бывшего военного городка.

Был допрос с пристрастием. С первых вопросов понял: не знают фашисты о моих связях со спецгруппой. Твердо стоял на своем: был ранен, вернулся к семье, воевать не хочу, хлебопашество — мое ремесло, а на учет не становился — боялся. Про Пустошку ни слова.

Отправили меня и еще несколько человек в лагерь военнопленных, на этот раз в Псков. Там за колючей проволокой находились тысячи красноармейцев. Ежедневно гоняли на работы. Люди изможденные, конвой уверен — не убегут, куда такие денутся. Ну, мы с ходу и задумали бежать. Мы — это кроме меня два земляка, Дроздецкий и Шершнев. Удрали, лесами да болотами опять под Идрицу попали. Удивился командир спецгруппы, когда, разыскав его, я доложил в полусутливой форме:

— Иван Никаненок прибыл для продолжения службы во вверенном вам подразделении.

В составе спецгруппы был до осени 1942 года, когда в наш район вошли подразделения Калининского партизанского корпуса. Много он тогда шума наделал. Люди радовались, говорили:

— Идет целое партизанское войско.

Меня зачислили в бригаду Петра Васильевича Рындина и поручили формировать отряд из местной молодежи и окруженцев, осевших на территории района. Я был назначен командиром. Отряду присвоили имя Михаила Васильевича Фрунзе. Моим ближайшим помощником стал друг детства Василий Полукеев, кадровый военный, большой специалист инженерного дела. В дальнейшем он возглавлял штаб 16-й Калининской партизанской бригады.

Одно из первых боевых дел, в которых я участвовал как партизанский командир, — налет на полицейский гарнизон в населенном пункте Кицково. Фашистские прихвостни старательно выполняли приказы своих хозяев: обирали население, злобствовали. Сами жили на широкую ногу, скрашивая досуг водкой, обильной едой да любовными утехами.

Вот мы и пожаловали к ним темной октябрьской ночью. Под моим началом было 20 партизан. Пошел с нами на боевое задание заместитель Рындина по разведке Александр Павлович Константинов. Места знакомые. Подошли к зданию бесшумно. Часового взяли живьем. Но тут за-

даяла собака... Без оружия, без верхней одежды через задний ход бежали полицаи в лес. Уж очень ночь темна была...

— Огонек не помешал бы, — заметил Константинов.

— Это мы в момент, — ответил я и приказал поджечь догово полицаев.

Запылал вскоре сырзавод. Разгромили мы и канцелярию Максютинской волости. Документы все уничтожили, здание сожгли.

Отряд рос, оружия не хватало. Комбриг вызвал меня в ноябре и приказал:

— Собирай своих орлов невооруженных в поход.

— Куда?

— На Большую землю — вот куда. Там тебя в Кунье вооружат как следует. А больных и легкораненых подлечат.

Увел сотню, в новогодние дни 1943-го привел обратно 40 человек. В то время бригада наша находилась в белорусской деревне Шерстово. Несколько недель отряд имени Фрунзе действовал в составе бригады, участвовали мы в боях с карателями под Низинками, Гришином, Голубовом. То была хорошая боевая школа: у нашего комбрига Петра Васильевича Рындина учились мы, командиры отрядов, умению маневрировать, а когда обстановка требовала — собираться в ударный кулак и обрушиваться на фланг врага или бить его с тыла.

Все это мне пригодилось, когда отряд наш был направлен для самостоятельных действий в Идрицкий район. Летом и осенью 1943 года обстановка непосредственно у Идрицы стала иной. После знаменитой Савкинской операции калининских партизан в марте, гитлеровцы стали держать на станции полевые войска. Мы противопоставили противнику беспокоящую тактику: засады, уничтожение линий связи, подрыв мостов, нападение на фуражиров и представителей оккупационных властей.

Помнится, летом отличился взвод М. А. Шалаева в засаде около деревни Наклы, позже взвод И. И. Дроздецкого у деревни Райково захватил автомобиль идрицкой военной комендатуры. Удалось нам без выстрела ликвидировать вражеский гарнизон в деревне Гужово. Жительница этой деревни помогла нашим разведчикам установить связь с двумя солдатами-армянами, насильно мобилизованными в так называемый «армянский легион». Те провели соответствующую работу, сообщили пароли. Направились мы в

Гужово всем отрядом. Окружили гарнизон, сняли часовых и, проникнув в штаб, обезоружили командира. В наше распоряжение поступило 4 пулемета, 2 миномета, 36 винтовок, 16 пистолетов, мины, гранаты и разное военное снаряжение.

После освобождения частями Советской Армии в конце 1943 года города Невеля в районе стало еще больше полевых войск вермахта. Отряду приходилось туго. Каратели охотились за нами. Ежедневно стычки, перестрелки. Мы уходили в леса, в топкие глуши, вновь возвращались к железной дороге. Выручали старые связи с населением и постоянная разведка. Ее умело организовывал А. Ф. Ходюк. Нельзя не вспомнить при этом добрым словом разведчиков Ивана Мелихова, Ину Константинову, П. И. Кудрявцева, Ольгу Гоголеву, зверски замученную фашистами.

...Март 1944-го. Хороший полужимний-полувесенний день. Немного смеркается. Кудлатые сосны купают вершины в вечерней заре. Вместе с Полукеевым я пробираюсь лесными тропами к нашим землянкам в районе деревни Лешане.

— Весна идет, Иван. Дышится уже иначе! — восторженно восклицает мой верный товарищ. И, не получив ответа, сердито спрашивает: — Ты-то хоть это замечаешь?

— Весна — вешние воды. Новые хлопоты — вот о чем думать надо тебе, как начальнику штаба, Василий, а ты мне сейчас про тетеревиные тока начнешь рассказывать, — говорю полусерьезно-полушутя.

— Да ну тебя, — все так же сердито отмахивается Полукеев, — я ему про Ерему, а он мне про Фому.

...Хлопоты со сменой времен года. Хорошо известны они партизанским командирам. Но в тот вечер все отодвинулось на задний план. Командир разведки Ходюк встретил нас словами:

— Каратели. И много.

Трудно нам тогда пришлось. Около пяти часов продолжался бой. Радовало одно — потерь почти не было. Выручал родной лес: его-то мы знали хорошо.

Весной 1944 года погибла наша славная разведчица Ина Константинова. Прикрывая отход товарищей, она разила гитлеровцев до тех пор, пока вражеская пуля не оборвала ее жизнь.

В мае на базе нашего отряда была сформирована 16-я Калининская партизанская бригада. В своих рядах она насчитывала 370 бойцов, состояла из четырех отрядов. Ко-

майором был назначен я, комиссаром — Ш. З. Голубкин, начальником штаба — В. Е. Полукеев. Комиссар Голубкин не повичок на партизанских дорогах, и его помощь мне была неоценима. Большой души человек!

Скопом действовали редко, больше поотрядно. За два месяца на свой боевой счет записали 3 эшелона врага, 10 автомашин, склад боеприпасов. Полевые войска гитлеровцев попытались окружить и уничтожить бригаду. Прорвавшись, мы ушли в соседний Себежский район. Здесь стало легче. Рядом действовали 3-я, 4-я и 5-я бригады. Особо подружился мы в боях с отрядом Василия Филипповича Рыбакова.

В ночь с 14 на 15 июля вся наша бригада находилась в засаде у поселка Томсино. Разгромили обоз отступавших фашистских войск. То был наш последний бой.

ЗЕМЛЯ ГОРИТ...

Мели последние метели третьей военной зимы. Весну 1944-го мы ждали с нетерпением. Верили: отшумят талые воды, и войска наши продолжат наступление в направлении на Прибалтику. И в нашей 5-й бригаде, и в соседних партизанских частях бойцы знали о великой победе Советской Армии под Ленинградом. Знали и о том, что войска Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов вплотную подошли к пресловутой оборонительной линии гитлеровцев «Пантера». Это вселяло в нас уверенность в ближайшем будущем, вливало новые силы.

Но была у командиров и партизан-ветеранов и другая ясность: мы действуем после освобождения от оккупантов Невеля, Новосokolьников уже не в глубоком тылу гитлеровцев, а в прифронтовой полосе, в условиях большой концентрации вражеских сил. Значит, жди карателей. Фашисты предпримут бешеные усилия к тому, чтобы до наступления весны уничтожить партизан.

Враг насеждает

И мы не ошиблись. 10 февраля 1944 года из Себежа, Красногородска, Опочки двинулись против нас 343-й, 591-й, 767-й охранные батальоны 16-й армии, сводный отряд полицейских, два батальона с артиллерией из фронтовых частей. Наша бригада занимала оборону в районе лесного урочища Лоховня, деревень Бутыньки, Афанасьево Слободы, Козанова. В течение двух суток под сильным артиллерийским огнем и частыми бомбежками с воздуха нам пришлось отбиваться от карателей, наседавших со всех сторон. На беду, кончились боеприпасы. И несдобровать бы нам, если б не выручила наша разведка.

В тыл противника пробрались разведчики Евгений Целицо, Александр Цветков и бойцы взвода под командованием Павла Трофимовича Лавренюка. У деревни Пустыньки они истребили небольшое подразделение фашистов. У убитого офицера разведчики обнаружили карту с планом карательной экспедиции. Этот драгоценный трофей очень пригодился. Зная расположение войск противника, комбриг Владимир Иванович Марго выбрал наиболее безопасный маршрут, и в ночь на 12 февраля отряды бригады вышли из окружения.

В маленькой лесной деревушке Осиновик Опочецкого района, куда мы прибыли на рассвете, было всего пять домов. А людей — партизан и местных жителей, скрывавшихся от фашистов, — набралось более тысячи. Пришлось размещаться не только в избах, но и в банях, сараях, на чердаках: все же теплее, чем под открытым небом.

На другой день мы были уже в деревне Городищи — в восьми километрах от Осиновика, а 14 февраля возвратились в Себежский район. Штаб бригады обосновался в деревне Мишин Остров. Отряды разместились в окрестных селениях.

Приближалась 26-я годовщина Советской Армии. Комиссар бригады Андрей Семенович Кулеш поручил коммунистам провести собрания местных жителей — выступить с докладами о боевом пути наших Вооруженных Сил и задачах советских людей, находящихся в тылу врага. 20 февраля мы с коммунистом Лялиным провели такое собрание в деревне Бубны. Мой доклад присутствовавшие выслушали с большим вниманием. Задали много вопросов. Самым животрепещущим из них был один: скоро ли придут советские войска? Мы с Лялиным отвечали: тем скорее, чем активнее будут действовать советские патриоты на оккупированной фашистами территории.

Вторая половина марта изобиловала мелкими стычками с противником. На крупные боевые акции у нас не хватало сил: давала себя знать острая нехватка боеприпасов. К счастью, в это время у калининских партизан была уже «своя» авиация. Полетели запросы в Калининский штаб партизанского движения. Штаб оперативно откликнулся. Крылатые гости побывали у нас 24 и 27 февраля, 7 и 11 марта. Летчики доставили оружие, боеприпасы и соль, в которой тоже была огромная нужда. Обратными рейсами они увозили раненых и больных. За все это партизаны сердечно благодарили капитана Борисенко, его боевых то-

варищей Колобкова, Козлова, Савинова и других авиаторов.

Наша боеспособность заметно повысилась, а тут опять враг начал наседать. Утром 10 марта разведка донесла: из деревни Острилово к деревне Мишин Остров, где мы находились, движется вражеская колонна. Комбриг приказал: отряду Николая Степанова встретить врага, завязать бой и держаться до подхода других отрядов.

Командир отряда решил дать бой на ровной болотистой местности, поросшей невысоким и редким лесом. Один взвод он направил навстречу врагу, второй послал с заданием выйти в тыл противника. Первая часть отряда получила приказ подойти как можно ближе к гитлеровцам, затем, ведя редкий огонь, с боем отходить назад, имитируя чуть ли не бегство.

Задумка удалась. Увидев партизан, фашисты открыли огонь. Отстреливаясь, партизаны начали отход. Но вот в небо взвилась зеленая ракета, дававшая знать, что второй взвод находится уже в тылу врага. «Отступавшие» остановились и усилили огонь. Подоспело подкрепление, и партизаны с криком «ура» устремились в атаку. Каратели не выдержали натиска, повернули вспять и напоролась на засаду. В этом бою мы взяли пленных. При обыске у одного гитлеровца был обнаружен под кителем большой полотняный ремень с карманчиками, в которых находились советские деньги — свыше 12 тысяч рублей, все тридцатирублевыми ассигнациями.

— Награбил? — спросил я.

— Нажил честной коммерцией, — ответил подобострастно пленный.

Деньги и двух гитлеровцев, представлявших ценность как «языки», мы отправили на самолете в советский тыл. «Купца» расстреляли.

Через пять дней гитлеровцы решили повторить карательный поход, бросив против нас еще более крупные силы. Мы отбивали новый вражеский натиск вместе с бригадой А. М. Гаврилова. Во время тяжелого боя в деревне Стаклина Гора погибли разведчик и подрывник Александр Цветков и Анатолий Храмов.

Тяжелое ранение получил Константин Цветков. У него были перебиты руки и ноги. Не выжить ему, если бы не авиаторы. Ночью прилетел самолет, и Константин попал в руки опытных хирургов. Они извлекли из его тела более 50 осколков. Константин Васильевич Цветков здравствует

и ныне, работает учителем в Новосокольническом районе Псковской области.

17 марта бригада передислоцировалась в урочище Лоховня. В этот день смертью героя погиб юный партизан Саша Моисеенко. Вместе с тремя товарищами он нес дежурство на партизанском форпосте в деревне Горюшино. Узнав от прибежавшего крестьянина, что к деревне по пути в Себеж приближается колонна гитлеровцев, Саша, как старший наряда, приказал двум бойцам:

— Бегите в отряд, ведите всех сюда, а мы с Герасимовым постараемся задержать колонну.

Отправив товарищей, Александр Моисеенко и Григорий Герасимов бегом добрались до ближнего холма и увидели: по дороге походной колонной движется около сотни гитлеровцев. Когда до них осталось метров двести, смельчаки открыли огонь из автоматов. Враги залегли и стали отстреливаться. Вскоре поняли, что имеют дело всего лишь с двумя партизанами, и решили взять их в плен. Бойцы ползком двинулись в сторону леса. Вот уже рукой подать до лесной опушки, но Сашу вдруг настигла вражеская пуля. Раненный в живот Моисеенко сказал товарищу:

— Беги, Гриша! Приказываю: беги, веди ребят, а мне еще повоевать надо...

Оставшись в одиночестве, Саша продолжал разить приближавшихся фашистов. А те все ближе и ближе. И тогда последнюю короткую очередь Моисеенко пустил себе в голову. Воистину, как гласит старинная русская пословица, недолго жил, да славно умер.

А лес уже гремел от выстрелов. Партизаны с ходу атаковали и разгромили карателей.

Финал «Весеннего патрулирования»

25 марта в Лоховне была объявлена тревога. Разведчики сообщили, что от деревни Ломы в сторону нашего лагеря движется противник численностью до роты. На случай, если гитлеровцы вознамерились бы атаковать нас в лесной зоне, наши отряды заняли оборонительные рубежи на опушке леса и изготовились к бою.

Но гитлеровцы, дойдя до сожженной деревни Козырево, остановились, поставили палатки и стали рыть окопы. От деревни до нашего лагеря было всего два километра,

и столь близкое соседство с карателями ничего хорошего нам не сулило. К тому же фашисты заняли позицию на высоте, откуда открывался обзор окружающей местности.

Посоветовавшись с командирами отрядов, Владимир Иванович Марго принял решение атаковать врага. Два взвода отряда Леонова и один взвод отряда Степанова при огневой поддержке других наших подразделений начали атаку противника с трех сторон. Стремительный удар увенчался успехом. Гитлеровцы покинули позицию. На поле боя они оставили двадцать убитых солдат и своего умирающего командира. Нашими трофеями стали два миномета, два пулемета, рация, автоматы, мины, патроны.

И опять нам повезло. В полевой сумке убитого оберлейтенанта были обнаружены документы, из которых явствовало, что разгрому подверглась рота 343-го охранного батальона. Гитлеровское командование отправило этот батальон в карательную экспедицию под кодовым наименованием «Весеннее патрулирование». Как говорилось в соответствующем приказе, батальон должен был в течение трех-четырех дней очистить район севернее озера Заситино от партизан, а лагерь наш разрушить. На топографической карте Себежского района были довольно точно обозначены пункты расположения партизанских сил, маршруты и направления ударов карательной экспедиции. Комбриг В. И. Марго и комиссар А. С. Кулеш внимательно ознакомились с замыслами врагов и разработали план наших боевых действий на случай, если экспедиция будет продолжена. Но гитлеровцы проводить ее не стали.

В первых числах апреля активизировалась наша авиация. Советские авиаторы бомбили вражеские гарнизоны в Красногородске, Опочке, Идрице и Себеже. Взбешенные фашисты начали сжигать деревню за деревней, люто расправляясь с населением. Видимо, командование фашистских частей, расположенных под Пустошкой и Идрицей, понимало — оккупации озерного края приходит конец, и стремилось превратить его в выжженную, безлюдную землю.

5 апреля началась новая карательная экспедиция, названная гитлеровцами «Пасхальная». Ее силы были обрушены на партизан, находившихся в лесах южной части Идрицкого и Себежского районов. Спустя 10 дней каратели ударили и по партизанским отрядам и бригадам, действовавшим на территории между Себежем и Опочкой. В наиболее трудном положении оказались бригады Федо-

ра Тимофеевича Бойдина и наша. Дислоцировались мы тогда примерно в 25 километрах севернее Себежа.

В полдень 16 апреля над Лоховней появились семь немецких бомбардировщиков и стали бомбить лес. За этим налетом последовало еще несколько. Комбриг приказал погасить горевшие в лагере костры и прекратить топку печей в землянках, чтобы дым не мог выдать наше местоположение. Но жертвы все-таки были. Часть бомб попала в лагерь, где от оккупантов укрывались местные жители.

В 15 часов в штаб бригады стали прибывать с разных направлений наши разведчики. Из их сообщений мне стало ясно: к Лоховне движутся крупные силы пехоты с артиллерией, передовые части врага находятся от нас в 10—15 километрах. Я поспешил к комбригу. Доложив обстановку, сказал, что, по моему мнению, фашисты все свои расчеты строят, исходя из того, что партизаны не смогут форсировать по-весеннему широко разлившиеся реки и озера.

— Возможно, и так, — спокойно заметил Марго и приказал объявить боевую тревогу.

Не прошло и часа, как лагерь опустел. Командиры отрядов получили приказ: двигаться в северном направлении, но из леса до наступления темноты не выходить. Все, что можно было оставить, мы оставили и закопали в землю. Землянки перед уходом заминировали.

Схватка на реке Веть

Начался до крайности тяжелый марш. Особенно трудно было передвигаться хозяйственной части, в обозе которой находилось 15 человек больных тифом. Лошади еле тянули повозки по раскисшей земле. Часто на помощь им приходили люди. Доносившиеся до нас звуки артиллерийских выстрелов и разрывов давали знать, что враг продвигается к покинутому нами лагерю.

Когда стемнело, мы вышли на открытую местность. Отдохнули немного и снова в путь. Неподалеку от деревни Стаклина Гора комбриг отправил вперед разведчиков со специальным заданием: найти место переправы через реку Веть. Пока разведчики выполняли приказ, колонна находилась на привале. Обстановка напряженная, нервная. Вокруг во всех направлениях то и дело вспыхивают в небе

разноцветные ракеты. Значит, партизаны в полном окружении, из которого как-то надо выходить. По колонне отдано приказание: громко не разговаривать, курить — только в рукав.

Разведчики вернулись через два часа и доложили: мосты через Веть снесены половодьем, переправляться можно только вброд, место для этого найдено около деревни Мишин Остров. Здесь за рекой сразу же начинается кустарник, примыкающий к большому лесному массиву. Комбриг созвал на совет командиров и комиссаров отрядов. Мнение было единодушным: форсировать вброд реку, со всей решительностью прорвать кольцо окружения и уходить в опочечские леса.

Колонна свыше тысячи человек опять пришла в движение. Вместе с нашей бригадой двигались отдельные группы партизан из других бригад. А в Стаклиной Горе к нам пришел с одним из отрядов комбриг Дмитрий Александрович Халтурин. Партизаны шаг за шагом преодолевали нелегкий путь, а вокруг, в окрестных деревнях и на высотах, находились каратели. Они напоминали о себе прямо-таки пасхальной иллюминацией: то стреляли трассирующими пулями, то пускали в небо ракеты.

Но вот впереди мелькнула полоса воды. Веть. Что-то сулит переправа? Об этом думают все — от комбрига до юного партизана.

Первыми переправились через реку наши конные разведчики Дмитрий Трофимов, Георгий Федоров, Иван Елисеев, Сергей Черевков, Владимир Захаров, Иван Дмитриев, Николай Бурносков, Петр Яковлев, Александр Лопатин, Павел Жилко, Виктор Макиннов, Николай Шилов, Семен Федоренко, Николай Иванов, Евгений Марго, Семен Дмитриев, Федор Гуляев и другие, чьи имена сейчас не припомню. Вместе с ними комбриг Владимир Иванович Марго, радисты и комиссар 4-й бригады Владимир Николаевич Вакарин.

Вслед за ними к броду направился самый крупный отряд имени Никонова под командованием Ивана Сергеевича Леонова. За ним — отряд из бригады Халтурина, после него — остальные подразделения нашей бригады. В середине колонны двигался обоз.

Апрельская купель — ледовая, но все было бы сносно, да противник подготовил нам «горячую встречу». На противоположном берегу наши разведчики обнаружили вра-

жескую засаду. Завязался бой. Комбриг приказал открыть интенсивный огонь по вспышкам выстрелов из засады. Но тут над бродом вспыхнуло несколько ракет. Стало светло, как днем, и фашисты открыли по нас прицельный огонь. В ледяной речной поток стали падать люди — убитыми и ранеными. Среди переправлявшихся наступило замешательство. Кое-кто уже начал шарахаться в разные стороны. Еще минута-другая, и может произойти непоправимое — паника, а с ней и поражение. В этот критический момент над переправой, перекрывая грохот стрельбы и крики раненых, раздался возглас, громкий и властный: — Товарищи, вперед, только вперед!

Слова подхватили сотни людей. «Ура-а-а!» — неслось по широко разлившейся реке. Теперь все бежали только вперед.

На противоположный берег вступали все новые и новые группы партизан и сразу же открывали огонь по гитлеровцам. Стреляли все, даже больные и раненые. Удар по врагу становился все более сокрушительным, и карателям вскоре пришлось туго. Оставив на берегу своих убитых, они ретировались в деревню Мишин Остров, где находились их главные силы.

Переправа тем временем продолжалась. Перебравшись на другой берег, партизаны спешили уйти в лес: он всегда был нашим союзником, хранителем и спасителем. В мокрой одежде идти было тяжело. Озноб пробирал, как при малярии. И только в густом сосняке я разделся и отжал из своей амуниции воду ледяной Вети.

На рассвете, встречая на лесных полянах и просеках товарищей по оружию, бойцы стали разбираться по подразделениям. На одной из полян я увидел Владимира Ивановича Марго, подошел к нему и доложил, что переправился благополучно и что все секретные штабные документы находятся в полной сохранности в моей полевой сумке. Комбриг был очень рад, увидев меня невредимым. Он обнял меня, и мы по-мужски расцеловались.

Документы, о которых шла речь, я старался беречь пуще глаза. Это были списки партизан, сведения о вооружении бригады, радиogramмы штаба партизанского движения, копии донесений о наших боевых действиях и т. п.

Мокрые после ледяной купели, изнемогающие от усталости, голодные, мы стали пробираться к островам на

большом топком болоте, чтобы устроить временный лагерь. Шли по колено в воде. Хотя все были сильно простужены, комбриг не разрешил зажечь в лагере костры. Над лесом беспрерывно летали немецкие самолеты, и по дыму они могли заметить наше местонахождение. Приходившие на остров бойцы выжимали одежду, надевали ее мокрой, ложились на еловые ветки вплотную друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Некоторые партизаны помоложе бегали по острову. С их одежды валил пар, точно с загнанных лошадей.

Страшно хотелось есть. Все проверяли свои вещевые мешки и выворачивали оттуда хлебные крошки. В первую очередь кормили больных и раненых.

Нужно было срочно решать вопрос о снабжении людей продовольствием. Комбриг собрал партизан, семьи которых жили сравнительно недалеко от приютившего нас острова, и приказал им с наступлением ночи пойти в свои деревни к родным и знакомым людям — во что бы то ни стало добыть немного продуктов.

Ночью самолеты прекратили летать. Было разрешено зажечь небольшие костры. Хорошо помню, с каким большим аппетитом пили мы кипяток, заваренный ветками малины. Сразу стало теплее, и жизнь пошла веселее.

Ночью на острова продолжали приходиться партизаны, не сумевшие переправиться через Веть вместе с нами. Из их рассказов стало известно, что каратели после нашего прорыва появились вновь на берегу реки. Они собирали трофеи, добивали больных и раненых партизан, но никто из гитлеровцев не решился лезть в воду, и это спасло наших товарищей, укрывшихся на болотных кочках.

Раненый в левую ногу Владимир Лукин спрятался в стоге сена, вокруг которого не раз ходили фашисты. Он так хорошо замаскировался, что враги его не обнаружили. Через три дня Лукин услышал русскую речь. Местные жители помогли ему добраться до бригады.

Через сутки после переправы пришел на остров наш комиссар Андрей Семенович Кулеш. Он находился в хвосте колонны, ожидая, пока все переправятся, но сам не успел перейти реку. Пришлось целый день отсиживаться на кочках в болоте. Вместе с ним укрывались начальник штаба бригады Алексей Алексеевич Кирпиков и партизанка Шура Григорьева.

Такое не забывается

Четверо суток продолжалось наше «болотное сидение». На пятые комбриг, собрав командиров, с обычной усмешкой сказал:

— Пообсохли, отоспались. Пора и в престольный град Лоховню возвращаться.

— Так точно. Пора, — за всех ответил Кирпиков. — Разведчики проверили: подразделения врага ушли в Себеж и Опочку.

И вот мы опять на берегах реки Веть. Страшная картина открылась перед нашими глазами: на телегах лежали исколотые штыками и ножами наши товарищи, болевшие тифом. Во время ночной схватки нам не удалось переправить полностью обоз. Погибли и бойцы, сопровождавшие его.

В последние годы мне довелось читать о том, что фальсификаторы истории за рубежом всячески оправдывают солдат вермахта, пишут и говорят: дескать, если и творились иногда зверства на оккупированной территории, то это было дело рук эсэсовцев. Неправда! Расстреливали, вешали, подвергали пыткам советских людей и те и другие.

На реке Веть против нас действовали полевые части. наших товарищей, больных и раненых, добились солдаты регулярных войск. И это они, отходя в Себеж и Опочку, расстреляли и сожгли 260 жителей деревень, в том числе 50 детей. Разве представляли какую-либо опасность для вермахта пятилетний Коля Тимофеев или трехлетний Коля Кириллов? И погибли малыши не от случайной пули, а были расстреляны вместе с родителями. Нет! Такое не прощается! И никогда не забудется!

По дороге в Лоховню, невдалеке от деревни Гришманы, мы похоронили погибших товарищей. Поредели наши ряды. В лагерь бригада вернулась без храброго разведчика Евгения Целицо, без Федора Дмитриевича Сергеева, возглавившего группу прорыва во время переправы через реку Веть, без Ольги Ивановны Корсаковой, сопровождавшей больных партизан, без Маши Левашовой, Никиты Прокофьевича Прокофьева, Алексея Трифоновича Сергеевко, Ивана Яковлевича Сафронова...

Лагерь наш был неузнаваем. Землянки все взорваны. На месте складов зияли воронки. От бомб и снарядов по-

страдали и деревья. Несколько сотен лежали вывороченными с корнями.

— Ну что ж, будем обживаться заново,— сказал начальник штаба.

— Заново нет,— отрезал комбриг и предложил: — Прислушайтесь.

Все замолчали. Вдали громыхнуло. Кто-то из молодых партизан продекламировал:

— «Люблю грозу в начале мая...»

— Гроза на безоблачном небе,— усмехнулся комбриг.

То были раскаты артиллерийской канонады. Наступала родная армия.

МЫ ЕДЕМ В ЛОХОВНЮ

Лоховня... Не ищите, дорогой читатель, это название на карте или в туристических справочниках. Нет такого города, деревни, реки. Но произнесите слово «Лоховня» в кругу бывших калининских партизан, и большинство из них улыбнется. И обязательно кто-нибудь начнет рассказывать. Лоховня — «столица» народных мстителей, воевавших в самых западных районах Калининской области в годы минувшей войны.

...Гряды холмов, будто две гигантские руки, обхватили подернутое легким туманом болото. По центру и до окраины его стоит затянутый синевой огромный дремучий бор. Испокон веков это место зовут в народе урочище Лоховня. И все же мы будем не правдивы, если не вспомним один факт: в нескольких немецких документах Лоховня фигурирует как город. Да, да, так и написано: «Отряды партизан обосновались в лесном городе Лоховня».

И вот мы едем в Лоховню. Мы — это... Директор передового совхоза «Поддубье» Алексей Кузнецов, в те далекие годы — храбрый мальчишка, собиравший патроны и оружие для партизан. Государственный инспектор по качеству сельскохозяйственных продуктов по Пустошкинскому району Псковской области Михаил Петров — смелый разведчик 5-й Калининской партизанской бригады. И я — директор совхоза и в прошлом юный партизан.

О старшем нашем спутнике — Владимире Ивановиче Марго особое слово. Правда, выглядит он весьма мирно и нет у него известной всем партизанам клинообразной бороды, но для нас он все тот же легендарный Марго, наш любимый комбриг... В серой солдатской шинели, туго перепоясанный ремнем, на груди бинокль и автомат. Суровые

брови, внимательные глаза. Всегда спокойный, а в самую критическую минуту боя железная команда: «За мной!» Такое не исчезает из памяти.

Дорога Пустошка — Себеж. Шестьдесят километров живописных перелесков, одетых в багрец начинающейся осени. Здесь тогда, как наросты на здоровом теле, вдоль дороги были натканы гарнизоны гитлеровцев и полицаев. Ближе к Себежу оживленный дорожный разговор стихает. И вот вполголоса «команда» Марго:

— Остановимся.

Густой кустарник. Ничего примечательного. Но мы-то знаем... Невдалеке справа гудят рельсы. Зуевский переезд. Протоптаные сотнями ног тропки партизан через шоссе к «железке». Враг знал об этом традиционном маршруте партизан. А мы все же ходили по нему. Низкий поклон тебе, наша партизанская дорога.

Еще девять километров — и мы в Себеже. Здесь к нам присоединяется Владимир Николаевич Вакарин. Ветеран-армеец, ветеран-партизан. Политрук артиллерийской батареи, он прошел через горнило многодневного, кровопролитного Смоленского сражения. Был ранен. Дважды выходил из окружения. А осенью 1942-го стал комиссаром формируемой 4-й Калининской партизанской бригады. Хорошо била гитлеровцев бригада. И ее бойцы, и жители многих себежских деревень знали, уважали, любили мужественного партизанского комиссара Вакарина.

И опять мы в пути. Поля. До войны они принадлежали колхозу «Броневик». Возглавлял его коммунист Никита Никифорович Никифоров. Марго и Вакарин «листают странички его биографии»: воевал в 1918 году против солдат германского кайзера, сражался против белогвардейской нечисти в годы гражданской войны, а в 1941-м стал связным первых очагов подполья, укрывал секретаря Себежского подпольного райкома партии Федосия Алексеевича Кривоносова. Схваченный агентами тайной полевой полиции, подвергнутый пыткам в застенках гестапо, Никита Никифорович не проронил ни слова и мужественно встретил свой последний час. Вечная и благодарная память тебе, наш старший товарищ!

...Лоховня. Машины врезаются в сосновый тоннель. Ищем, одолеваемые лосиными клещами, свои полуразрушенные временем землянки. Владимир Иванович вздыхает:

— Далеко очень.

Вакарин посмеивается:

— Когда ножками топали, было близко.

Нам путь преграждает огромный ров, заполненный водой.

— Осушаем болота. Добрались и до Лоховни, — объяснил Вакарин и, обернувшись к Петрову, неожиданно предложил: — Начинай, Михаил Васильевич.

— Что начинать?

— Как что? Наступил час воспоминаний. Каждый пусть вспомнит один из эпизодов нашей партизанской жизни, что запомнилось накрепко.

Задумался мой друг. Далеко-далеко в прошлое понеслись быстрокрылые мысли...

— Здесь это было, — начал он, — в Лоховне. В декабре 1942 года. За столом, сооруженным из тесаных молодых сосен и покрытым куском красного кумача, заседали партбюро. Члены партбюро, обросшие бородами, обвешанные автоматами и гранатами, имели самый устрашающий вид... Меня принимали в партию. Рекомендацию мне дали Павел Силантьевич Васильев, член Себежского подпольного райкома партии, Иван Малиновский, первый секретарь Себежского подпольного райкома ВЛКСМ, и командир отряда Василий Николаевич Никонов. Павел Силантьевич написал свою рекомендацию на обороте немецкой листовки.

«Ты что, другой бумаги не мог найти?» — спросил его недовольно Борис Васильевич Васильев, секретарь парторганизации 2-го отряда.

«Не на бересте же писать. На нет и суда нет».

Строгий Борис Васильевич после этого обратился ко мне.

«Биографию твою слушать не будем. Знаем тебя, когда ты еще без штанов бегал. Расскажи-ка лучше, чем ответил на рекомендацию коммунистов, которые за тебя поручаются перед партией».

Я встал и доложил:

«На днях по заданию командира отряда участвовал в засаде на участке Заверняйка — Опочка. Нужно было взять «языка». В нашей группе были Иван Иванов, Коля Шумилов, Иван Чернов и другие ребята. Мы заминировали шоссе миной с натяжным взрывателем. Показалось двенадцать машин, а нас всего было десять человек. Поэтому в бой вступать мы не стали, пропустили передние

автомобили и взорвали мину перед последней машиной. Сзади шел мотоцикл с коляской. Были уничтожены два гитлеровца, а третий — фельдъегерь — выскочил из коляски и побежал. Мы-то догнали его, но малость не рассчитали — излишне сильно стукнули прикладом, и он...»

«Отдал богу душу?» — строго спросил секретарь.

«Ага», — тихо промолвил я.

«Не очень разговорчивым оказался ваш «язык»».

«Зато хорошим рассказчиком стала сумка фельдъегеря, доставленная мне Петровым, — вмешался в разговор Василий Николаевич Никонов и предложил секретарю: — Голосуй. Все ясно».

Приняли меня единогласно, — окончил свой рассказ Михаил Васильевич. — Не знаю, что было ясно членам партбюро, а мне одно: с сей минуты никогда, ни при каких обстоятельствах не уронию высокое имя — коммунист...

— Янкевич, твоя очередь, — сказал «председательствующий» Вакарин.

Как и Михаил Петров, я мог бы многое вспомнить из боевых дел, но... Ведь мы были молоды. И крепко дружили. И любили. Была у нашего друга Жени Целицо любимая девушка Нина. Мы все ее за глаза березкой звали. А землянку в Лоховне, где весной 1944-го ютилась она, то кельей царя Берендея, то теремом царицы Несмеяны называли.

Имея малолетнего брата на руках (их мать погибла в одной из карательных экспедиций) и престарелого дедушку, Нина не могла уйти в партизанский отряд. Но всегда всем, чем могли, они помогали нам. В их землянке обессилевшего партизана ждала кружка горячего чая, примочка на рану из настоя диких трав или мазь из сока столетника и каких-то корней, известных только одному деду Нины.

Землянка Нины и впрямь напоминала царство Берендея. Она была сделана из искусно подобранных молодых берез, расщепленных надвое. Стены, потолок, пол, вход, небольшие возвышения для постели облицованы березовыми расколотыми плашками. Букеты лесных и полевых цветов в снаряжных гильзах. Это была неожиданная и мало кем виданная красота в тех страшных условиях. И не случайно сама Нина, стройная, как березка, с длинными черными ресницами и такими же бровями, наречена была царицей Несмеяной.

Мы никогда не забудем, как они с Женей Целицо пели в два голоса «Гренаду», «Синий платочек». А затем Женя пел песню о высоком тереме, куда к своей отраде нет ходу никому, кроме доброго молодца.

Трагические дни, когда земля горела и все гибло окрест, — последняя карательная экспедиция («Пасхальная») гитлеровцев. Отбились. И вот мы, товарищи Жени Целицо, идем на боевое задание и несем весть о его гибели... Бледная в предчувствии страшной беды Нина встречает нас. Она ни о чем не спросила, только глаза ее затянулись горькой слезой. И сказала:

— Доброго пути вам, ребята!

Печальным был и рассказ Вакарина. Не мог Владимир Николаевич не вспомнить о героинях бригады... Мария Пынто. До войны боевой избач, чье имя гремело на всю округу. В трудные дни осени 1941 года — организатор комсомольского подполья. Затем разведчица в стане врага, секретарь подпольного райкома комсомола. Металась в тифозном бреду Мария, когда враги ворвались в ее землянку. Привели в чувство. Допрашивали. Мучили изуверски: отрезали грудь, уши... Натунич. Учительница. Тоже Мария, тоже разведчица. И такая же мужественная смерть.

Нет. Как не правы те, кто считает, что зарубцевались раны войны. Долго они будут еще кровоточить у нашего народа.

Мы долго молчим. Затем Марго неторопливо переводит разговор в другое русло.

— Был у нас — говорит он, — в конце партизанской войны и такой случай. В середине июля 1944-го отряды нашей бригады оседлали дороги Идрица — Мозули, Идрица — Себеж и Себеж — Опочка, преграждая отступление фашистам. Штаб бригады, забрав документы и рацию, выходил на условленный пункт соединения с войсками нашей армии. Я со своим ординарцем Борисом Анохиным шел впереди. И вот буквально в двухстах метрах у подножия Ермологорского холма мы неожиданно лицом к лицу столкнулись с группой вооруженных гитлеровцев. Мгновение — и Борис Анохин залег рядом со мною, расставив ножки ручного пулемета. Я взвел затвор автомата. Но огонь мы не открыли. Что-то странное в поведении немецких солдат удержало нас. Они не изготовились к бою, продолжали потихоньку идти. И тут мы заметили, что на штыке винтовки переднего солдата белел какой-то листок.

«Руки вверх! — закричали мы. — Бросай оружие!»

Команда была беспрекословно выполнена. Не бросил винтовку только солдат, на штыке которого белел листок. Я приблизился к гитлеровцам, держа автомат наизготовку, а Борис остался лежать за пулеметом. Солдат протянул мне винтовку с листком. Снял я лоскут бумаги со штыка и прочел такие слова, написанные наспех:

«Настоящая группа немцев, взятая мною в плен, направлена в деревню Сляново в штаб 4-й Калининской партизанской бригады. Лично сопровождать пленных я не могу, так как отправляюсь выполнять данное мне срочное боевое задание. Всех партизан и воинов Красной Армии прошу считать их моими трофеями и вторично в плен не брать. В порядке доказательства — все затворы их автоматов и пулеметов находятся у меня в вещмешке. Владимир Иванов, разведчик 4-го отряда 4-й Калининской партизанской бригады».

Прочитав этот любопытный документ, — продолжал Марго, — мы с Борисом Анохиным от души расхохотались. Наверное, так мы не смеялись за все дни войны. Разъяснив с грехом пополам солдатам, как им попасть к месту назначения, несмотря на просьбы взять их в плен еще раз, мы отправились по своему маршруту. Пленные, бодрее заговорив между собой, поплелись в Сляново.

Пока мы разговаривали, подкрались сумерки.

— По коням! — скомандовал Марго.

До свидания, Лоховня — наш партизанский дом, добрый русский бор!

Мы возвращаемся другой дорогой. На окраине деревни Ермолова Гора нас на мотоцикле догоняет Дмитрий Степанович Горский. Кричит:

— Товарищ комбриг!

Машины остановились. Встреча спустя 31 год. В крепком объятии сплелись два человека.

Дмитрий Горский с первого часа оккупации начал единоборство с гитлеровцами. Укрывал раненых красноармейцев. Стал связником Конопаткина и Володина — командиров первых групп боевиков. В нашей бригаде Дмитрий Степанович был командиром отделения. Искуснейший пулеметчик, отчаянный человек — так отзывался о нем комиссар бригады Андрей Семенович Кулеш. В оценках людей наш комиссар не ошибался. Осень 1944 года была на себежской земле мирной, но голодной. Гор-

ский — председатель колхоза. Пусто в закромах, пусто и в колхозной кассе. Люди в поле, а председатель-партизан — в лес на охоту. Каждый убитый волк — 500 рублей. Ружьем добыл Горский первые четыре с половиной тысячи рублей... Колхоз окреп уже к началу пятидесятых годов.

Последняя остановка — село Томсино. Непокоренное селение в годы оккупации. Бельмо на глазу большого себежского гарнизона гитлеровцев. В Томсине встречал нас мой друг Николай Шумилов, председатель исполкома Томсинского сельсовета. И конечно, трудно в представительном Николае Егоровиче узнать вихрастого бесстрашного пулеметчика с кличкой Коля Шумеленок.

И снова разговоры. Теперь за столом. Беседа касалась событий и дел сегодняшних дней. И опять ускользала в наше боевое прошлое. Я слушал своих друзей и думал, как чертовски был прав писатель Павленко, сказав однажды:

«Жизнь — это не то, что прошло, а то, что запомнилось».

Краткие сведения об авторах

Петр Алексеевич Иванов — один из организаторов партизанской борьбы на временно захваченной фашистами территории Великолуцкого района Калининской (ныне Псковская) области. Был комиссаром партизанского отряда. За мужество и отвагу в боях награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. В послевоенные годы находился на партийной работе. В настоящее время — персональный пенсионер. Живет в городе Калинин.

Александр Демьянович Титов — уроженец деревни Авсюково Россонского района Витебской области. В 1940 году окончил среднюю школу, стал работать старшим пионервожатым.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны Титов возглавил подпольную группу, с лета 1942 года он — комсорг отряда белорусских партизан.

В послевоенные годы Александр Демьянович работал в прессе. В настоящее время — старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП Белоруссии.

Василий Александрович Исаков — уроженец деревни Борисково Бологовского района Калининской области. До войны работал секретарем Торопецкого райкома партии. С августа 1941 до конца февраля 1942 года был комиссаром Торопецкого партизанского отряда и секретарем подпольного райкома партии. После освобождения района — первый секретарь райкома КПСС.

С 1946 по 1957 год заведующий орготделом Великолуцкого обкома КПСС.

В настоящее время — персональный пенсионер.

Алексей Степанович Пьянов — журналист. Работал в молодежной газете «Смена», в обкоме КПСС. Ныне ответственный секретарь журнала «Юность». С 1976 года живет в Москве.

Иван Семенович Борисов до войны работал секретарем Ленинского (ныне Андреапольский) райкома партии. В первые дни фашистского нашествия возглавил партизанскую борьбу в тылу врага — был комиссаром отряда и секретарем подпольного райкома партии. После освобождения района работал секретарем Калининского областного комитета партии.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени и медалями. В настоящее время — председатель совета бывших партизан, персональный пенсионер. Живет в Калининне.

Николай Виссарионович Масолов родился в городе Пустошке Псковской области. Учитель. Преподавал историю в школах Пустошки, Поречья, Токсова. С 1939 по 1959 год — военный моряк. Участник боев под Ленинградом, в Прибалтике, в Германии.

В послевоенные годы — корреспондент газет «Красная звезда», «Флаг Родины», «На страже Родины». С 1960 года занимается литературной деятельностью. Автор книг: «Дновская быль», «Баллада о красном десанте», «Кремень высекает огонь», «Необычный рейд»; составитель сборников «Горят костры партизанские», «Розы на снегу», «Не сломленные бурей» и др. Живет в Ленинграде.

Василий Михайлович Кудрявцев до Великой Отечественной войны работал в Ржевском районе Калининской области, был членом бюро РК ВКП(б). По заданию райкома партии остался на оккупированной фашистами территории для организации партизанского движения.

140 дней пробыл Кудрявцев в тылу врага. Был бойцом четвертого Ржевского отряда партизан. Участвовал во многих боях. После освобождения Ржевского района Василий Михайлович трудился на восстановлении разрушенного врагом хозяйства, затем был на партийной и советской работе.

В 1978 году В. М. Кудрявцев скончался.

Дмитрий Александрович Кленов долгое время работал в органах государственной безопасности, изучал материалы о боевых подвигах советских патриотов, оказавшихся на временно захваченной гитлеровцами территории Калининской области. В настоящее время находится на пенсии. Живет в Калининне.

Юрий Александрович Ястребов — журналист, около пятнадцати лет работал в молодежной газете «Смена» и на областном радио. В настоящее время заведует сектором печати, телевидения и радиовещания отдела пропаганды и агитации Калининского обкома КПСС.

Павел Акимович Кумриди — член КПСС с 1929 года, уроженец города Краснодара. Накануне войны работал в Москве, в одном из управлений Наркомата кинематографии СССР. На фронт ушел в первые недели войны в составе Коммунистического полка.

Находился в тылу врага с конца июля 1941 года. Один из организаторов красноармейского партизанского отряда. С ноября 1941 года — комиссар штаба 2-й особой бригады штаба Северо-Западного фронта. Затем инструктор политотдела 3-й Ленинградской партизанской бригады.

С 1943 по 1959 год Павел Акимович служил в Советской Армии. Сейчас — на пенсии, живет в Москве.

Борис Степанович Лапченко является собственным корреспондентом областной газеты «Калининская правда». Живет и трудится в городе Торопце Калининской области.

Зинаида Васильевна Федулова перед войной работала старшим поваром на станции Новосокольники. В первые дни фашистского нашествия — член подпольной организации. С апреля 1942 года — в партизанском отряде, затем боец и медсестра во 2-й Калининской партизанской бригаде.

В настоящее время — старший продавец магазина Великолукского горпромторга.

Георгий Валерианович Орлов — бывший работник областной молодежной газеты «Смена», редактор объединенной газеты «Ржевская правда», корреспондент областной газеты «Калининская правда». Ныне — сотрудник редакции областного радио. Живет в Калининне.

Владимир Иванович Попов — один из тех, кто, оказавшись в первые месяцы войны в окружении, без колебаний вступил в борьбу с ненавистным врагом. С октября 1941 года до освобождения западных районов Калининской области командовал партизанским отрядом имени Александра Невского в составе бригады имени Чкалова. За боевые подвиги награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями.

В послевоенные годы живет и трудится в Краснодаре.

Михаил Игнатьевич Иванов до 1929 года трудился в крестьянском хозяйстве. Позднее работал счетоводом, председателем колхоза, председателем Аполинского сельсовета Бежаницкого района Калининской области.

В годы войны, оставшись по заданию райкома партии на оккупированной территории, возглавлял группу подпольщиков, уча-

ствовал в боях с гитлеровцами в составе бригады имени Лизы Чайкиной.

С 1950 года живет в Ленинграде, длительное время работал бригадиром на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина. В настоящее время — пенсионер.

Валентина Васильевна Романова восемнадцатилетней девушкой вступила в борьбу с оккупантами. Выполняла опасные обязанности связной, затем разведчицы 2-й Калининской партизанской бригады. Награждена медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За отвагу».

В настоящее время работает преподавателем Калининского суворовского военного училища.

Владимир Иванович Марго — уроженец Великолукского района Псковской области. До июля 1941 года работал учителем, инспектором, заведующим отделом народного образования исполкома Себежского районного Совета Калининской области.

В первый год войны дважды переправлялся через линию фронта в тыл врага: первый раз бойцом партгруппы, второй — во главе партизанского отряда. Осенью 1942 года отряд вырос в бригаду. Владимир Иванович стал ее командиром.

В послевоенные годы В. И. Марго — на ответственной советской работе. Много лет был ректором Великолукского педагогического института. Затем — директор филиала Ленинградского института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. Умер осенью 1977 года. Автор книги «Пылающий лес».

Яков Васильевич Васильев родился и вырос в Калининской области. После демобилизации из армии работал пропагандистом РК ВКП(б), директором школы колхозной молодежи. В 1939 году его избрали секретарем Есеновичского райкома партии.

С лета 1942 года Васильев в тылу врага. Он — комиссар партизанского отряда и секретарь Пустошкинского подпольного райкома ВКП(б).

В послевоенные годы Яков Васильевич находился на ответственной партийной работе. Сейчас — на пенсии. Живет в городе Великие Луки.

Владимир Степанович Карговский — до войны преподаватель Максатихинского ремесленного училища. Вместе с учащимися и комсомольцами из города Калинина добровольно пошел во вражеский тыл: вначале в качестве начальника штаба, затем командира небольшого партизанского отряда. Позднее стал комиссаром 21-й Калининской партизанской бригады. Находился за линией фронта

до ноября 1943 года. Награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями.

В послевоенные годы трудился на ответственной партийной и советской работе. Удостоен двух орденов Трудового Красного Знамени и медали «За трудовую доблесть». Ныне — пенсионер. Живет в Калининне.

Геннадий Михайлович Зайцев со школьной скамьи пошел в партизаны. Находился во вражеском тылу с декабря 1941 по январь 1944 года. Был подрывником, затем помощником командира 6-й Калининской партизанской бригады по комсомолу. Награжден медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» I степени, Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

После войны окончил институт, работал в системе лесного хозяйства. Ныне — начальник областного Управления лесного хозяйства. Удостоен орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», заслуженный лесовод РСФСР.

Нина Ивановна Салазко родилась в поселке Идрица Себежского района. В начале войны по направлению Калининского обкома комсомола училась в спецшколе. В мае 1942 года ушла в партизанский отряд. В 1943—1944 годах — инструктор Калининского обкома ВЛКСМ по работе среди молодежи в тылу врага. Член КПСС.

В настоящее время — начальник отдела кадров Великолукского завода электротехнического фарфора.

Иван Устинович Шейкин до войны работал учителем в одной из школ Невельского района Калининской области. Укрывшись во время вражеской оккупации в родной деревне Щепайлово, собирал разведывательные данные для партизан. С весны 1942 года — боец партизанского отряда «За Родину». Потом служил в Советской Армии. Прошел путь от Курской дуги до Праги. Член КПСС.

В послевоенные годы — офицер запаса. Находился на партийной и советской работе. Последнее время работал директором ПТУ. Живет в городе Выборге Ленинградской области.

Дмитрий Александрович Халтурин родился в деревне Покровск Марийской АССР. До призыва в армию был учителем.

В начале войны сержант-артиллерист, оказавшись в тылу врага, стал командиром группы, а позже — командиром бригады. После войны Д. А. Халтурин находился на партийной и советской работе. Ныне — зам. директора завода электротехнического фарфора в городе Великие Луки.

Михаил Григорьевич Чивилев родился в семье крестьянина на Тамбовщине. С 1939 по 1970 год — офицер железнодорожных войск Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны. Член КПСС.

Сейчас — полковник запаса.

Автор книги «Магистрالی бесстрашных», участвовал в создании книг «Ленинградский военный округ» и «Розы на снегу».

Федор Тимофеевич Бойдин родился в деревне Осиновый Рог Калининской (ныне Псковская) области. Накануне Великой Отечественной войны окончил Пензенское артиллерийское училище.

Первый бой принял летом 1941 года под Смоленском — командовал огневым взводом, батареей. После выхода из окружения остался на оккупированной территории, стал партизаном. В двадцать с небольшим лет лейтенант Бойдин — командир партизанской бригады.

В послевоенные годы долгое время возглавлял один из райкомов партии Калининской области. Избирался делегатом XXIII съезда КПСС.

Живет в Калининне, работает начальником управления исполкома Калининского областного Совета.

Виктор Ильич Смирнов — уроженец Калининской области, где много лет находился на ответственной комсомольской и партийной работе. Бывший секретарь Калининского обкома КПСС. Кандидат исторических наук. В настоящее время — ответственный работник ЦК КПСС.

Александр Владимирович Назаров родился в Донбассе в семье шахтера. Учился на рабфаке. Работал в шахте. Будучи студентом химико-технологического института, был направлен в органы госбезопасности. В первые месяцы войны Назаров выполняет специальные задания в тылу врага. С конца лета 1943 года — командир партизанской бригады имени Дениса Давыдова, действовавшей во временно захваченных фашистами западных районах Калининской области.

В настоящее время Александр Владимирович — начальник управления Комитета государственной безопасности по Ульяновской области.

Николай Михайлович Вараксов трудовую деятельность начал в депо города Великие Луки.

В первые дни войны — заведующий военным отделом Великолукского горкома партии. В боях за город командовал истребительным батальоном. С осени 1942 года в тылу врага. С января

1943 года — командир 10-й Калининской партизанской бригады.

После окончания военных действий Николай Михайлович находился на партийной и профсоюзной работе на Украине и в городе Выборге Ленинградской области. В настоящее время мастер вагонного депо, ударник коммунистического труда.

Александр Иванович Совитков перед войной работал председателем Первомайского сельпо Куньинского района. С начала фашистской оккупации района — командир группы, отряда, а с 1944 года до полного освобождения Калининской области от врага — командир 1-й партизанской бригады. Член КПСС.

Ныне — заместитель начальника отдела снабжения завода электротехнического фарфора (г. Великие Луки).

Степан Григорьевич Соколов родился в селе Отокове Калужской области. С ранних лет познал подневольный труд: был подпаском, мальчиком на побегушках в булочной купца. В 1918 году он становится членом РКСМ, добровольцем уходит в Красную Армию. В 1922—1925 годах Степан Соколов — член бюро Московского уездного комитета комсомола. В партии — с 1922 года. В конце 20-х годов работает на Николаевском судостроительном заводе, затем его избирают секретарем райкома партии, а после учебы направляют секретарем парткома одного из подмосковных заводов.

В первые дни Великой Отечественной войны Степан Григорьевич — комиссар артиллерийского полка, а с июня 1942 года — начальник оперативной группы по руководству партизанским движением 4-й ударной, а затем 3-й ударной армий. С осени 1943 года и до окончания партизанской борьбы возглавлял штаб партизанского движения Калининской области.

После войны полковник Соколов работал в органах МВД Белоруссии и Ленинграда. В звании комиссара милиции 3-го ранга ушел на пенсию.

Алексей Михайлович Румянцев, врач по профессии, в тылу врага возглавлял санитарную службу 2-й Калининской партизанской бригады. За участие в боях и лечебно-профилактическую работу в бригаде и среди населения временно оккупированных районов награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Работает врачом в поликлинике станции Калинин.

Павел Гаврилович Романов работал заведующим военным отделом Оршинского райкома партии, когда враг вероломно вторгся

на нашу землю. В 1942 году в составе 10-й Калининской партизанской бригады сражался с фашистами на территории Красногородского района, являясь одновременно комиссаром бригады и секретарем подпольного райкома партии. После освобождения района работал вторым секретарем этого райкома. По окончании учебы в партийной школе был избран секретарем Куньинского, затем первым секретарем Пореченского райкомов партии. С 1955 по 1961 год находился на ответственной работе в Калининском обкоме КПСС. Окончил заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС. Последние пятнадцать лет возглавлял Облкниготорг. Сейчас находится на пенсии. Живет в Калининске. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалью «За трудовую доблесть».

Олегу Смирнову, в дни когда началась Великая Отечественная война, шел шестнадцатый год. Жил он в Опочечском районе Калининской (ныне Псковская) области. Учился в школе.

В августе 1943 года стал партизаном. Воевал в составе 7-й Калининской партизанской бригады. Спустя год вступил в ряды Советской Армии.

После войны Смирнов учился. В настоящее время Олег Семенович Смирнов возглавляет конструкторское бюро.

Иван Константинович Никаненок до войны работал председателем колхоза имени Кирова Идрицкого района Калининской области. На второй день Великой Отечественной войны был призван в армию. Участвовал в боях в районе Даугавпилса, под Великими Луками. У Старой Руссы, выходя из окружения, попал в плен. Бежал.

Укрывшись в родной деревне, Никаненок помогал группе московских парашютистов. С октября 1942 года — командир отряда 2-й Калининской партизанской бригады. В 1944 году Иван Константинович был назначен командиром 16-й бригады.

В настоящее время коммунист И. К. Никаненок — пенсионер. Живет в поселке Идрица Псковской области.

Леонтий Харитонович Слободской по профессии учитель. До войны работал в одной из школ Калининской области.

В 1942 году стал партизаном. Участвовал в боях в составе 5-й Калининской партизанской бригады. Летом 1944 года возглавил штаб бригады. Член КПСС.

В послевоенные годы — учитель, директор одной из школ Себежского района Псковской области.

Юрий Станиславович Янкевич — уроженец города Опочки. Накануне войны — учащийся.

В феврале 1943 года вместе с отцом Станиславом Станиславовичем ушел в партизаны. В бригаде Марго был разведчиком, подрывником. С лета 1944 года — сержант Советской Армии, командир бронетранспортера, командир взвода.

После окончания войны Юрий Станиславович — комсомольский работник, председатель передового колхоза. Был делегатом XXII съезда КПСС.

В настоящее время Ю. С. Янкевич — директор совхоза «Маевский» Псковской области.

Содержание

<i>От составителей</i>		3
<i>П. А. Иванов</i>	Ловать в огне	5
<i>А. Д. Титов</i>	Солдаты «лесного генерала»	14
<i>В. А. Исаков</i>	За наше правое дело	21
<i>Алексей Пьянов</i>	«Верьте в победу!»	29
<i>Н. С. Борисов</i>	Сила непреоборимая	37
<i>Николай Масолов</i>	Себежские невидимки	49
<i>В. М. Кудрявцев</i>	На дорогах к Москве	59
<i>Дмитрий Кленов, Юрий Ястребов</i>	Город продолжает бой	65
<i>П. А. Кумриди</i>	Из Второй особой...	75
<i>Борис Лапченко</i>	Верные сердца	83
<i>З. В. Федулова</i>	Токоловские смельчаки	99
<i>Георгий Орлов</i>	Цель укажет ракета	106
<i>В. И. Попов</i>	В пламени, в пороховом дыму	114
<i>М. И. Иванов</i>	Сквозь годы грозовые	123
<i>В. В. Романова</i>	Мы — арбузовцы	135
<i>В. И. Марго</i>	Люди легенд	141
<i>Николай Масолов</i>	«Разведайте и донесите...»	151
<i>Я. В. Васильев</i>	Подпольный райком действует	168
<i>В. С. Карговский</i>	Штурм Нащекина	177
<i>Г. М. Зайцев</i>	О чем напомнил адрес	182
<i>Н. И. Салазко</i>	Собрание	187
<i>И. У. Шейкин</i>	В предпраздничную ночь	193
<i>Д. А. Халтурин</i>	Мало подорвать, надо уничтожить	199
<i>Михаил Чивилев</i>	Мимо окон идут поезда	205

<i>Ф. Т. Бойдин</i>	Сражение у Савкинского моста	213
<i>В. И. Смирнов</i>	Братский партизанский...	220
<i>А. В. Назаров</i>	Через горнило испытаний	232
<i>Н. М. Бараксов</i>	Твердые шаги	244
<i>А. И. Савитков</i>	Однажды летом	251
<i>С. Г. Соколов</i>	Операция «Рельсовая война»	255
<i>А. М. Румянцев</i>	Со скальпелем и автоматом	264
<i>П. Г. Романов</i>	Сильнее любого врага	270
<i>О. С. Смирнов</i>	Мы не забыли тебя, Женя!	277
<i>И. К. Никаненок</i>	Где-то под Идрицей	284
<i>Л. Х. Слободской</i>	Земля горит...	290
<i>Ю. С. Янкевич</i>	Мы едем в Лоховню	301
Краткие сведения об авторах		308

Память грозных лет / Сост.: Ф. И. Бурилов,
П 15 Н. В. Масолов.— М.: Московский рабочий, 1979.—
с. 320.

Много славных страниц в летопись героической борьбы советских людей в годы Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков вписали трудящиеся Калининской области, сражавшиеся за линией фронта. Книга посвящена героике тех незабываемых суровых лет. Ее авторы — партизанские вожаки, подпольщики, участники смертельной схватки с врагом, а также журналисты на основе новых документальных материалов воссоздают картину самоотверженной борьбы советских патриотов против врага.
Рассчитана на широкий круг читателей.

П 10604-93
М172(03)-79 33-78

9(С)277

ИБ № 1032

ПАМЯТЬ ГРОЗОВЫХ ЛЕТ

Сборник

Заведующий редакцией *К. Кувшинов*

Редактор *А. Ростков*

Художник *В. Иванов*

Художественный редактор *А. Беднарский*

Технический редактор *Г. Бессонова*

Корректоры *Т. Даукаева, А. Конькова*

Л 39020. Сдано в набор 18/V 1978 г. Подписано к печати 9/XI 1978 г.
Бумага № 1. Формат 84×108^{1/32}. Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 17,62
Тираж 50 000 экз. Цена 85 коп. Заказ 2848.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий».
Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

